

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 2 (2) 2000

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Шуньков М.В., Агаджанян А.К. Палеогеография палеолита Денисовой пещеры	2
Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит	20
Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом)	33
Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая	53
Ронен А., Мильштейн Ш., Ламдан М., Вогель Дж.К. Нахал-Реузел - стоянка докерамического неолита в Негеве (Израиль)	65

ИСКУССТВО

Шер Я.А. Первобытное искусство: факты, гипотезы, методы и теории	77
Дэвлет Е.Г. Антропоморфные наскальные изображения в рентгеновском стиле и мифологический сюжет об обретении шаманского дара	88

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Шорин А.Ф., Нохрина Т.И. Погребальный обряд энеолитического населения Урала	96
Наглер А. О жерновах в погребальных памятниках степей Евразии	107
Чой Мон Лён. Дольмены Кореи	112

ЭТНОГРАФИЯ

Соколова З.П. Культ медведя	121
------------------------------------	-----

АНТРОПОЛОГИЯ

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе)	131
--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

Рауф Магомедович Мунчаев	148
Наталия Львовна Членова	150

СООБЩЕНИЯ

Конференция "Особенности развития верхнего палеолита в Восточной Европе" (Санкт-Петербург, 1999)	152
НОВЫЕ КНИГИ	155
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 551.891(235.222)+903.32

М.В. Шуньков¹, А.К. Агаджанян²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: shunkov@paleo.archaeology.nsc.ru

²Палеонтологический институт РАН,
ул. Профсоюзная, 123, Москва, В-868, 117868, Россия,

E-mail: aagadj@paleo.ru

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ ПАЛЕОЛИТА ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

Введение

История формирования и развития плейстоценовых ландшафтов как среды обитания первобытного человека является одним из наиболее актуальных тематических направлений современных исследований палеолита. В общем контексте изучения взаимоотношений природы и общества на различных этапах древнейшей истории и выяснения механизмов культурной адаптации под воздействием природных факторов плейстоцена первостепенное значение имеют реконструкции условий обитания палеолитического человека в конкретных районах первобытной ойкумены. Необходимая для подобных палеогеографических реконструкций совокупность естественнонаучных данных получена в последние годы для территории Горного Алтая, расположенной на границе Северной и Центральной Азии.

Основным источником информации о развитии природно-климатических событий плейстоцена в горах Алтая являются многослойные геoarхеологические объекты эпохи палеолита - Денисова пещера, Кара-Бом, Усть-Каракол-1 и др. На этих объектах изучены многометровые толщи плейстоценовых отложений, включавшие четко стратифицированные колонки хронологически последовательных палеолитических комплексов. Разнообразие и полнота археологических, литологических и палеонтологических материалов, входящих в состав этих комплексов, позволяют успешно разрабатывать вопросы хронологии и динамики культурно-исторических процессов, моделировать природную обстановку и условия жизни древнейшего населения региона [Археология..., 1998].

Наибольший научный интерес среди многослойных палеолитических объектов Алтая представляет Денисова пещера, расположенная на северо-западе территории, в долине верхнего течения р. Ануй (рис. 1). Пещера находится в нижнем ярусе гор на абсолютной высоте 670 м и на отметке 28 м от современного уровня реки (рис. 2), относится к горизонтальному типу и состоит из просторного центрального зала и трех расходящихся от него узких галерей. Ее географические координаты: 51°23'48" северной широты и 84°40'35" восточной долготы (рис. 3).

В результате многолетних (1984 - 1998 гг.) комплексных исследований в глубине центрального зала пещеры и на предвходовой площадке вскрыта культурно-хронологическая колонка плейстоценовых отложений, отражающая последовательные этапы заселения пещеры древним человеком от эпохи ашеля (?) - раннего мустье до поздней стадии палеолита. Практически на всех стратиграфических уровнях разреза вместе с археологическими находками обнаружены многочисленные костные остатки плейстоценовых животных, зафиксировано высокое содержание пыльцы и спор растений.

Строение толщи плейстоценовых отложений

В строении разреза плейстоценовых отложений центрального зала выделено 14 основных литологических подразделений (слои 9 - 22). Сверху они перекрыты осадками голоцена (слои 1 - 8), включавшими археологические находки от эпохи палеометалла до позднего средневековья. Некоторые (9, 11, 12, 14, 19, 22) слои по ряду текстурных изменений осадка

Рис. 1. Вид на долину р. Ануй из Денисовой пещеры.

разделены на более дробные стратиграфические уровни. Линзовидные слои 15, 16 и 18 имели локальное простираие в средней части толщи и были зафиксированы только в разрезах 1984 г. Наиболее типичная и хорошо изученная стратиграфическая ситуация представлена на юго-восточной стенке раскопа 1995 г. (рис. 4). По наблюдениям В.А. Ульянова, структура отложений и характерные особенности залегания осадка отражают три главных этапа седиментации, разделенных перерывами в осадконакоплении [Деревянко и др., 1997].

В основании разреза залегает пачка тяжелых окристо-палевых суглинков (слой 22) с умеренным содержанием щебня и отдельными глыбами известняка. В нижней половине пачки суглинки заполняют пространство между крупными блоками и выступами на поверхности коренного основания пещеры, выполненного известняками верхнего силура. Кроме обломков белесых выветрелых и железистых известняков отмечены натечные кальцитовые образования и железисто-марганцевые стяжения в виде наростов на костях и обломках. Состав обломочного

материала и характер новообразований свидетельствуют о поступлении вещества из внутренней части пещеры и седиментации в умеренно влажных субаэральных условиях. В дальнейшем эти отложения испытали вязкопластичные деформации, повлекшие проседание кровли слоя 22 и интрузивные поступления части осадка в вышележащие слои.

Рис. 2. Общий вид Денисовой пещеры.

Рис. 3. Схема расположения Денисовой пещеры.

Охристо-палевые суглинки слоя 22 отделены от вышележащих слоев темноцветным горизонтом гумусированных суглинков (слой 21), обогащенных углисто-сажистым веществом.

Следующий этап седиментации представлен линзовидно-слоистой пачкой пестроцветных суглинков (слои 20 - 11), обильно насыщенной грубообломочным материалом. Цвет суглинистого заполнителя меняется от бурого, красновато-бурого в нижней части пачки до буровато-серого и темно-серого в слое 11. Обломочный материал часто сгруппирован в изогнутые линзовидные скопления, подчеркивающие слоистое залегание осадков. Характер взаимного расположения и вещественного состава слоев предполагает сочетание процессов постепенного осадконакопления и относительно быстрого выброса материала из боковых галерей пещеры.

Кровля этой пачки отмечена тонким горизонтом (слой 10) плотно уложенного мелкого уплотненного щебня с рассеянными железомарганцевыми новообразованиями, что свидетельствует о замедлении процесса седиментации.

Верхняя часть разреза выполнена легкими палевыми лессовидными суглинками (слой 9) с линзовидными включениями дресвы, мелкого щебня известняка и белесых каолинистых стяжений. Слой слабде-

формирован, у верхней границы пронизан ходами землероев.

В отложениях слоя 9 залегает археологический материал позднепалеолитического облика, в слое 11 - артефакты начальной поры верхнего палеолита, с отложениями слоев 12 - 20 связан мустьерский комплекс находок, в слоях 21 и 22 зафиксирован каменный инвентарь эпохи раннего мустье, а возможно, и более древнего, ашельского, возраста.

Методы и результаты исследований

Фауна крупных млекопитающих. Костные остатки крупных и средних млекопитающих, по определению Г.Ф. Барышникова, принадлежат 27 видам из отрядов *Carnivora*: *Alopex lagopus*, *Vulpes corsac*, *Vulpes vulpes*, *Cuon alpinus*, *Canis lupus*, *Ursus arctos*, *Ursus rossicus*, *Martes zibellina*, *Mustela eversmannii*, *Mustela erminea*, *Mustela altaica*, *Mustela nivalis*, *Crocota spelaea*, *Panthera spelaea*, *Lynx lynx*; *Proboscidea*: *Mammuthus primigenius*; *Perissodactyla*: *Coelodonta antiquitatis*, *Equus hydruntinus*, *Equus ferus*; *Artiodactyla*: *Capreolus pygargus*, *Cervus elaphus*, *Poephagus mutus*, *Bison priscus*, *Procapra gutturosa*, *Saiga tatarica*, *Capra sibirica*, *Ovis ammon*.

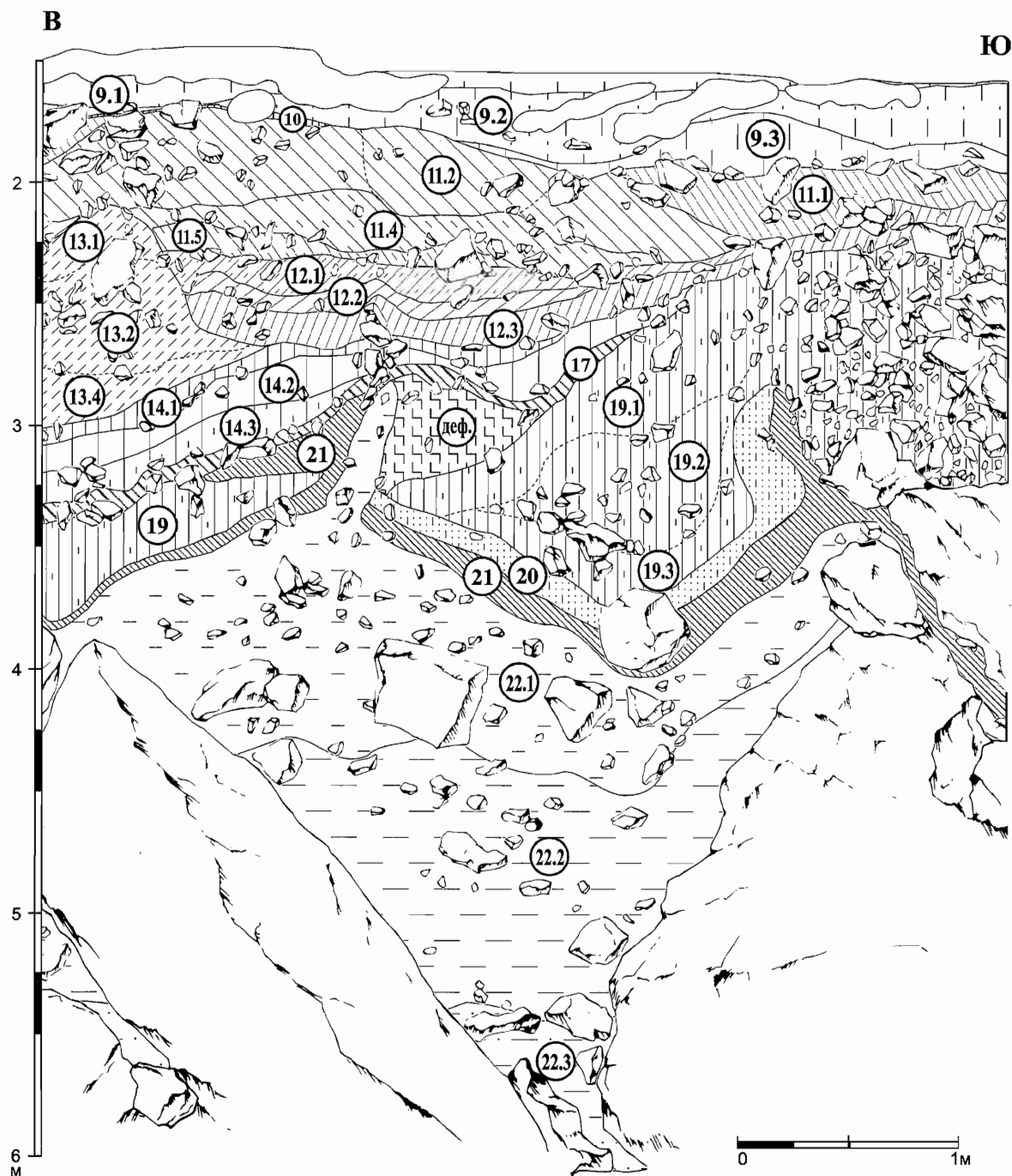

Рис. 4. Разрез плейстоценовых отложений Денисовой пещеры.

Среди фаунистических материалов по числу видов (исключая широко распространенные) и количеству костных остатков преобладают обитатели степных пространств (*Vulpes corsac*, *Mustela eversmannii*, *Ursus rossicus*, *Crocota spelaea*, *Coelodonta antiquitatis*, *Equus hydruntinus*, *Poephagus mutus*, *Bison priscus*, *Procapra gutturosa*, *Saiga tatarica*, *Ovis ammon*). Вместе с ними во всех слоях найдены останки представителей лесостепных (*Cuon alpinus*, *Equus ferus*,

Cervus elaphus) и скальных видов (*Mustela altaica*, *Capra sibirica*). Останки обитателей леса (*Martes zibellina*, *Ursus arctos*, *Lynx lynx*, *Capreolus pygargus*) присутствуют практически по всему разрезу, за исключением слоя 9. Кроме того, в слоях 22, 19, 12 - 9 обнаружены единичные кости представителей северных тундрово-таежных видов (*Alopex lagopus*, *Mustela erminea*). В целом видовой состав териофауны свидетельствует о мозаичности ландшафта, характерной для

горного рельефа. Принципиальных изменений в видовом составе крупных млекопитающих на разных стратиграфических уровнях не наблюдается, хотя вверх по разрезу можно отметить определенные различия в численности костных остатков у видов разных биотопических групп.

В экологическом спектре слоя 22 присутствуют все группы животных, при этом кости степных видов составляют 58,8%. Следующую по значению группу образуют лесные виды, на долю которых приходится 13,7% костных остатков. Обитателям скал принадлежит 11,8% определимых костей. Виды лесостепи тундрово-таежной группы представлены небольшим количеством останков. На их долю приходится по 7,8% костей. Характерной чертой тафономии этого слоя является заметное преобладание костных остатков медведей: они составляют 48,8% всех определимых костей в слое и 71% всех медвежьих останков, обнаруженных в пещере.

Распределение костного материала в отложениях средней части разреза отражает общее господство млекопитающих открытых пространств и неуклонную тенденцию сокращения снизу вверх численности лесных форм. Фаунистические материалы слоев 21 и 20 относительно малочисленны. При их суммарной характеристике наибольший процент (78,9) составляют останки представителей степных форм; на лесные виды приходится 10,5%; обитателям скал и лесостепи принадлежит по 5,3% костей. Выше по разрезу, в наиболее насыщенных костями слоях 19, 14, 12 и 11, отмечено следующее соотношение остатков костей животных различных экологических групп: 1) степные - слой 19 - 72,7%, слой 14 - 67,5%, слой 12 - 73,3%, слой 11 - 71,4%; 2) лесостепные - слой 19 - 10,2%, слой 14 - 10,4%, слой 12 - 13,3%, слой 11 - 6,5%; 3) скальные - слой 19 - 8,0%, слой 14 - 9,1%, слой 12 - 9,5%, слой 11 - 17,5%; 4) лесные - слой 19 - 6,8%, слой 14 - 13,0%, слой 12 - 1,9%, слой 11 - 3,9%; 5) тундрово-таежные - слой 19 - 2,3%, слой 14 - 0, слой 12 - 1,9%, слой 11 - 0,6%. Изменение количественного показателя останков *Crocota spelaea* и *Equus hydruntinus*, как более теплолюбивых видов в составе обитателей степных ландшафтов (слои 21, 20 - 43,3%, слой 19 - 51,6%, слой 14 - 32,7%, слой 12 - 27,3%, слой 11 - 28,2%), предполагает относительное ухудшение климатических условий вверх по разрезу.

В верхней части плейстоценовой толщи (слой 9) на долю животных степных и лесостепных биотопов приходится соответственно 64,3 и 7,1% костей. Удельный вес ископаемых остатков тундрово-таежных форм составляет 2,4%. Лесные виды в этом слое отсутствуют, а количество костей обитателей скал заметно увеличилось (26,2%), что, может быть, было вызвано снижением границ высотных поясов. Вместе с тем

здесь по сравнению с нижележащими слоями 12 и 11 показатель более теплолюбивых видов среди степных зверей (22,2%) существенно не меняется.

Фауна мелких млекопитающих. Общий список таксонов мелких позвоночных включает более 40 названий, из них 39 принадлежат мелким млекопитающим: *Chiroptera*, *Erinaceus sp.*, *Sorex roboratus*, *Sorex minutus*, *Sorex araneus*, *Neomys sp.*, *Asioscalops altaica*, *Sciurus sp.*, *Pteromys volans*, *Eutamias sibiricus*, *Citellus undulatus*, *Marmota sp.*, *Castor sp.*, *Apodemus (Alsomys)*, *Cricetus cricetus*, *Cricetulus barabensis*, *Allocricetus evermanni*, *Sicista sp.*, *Allactaga sp.*, *Ellobius sp.*, *Clethrionomys rutilus*, *Clethrionomys rufocanus*, *Clethrionomys sp.*, *Alticola strelzovi*, *Alticola macrotis*, *Alticola sp.*, *Lagurus lagurus*, *Lemmini*, *Stenocranius gregalis*, *Microtus oeconomus*, *Microtus hyperboreus*, *Microtus agrestis*, *Microtus arvalis*, *Microtus sp.*, *Arvicola sp.*, *Myospalax myospalax*, *Ochotona pusilla*, *Ochotona alpina*, *Lepus sp.*, *Reptilia*, *Amphibia*, *Pisces*.

Характер распределения костных остатков по стратиграфическим уровням разреза представлен на диаграммах общего (рис. 5) и выборочного (рис. 6) состава мелких животных. В целом облик фауны мелких млекопитающих определяют типичные обитатели сухих и высокогорных степей *Stenocranius gregalis* и *Alticola strelzovi*. Третьим важным компонентом является степная пеструшка *Lagurus lagurus*. От нижнего уровня слоя 22 до кровли плейстоценовой толщи встречаются останки характерных представителей лесных биотопов - полевок рода *Clethrionomys*. Практически на всех уровнях разреза отмечены останки *Asioscalops altaica* и *Myospalax myospalax*. Оба вида - специализированные землерои, которые не могут существовать при глубоком промерзании почвы. К видам, встречающимся в небольших количествах, но по всему разрезу, относятся *Cricetulus barabensis* и *Microtus oeconomus*. Первый из них - обитатель степей, второй - пойменных биотопов.

Высокая численность в составе фауны степных и нивальных видов предполагает существование значительных участков открытых ландшафтов в период накопления плейстоценовой толщи. Вместе с тем присутствие останков *Clethrionomys*, единичные находки *Sciurus*, *Pteromys volans*, *Eutamias sibiricus* свидетельствуют о постоянном наличии лесных массивов.

Обитатели леса наиболее многочисленны в слое 22, где доля *Clethrionomys* составляет на разных уровнях от 5 - 6 до 11% общего состава. Удельный вес *Alticola* колеблется от 3,8 до 15%. Достаточно заметным элементом сообщества является *Stenocranius* - 3 - 5%. Интересно отметить обилие в этом слое костных остатков летучих мышей. На отдельных уровнях останки *Chiroptera* составляют более 60%. В слоях 20 - 9 их

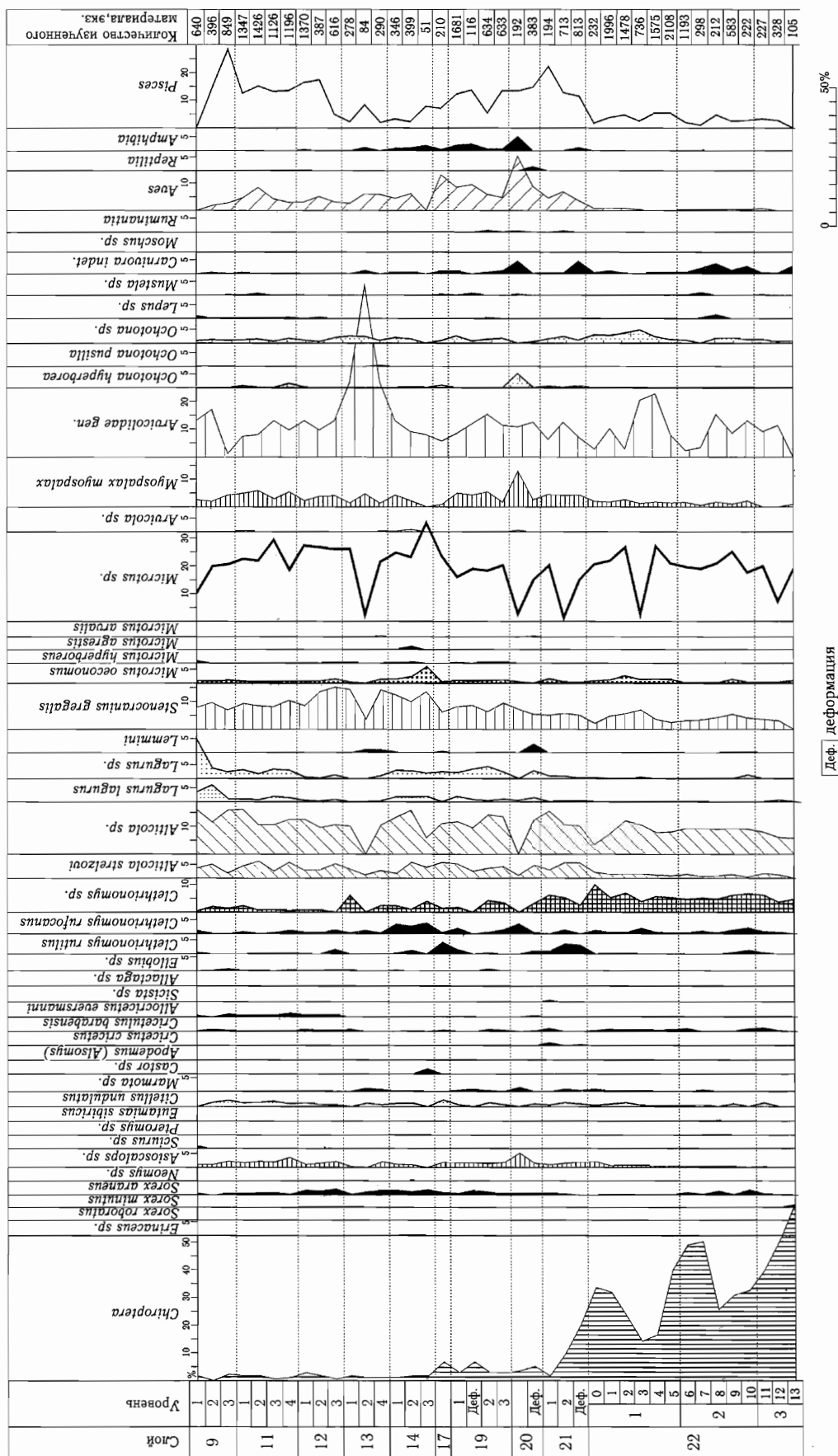

Рис. 5. Диаграмма общего состава мелких позвоночных плейстоценовых отложений Денисовой пещеры.

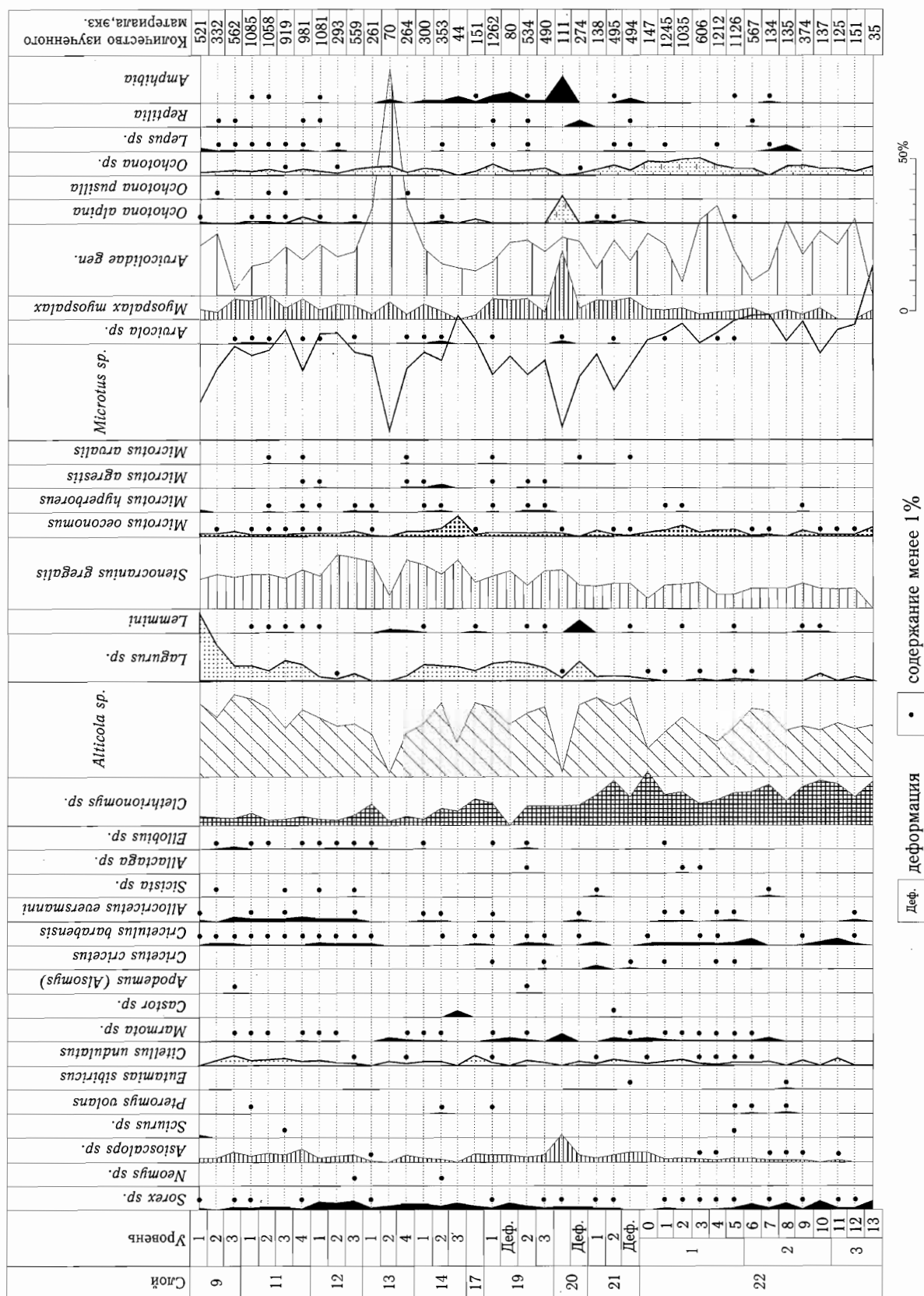

Рис. 6. Диаграмма выборочного состава мелких млекопитающих плейстоценовых отложений Денисовой пещеры.

показатель не превышает 3 - 6%, что, очевидно, свидетельствует о возрастании фактора беспокойства со стороны человека. В целом накопление слоя 22, по видимому, происходило в период широкого развития лесной растительности при умеренных климатических режимах.

В отложениях слоя 21 численность *Clethrionomys* существенно не меняется, удельный вес *Alticola* увеличивается до 16,4%, а доля *Stenocranius* составляет 4,3%. С этого уровня в ископаемой фауне начинают постоянно встречаться костные остатки *Lagurus lagurus*.

Своеобразные изменения в составе мелких млекопитающих отмечены в слое 20. Здесь резко сокращается численность *Clethrionomys*, снижается до минимума количество *Alticola* и *Lagurus*, при этом доля *Stenocranius gregalis* возрастает до 7,2%. Для этого слоя характерны наиболее высокие значения *Myospalax myospalax* (13%) и *Asioscalops altaica* (5,2%). Вероятно, в этот период происходило сокращение лесных массивов и участков горно-степных петрофильных ассоциаций.

Выше по разрезу численность основных групп мелких млекопитающих восстанавливается в прежних соотношениях и сохраняет относительную стабильность до кровли слоя 14. В отложениях слоев 19 - 14 доля *Clethrionomys* варьирует в пределах 5 - 7%, *Alticola* - 9 - 20%, *Stenocranius* - 5 - 10%, *Lagurus* - 3 - 5%.

Заметная перестройка в составе плейстоценовой биоты наблюдается в интервале слоев 12 - 9. На фоне относительно высокого удельного веса *Alticola* (12 - 17%) и *Stenocranius* (8 - 15%) удельный вес *Clethrionomys* снижается до 1 - 2%, а *Lagurus* - резко возрастает, достигая своего максимума (17,8%) в слое 9. Очевидно, накопление осадков этой части разреза проходило в период сокращения участков леса и увеличения площади открытых биотопов, занятых прежде всего горно-степными петрофильными ассоциациями.

Все мелкие млекопитающие, представленные в тафоценозе пещеры, по своей морфологии очень близки аналогичным современным таксонам. Эта особенность определяет нижнюю возрастную границу данного сообщества, которая не может быть древнее финала среднего плейстоцена. По структуре тафоценоза, количественному соотношению входящих в его состав видов оно, напротив, принципиально отличается от современных сообществ бассейна Ануя. Последние существуют с раннего голоцена, следовательно, верхний возрастной рубеж ископаемой фауны - конец позднего плейстоцена.

Орнитофауна. Костные остатки птиц, по определению А.В. Пантелеева, принадлежат 50 видам: *Anas querquedula*, *Anas clypeata*, *Aythya fuligula*, *Buteo*

lagopus, *Aegypius monachus*, *Circus cyaneus*, *Cerchneis tinnunculus*, *Hypotriorchis subbuteo*, *Tetraogallus altaicus*, *Perdix perdix/dauuricae*, *Coturnix coturnix*, *Lagopus mutus*, *Lagopus lagopus*, *Tetrao urogallus*, *Lyrurus tetrax*, *Porzana porzana*, *Tringa glareola*, *Athene noctua*, *Asio flammeus*, *Apus apus*, *Dendrocopos minor*, *Picoides tridactylus*, *Melanocorypha yeltoniensis*, *Calandrella rufescens*, *Eremophila alpestris*, *Hirundo rustica*, *Cercopis daurica*, *Anthus trivialis*, *Anthus hodgsoni*, *Anthus cf. gustavi*, *Cinclus cinclus*, *Tarsiger cyanurus*, *Phoenicurus ochrurus*, *Oenanthe oenanthe*, *Turdus ruficollis*, *Emberiza cia*, *Emberiza hortulana*, *Emberiza aureola*, *Plectrophenax nivalis*, *Leucosticte arctoa*, *Uragus sibiricus*, *Carpodacus erythrurus*, *Pinicola enucleator*, *Pyrrhula pyrrhula*, *Montifringilla nivalis*, *Sturnus vulgaris*, *Pica pica*, *Pyrrhocorax pyrrhocorax*, *Corvus monedula/dauuricus*, *Corvus cornix/corone*.

В целом плейстоценовая орнитофауна имеет альпийско-степной облик: преобладают остатки высокогорных видов, среди которых наиболее обильны *Leucosticte arctoa* (24,0%), *Lagopus lagopus* (23,1%), *Plectrophenax nivalis* (5,7%), а также *Eremophila alpestris* (5,5%), обитающий в степях от низин до высокогорий. Лесных птиц мало как по числу видов, так и по количеству останков.

В отложениях слоя 22 доминируют (78,1%) останки птиц альпийской и гольцовой зоны, доля степных форм составляет 8,2%, на таежные виды приходится 5,5%, птицам скал и опушки леса принадлежит соответственно 3,4 и 4,8% костей.

В средней части плейстоценовой толщи наиболее обеспечены орнитофауной и сопоставимы между собой материалы слоев 20, 19, 12 и 11. Останки птиц различных горных биотопов представлены в следующем соотношении: 1) высокогорные виды - слой 20 - 42,1%, слой 19 - 55,6%, слой 12 и 11 - по 57,8%; 2) птицы скал и открытых крутых склонов - слой 20 - 2,6%, слой 19 - 5,5%, слой 12 - 6,7%, слой 11 - 3,9%; 3) степные виды - слой 20 - 15,8%, слой 19 - 13,9%, слой 12 - 8,9%, слой 11 - 8,8%; 4) таежные виды - слой 20 - 36,8%, слой 19 - 11,1%, слой 12 - 8,9%, слой 11 - 9,8%; 5) птицы опушки леса и горных лугов - слой 20 - 2,6%, слой 19 - 13,9%, слой 12 - 11,1%, слой 11 - 9,8%; 6) птицы лиственного леса - слой 20, 19 - 0, слой 12 - 4,4%, слой 11 - 4,9%; 7) околородные виды - слой 20, 19 - 0, слой 12 - 2,2%, слой 11 - 4,9%.

В верхней части разреза (слой 9) значение альпийской группы практически не изменилось - 58,3%. Вместе с тем заметно возросла доля птиц-обитателей скал - 25%. Показатель таежных видов сократился до 4,2%, хотя костные остатки птиц опушки леса составили 12,5%. Птицы лиственных лесов, степей и околородных биотопов в этом слое не отмечены.

Палинологическая характеристика. Палинологическое изучение плейстоценовой толщи разреза выполнено Е.М. Малаевой по образцам из отложений юго-восточной стенки раскопа 1995 г. [Там же]. По характеру распределения и изменению соотношения пыльцы и спор в разрезе выделено пять горизонтов, формировавшихся в разных природных обстановках.

Нижний горизонт (пыльцевые зоны 1 - 12) соответствует отложениям слоя 22 (рис. 7). Его характеризуют высокое содержание пыльцы березы, сосны обыкновенной и ольхи, постоянное участие пыльцы нескольких широколиственных видов, в основном лещины, вяза и липы, а также относительно небольшое содержание пыльцы темнохвойных пород. В отложениях этого слоя зафиксировано длительное развитие смешанных березовых и сосново-березовых лесов с участием широколиственных видов. В климатическом отношении это был умеренно теплый период с небольшими колебаниями общей увлажненности.

Слой 21 в палинологическом отношении мало информативен: отмечена лишь небольшая концентрация пыльцы березы и полыни.

Выше по разрезу общая картина распределения пыльцы и спор указывает на неоднократные изменения растительности в окрестностях пещеры. В целом таксономический состав флоры становится беднее за счет последовательного выпадения широколиственных видов. В отложениях средней и верхней частей плейстоценовой толщи выделены пыльцевые горизонты II - V (рис. 8).

Палиногоризонт II (слои 20 - 14) включает пыльцевые зоны 13 и 14. Для первой из них (слой 20, нижняя часть слоя 19) характерно значительное преобладание пыльцы березы и относительно сниженное участие остальных компонентов. Такой тип спорово-пыльцевых спектров отражает растительность во время относительно сухих теплых климатических режимов. Преобладающими формациями нижнего подпояса были березовые леса с папоротниковым наземным покровом. В составе придолинных осветленных лесов участвовали широколиственные виды - липа, дуб, вяз, клен. Подпояс березняков сменялся смешанными сосново-березовыми лесами северных склонов. Склоны южной экспозиции были остепнены, на них произрастали полынно-злаковые, разнотравные и петрофитные группировки. Пыльцевая зона 14 (верхняя часть слоя 19, слои 17, 14) отражает переходную фазу. В составе спорово-пыльцевых спектров заметно увеличивается количество пыльцы ели, появляется пыльца пихты и сибирской сосны. Эти изменения фиксируют приближение к пещере лесных массивов с участием темнохвойных пород.

Палиногоризонт III (слой 12) образован пыльцевыми зонами 15 и 16. Палинозона 15 (уровень 12.3) характеризует период активизации темнохвойных лесов. В отложениях на фоне высокого содержания пыльцы ели возросла доля сибирской сосны. Пыльцевая зона 16 (уровни 12.2 и 12.1) отвечает переходной фазе. В составе спорово-пыльцевых спектров резко возрастает удельный вес пыльцы березы. В группе дендрофлоры вместе с пыльцой березы доминирует пыльца ели, но ее содержание здесь ниже, чем в предыдущем слое. Вероятно, в этот период в окрестностях пещеры возобновились березовые леса.

Палиногоризонт IV (пыльцевая зона 17, слой 11) отличается высоким содержанием пыльцы темнохвойных пород - ели и сибирской сосны, заметным сокращением доли пыльцы березы. Для этой влажной относительно прохладной фазы характерны активизация темнохвойных лесов и распространение луговых сообществ.

Палиногоризонт V (пыльцевая зона 18, слой 9) отражает переходный характер флоры. В пыльцевых спектрах отмечено высокое содержание (до 90%) пыльцы травянистых растений. Среди дендрофлоры основной фон составляют темнохвойные породы.

Абсолютная геохронология. Оценка возраста плейстоценовой толщи физическими методами датирования установила для нижней части разреза серию РТЛ-дат: слой 21 - 155 ± 31 тыс. л. н. (РТЛ-546); стратиграфический уровень 22.1 - 171 ± 43 тыс. л. н. (РТЛ-737), 182 ± 45 тыс. л. н. (РТЛ-738), 223 ± 55 тыс. л. н. (РТЛ-739) и 224 ± 45 тыс. л. н. (РТЛ-547); уровень 22.2 - 282 ± 56 тыс. л. н. (РТЛ-548). РТЛ-возраст нижнего отдела разреза хорошо согласуется с результатами палеомагнитного датирования. На фоне прямой полярности, отмеченной для большей части плейстоценовых отложений (эпоха Брюнес), в осадках слоя 22 установлены два экскурса геомагнитного поля: Бива I (176 - 220 тыс. лет) на уровне 22.1 и Бива II (266 - 300 тыс. лет) на уровне 22.2 [Деревянко, Гнибиденко, Шуньков, 1998]. Вместе с тем хронометрические показатели среднеплейстоценового возраста базальных отложений разреза пока не получили достоверного подтверждения данными относительной геохронологии. Так, биостратиграфические характеристики отложений, среди которых главными являются морфологические и эволюционные показатели остатков мелких млекопитающих, не позволяют опустить нижнюю хронологическую границу образования осадка слоя 22 древнее финала среднего плейстоцена.

Для средней части разреза получено два возрастных измерения: РТЛ-дата для слоя 14 - 69 ± 17 тыс. л. н. (РТЛ-611) и ^{14}C -дата по образцу кости для слоя 11 - более 37 235 л. н. (COAH-2504). Обе даты выглядят вполне

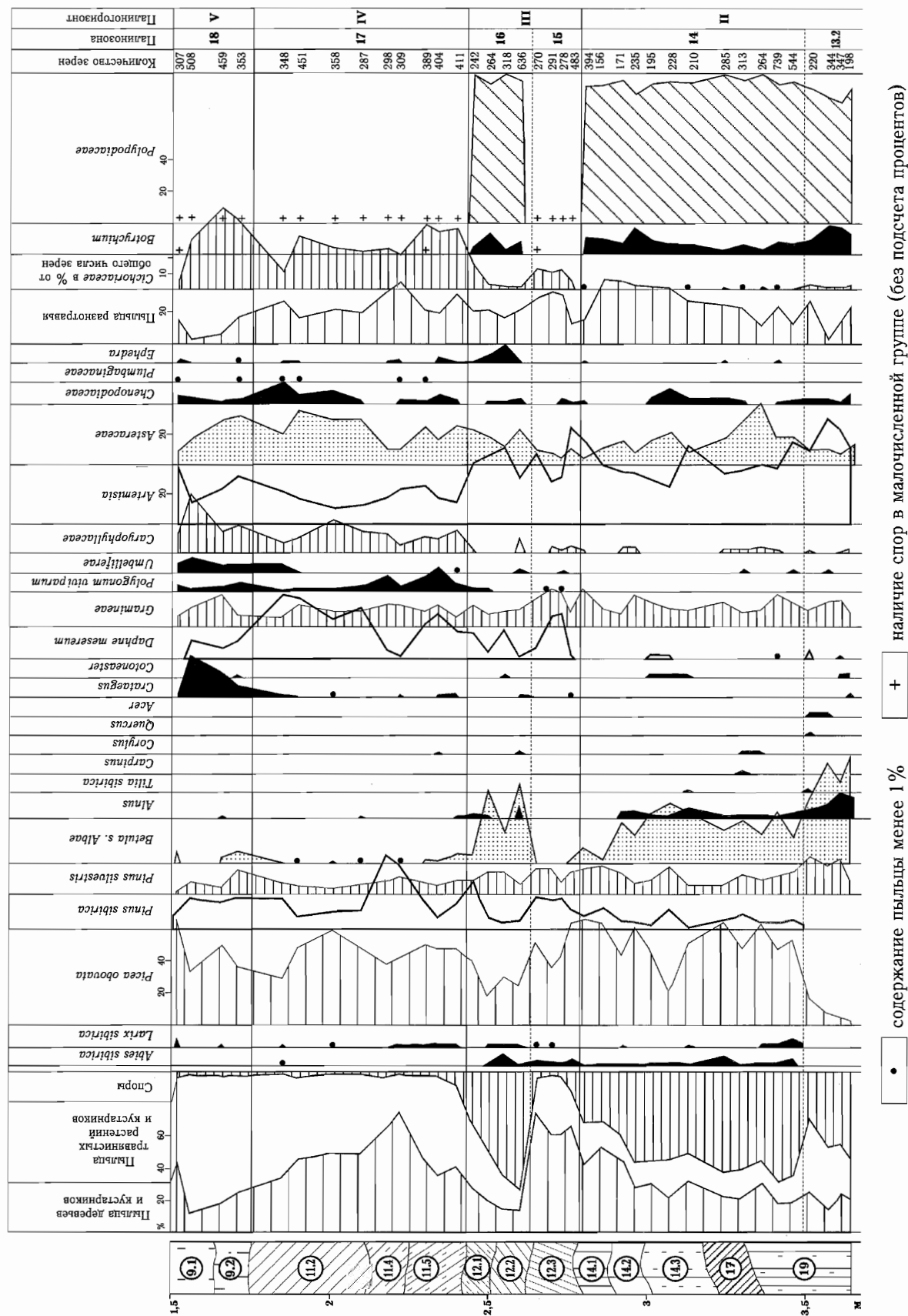

Рис. 8. Спорно-пыльцевая диаграмма верхней части плейстоценовых отложений Денисовой пещеры.

корректно в общем стратиграфическом контексте плейстоценовой толщи и могут рассматриваться в качестве хронологических отметок для определения геологического возраста выделенных в этой части разреза климатостратиграфических подразделений.

Палеогеографический анализ

Результаты комплексного анализа данных литологии, палеофауны, палинологии и точных методов датирования позволяют восстановить последовательность основных природно-климатических событий плейстоцена в окрестностях Денисовой пещеры.

Палеогеографические показатели условий формирования толщи слоя 22, содержащей наиболее древние уровни обитания палеолитического человека, отражают благоприятную климатическую обстановку с достаточно теплым и умеренно влажным климатом. Основными растительными формациями в эту эпоху были долинныя леса из ольхи с участием ели, смешанные березовые и сосново-березовые леса с включением широколиственных пород. По южным склонам долины расселялись горно-степные травянисто-кустарниковые группировки. Участки смешанных лесов с темнохвойными породами и лиственницей были приурочены к северным склонам верхнего яруса горных хребтов.

В составе мелких млекопитающих, помимо рыжих полевок *Clethrionomys*, присутствуют белка, летяга, бурундук и лесная мышь, останки которых найдены в сравнительно небольших количествах. Однако, как показало изучение современных погадок в окрестностях Денисовой пещеры, лесные виды становятся добычей хищных птиц значительно реже, чем животные открытых биотопов. Поэтому численность лесных форм в ископаемых погадках пещеры существенно занижена по сравнению с их реальным участием в плейстоценовых биоценозах долины Ануя. Таким образом, доля лесных видов мелких млекопитающих в древних сообществах была значительно выше, чем это следует из количественного соотношения костных остатков.

Для сообщества крупных млекопитающих этой эпохи характерны такие хищники, как рысь, гиена, малый пещерный медведь, бурый медведь, красный волк, песец и др. Среди травоядных копытных преобладали сибирский козел и косяла. Более редкими были бизон, шерстистый носорог, марал, осел, лошадь, архар. Количество лесных видов в слое 22 по сравнению с вышележащими отложениями наибольшее. Однако по абсолютным величинам доминируют степные формы.

В составе орнитофауны этого слоя наиболее представительны альпийские и гольцовые формы, например, белая куропатка, пуночка, сибирский горный вью-

рок. Следующую по значению группировку образуют таяжные виды и птицы опушки леса - камчатский дрозд, щур, сорока и др.

В эпоху накопления слоя 22 значительные площади занимали, кроме лесной растительности, нивальные сообщества, о чем свидетельствует пыльца маревых и полыней, а также высокая численность скальных полевок *Alticola*. Судя по аналогии с современными ландшафтами долины Ануя, нивальные биоценозы занимали, по-видимому, хорошо дренированные крутые склоны, покрытые мелким щебнем. На пологих склонах, покрытых мелкоземом, располагались разнотравные луга, заселенные прежде всего узкокочерпной полевкой *Stenocranius gregalis*. Причем доля разнотравно-луговых ассоциаций была невелика по сравнению с лесными и нивальными сообществами.

Исходя из морфологических особенностей и эволюционного уровня развития мелких и крупных млекопитающих, а также общей палеогеографической характеристики осадков, возраст толщи слоя 22 может быть определен началом верхнего плейстоцена - казанцевским (R-W) временем с открытой нижней хронологической границей. Относительную древность осадков слоя 22 косвенно подтверждают данные палинологии. В составе ископаемой флоры этого слоя 17% приходится на виды древесных, травянистых и споровых растений - экзотические для современной растительности северо-западной части Алтая.

Детальное сопоставление данных спорово-пыльцевого и микротериологического анализов по стратиграфическим горизонтам толщи слоя 22 не отметило для этого периода принципиальных изменений природно-климатической обстановки. В целом можно говорить о пяти или шести фазах сокращения площадей, занятых лесными массивами, и некотором расширении нивальных и степных биотопов. Так, на диаграммах состава мелких млекопитающих фиксируется снижение численности лесных элементов на уровнях 12, 8 и 3 литологических подразделений 22.3 - 22.1, которое сопровождалось эпизодическим увеличением роли степных, нивальных и бореальных видов. С этими относительно прохладными фазами, по-видимому, связаны миграции из гольцового пояса таких видов животных, как песец *Alopex lagopus*, белая куропатка *Lagopus lagopus*, снежный воробей *Montifringilla nivalis*. Кроме того, их появление в нижней части долины может быть объяснено и сезонными миграциями, что так характерно для птиц и очень мобильного в своей биологии песца. Небольшого изменения среднегодовых температур было достаточно для вертикальных подвижек ландшафтных зон. При этом сообщества, обитавшие на окружающих горных хребтах, опускались ниже по склону и оказывались в зоне досягаемости хищных птиц, гнездившихся в окрестностях

Денисовой пещеры. Однако изменения режимов влажности и температуры, с которыми были связаны эти подвижки, не выходили за рамки параметров климата межледниковья. Во всех случаях редукция лесного биома не была столь значительной и продолжительной, как это наблюдалось в последующие периоды.

Развитие природных условий в бассейне Ануя после казанцевского времени существенно отличалось от предшествующего этапа. Весь комплекс палеонтологических данных свидетельствует о том, что на протяжении этого отрезка верхнего плейстоцена значительно сокращались площади лесов и расширялись открытые ландшафты. Вместе с тем лесные массивы сохранялись на протяжении всего изученного периода.

Изменения природной обстановки в последующий период плейстоцена имели принципиальный характер. Начиная с уровня слоя 20 существенно менялось соотношение древесных и травянистых формаций. С этого момента доля пыльцы древесных пород в осадках сокращается примерно в 3 раза по сравнению с предшествующей эпохой, что, разумеется, отражает общую биоценотическую ситуацию в бассейне Ануя. И хотя на уровне слоев 12.3 и 11.4 доля лесов вновь возрастала, это не меняло общей тенденции. Принципиально перестраивается структура лесных ассоциаций. С уровня слоя 20 начинают исчезать широколиственные породы деревьев. На уровне этого слоя последний раз отмечен вяз, а на уровне слоя 19 - дуб и клен. Редкая в этих слоях лещина окончательно исчезает в нижней части слоя 11. Лишь ольха устойчиво сохраняется в небольшом количестве до уровня слоя 14, а затем постепенно исчезает. Меняется соотношение и хвойных пород. Ель, занимавшая подчиненное положение в древостое, начиная с верхней части слоя 19 становится одной из основных лесобразующих пород. С этого уровня заметно возрастает роль кедра. Сосна, преобладавшая в эпоху накопления слоя 22, теряет свое значение. Ее количество сокращается в 2 - 3 раза. Существенно снижаются численность и видовое разнообразие березы. В целом площади лесного биома уменьшаются. Травянистые и кустарничковые ассоциации, напротив, расширяются как по занимаемой площади, так и по таксономическому разнообразию.

Смена ландшафтной обстановки отразилась и на составе фауны млекопитающих. Начиная со слоя 21 уменьшается численность лесных полевок *Clethrionomys*, сокращается количество и разнообразие древесных форм грызунов, таких как белка и летяга. Нарастает доля степных и луговых видов животных. Судя по всему, с этого времени началось интенсивное использование полости пещеры мустьерским человеком. Доказательством этого служит показатель численно-

сти костных остатков медведей, более 70% которых приходится на слой 22. Выше слоя 21 количество костей медведей резко сокращается, что свидетельствует о возросшей конкуренции между человеком и медведем, повлекшей вытеснение последнего из удобного убежища. Процесс активизации заселения пещеры человеком нашел отражение в изменении количества летучих мышей: на рубеже слоев 21 - 20 и далее вверх по разрезу количество останков *Chiroptera* уменьшается в 10 раз. Такое резкое сокращение колонии летучих мышей может быть объяснено только возросшим фактором беспокойства со стороны человека. Именно с этого уровня в пещерных отложениях существенно увеличивается количество каменных артефактов. В свою очередь, возросшая активность первобытного человека в долине Ануя была связана с деградацией лесной растительности. Под пологом леса, как известно, невозможно формирование густого травянистого покрова, а следовательно, широкое распространение крупных травоядных млекопитающих. Сокращение площадей, занятых лесом, увеличение луговых и степных ассоциаций привело к росту численности копытных - охотничьей базы древнего человека. Объяснимо и увеличение численности гиены с рубежа слоев 20 - 19. Гиена является крупным хищником саванны (лесостепи) и степи, неспособным, однако, к длительному выслеживанию и преследованию жертвы. Устойчивая во времени популяция гиен может существовать при условии стабильной и высокой численности копытных. Только в такой ситуации в природе возникает достаточный отход копытных в виде молодых, ослабленных, раненых и больных животных, что является кормовой базой гиены. Использование полости Денисовой пещеры человеком и гиеной могло быть только асинхронным, скорее всего, в разные годы. Были возможны и сезонные заселения: человек жил в пещере, вероятно, осенью, зимой и освобождал ее в весенне-летнее время, а именно в этот период гиена нуждается в логове для выкармливания потомства.

Таким образом, изменение структуры спорово-пыльцевых спектров, снижение численности лесных видов мелких млекопитающих, увеличение относительной численности крупных травоядных отражают единый природный процесс, тесно связанный с древнейшей историей человека.

Переходной эпохе от казанцевского к ермаковскому (W_1) времени соответствует мустьерский слой 21. Его формирование происходило после длительного седиментационного перерыва. Как в фациальном, так и в палеогеографическом значении слой 21 имеет промежуточный характер. Фауна мелких млекопитающих этого слоя включает довольно большое количество лесных полевок. Она характеризуется заметным разнообразием землероек, присутствием

крота и многочисленностью цокора. Однако при этом отмечается существенный рост численности скальной полевки *Alticola*. В составе населения птиц доля таежных видов практически не изменилась, а степных - возросла. Эти данные свидетельствуют, что в эпоху накопления слоя 21, несмотря на экспансию альпийской биоты, еще сохранялись значительные площади лесных массивов. Таким образом, палеоэкологические показатели слоя 21 отвечают прохладной и достаточно влажной эпохе в начале ермаковского времени.

Структура растительного покрова в период накопления мустьерского слоя 20 напоминала растительность эпохи слоя 22, хотя имела признаки увеличения сухости климата. В это время преобладали сосново-березовые леса с редкой примесью клена, вяза, липы. Полностью исчезли ель и кедр. В пыльцевых спектрах широко представлены полыни, разнотравье. Сообщество мелких млекопитающих отражает кратковременное отступление альпийской биоты, увеличение луговых биотопов и в целом смягчение климатической обстановки. В составе орнитофауны пещеры на этот период приходится наибольшее количество таежных видов птиц, таких как *Turdus ruficollis*, *Pinicola enucleator*.

Тенденция сохранения сухого и относительно теплого климата прослеживается в эпоху накопления нижней части мустьерского слоя 19. Пыльцевые спектры этих отложений указывают на распространение березово-сосновых лесов с примесью широколиственных пород. Для слоев 20 - 19 среди хищников отмечены таежные виды - соболь, рысь, бурый медведь в сочетании с видами сухих степей - архаром, сайгой, дзереном и др.

Внутри ермаковского периода наиболее ярко выраженный переходный характер имела эпоха накопления мустьерских слоев 19 (верхняя часть), 17 - 14. Для этого периода отмечены небольшие изменения в структуре растительности и сообществе млекопитающих. Палиноспектры регистрируют снижение роли сосново-березовых лесов и увеличение участков темнохвойной тайги. Среди мелких млекопитающих численность лесных видов, достигавшая минимума в слое 17, держалась на среднем уровне. Эпоха формирования слоя 14 отличалась наиболее благоприятными природными условиями в пределах этого палеогеографического интервала. Для нее характерны расширение сосново-березовых лесов и сокращение еловых формаций, рост численности лесных полевок и снижение количества *Alticola*, а также увеличение видов, связанных с водой, - полевки-экономки и бобра. Среди крупных млекопитающих присутствуют лесостепные и степные виды: красный волк, гиена, лошадь, осел, шерстистый носорог, дзерен, архар, бизон. В составе птиц слоя 14 снижается доля аль-

пийских видов и увеличивается численность обитателей лиственного леса и опушек, а также представителей околотовных биотопов. В целом для второй половины этого временного интервала отмечается увеличение влажности и некоторое потепление климата. Правда, заключительная фаза накопления слоя 14 протекала в условиях вновь нарастающего похолодания, о чем свидетельствует расширение площадей темнохвойной тайги и нивальных биотопов.

Пыльцевая диаграмма разреза Денисовой пещеры на границе слоев 14 и 12 достаточно четко фиксирует седиментационный перерыв, которому, очевидно, соответствуют не попавшие в анализируемый створ отложения мустьерского слоя 13. Механизм накопления осадка и условия формирования этого слоя неоднозначны и не совсем ясны. Тем не менее он отражает важный палеогеографический этап в истории долины Ануя. От нижнего уровня слоя (13.4) к его средней части (уровень 13.2) наблюдается резкое изменение состава мелких млекопитающих, который затем вновь восстанавливает прежний облик на уровне 13.1. В целом толща слоя 13 отличается обеднением фауны мелких млекопитающих. На уровне 13.2 зафиксирован один из наиболее низких показателей численности лесных полевок, сопровождавшийся сокращением количества *Alticola* и *Lagurus*. В это время полностью исчезли крот и слепушонка. Вместе с тем для этого слоя характерны лемминги, степная пищуха и узкочерепная полевка. В составе крупных млекопитающих и среди птиц значительно возросла доля степных видов животных. Эти данные указывают на условия сухого и довольно холодного климата, по-видимому, с глубоким промерзанием грунта в зимнее время. В целом толща слоя 13 по своим палеогеографическим характеристикам отвечает эпохе наибольшего похолодания в пределах ермаковского времени.

К заключительным этапам ермаковского времени относятся отложения мустьерского слоя 12. В период формирования этого слоя отмечены две фазы развития природной обстановки. Первая фаза связана с отложениями стратиграфического уровня 12.3, где зафиксировано высокое содержание пыльцы темнохвойных пород - ели и кедра, при резком снижении доли пыльцы березы и полном отсутствии пыльцы широколиственных растений. В сообществе мелкой фауны наблюдается рост численности скальной полевки *Alticola* и полевки-экономки. В совокупности эти показатели характеризуют условия относительно холодного и влажного климата. На следующем этапе, в эпоху образования литологических подразделений 12.2 и 12.1 происходит заметное сокращение массивов еловой тайги, одновременно восстанавливаются площади березовых лесов с участием ольхи и лещины. Подобная перестройка растительных ассоциаций

отражает процесс общего улучшения климатической обстановки в условиях более сухого и теплого климата.

Среди населения крупных млекопитающих в эпоху слоя 12 преобладали животные степных и лесостепных пространств, такие как сайга, бизон, архар, дзерен и марал. На крутых скальных склонах обитал сибирский козел. Из хищников доминировала гиена, в небольших количествах встречались красный волк и песец. В составе птиц возросла численность представителей альпийских, степных и таежных биотопов.

Отложения слоя 11, включавшие археологический материал ранней поры верхнего палеолита, накапливались после седиментационного перерыва в эпоху относительно прохладного и влажного климата. Пыльцевые спектры слоя 11 указывают на господство еловых лесов с участием кедра. Береза в это время практически полностью исчезла из древостоя, а количество сосны находилось у своего минимального предела. Для фауны мелких млекопитающих отмечено снижение численности лесных форм и увеличение доли нивальных видов. Однако эти процессы не были однонаправленными. На фоне общего прохладного климата регистрируются относительно теплые эпизоды. Уровень 11.2 содержит повышенное количество костей цокора, что отражает увеличение площади луговых биотопов. Уровень 11.1, видимо, отвечает наиболее теплой фазе рассматриваемого периода. Для него характерно увеличение численности рыжей полевки, присутствие крота, полевки-экономки, летяги. В составе населения птиц по-прежнему преобладали виды открытых ландшафтов, среди которых только в толще слоя 11 (единственный раз для всего разреза) зафиксированы останки представителей луговых биотопов. Сообщество крупных млекопитающих в это время отличалось заметным своеобразием. Высокая численность сибирского горного козла, архара, сайги и дзерена сочеталась с обилием шерстистого носорога, бизона и марала. Среди хищников доминировала гиена, присутствовало два вида медведей, отмечен песец. Подобное сочетание в составе крупных млекопитающих представителей различных экологических групп, а также динамика развития сообщества мелких млекопитающих свидетельствуют о высокой степени мозаичности ландшафтов в эту эпоху.

Судя по перечисленным палеогеографическим характеристикам, толща слоя 11 образует самостоятельный климатохрон, который довольно четко отличается от предшествующего ермаковского времени. Радиоуглеродный возраст слоя 11 составляет более 37 235 лет. Согласно хронологическим показателям и стратиграфической последовательности в разрезе, эпоха накопления толщи этих отложений относится к первой половине каргинского (W_{II}) времени.

Формирование верхней части плейстоценовой толщи Денисовой пещеры происходило после длительного седиментационного перерыва, отмеченного в структуре осадка слоя 10. Спорово-пыльцевые спектры и фаунистические остатки из отложений верхнепалеолитического слоя 9 фиксируют существенные изменения природной обстановки, характерные для условий холодного и сухого климата сартанского (W_{III}) времени. В эту эпоху в окружающих ландшафтах максимально возросла доля травянистых растений и кустарников. Локальные участки лесной растительности состояли в основном из темнохвойных пород с небольшой примесью сосны и березы. Среди мелких млекопитающих доминировали представители горно-степных петрофильных группировок - скальные полевки, степная пеструшка, узкочерепная полевка, длиннохвостый суслик. Население птиц состояло главным образом из альпийских и скальных видов - белой куропатки, сибирского горного выюрка, улара, клушицы. В составе крупной фауны преобладали обитатели скал и степных массивов, прежде всего сибирский козел, гиена, дзерен, сайга, архар. Остатки собственно лесных видов животных в этом слое не обнаружены. В структуру данного сообщества млекопитающих хорошо вписывается песец - типичный представитель тундровых биотопов.

Спорово-пыльцевая диаграмма и графики видового соотношения териофауны Денисовой пещеры прерываются в эпоху максимального развития холодных и сухих биоценозов на уровне стратиграфического подразделения 9.1. Информация о финальной стадии сартанского времени и переходе к голоцену здесь отсутствует. Это обстоятельство связано с длительным перерывом в осадконакоплении, отмеченным в кровле плейстоценовых отложений пещеры.

Заключение

Комплексный анализ палеогеографических материалов свидетельствует о том, что изменения биоценотической и, по-видимому, климатической обстановки в окрестностях Денисовой пещеры на протяжении верхнего плейстоцена носили направленный и постепенный характер. В них не улавливаются катастрофические фазы, отличавшиеся принципиально иной биоценотической обстановкой (рис. 9).

Согласно опубликованным ранее материалам [Деревянко и др., 1992], уже в период эоплейстоцена на северо-западе Алтая существовали природные условия, близкие современным. По данным спорово-пыльцевого анализа разреза Черный Ануи, здесь доминировали древесно-кустарниковые формации, в составе которых кроме современных видов *Abies*, *Picea*, *Larix*, *Betula*, *Pinus sylvestris*, *P. sibirica* участвовали *Betula sect. Costatae*, *Alnus*, *Corylus*, *Ulmus*, *Tilia*, *Acer*,

Отдел	Горизонт		Климатическая фаза	Литологический слой	¹⁴ С, РТЛ даты, л.н.	ПМ эпизоды			
ГОЛОЦЕН			Современная	1 - 8	> 37 235				
ПЛЕЙСТОЦЕН	ВЕРХНИЙ	Сартанский W _{III}	Максимально холодная	Перерыв			69 ± 17 тыс.		
				9.1					
			Холодная сухая	9.2					
				9.3					
		Каргинский W _{II}	Прохладная влажная	Перерыв					
				11					
		Ермаковский W _I	Переходная	Перерыв			155 ± 31 тыс.		
				12.1					
			Холодная влажная	12.2					
				12.3					
			Холодная сухая	13					
				Переходная				14	
			17						
			19 верх						
			Теплая сухая	19 низ					
				20					
		Казанцевский R-W	Теплая умеренно влажная	21			224 ± 45 тыс.		
				Перерыв				282 ± 56 тыс.	
				22.1					Бива I
		22.2	Бива II						
		22.3							
		СРЕДНИЙ		Тазовский R _{III}			Относительно холодная	↓	↓
			Ширтинский R _{II}	Относительно теплая			↓	↓	↓
			Самаровский R _I	Относительно холодная			↓	↓	↓
			Тобольский M-R	Относительно теплая (?)	↓ ?	↓	↓		

Рис. 9. Климатостратиграфия плейстоценовых отложений Денисовой пещеры.

Quercus, *Carpinus*, *Juglans*, экзотические для данного региона. Причем преобладающими были береза, сосна и темнохвойные породы. На всем протяжении зоплейстоцена менялся состав растительности. Так, если в основании разреза преобладает пыльца березы, то в верхней его части - сосны обыкновенной и темнохвойных пород. Значительно обедняется и состав широколиственных пород.

Такие же колебания природной обстановки и климата отмечаются и для среднего плейстоцена. Судя по палеоботаническим данным слоя 20 разреза Усть-Каракол-1 [Малаева, 1998], временной этап среднего плейстоцена, соответствующий самаровскому (R_I) оледенению, в долине Ануя отличался бедностью видового

состава древесной растительности, низким разнообразием широколиственных пород. Этот этап, вероятно, был относительно прохладным.

Для времени ширтинского (R_{II}) интерстадиала в долине Ануя, согласно пыльцевому спектру слоя 14 разреза на предвходовой площадке Денисовой пещеры [Малаева, 1999], характерно богатство древесной растительности с высоким разнообразием широколиственных пород, что отражает относительно теплые условия второй половины среднего плейстоцена.

Некоторое похолодание произошло в конце среднего плейстоцена, в тазовское (R_{III}) время. Это событие зафиксировано в слое 19 разреза Усть-Каракол-1. В этих отложениях отмечены сокращение количества

сосны и разнообразия широколиственных пород, увеличение - ольхи, кедра и ели [Малаева, 1998].

Начальный этап верхнего плейстоцена представлен эпохой теплого и умеренно влажного климата, о чем свидетельствуют состав пыльцевой флоры и фауны мелких млекопитающих слоя 22 Денисовой пещеры. Вместе с тем данные этих анализов указывают на флюктуации климата, которые выражались преимущественно в большей или меньшей его влажности. В целом, период казанцевского межледникового характеризовался условиями увлажнения, близкими к современной влагообеспеченности горного лесостепного пояса, где среднегодовое количество осадков составляет около 650 мм.

Ермаковское время верхнего плейстоцена в долине Ануя отмечено сложной динамикой климата. По данным спорово-пыльцевого анализа и показателям фауны мелких млекопитающих в нем выделяется прохладная влажная и холодная влажная фазы, относительно теплая сухая, холодная сухая и две фазы переходного характера. Прохладная и холодная влажные фазы, которые зафиксированы в начале и во второй половине ермаковского периода, характеризуются некоторым расширением лесов и луговых ассоциаций на фоне высокой численности нивальных и низкой численности степных видов. Относительно теплая сухая фаза связана с уменьшением доли ели и кедра и увеличением удельного веса сосны и березы в лесных сообществах, сокращением площади нивальных биотопов. Наиболее холодная и сухая фаза была, вероятно, кратковременной. Ей соответствовали усиление солифлюкционных процессов, сокращение обилия сосны и некоторое увеличение доли ели и кедра в древостое, полное исчезновение мелких млекопитающих подземного образа жизни и появление в их составе бореальных видов.

Первая половина каргинской эпохи отмечена в долине Ануя смягчением климатической обстановки в гумидных условиях, интенсификацией почвообразовательных процессов, увеличением площади лесов, восстановлением численности кролика и цокора.

На заключительном этапе верхнего плейстоцена прогрессирующее похолодание сарганского времени привело к наиболее ощутимому ухудшению природно-климатической обстановки в окрестностях Денисовой пещеры. Об этом свидетельствуют увеличение количества ели при общей низкой залесенности территории, рост численности степных и альпийских видов и сокращение лесных форм мелких млекопитающих. В этот период произошли необратимое обеднение дендрофлоры и перестройка вертикально-поясной структуры биоценозов по современному типу. Исчез подпояс смешанных лесов с участием широколиственных пород и ольшаников вдоль долин. Появился новый эдификатор зональных лесов - лиственница

сибирская. Возможно, как следствие сарганского похолодания усилилась деструкция почвенного покрова. Об этом свидетельствует резкое увеличение цикорийевых и других пионерных видов, массовое расселение которых происходит при нарушении дерновинного слоя почвы. Не исключено, что этому процессу способствовала активизация человеческой деятельности.

Таким образом, изменения палеосреды и климата в окрестностях Денисовой пещеры носили направленный характер. В течение верхнего плейстоцена протекал необратимый процесс общего снижения теплообеспеченности и одновременного усиления континентальности климата [Деревянко, Малаева, Шуньков, 1998]. Общая направленность процесса осложнялась периодическими флюктуациями, которые были обусловлены чередованием относительно сухих и более влажных климатических фаз. Переходные этапы отражают трансформацию биоценозов оптимально влажного времени к сообществам сухих фаз. Такое чередование природных условий имело ритмический характер.

Из палинологических и палеотериологических данных следует, что на протяжении верхнего плейстоцена структура вертикальной поясности была сложнее современной. Она включала полосу нивальных ассоциаций на крутых мелкощепнистых склонах; крупные участки луговин с альпийским разнотравьем, смешанные леса, в древостое которых были "вкраплены" широколиственные породы; приречную урему с участием экзотов - ольхи, вяза, лещины; богатый спектр сообществ лесостепного облика. Кроме того, приподнятые над днищем долины и выровненные поверхности древних террас занимали представители степных, а местами и полупустынных биоценозов.

Благодарности

Авторы выражают глубокую признательность академику А.П. Деревянко за научную и организационную поддержку междисциплинарных исследований палеолита Алтая. Большая благодарность за плодотворное сотрудничество нашим коллегам, принимавшим активное участие в комплексном изучении Денисовой пещеры: археологам А.А. Анойкину и А.В. Постнову, палинологу Е.М. Малаевой, геологу В.А. Ульянову, палеонтологам Г.Ф. Барышникову и А.В. Пантелееву, специалистам по физическим методам датирования З.Н. Гнибиденко и О.А. Куликову. Особая благодарность сотрудникам ИАЭТ СО РАН А.В. Абдульмановой и Н.М. Шуньковой, выполнившим кропотливую работу по компьютерной обработке аналитических данных, подготовке и оформлению иллюстративного материала.

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 99-04-48636.

Список литературы

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачёва, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.Н. Феденёва, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - 176 с.

Деревянко А.П., Гнибиденко З.Н., Шуньков М.В. Среднеплейстоценовые экскурсы геомагнитного поля в отложениях Денисовой пещеры (Горный Алтай) // Докл. Академии наук. - 1998. - Т. 360, № 4. - С. 511 - 513.

Деревянко А.П., Малаева Е.М., Шуньков М.В. Динамика изменения палеоклимата Северо-Западного Алтая в позднем плейстоцене // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - С. 120 - 126.

Деревянко А.П., Попова С.М., Малаева Е.М., Лаухин С.А., Шуньков М.В. Палеоклимат северо-запада

Горного Алтая в эоплейстоцене // Докл. Академии наук. - 1992. - Т. 324, № 4. - С. 842 - 846.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Анойкин А.А. К вопросу о стратиграфическом расчленении плейстоценовой толщи археологического разреза Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. - Т. 3. - С. 80 - 84.

Малаева Е.М. Палинология отложений разреза палеолитической стоянки Усть-Каракол-1 // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - Т. 1. - С. 221 - 230.

Малаева Е.М. Палинология плейстоценовых отложений предвходовой площадки Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. - Т. 5. - С. 163 - 168.

Материал поступил в редколлегия 21.06.99 г.

УДК 904

В.А. Ранов¹, Й. Шефер²¹*Институт истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан,
пр. Рудаки, 33, Душанбе, 734025, Таджикистан**E-mail: ranov@academy.td.silk.org*²*Lehrstuhl für Ur-Frühgeschichte Humboldt-Universität zu Berlin,
Penzlauer Promenade, 149 - 152, Berlin, 13189, die BRD*

ЛЕССОВЫЙ ПАЛЕОЛИТ

Введение

Термин “лессовый палеолит”, введенный в науку в 1980-е гг., до сих пор не получил достаточно развернутого определения. Мы понимаем под ним палеолитические памятники, связанные с водораздельными лессами, преимущественно эолового генезиса, и погребенными в них палеопочвами. В данное понятие не включаются стоянки, связанные с делювиальными склоновыми и террасовыми суглинками, но в отдельных случаях речные террасы перекрываются плащеобразно залегающими лессами эолового происхождения. В этом случае можно говорить о лессовом палеолите и террасового комплекса. Сложным остается и вопрос о хронологических рамках лессового палеолита. Если его нижняя граница потенциально может опускаться до эпизода Олдувай, а в некоторых случаях и ниже, то верхняя ограничена пока условно первой палеопочвой, которая в настоящее время датируется последним межгляциалом (рисс-вюрмским или эмским, в рамках 70 - 130 тыс. л. н.). Находки в вюрмском лессе, расположенном выше, в лессовый палеолит не входят (как не входят в общий счет лессово-почвенной стратиграфии палеопочвы маланского лесса в Китае). Возможно, это неправильно, но иначе необходимо будет включать в разряд лессового палеолита не только находки, связанные с водораздельными лессами, но и многочисленные стоянки мустьерского времени, располагающиеся в террасовых покровных лессах и на других элементах рельефа, перекрытых не эоловыми лессами, а суглинками различного генезиса. Поэтому в нашем понимании лессовый палеолит - это преимущественно сто-

янки в палеопочвах среднего и в меньшей степени нижнего плейстоцена.

Подлинные лессовые индустрии в различных регионах и даже географических поясах сохраняют некоторые общие черты. Прежде всего это связь артефактов преимущественно с палеопочвами, отсутствие подлинного культурного слоя на стоянках, преобладающая рассеянность находок, нахождение палеолитических орудий как бы во “взвешенном состоянии”, когда только в редких случаях палеолитические изделия залегают в виде хорошо просматривающегося горизонта, отсутствие сопровождающих палеолитические находки фаунистических остатков. Как правило, при наличии значительного числа продуктов расщепления хорошо сделанные орудия относительно редки. Все эти признаки характерны и для Таджикистана.

В начале 1970-х гг., когда одновременно в Таджикистане (Каратау) и Украине (Королево) начались работы по изучению лессового палеолита, некоторые исследователи предполагали, что в силу близких палеогеографических условий и глобального характера условий накопления лесса в плейстоцене палеолитические индустрии тоже должны иметь сходный характер, однако это предположение не подтвердилось. В настоящее время, помимо упомянутых выше, стоянки и отдельные скопления артефактов в нижне- и среднелейстоценовой лессово-почвенной формации известны в Китае (район Ланьтяня - Саньменься), Чехии (Бероун, Бечов), Германии (Карлиш), Франции (Ашенхейм) и др.

По детальности и объему исследований выделяются работы на Украине и особенно в Таджикистане,

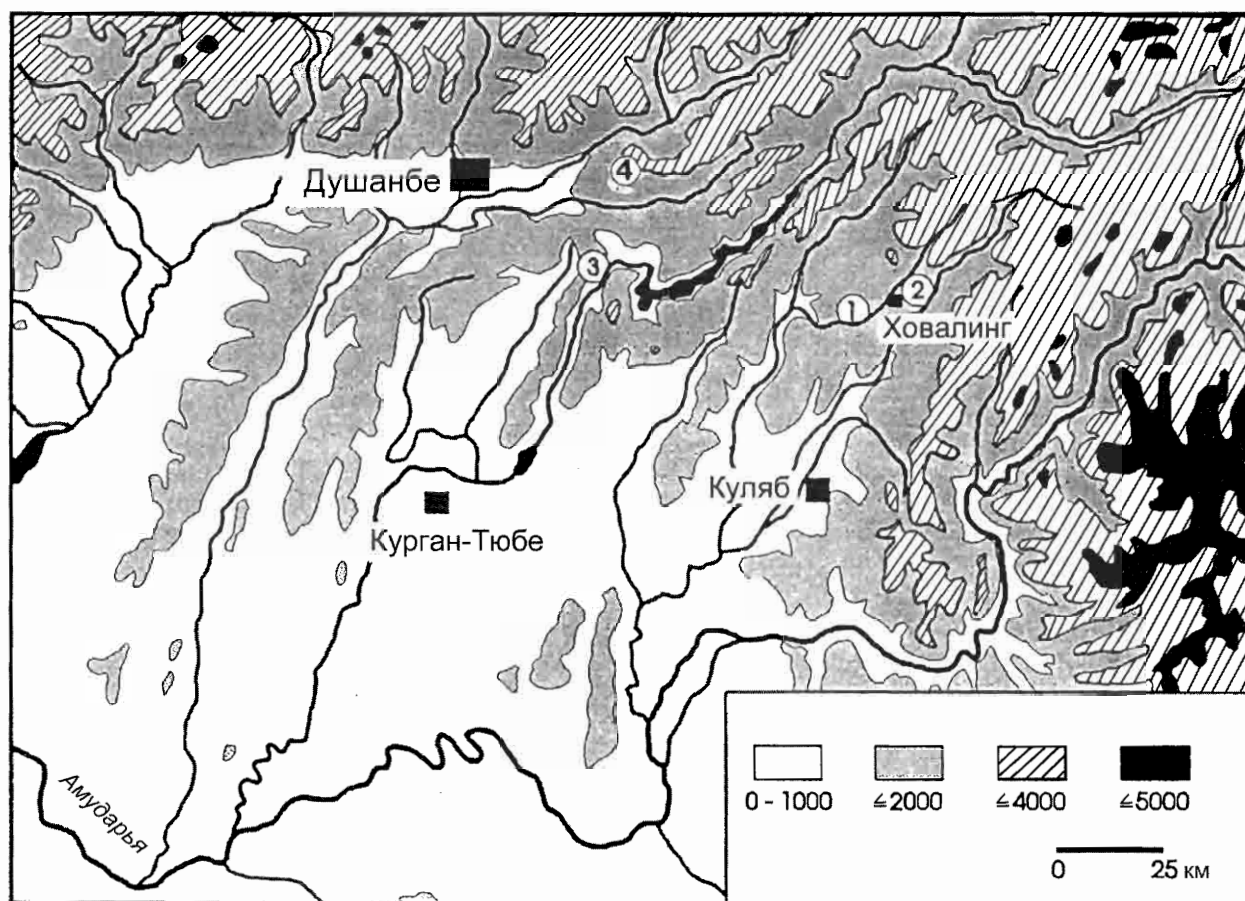

Рис. 1. Памятники лессового палеолита в Южном Таджикистане.
1 - Кульдара, Оби-Мазар, 2 - Хонако, 3 - Каратау, 4 - Карамайдан.

где изучение лессового палеолита продолжается уже 26 лет (рис. 1). Ждут своих исследователей лессы Китая. Даже в таком районе, как Ланьтянь, где зафиксировано 27 пунктов со среднеплейстоценовыми палеолитическими находками, в части которых артефакты встречены *in situ*, до сих пор не сделано достаточно полной привязки находок к определенным региональным палеопочвам.

Вскоре стало ясно, что палеолитические комплексы артефактов отражают в целом характерный для каждого региона набор технических и типологических особенностей и общие черты этих технологий в различных странах скорее результат хронологических изменений.

В настоящее время самым ранним памятником лессового палеолита является Гунванлин в Китае, где орудия были найдены в непосредственной близости от костных остатков так называемого ланьтяньского человека, возраст которых 1,1 млн лет, а самые молодые стоянки зафиксированы в Украине (Королево) и Таджикистане, где мустьерские артефакты встречены в первой погребенной почве и частично в вышележащем вюрмском лессе.

Лессовый палеолит Таджикистана

Изучение лессового палеолита в Южном Таджикистане началось со случайной находки геолога А.А. Лазаренко в 1972 г. Интересно заметить, что В.А. Ранов, занимаясь здесь исследованием палеолита в течение почти 20 лет и работая в очень тесном контакте с геологами, не проводил разыскания на так хорошо известных сейчас лессово-почвенных разрезах. Тогда никому даже не приходило в голову, что палеолитические артефакты могут находиться *in situ* в лессово-почвенной формации водораздельных лессов. Археологи, исходя из геоморфологических представлений о размещении различных палеолитических культур и аллювиальном происхождении лессов, неоднократно безуспешно искали ашельские орудия на самых высоких лессовых уровнях. В 1973 г. в шестой палеопочве (далее ПК, поскольку все погребенные плейстоценовые почвы представляют наложенные друг на друга палеопочвы - педокомплексы) разреза Каратау начались раскопки. Исследования лессового палеолита с небольшими перерывами продолжаются уже четверть века. Наиболее масштабные

раскопки были проведены на стоянках Каратау (1973 - 1975 и 1981 - 1986 гг.), Лахути (1976 и 1979 гг.), Кульдара (1981 - 1984 гг.). Отчеты об этих работах регулярно публиковались в сборниках "Археологические работы в Таджикистане" за 1973 - 1985 гг. С 1994 г. к изучению лессового палеолита подключился Й. Шефер, который занялся исследованием самых верхних ПК (1 - 3), что дало ранее прогнозировавшиеся, но впервые полученные результаты - во втором ПК была раскопана стоянка среднего палеолита - Хонако (1995 - 1997). Авторы совместно продолжили начатые в 1984 г. раскопки стоянки Оби-Мазар-4 (1995 - 1998). Й. Шефер провел небольшие по объему новые раскопки на стоянке Лахути. В настоящее время в Южном Таджикистане имеется немного более 40 пунктов с палеолитическими находками, среди которых выделяется пять стоянок, охватывающих время от 800 до 100 тыс. л. н. При этом стоит отметить, что ПК залегают в лессах на большой глубине - от 120 до 20 м и раскопки на склонах громадных, по 100 - 150 м, разрезов выглядят весьма впечатляюще, работы на них ведутся с большими трудностями, связанными прежде всего со значительной массой лессов, угрожающие нарастающей по мере углубления в склон (рис. 2).

Чрезвычайно сложным представляется объяснение характера распространения артефактов в толще ПК. Название "стоянка" для лессового палеолита Южного Таджикистана является в известной мере условным. Как уже говорилось выше, за исключением Хонако, никаких следов культурного слоя в обычном понимании этого слова на лессовых стоянках нет. Ничего, кроме каменных артефактов и редких, обычно мелких, расколотых костей. Да и в Хонако обнаружено только несколько очень мелких линзочек пережженной земли и очень слабо выраженные угольные прослойки, но все же это очень важное свидетельство того, что причиной отсутствия культурного слоя являются прежде всего условия сохранения органических и костных остатков в сильно закарбонированных педокомплексах. Артефакты на разных стоянках распределяются в ПК по-разному. Только на стоянке Оби-Мазар-4 они образуют хорошо видимый горизонт мощностью до 20 - 40 см, который можно трактовать как жилую поверхность. В других пунктах артефакты находятся как бы во "взвешенном состоянии", демонстрируя на первый взгляд хаотичное распределение [Schäfer, Sosin, Ranov, 1998]. Однако и в этом случае, используя статистику распределения находок, можно выделить несколько жилых уровней, последовательно перекрывающих друг друга, что позволяет высказать предположение о многократном приходе древних людей на стоянку. Данный вывод принят сейчас всеми исследователями лессового палеолита в Таджикистане [Ломов, Ранов, 1984]. Причем мы дол-

жны исключать дальний перенос артефактов, так как против этого говорит, во-первых, плакорное положение всех ПК, которое не допускает возможности значительного переноса артефактов, во-вторых, наличие мелких чешуек вместе с крупными орудиями и нетронутыми гальками, что невозможно при их значительном перемещении, в-третьих, хотя и не частые аппликации артефактов, и наконец, отсутствие во многих идеально зачищенных профилях следов водной эрозии (только две небольшие линзы песка в пятом ПК). Конечно, как это всегда бывает при формировании культурного слоя, отдельные артефакты перемещались по трещинам, норам, ходам землероев, но, как показали детальное изучение стенок раскопов и специально проведенные исследования ходов землероев, такие перемещения были редкими и никак не нарушали общей картины распределения находок [Dodonov, Ranov, Schäfer, 1995]. Таким образом, выщелачивание карбонатов вело к разрушению костного материала (до сих пор найдено лишь несколько определимых костей), что, вероятно, усиливалось аридным климатом, поскольку в китайских лессах, формировавшихся в более влажных условиях, фаунистические остатки присутствуют [Yue Leping, Xue Xiangxu, 1996], хотя справедливости ради надо сказать, что они в основном там находятся не в лессах, а в подстилающих их аллювиальных отложениях. Понятно, что кости могли разрушаться в почвах, но почему не сохранился уголь очагов, которые должны были быть на стоянках, когда там жили первобытные люди? Объяснить данный факт можно тем, что это были недолговременные, сезонные стоянки, располагавшиеся на продуваемых ветром местах, и после ухода людей уголь быстро выдувался, а поскольку костер горел короткое время, линза прокаливания не успевала образоваться. Пока это единственное объяснение при принятой нами концепции многократного посещения стоянки, но, безусловно, предстоит дальнейшая работа в данном направлении, так как проведенные исследования и построенные на них рассуждения, конечно же, не могут полностью удовлетворить.

Стратиграфия и хронология лессово-почвенных отложений Таджикистана

В настоящей статье на основании наших совместных работ в отдельно взятом районе, где палеолитические памятники располагаются компактно в радиусе 25 км, мы покажем, насколько археологические объекты могут помочь в стратификации лессово-почвенных отложений и насколько хронология, установленная геолого-стратиграфическими методами, соответствует возрасту археологических остатков, определенному археологическими методами.

Рис. 2. Разрез Оби-Мазар. Высота от реки 130 м.
Раскопки производились в педокомплексах 4, 5, 6а и б.

Ховалингский район находится в юго-восточной части Таджикистана на крайнем севере Афгано-Таджикской депрессии и ограничен на западе и востоке хребтами Вахшский и Хозратишах, а на севере Полизакским поднятием. На юге узкие котловины рек Яхсу, Обимазар и Кизилсу, пересекая полосу низкогорий, открываются в долину Пянджа (см. рис. 1). Таджикская часть депрессии сложена мощными осадками мезозоя и кайнозоя, в том числе “дарвазскими конгломератами”, толща которых в отдельных случаях достигает 1200 м. Эти конгломераты, подстилающие мощные, до 200 м, лессы, являются источником первичного материала, из которого первобытный человек изготовлял свои орудия. Узкие переуглубленные долины заполнены аллювиальными галечниками и разделяются невысокими хребтами, сложенными в основании конгломератами, перекрытыми плащеобразно залегающими лессами. Абсолютная высота стоянок каменного века в районе Ховалинга колеблется от 1000 до 2000 м над ур. м.

Наибольшее количество педокомплексов, охватывающих весь плейстоцен, прослеживается в разрезе Чашманигар, где зафиксировано 37 ПК. Граница между палеомагнитными зонами Матуяма и Брюнес проходит между 9-м и 10-м ПК. Стоянки и отдельные находки лессового палеолита, как уже отмечалось, встречены в Таджикистане в 40 пунктах. В 1, 3, 7, 8-м

Рис. 3. Стенка раскопа 2-го педокомплекса.

ПК найдены лишь изолированные артефакты, во 2, 4, 5, 6, 11, 12-м ПК обнаружены скопления находок, которые условно называются стоянками, и здесь произведены раскопки. В 9, 10-м и ниже 12-го ПК палеолитические орудия пока не найдены.

Только в трех случаях артефакты извлечены из лесса, в остальных - связаны с педокомплексами. Это говорит о том, что время формирования педокомплексов и отчасти завершающего этапа отложения лессов было наиболее благоприятным для существования первобытного человека в данном регионе. Почвы формировались в условиях значительного потепления и увлажнения в межгляциальные эпохи. Основная часть артефактов почти неизменно находится в почве климатического оптимума, хотя есть и варианты, а в целом любой педокомплекс отражает разные климатические условия, имевшие место во время его формирования: потепление в эпоху замедления лессообразования - климатический оптимум - похолодание. Принято считать, что в эпоху межгляциального оптимума формировались коричневые и бурые лесные почвы, тогда как в предшествующую и последующую эпохи - сероземные степные почвы. В течение многих лет археологи пользовались этой схемой, но, как показали исследования последнего пятилетия, проведенные авторами совместно с почвоведом П.М. Сосиным, в действительности структура педокомплексов более сложная и включает не три, а семь подразделений. Так, в частности, выделены предоптимальный период, вариации интенсивности окраски почвы климатического оптимума и т. д. (рис. 3). Все это уточняет климатические условия, в которых жил преесторический человек [Schäfer, Ranov, Sosin, 1988]. Однако на этом пути существуют определенные трудности и прежде всего потому, что имеются две возможные реконструкции формирования почв и педокомплексов. Среднеазиатские специалисты считают, что почвы образовывались сингенетично, поскольку накопление лесса в межгляциальные периоды хотя и уменьшалось по объему, но никогда не прекращалось совсем (их мнение может поддержать и принцип актуализма - пыльные бури достаточно часты в летние и осенние месяцы и сейчас. Да и когда нет "афганца", вся мебель в Душанбе ежедневно покрывается тонким слоем пыли). В этом случае постулируется формирование почвы снизу вверх, и тогда в отдельных случаях статистически, а иногда и визуально можно выделить горизонты, на которых жил первобытный человек - living floor. Это дает возможность реконструировать многократный приход палеолитических групп на поверхность уже сформировавшейся почвы и последующее неоднократное погребение артефактов [Ломов, Ранов, 1984]. В таком случае люди жили в межгляциальных климатических условиях на бурых лесных почвах, которые

существовали в этот период. Если же принять классическое представление о эпигенетическом генезисе почвы, т. е. развитии сверху вниз, которого придерживаются европейские ученые, то тогда получается, что люди жили не в период климатического оптимума, а перед его началом, еще в степных условиях, при более низкой температуре и большей сухости, а значительное гумусирование, свойственное лесным почвам, произошло позже, когда процессами почвообразования были затронуты нижележащие лессовидные отложения. Мы принимаем гипотезу синстадиального формирования палеопочв Средней Азии, хотя и не отрицаем полностью справедливость и второй, понимая, что разрешение проблемы - дело будущего. Тем не менее археологам приходится принимать решение сейчас, ибо от этого зависит представление о том, жили ли носители каратауской культуры в степных условиях или окружающий их ландшафт имел характер саванны и лесов с опадающими листьями, чего было достаточно для формирования лесных бурых почв, поскольку почвы климатических оптимумов всех ПК именно данного типа. Это важно для принятия гипотезы о многократном заселении стоянки, которая предусматривает многократное же перекрытие жилых горизонтов и их распределение на разных уровнях.

Не менее сложным остается вопрос о хронологии педокомплексов. Здесь мнения авторов несколько расходятся. Й. Шефер безусловно принимает внедренную в Таджикистане с 1994 г. корреляцию педокомплексов лессово-почвенной формации со стадиями изотопно-кислородной шкалы. Эта корреляция возможна только в том случае, если первый ПК соответствует почве последнего интергляциала и имеет ресс-вюрмский возраст (эмская почва - 130 - 70 тыс. лет) и мы лишаем ранга межгляциальной одну из верхнесреднеплейстоценовых палеопочв, в частности восьмую (прежде 9а по А.Е. Додонову, у которой наиболее слабая палеомагнитная восприимчивость) [Shackleton et al., 1995]. Подтверждением правильности данной корреляции является дата, полученная М. Фрехеном для первого ПК разреза Дарай - Калон: 60 - 97 тыс. л. н. В.А. Ранов полагает, что в настоящее время в Таджикистане имеют право на существование обе стратиграфические схемы, и старая и новая, так как раскритикованная и отброшенная в связи с разработкой новой [Shackleton et al., 1995] старая, существовавшая до 1994 г. схема, основывавшаяся на термолуминесцентных датах, полученных В.И. Шелкоплясом, полностью не потеряла своего значения и сейчас. По мнению В.А. Ранова, старые даты [Ранов, 1988] более соответствуют археологической последовательности памятников лессового палеолита Южного Таджикистана, поскольку принятие корреляции ПК со стадиями изотопно-кислородной шкалы удревняет памятники

лессового палеолита в 2 - 3 раза и это требует совершенно новой интерпретации уже нашедших свое место в периодизации палеолита Средней Азии археологических объектов (рис. 4). Интересно, что РТЛ-дата, полученная В.К. Власовым и О.А. Куликовым по образцам, отобранным С.А. Лаухиным из разреза Хонако-3 в 1997 г., дала для первой почвы цифру, близкую к датам В.И. Шелкопляса, - 40 тыс. л. н. (неопубликованные данные В.К. Власова). Палеомагнетолог Г.А. Поспелова считает ее обоснованной, поскольку на названном разрезе от его верха до второго ПК не встречены эпизоды Лашамп и Блейк [Поспелова и др., 1998]. Хотя эпизод Блейк в европейской палеомагнетологии не считается устойчивым показателем и его проявление имеет сугубо локальный характер (личное сообщение Д. Хуса), что, например, показывает поиск этого эпизода в рейнских лессах, где в очень хорошо изученных и датированных разными методами палеопочвах многих резервов он в связи с ээмской почвой выделен только один раз [Loess..., 1999; Reinders, Hambach, 1995]. Работа Г.А. Поспеловой с соавторами заслуживает большого внимания как противовес всеобщему увлечению решения сложнейших вопросов стратиграфии континентальных четвертичных отложений путем корреляции со стадиями кислородно-изотопной климатической кривой, полученной по донным океаническим отложениям. Тем более, что данные Г.А. Поспеловой совпадают с ТЛ-датами, совершенно независимо полученными В.И. Шелкоплясом и В.К. Власовым и О.А. Куликовым.

Разобраться в ситуации с термолюминесцентными датами могут лишь сами специалисты, а нам, по крайней мере пока, приходится констатировать, что однозначного результата все варианты термолюминесцентного датирования для лессов не дают и трудно сказать, зависит ли это от различного отбора образцов, различного минералогического состава лессов в разных разрезах, методических подходов в разных лабораториях, интерпретации полученных кривых и т. д. Опасность состоит в том, что абсолютные даты, определенные термолюминесцентными методами, имеют интерпретационный характер и поэтому в конечном результате может проявиться даже неосознанное желание исследователя получить ту или иную дату. Таким образом, получается, что надежность ТЛ-даты определяется ее совпадением с возрастом стадии 5е кислородно-изотопной шкалы, которой датирован данный ПК, а возраст этого ПК соответствует данной стадии потому, что он подтвержден абсолютной датой, полученной термолюминесцентным методом. Следовательно, корректность корреляции ПК разрезов Южного Таджикистана и стадий кислородно-изотопной шкалы пока не может быть подтверждена однозначными ТЛ-датами и новая стра-

тиграфическая схема остается хотя и очень привлекательной, но все же моделью, которую можно принимать лишь на веру. Других же методов абсолютно го датирования лессов пока нет.

Очень сложным является вопрос о разрешающей хронологической способности палеолитических комплексов артефактов: имеют ли палеолитические индустрии какую-то разрешающую способность хронологического плана, если геологический контекст стоянок не позволяет установить их возраст с необходимой точностью. Хорошо известно, что на первоначальном этапе палеолитических исследований у археологов широкой популярностью пользовалась гипотеза "fossil directeur", т. е. "руководящих ископаемых", или главных типов орудий тех или иных индустрий, благодаря которым все палеолитические комплексы можно было выстроить в хронологическом порядке. Но в 1950-е гг. Ф. Борд, а затем его последователи поставили во главу угла геологический возраст археологических памятников, утверждая, что в рамках больших археологических эпох (ашель, мустье, верхний палеолит), а иногда и вне их, в одно и то же время могут существовать как более развитые, так и архаичные комплексы палеолитических орудий и поэтому их датировка возможна лишь при помощи геологических методов. Впоследствии упор делается уже не на геологические приемы установления возраста седиментов, включающих артефакты, а на абсолютное датирование культурных слоев или отдельных скоплений артефактов (как это часто имеет место в памятниках лессового палеолита). Особенно это важно для памятников азиатского палеолита или галечных культур, удачно выделенных Х. Мовиусом более 50 лет тому назад, поскольку галечным индустриям свойственно длительное бытование (иногда вплоть до конца каменного века) одних и тех же орудий и техники раскалывания. Однако до сих пор нигде в мире (может быть, только отчасти в прекрасной стратиграфии пещерной стоянки Чжоукоудянь) индустрия с галечной техникой и соответствующими орудиями не выстраивалась в такую четкую хронологическую последовательность, как в Южном Таджикистане. Даже отвлекаясь от абсолютных дат, мы можем уверенно сказать, что артефакты, найденные в 4-м ПК, явно моложе изделий, встреченных в 6-м ПК, и т. д. Не могут ли палеолитические индустрии из разных палеопочв показать различия между разновременными комплексами галечных индустрий лессового палеолита, которые в Таджикистане получили название каратауской культуры? Первоначально в силу особенностей индустрий азиатского палеолита, к которому по всем признакам относится каратауская культура, казалось, что установить признаки явной эволюции не представляется возможным, но уже после шести первых лет раскопок, когда были исследованы

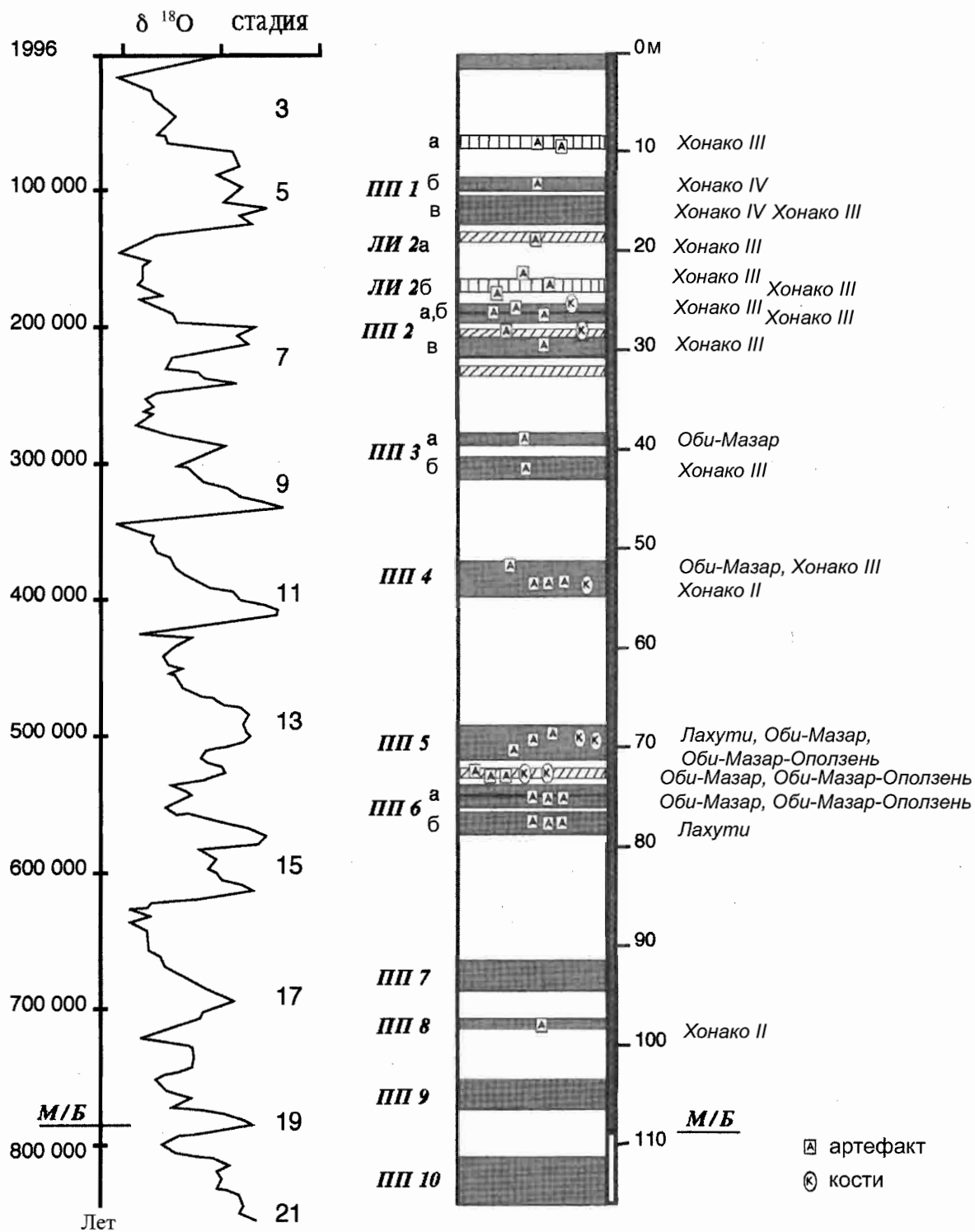

Рис. 4. Стратиграфия стоянок и отдельных находок лессового палеолита в средневерхнеплейстоценовом лессе Ховалингского района и корреляция с кислородно-изотопной кривой (по [Schäfer, Ranov, Sosin, 1988]).
ПП - палеопочвы, ЛИ - интерстадиалы в лессе.

стоянки, обнаруженные в 6-м и 5-м ПК, стало ясно, что между индустриями разных ПК есть не всегда легко распознаваемые, но вполне существенные различия, что мы и постараемся показать ниже.

Характер палеолитических индустрий из педокомплексов Таджикистана

В Ховалингском районе имеется пять стоянок лессового палеолита: в 11-м и 12-м ПК - Кульдара (площадь раскопа 66 м², количество находок - 98), в 6-м ПК - Оби-Мазар-6 (площадь раскопа 115 м², количество находок - 145), в 5-м ПК - Лахути (площадь раскопа 100 м², количество находок - 1047), в 4-м ПК - Оби-Мазар-4 (площадь раскопа 40 м², количество находок - 1341), во 2-м ПК - Хонако (площадь раскопа 100 м², количество находок - 530). Ниже, в соответствии с поставленной задачей, мы рассмотрим каменный инвентарь всех этих стоянок, подчеркивая сходство и расхождение основных техно-типологических показателей, не касаясь других характеристик, таких как условия залегания артефактов в палеопочвах, степень выветренности поверхности инструментов, первичный материал и т. д. В настоящей работе не затрагиваются и данные раскопок, которые приведены в ранее упоминавшихся статьях. Не будем касаться и расхождений в датировке различных ПК в двух упомянутых выше схемах, в данном случае принимается схема корреляции с кислородно-изотопной шкалой (1-й ПК соответствует стадии 5е), 11-й и 12-й ПК находятся ниже границы Матуяма - Брюнес, но выше эпизода Харамильо. Также не даем полную статистику каменных изделий, обнаруженных на указанных стоянках, которую можно найти в опубликованных работах [Ranov, 1995].

Кульдара. Объем собранного материала очень мал - всего 40 несомненных артефактов. Большую часть сборов занимают неопределенные объекты и манупорты.

Основные характеристики. Индустрия очень мелкая. Всего четверть предметов имеет длину от 4 до 5 см, а превышающих этот размер артефактов единицы. Отщепов с хорошо выраженными ударными площадками и бульбами очень мало. Некоторые из них имеют ретушь по краям и иногда напоминают изделия типа *pièce écaillée*. Ретушь отмечена и на многих осколках. Два изделия можно отнести к плохо выраженным пластинчатым отщепам. Имеются и дольки (*quartier d'orange*). Наиболее представлены скребла и скребки случайной формы с зубчатой нерегулярной ретушью, имеются проколки с неретушированным жалом. Зафиксирован мелкий обломок бифасиального орудия.

Техника раскалывания. Галечная, хотя имеются два небольших нуклеуса, которые выпадают из общего

крайне примитивного облика индустрии и могут быть названы дисковидными и площадочными. В основном же заготовки скалывались с неподготовленной поверхности.

Определение индустрии. В целом индустрия отличается крайним примитивизмом и аморфностью орудий, полным отсутствием стандартизации. Явным диссонансом являются упомянутые микронуклеусы и обломок бифасиального орудия, что еще раз говорит о том, что и в очень древних комплексах артефактов могут попадаться отдельные более "продвинутые" изделия (достаточно вспомнить пластину леваллуазского типа из Куби Фор). По всей вероятности, эта, еще малоизученная индустрия лежит в основании всего развития галечной культуры Южного Таджикистана, но ввиду большого перерыва - следующий комплекс находится лишь в 6-м ПК - должна пока быть отчленена от каратауской культуры среднего плейстоцена.

Аналогии. В Средней Азии не имеются. По некоторым своим параметрам индустрия Кульдары напоминает мелкие индустрии древнейшего палеолита Африки (долина Омо), Китая (Сяочанлян, Донгута) и Израиля (Рухама), а также более поздних памятников Европы (Вертешсолеш, Бильцингслебен и др.) [Ранов и др., 1987].

Оби-Мазар-6. Из 145 находок 27 можно отнести к категории манупортов. Коллекция небольшая, но может считаться презентативной.

Основные характеристики. Галечных орудий мало (один чоппер и один чоппинг), но интересна группа скребел. Это крупные орудия (длина 10,1 - 6 см), изготовленные из обломков галек, реже крупных отщепов. Их поверхность полностью освобождена от галечной корки. Ретушь крутая с заломами, напоминающая мустьерскую, но более примитивная (рис. 5). Столь детально обработанные скребла ранее на стоянках каратауской культуры не встречались. Вторую группу составляют отщепы со случайной ретушью, которые можно характеризовать как скребки. Высок процент сколов, лишенных ударных бугорков и представляющих собой продукт снятий с галечного нуклеуса, обработки краев галечных орудий и вообще работы по гальке. Очень характерны дольки (*slices*, *quartiers d'oranges*) и клинья. Соотношение этих двух групп изделий и отщепов 2:1. Число отщепов, вытянутых в длину, примерно равно количеству отщепов, вытянутых в ширину. Ударные площадки прямые, преимущественно покрытые коркой, часто мелкие. Преобладают первичные и полупервичные отщепы, регулярная огранка спинки практически не встречается. Клектонские отщепы отсутствуют. Пластина одна.

Техника раскалывания. Индустрия демонстрирует галечную технику, характеризующуюся отсутствием препарированного нуклеуса и регулярных

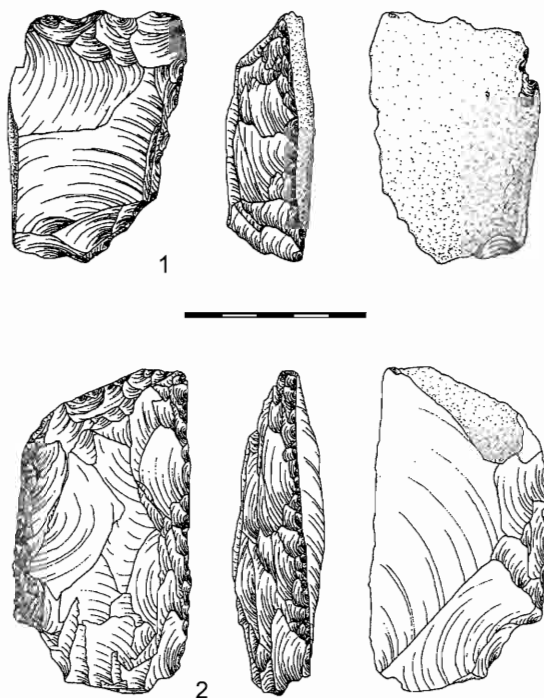

Рис. 5. Разрез Оби-Мазар. Скребла из педокомплекса 6б. Нижний палеолит.

заготовок. Лишь начальная стадия подготовки двухплощадочного нуклеуса представлена одним укороченным экземпляром. Два других нуклеуса могут быть определены как многоплощадочные, кубовидные. О развитии галечной техники говорит присутствие долек и клиньев и очень характерного продольного скола, рассекающего отщеп на две части (напоминает псевдорезцовый скол, именуемый резцом Сире). Техника леваллуа не представлена ни в одном своем проявлении.

Определение индустрии. Принадлежность к галечным индустриям определяется благодаря превлариванию галечной техники и производной от нее продукции. Характерным является неповторимость и нестандартность орудий, аморфность заготовок. Таким образом, индустрия найденная в 6-м ПК, обладает всеми признаками, свойственными каратауской культуре, и пока является стратиграфически самым древним ее пластом.

Аналогии. В техническом и отчасти типологическом отношении наиболее близкой индустрией является стоянка - эпоним каратауской культуры - Каратау, расположенная северо-западнее, примерно в 100 км по прямой и найденная в том же 6-м ПК. Несомненно близкие аналогии как в технике раскалывания, так и в типологии орудий можно найти прежде всего в различных памятниках Китая (Ланьтянь, Кэхэ, нижние слои Чжоукоудяня и др.) и в меньшей степени в соанской культуре Пакистана. В Средней Азии как в тех-

ническом, так и в типологическом отношении близка каратауской и индустрия пещеры Сельунгур, хотя там для изготовления орудий пользовались не речными гальками, а обломками подходящей породы.

Лахути. Из 1047 находок 260 являются ману-портами. Это крупные или мелкие гальки, не имеющие следов обработки, по-видимому, были принесены на стоянку, но по каким-то причинам в дело не пошли.

Основные характеристики. Обращает на себя внимание значительное число чопперов, хотя большинство из них дошло до нашего времени в обломках, - 35 экз. Это больше, чем на стоянке Каратау. Другие формы орудий, по количеству расположенные далее по нисходящей, составляют: боковые скребла, среди которых крупных очень мало, скребки случайных форм, зубчатые орудия, острия (в том числе тейяксские), протокаренатные формы, клювовидные резчики. Единичные экземпляры - проколка, резец, бифасиальное (?) орудие-острие. Таким образом, инвентарь стоянки своим разнообразием заметно отличается от предыдущего комплекса. Ретушь часто зубчатая, рваная, хотя в отдельных случаях встречается и ступенчатая ретушь, сходная с мустьерской, и очень тонкая, краевая. Отщепы неправильной формы, часто с галечной коркой на спинке, площадки преимущественно прямые, покрытые коркой, скошенные к рабочей поверхности. Несколько площадок двухгранные, фасетированных нет. Такие отщепы в большинстве своем результат стесывания края гальки и не имеют никакой связи с подготовкой поверхности препарированного нуклеуса. Клетонские отщепы отсутствуют. Наиболее распространенные размеры - от 2,6 до 5,0 см длиной. В небольшом количестве (1,5%) присутствуют пластины.

Техника раскалывания. Есть много общего с предыдущей индустрией 6-го ПК. За исключением нескольких одноплощадочных ядрищ, основной формой остается галечный нуклеус. Продолжают существовать долевая техника и производство клиновидных осколков, распространены резцовые сколы типа Сире. Вместе с тем среди нуклеусов появились, хотя и в незначительном количестве, площадочные, а также новая форма ядрищ, которая может быть названа пирамидальной, поскольку имеет вид пирамиды с округлым основанием, покрытым галечной коркой. Налицо все компоненты галечной техники, хотя группа долек и клиньев несколько уменьшается.

Аналогии. При сохранении главных технических черт каратауской культуры в индустрии стоянки Лахути по сравнению с комплексами предыдущего ПК видны явные черты развития. Они выражаются в наличии нескольких площадочных нуклеусов с хорошо обработанной поверхностью, пластин, в том числе нескольких леваллуазского облика, большого

количества и разнообразия орудий со вторичной ретушью. В целом это галечная культура с первыми проявлениями новой, леваллуазской техники, кстати сказать, при использовании даты, основанной на корреляции с кислородно-изотопной шкалой, весьма ранней - 500 тыс. л. н.

Оби-Мазар-4. Общее количество находок 1341 экз., из них 74 манупорта.

Основная характеристика. Заметной чертой индустрии является большое количество обломков, составляющих 65% всех находок. Вероятно, это связано с характером стоянки, но в какой-то степени и с определенной техникой раскалывания, использовавшейся здесь, и плохим отбором первичного материала, о чем свидетельствует большое количество расколотых отщепов. Отщепы сохраняют все описанные выше особенности, но следует отметить, что здесь зафиксировано больше двухгранных площадок, а также изогнутых в плане. Имеется семь пластин регулярных очертаний, но среди них нельзя выделить леваллуазских. Отщепы в основном маленькие, в пределах 2 - 4 см. Заметно уменьшение количества и ухудшение качества выполнения долек и клиньев. Процент орудий много ниже, чем в двух описанных комплексах каратауской культуры, и они представлены плохо выраженными скребками, выемчато-зубчатыми и зубчатыми формами. Скребел, сравнимых с описанными выше, нет.

Техника раскалывания. Индустрия отличается от всех других небольшими размерами нуклеусов (диаметр 3 - 7 см, причем последняя цифра встречается очень редко, две трети нуклеусов диаметром 3 - 5 см). Форма их разнообразна: кубовидная, овальная, дисковидная, подпризматическая, треугольная, ладьевидная, пирамидальная. Но все нуклеусы имеют явно препарированную поверхность и необходимую для этого обработку краевой части (рис. 6). Такие нуклеусы вполне могут встречаться в обычных памятниках мустьерского времени. Таким образом, на общем фоне галечной индустрии, что подтверждается характером отщепов и наличием галечных нуклеусов, набором орудий и особенностями их обработки, в индустрии Оби-Мазара-4 отмечаются определенные технические признаки, сближающие ее с индустриями среднего палеолита. Есть все основания говорить о том, что комплекс Оби-Мазар-4 представляет завершающую фазу древнепалеолитической культуры, в которой присутствуют элементы среднепалеолитических технокомплексов. На первый взгляд эта индустрия показалась шагом назад по сравнению с индустрией Лахути, однако в процессе накопления нового материала стало очевидно, что комплекс Оби-Мазар-4 по своим техническим показателям явно стоит на более высоком уровне, чем индустрия 5-го ПК.

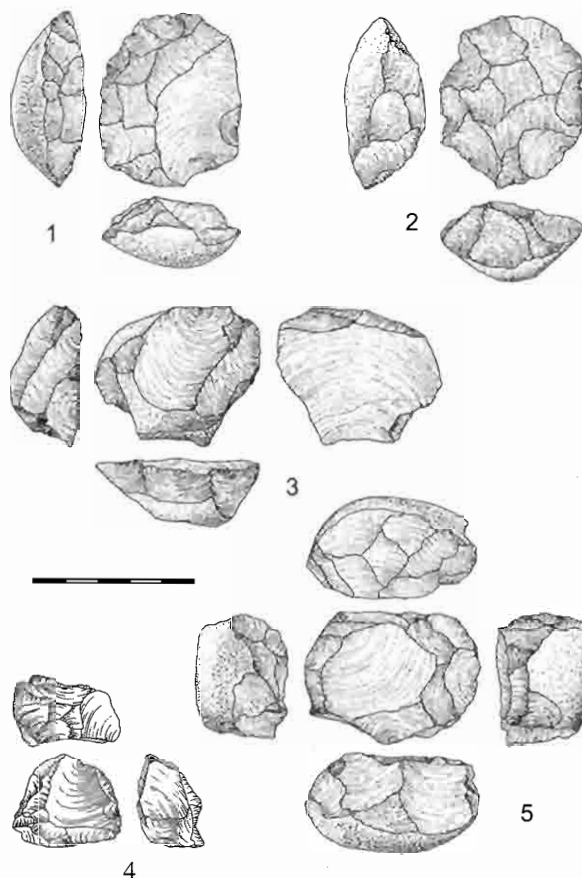

Рис. 6. Разрез Оби-Мазар. Нуклеусы с препарированной поверхностью из 4-го педокомплекса. Нижний палеолит (переход к среднему палеолиту?).

Аналогии. Наиболее близкие аналогии самой выразительной части артефактов комплекса можно найти в материалах мустьерской стоянки Кара-Бура, находящейся в 160 км к юго-востоку, возраст которой (ранний вюрм [Ранов, 1965]), определенный археологическими методами, не соответствует возрасту отложений (400 тыс. лет), установленному на основе корреляции с кислородно-изотопной шкалой.

Хонако. Полной статистики не имеется, но можно сказать, что среди 530 находок манупорты составляют очень небольшое количество.

Основные характеристики. Во 2-м ПК мы сталкиваемся с совершенно иной, новой индустрией, представляющей хорошо выраженную культуру среднего палеолита, именуемую мустьерской. Прежде всего это пластинчатая индустрия, так как ее облик определяют крупные, продольной огранки пластины, которые по их главным параметрам можно назвать леваллуазскими. Длина этих пластин до 12 см. Значительная их часть обломана в процессе работы. Подавляющее большинство ретушированных орудий представлено боковыми скребками и ножами на пластинах. Ретушь

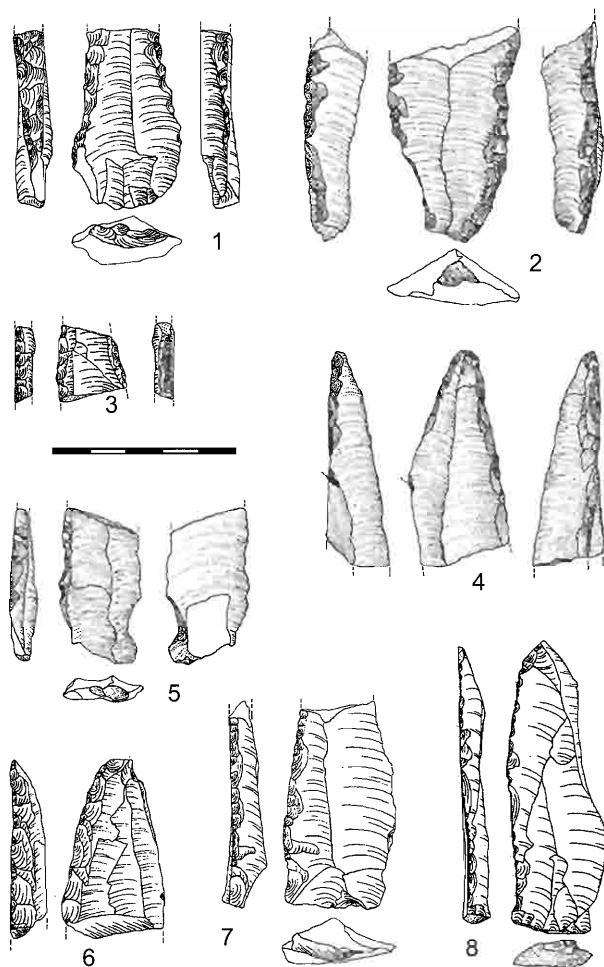

Рис. 7. Стоянка Хонако. Пластины с краевой ретушью из 2-го педокомплекса. Средний палеолит.

краевая, и в отдельных случаях пластины с маргинальной ретушью очень напоминают верхнепалеолитические образцы. Совершенно нет скребел с выпуклым лезвием на отщепках и с устойчивой ступенчатой с заломом мустьерской ретушью, столь характерных для западного мустье. Хорошо выраженный остроконечник один.

Техника раскалывания. Нуклеусов очень мало, и они представлены только дисковидными формами, хотя есть удлиненные пластины, которые снимались с площадочных нуклеусов. Пластины преимущественно призматические или треугольно-вытянутые, леваллуазских пластин второго снятия нет. Местной особенностью техники скалывания пластин можно считать отсутствие характерных для мустьерских индустрий изогнутых и часто фасетированных ударных площадок, последние имеют чаще всего треугольную форму и нерегулярную подправку мелкими сколами. Так что вполне возможно, что здесь уже существовали какие-то прототипы призматических нуклеусов, которые, кстати, находятся чуть выше 20-го

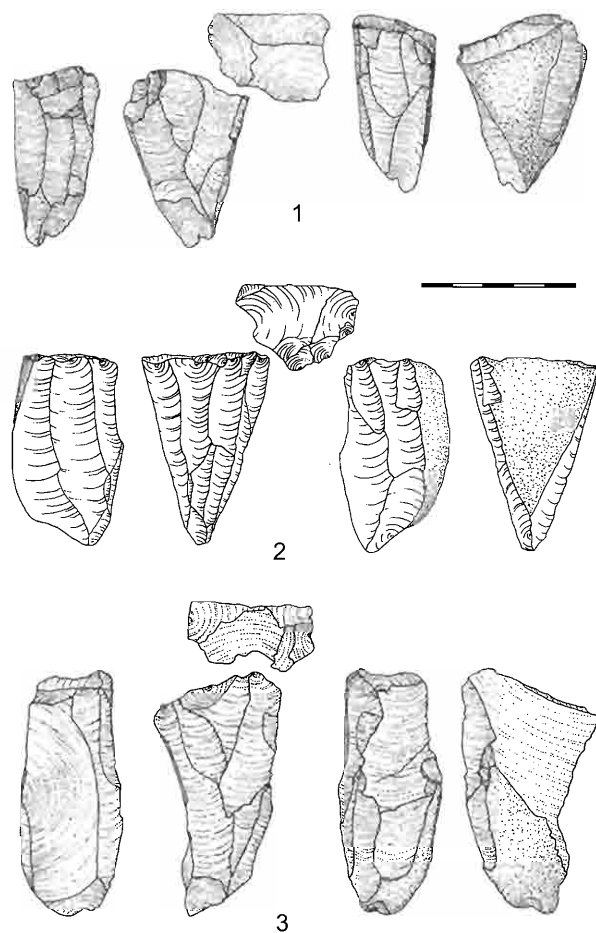

Рис. 8. Стоянка Хонако. Призматические нуклеусы верхнепалеолитического облика из интерстадиала Б над 2-м педокомплексом. Средний палеолит (верхний палеолит?).

ПК в интерстадиальной почве, где они встречены вместе с настоящими призматическими пластинами небольших размеров.

Аналогии. Пластинчатая индустрия стоянки Хонако хорошо вписывается в круг стоянок среднего палеолита Средней Азии с его преимущественно призматическими (леваллуазскими (?)) пластинами. Среднеазиатский термин “протопризматическая пластина” отражает ее толщину и массивность по сравнению с пластинами этого времени, сделанными из высококачественного кремня. Ближайшие аналогии можно найти в материалах известных мустьерских стоянок Огзи-Кичик и Худжи, расположенных в Дангаринской и Гиссарской долинах (рис. 7, 8). Здесь создается сложная проблема несоответствия возраста этих памятников (более 42 тыс. лет), определенного методом радиоуглеродного датирования, и возрастом 2-го ПК (240 тыс. лет), установленным на основе корреляции с кислородно-изотопной шкалой. В этом случае совершенно непонятен значительный, ничем не заполненный хиатус между 1-м ПК, где также найдены

среднепалеолитические артефакты (рис. 9), и известными на сегодняшний день среднеазиатскими мустьерскими стоянками. Если пользоваться датой М. Фрехена, это не менее 50 тыс. лет, а время, разделяющее 1-й и 2-й ПК, и того больше - 110 тыс. лет. Что происходило в данный период, пока не понятно и будет ли когда-нибудь заполнена эта лакуна, тоже сказать трудно. А главное - менялась ли в течение столь длительного времени мустьерская индустрия или она оставалась более или менее стабильной? Если судить по еще малочисленным находкам во 2-м ПК, разница не кажется значительной. Можно признать существование упомянутого хиатуса, но с другой стороны, почему не предположить, что корреляция с кислородно-изотопной шкалой неоправданна и возраст 2-го ПК завышен (В.А. Ранов) или что, наоборот, радиоуглеродные даты в силу ограниченных возможностей метода сильно занижены (Й. Шефер). Кстати, неопубликованные еще ТЛ-даты, полученные В.К. Власовым и О.А. Куликовым для мустьерского памятника Огзи-Кичик, располагаются между 100 и 200 тыс. л. н. Конечно, ответы на эти весьма каверзные вопросы будут найдены только в будущем.

Не менее интересной является проблема перехода от каратауской культуры к среднепалеолитической (мустьерской). Один из авторов считает, что среднепалеолитических элементов, которые мы выделяем в комплексах Лахути и Оби-Мазар-4, недостаточно для заключения о возможности эволюции каратауских индустрий в среднепалеолитические, и полагает, что в данном случае появление мустьерской культуры в Средней Азии - результат миграции ее носителей с Ближнего Востока [Ранов, 1988]. Принимая эту гипотезу, второй автор допускает возможность и локального развития каратауской культуры в среднем палеолите.

Приведенные выше данные однозначно свидетельствуют о том, что в лессово-почвенных разрезах Ховалингского района существуют различные по своей техно-типологической характеристике палеолитические индустрии, но их особенности пока обосновываются на еще не очень многочисленных стоянках, не отличающихся к тому же большим количеством археологического материала (что во многом объясняется спецификой лессовых стоянок - рассеянностью находок и трудностями раскопок, требующих в большинстве случаев снятия значительной массы лесса, перекрывающего палеопочву). Не приходится сомневаться, что различные типы стоянок (недолговременные охотничьи остановки, мастерские, базовые лагерь) могут иметь разное индустриальное выражение. Различия в составе технокомплексов могут быть связаны и с сырьевыми ресурсами древнего населения. Мало в нашем распоряжении и ведущих форм, таких как кубовидные нуклеусы, характерные для 6-го ПК,

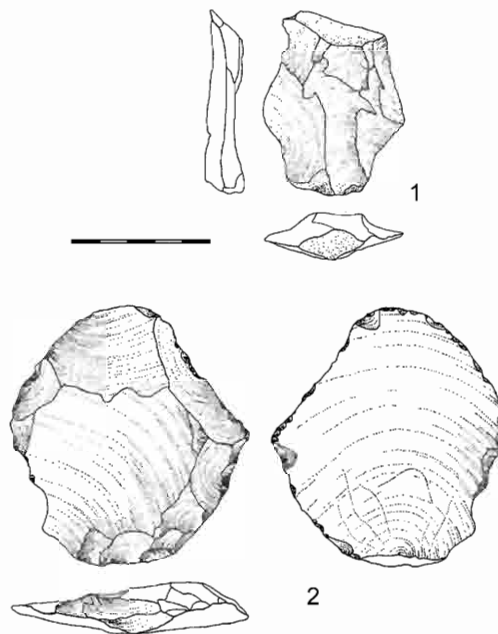

Рис. 9. Стоянка Хонако.
Отщепы из 1-го педокомплекса. Средний палеолит.

площадочные и пирамидальные - для 5-го ПК, нуклеусы с препарированной поверхностью для 4-го ПК, леваллуазские пластины - для 2-го ПК. Можно найти и другие моменты этого плана. Тем не менее опыт многих сезонов полевых работ и анализа полученного материала позволяет во многом интуитивно различать даже артефакты, найденные на поверхности. Итак, несмотря на все трудности, можно говорить, что археологические находки в определенной степени могут помочь в установлении хронологии почвенных горизонтов. Нам кажется, что при возникновении споров по этому поводу археологи могут отстаивать свое представление о возрасте почвы на основании своего понимания содержащейся в ней индустрии.

Выводы и заключение

Принятие новой хронологии педокомплексов таджикских разрезов, основанной на возрасте стадий кислородно-изотопной кривой, значительно удревнило их. Так, возраст 2-го ПК ранее определялся в 30 тыс. лет, теперь - 200 тыс., 4-го ПК соответственно 70 - 90 и 400, 5-го ПК - 130 и 500, 6-го ПК - 200 и 600 тыс. лет. К сожалению, археология лессового палеолита располагает только относительной хронологией этих комплексов, но тем не менее может служить серьезным подспорьем в решении названных очень сложных проблем.

Остановимся еще раз на вопросе аналогий. Иным вариантом каратауской культуры является индустрия пещерной стоянки Сельунгур. Бесспорно, огромное,

еще недостаточно проанализированное сходство имеется между памятниками нижнего палеолита Китая и каратауской культурой, причем прямая миграция и связь между Ховалингом и Желтой рекой с ее притоками вряд ли была возможной. Скорее это конвергенция, вызванная одинаковым качеством первичного материала, а также палеоэкологическими условиями лессовых регионов. Очень интересно сопоставить индустрию каратауских стоянок и недавно открытых травертиновых памятников Казахстана, которые по своему возрасту могут сопоставляться с 5-м и 6-м ПК (600 - 500 тыс. лет). Индустрии стоянок Кошкур-ган и Шоктас содержат заметную группу орудий, по многим параметрам аналогичную галечным орудиям Таджикистана. Особенно близки кубовидные и галечные нуклеусы, чопперы, скребла на гальках, отщепы и клиновидные осколки. И хотя в каратауской культуре не представлены имеющиеся в коллекциях травертинового палеолита кварцитовые “шары” (боласы?), которые не встречаются на среднеазиатских стоянках, но зато имеют прекрасные аналогии в материалах многих китайских памятников, где также представлены обработанные в мустьерской манере остроко-нечники и скребла (в малом числе похожие скребла встречаются на стоянке Каратау), в целом упомянутые технокомплексы близки и принадлежат к азиатскому варианту палеолита с преобладающей в индустрии галечной техникой. Не исключено, что это первое звено в еще не обнаруженной цепи культур данного типа, которые когда-то связывали Южный Таджикистан, Южный Казахстан и Северный Китай в одно целое.

В заключение отметим, что “лессовый палеолит” как новое понятие в археологии каменного века возникло в 1970-е гг. и в конце XX в. превратилось в достаточно обоснованное направление в палеолитоведении, обеспеченное разделами четвертичной геологии, абсолютными датами, работами по палеоэкологии и т. д. Развитие этого направления счастливо совпало с интенсивным изучением лессов в Европе, Таджикистане и Китае, в котором археология лессового палеолита заняла заметное место.

Авторы выражают свою глубокую признательность директору Отдела Евразии Немецкого археологического института (Берлин) проф. Г. Парцингеру за содействие во время работы над этой статьей.

Список литературы

Ломов С.П., Ранов В.А. Погребенные почвы Таджикистана и распределение в них палеолитических орудий // Почвоведение. - 1984. - № 4. - С. 21 - 30.

Поспелова Г.А., Шаронова З.В., Лаухин С.А., Ранов В.А., Волгина В.А. Первые результаты палеомагнитных исследований лессового разреза Хонако (Таджикистан). Палеомагнетизм и магнетизм горных пород. - М.: Наука, 1998. - С. 66 - 67.

Ранов В.А. Каменный век Таджикистана. - Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1965. - 151 с.

Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира: Дис. ... д-ра ист. наук. - Новосибирск, 1988. - 51 с.

Ранов В.А., Додонов А.Е., Ломов С.П., Пеньков А.В. Кульдара - новый нижнепалеолитический памятник Южного Таджикистана // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. - 1987. - № 56. - С. 65 - 75.

Dodonov A.E., Ranov V.A., Schäfer J. Das Losspaläolithikum am Obi-Mazar (Tadshikistan) // Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums. - Mainz, 1995. - 39 Jahrgang (1992). - S. 209 - 243.

Loess in the Middle and Upper Rhine Area / Eds. M. Weidenfeller, L. Zoller. - Mainz, 1999. - 79 p.

Ranov V.A. The “Loessic Palaeolithic” in Southern Tadjikistan, Central Asia: its industries, chronology and correlation // Quaternary Science Reviews. - 1995. - N 14. - P. 731 - 745.

Reinders J., Hambach U. A geomagnetic event recorded in loess deposits of the Tonchesberg (Germany) identification of the Blake magnetic polarity episode // Geophysical Journal Int. - 1995. - N 122. - P. 407 - 418.

Shackleton N.J., An Z., Dodonov A.E., Gavin J., Kukla G.J., Ranov V.A., Zhou L.P. Accumulation rate of loess in Tadjikistan and China: Relationship with global ice volume cycles // Quaternary Proceedings. - 1995. - N 4. - P. 1 - 6.

Schäfer J., Sosin P.M., Ranov V.A. Neue untersuchungen zum lossaläolithikum am Obi-Mazar, Tadjikistan // Archäologisches Korrespondenzblatt. - 1998. - Bd 26, N 2. - S. 97 - 109.

Schäfer J., Ranov V.A., Sosin P.M. The “cultural evolution” of man and the chronostratigraphical background of changing environments in the loess palaeosoil sequences of Obi-Mazar and Khonako (Tadjikistan) // Anthropologie. - 1988. - Vol. 36, N 2. - P. 121 - 135.

Yue Leping, Xue Xiangxu. The mammalian faunas in North Chinese loess and the position in magnetostratigraphy // Vertebrata Palasiana. - 1996. - Vol. 34, N 4. - P. 311 (Abstract).

Материал поступил в редколлегию 21.04.99 г.

УДК 903.2

А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Е.П. Рыбин

Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: rybin@paleo.archaeology.nsc.ru
derev@archaeology.nsc.ru

ХАРАКТЕР ПЕРЕХОДА ОТ МУСТЬЕ К ПОЗДНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ НА АЛТАЕ (по материалам стоянки Кара-Бом)*

Введение

Время перехода от мустье к позднему палеолиту на обширной территории Северной и Центральной Азии долго оставалось одним из наименее изученных периодов древнекаменного века. Причина этого - отсутствие исследованных археологических памятников, которые могли бы заполнить лакуну между немногочисленными мустьерскими объектами и достаточно хорошо исследованными и широко представленными стоянками второй половины позднего палеолита. Однако в ходе интенсивных научных изысканий за два последних десятилетия на территории Южной Сибири и Монголии было открыто и изучено несколько относящихся ко времени перехода от мустье к позднему палеолиту археологических объектов, что позволило предположить наличие общих закономерностей в эволюции культуры древнего человека, а также существование различных линий развития индустрий ранней поры позднего палеолита. Задача данной статьи - рассмотреть возможность преемственности между мустье и поздним палеолитом, а также проследить функционирование механизма перехода как такового. Известны две наиболее распространенные точки зрения на эти взаимосвязанные проблемы: первая - быстрая смена технических традиций, отсутствие преемственности между мустьерскими и позднепалеолитическими культурами обусловлены возможными миграциями (миграция *Homo sapiens sapiens*?) и ак-

культурации с участием носителей иных социокультурных систем; вторая - переход заключается в эволюционном перерастании среднепалеолитических культур в позднепалеолитические, что объясняется расселением на рассматриваемой территории в позднем ашеле *Homo erectus* и дальнейшей адаптацией древних популяций в Южной Сибири.

Для изучения эволюции культуры палеолитического человека Северной и Центральной Азии на рубеже мустье и позднего палеолита большое значение имеет информация, полученная в ходе комплексных исследований многослойной стоянки Кара-Бом (центральная часть Российского Алтая). Находки, зафиксированные в четких стратиграфических условиях, представляют выразительный набор каменного инструментария переходной эпохи, который позволяет проследить развитие материальной культуры древнего человека на протяжении приблизительно 40 тыс. лет. В рамках настоящей статьи на материалах каменной индустрии названной стоянки будет воссоздана генеральная линия эволюционных процессов переходной эпохи. Описание каменного инвентаря дается снизу вверх по разрезу отложений стоянки, сначала рассматриваются наиболее древние горизонты. При проведении технико-типологического анализа объединены индустриальные комплексы мустьерских горизонтов 1 и 2, а также 6 и 5-го, 4 - 1-го уровней обитания. Основанием для такой группировки материала являются близость процессов первичного расщепления и основных технико-типологических показателей, сходство типологического облика и структурных связей орудийного набора.

* Работа подготовлена на средства РГНФ, проект № 98-01-00137.

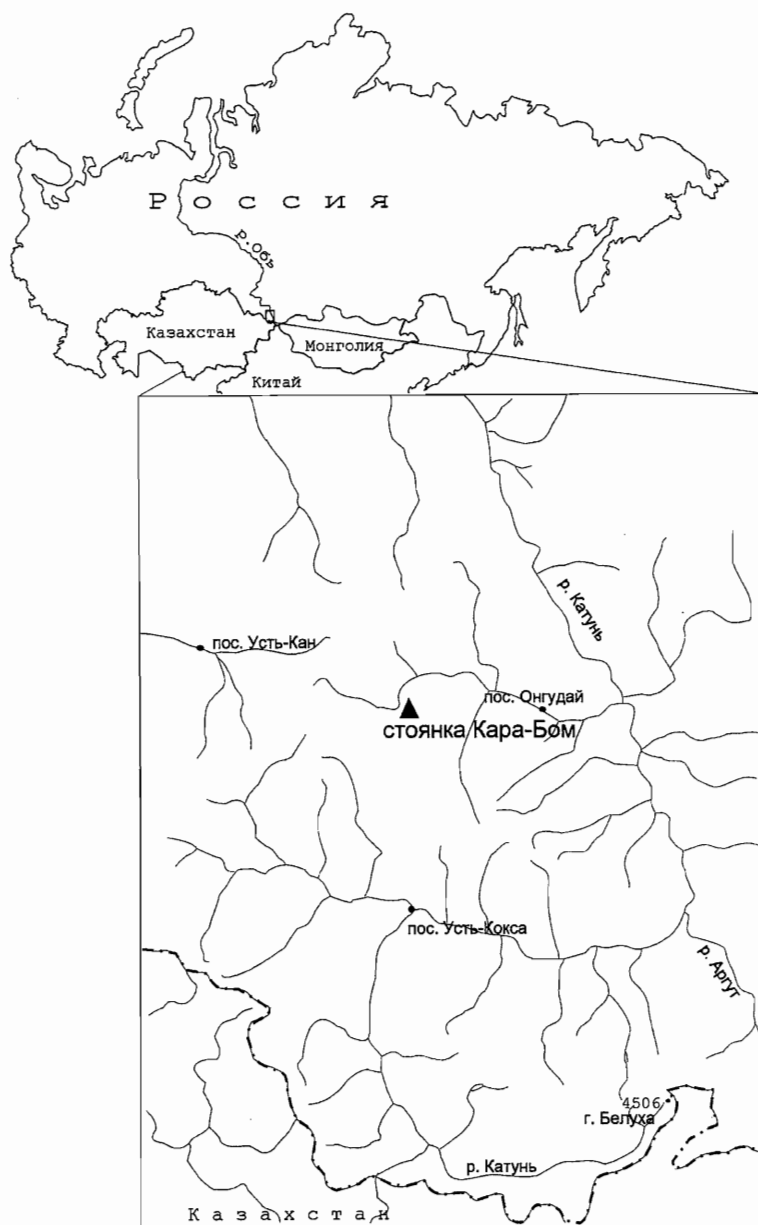

Рис. 1. Схема расположения стоянки Кара-Бом.

Стратиграфия, хронология и палеогеография культурных слоев стоянки

Стоянка расположена в Онгудайском р-не Республики Алтай (рис. 1). Как показали раскопки, проводившиеся здесь в 1980, 1987, 1990 - 1993 гг., культурные остатки залегают в породах делювиального и пролювиального генезиса, слагающих наклонную террасоподобную площадку, которая прислонена в северной части к вертикальному скальному выходу метаморфизованных сланцев (рис. 2). Мощность осадочных отложений стоянки составляет около 5 м. Все литологические слои стоянки содержат культурные остатки, залегание которых в значительной сте-

пени оказалось нарушенным. Было выявлено четыре основных фактора, вызвавших постдиспозиционные нарушения культурных горизонтов. *Первый* - действие родниковых вод, находящихся и сегодня в непосредственной близости от стоянки. Количество родников, их режим и уровень разгрузки со временем, несомненно, менялись. Масштабы эрозионного воздействия родников ограничены как по площади, так и по глубине. *Второй* фактор определялся эрозийной деятельностью водных потоков тающих снежников. Памятник в прошлом и в настоящее время с севера и запада ограничен скальными выходами, а с юга - долиной р. Семисарт. Несомненно, ранее террасовая площадка Кара-Бомы, выполненная

Рис. 2. Вид на стоянку Кара-Бом с южной стороны.

Рис. 3. Вид на стоянку Кара-Бом сверху.

Рис. 4. Раскопанный участок 5-го уровня обитания.

Рис. 5. Раскопки позднепалеолитических уровней обитания стоянки Кара-Бом.

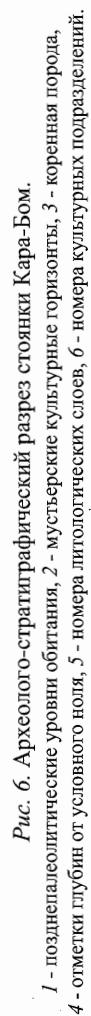

Рис. 6. Археолого-стратиграфический разрез стоянки Кара-Бом.

склоновыми отложениями, занимала значительно большую площадь - об этом свидетельствует расположение слоев в разрезе. Позднее эта часть террасы была уничтожена мощными потоками, аккумуляровавшимися в циркообразных емкостях выше стоянки. *Третий* фактор также связан с воздействием потоков, но дождевых: поскольку отложения памятника прислонены к скальной стене из сланца, дождевые воды постоянно скатывались по естественным вертикальным скальным желобам и оказывали определенное эрозионное воздействие на рыхлые отложения. *Четвертый* фактор - гравитационные нарушения, напрямую обусловленные склоновым характером памятника. Как четко видно по стратиграфическому разрезу стоянки, слои, непосредственно примыкающие к скале, залегают субгоризонтально. Они, судя по дальнейшему их распространению от скалы, были срезаны в результате склоновых оползаний. Таким образом, лишь небольшой участок стоянки, защищенный с севера и северо-востока (памятник южной экспозиции) преградой из скальных пород, не испытал в полной мере воздействия субаквальных и склоновых процессов (рис. 3). На этом участке были выявлены шесть позднелитических уровней обитания (6 и 5-й, 4 - 1-й) (рис. 4) и два мустьерских горизонта (1 и 2). Уровни обитания выделены как стратиграфически, так и планиграфически (рис. 5). Они представляют собой культурные остатки, которые залегают компактной массой по вертикали и горизонтали и отделены друг от друга стерильными прослойками. Мустьерские горизонты несколько иные по характеру - находки в них больше рассеяны по вертикали. Расположение культурных горизонтов относительно литологических слоев хорошо видно на примере верхней части продольного разреза по западной стенке раскопа (рис. 6). Стратиграфия слоев следующая:

1. Современная почва. Суглинок грязно-коричневый, песчанистый, слабогумусированный.

2. Суглинок лессовидный, светло-коричнево-палевый, слабопесчанистый, с мелкой дресвой сланцев, которая залегают параллельно современной поверхности.

3. Концентрат крупной дресвы и щебня сланцев, сцементированных светло-коричнево-палевым песчаным суглинком. На третьем метре от скалы слой срезается дневной поверхностью. Слои 2 - 4 встречены в разрезе только вблизи скалы.

4. Суглинок коричнево-палевый, гумусированный, особенно в кровле. Слой 4, как и слой 3, на рубеже 2 м от скалы принимает почти горизонтальное положение и эрозионно срезан на расстоянии 3,0 - 3,5 м. В кровле слоя 4 зафиксирован 1-й уровень обитания.

5. Слой генетически единый, но отчетливо делится на два горизонта - верхний, с большим количеством

обломочного материала, и нижний, с меньшим количеством обломков. Слои срезаются дневной поверхностью под углом 30 - 45°.

5А. Суглинок грязно-коричнево-зеленовато-серый, песчанистый, с обилием дресвы, щебня и более крупных обломков сланцев. Иногда в кровле слоя прослеживается слабая гумусация. Сама кровля горизонтальная или слабоволнистая. В кровле слоя 5А зафиксирован 2-й уровень обитания.

5Б. Суглинок грязно-коричнево-палевый, серый, песчанистый, с обломками сланцев в виде включений. На отдельных участках разреза слоя 5Б отмечена гумусация. Слой в средней части включает 3-й уровень обитания.

6. Грубообломочная толща слабовыветрелых (или почти невыветрелых) обломков, дресвы и щебня сланцев, сильно сцементирована песчаным суглинком. В кровле слоя отчетливо прослежена гумусация. В кровле слоя на границе со слоем 5Б расположен 4-й, а в средней части слоя зафиксирован 5-й уровни обитания; немного ниже последнего, ближе к подошве слоя, зафиксирован 6-й уровень обитания.

7. Суглинок зеленовато-серый, сильнопесчанистый, гравелистый, с небольшой примесью дресвы и щебня сланцев. Слой незначительный по мощности, а границы его кровли и подошвы определяются не всегда четко. В подошве слоя, залегающего на скальном основании, наблюдается гумусация. В кровле слоя 7 видны прокалы.

8. Суглинок ярко-коричневый, песчанистый, кровля и подошва слабоволнистые. Слой 8, возможно, представляет собой своеобразный почвенный горизонт.

9. Генетически единый слой делювиального происхождения. Суглинок грязно-коричнево-серый, светлый, сильнопесчанистый, с дресвой и щебнем сланцев. Слой можно разделить на три горизонта.

9А. Наиболее сероцветная часть слоя 9 (особенно в кровле) характеризуется повышенной гумусацией и большей, чем в других горизонтах этого слоя, примесью обломочного материала. К периферии горизонт сливается с основной частью слоя 9.

9Б. По описанию соответствует слою 9. Здесь отмечаются наиболее крупные обломки сланцев. Границы горизонта нечеткие. На шестом метре от скалы в горизонте 9Б наблюдается гумусация коричневого цвета. В слое зафиксирован мустьерский горизонт 1.

9В. Суглинок грязно-зеленовато-серый. Для горизонта 9В характерно повышенное содержание в породе мелкого обломочного материала. В кровле отмечена гумусация. В слое размещается мустьерский горизонт 2.

10. Суглинок грязно-зеленовато-серый, с охристыми пятнами и разводами гидроокислов железа,

иловатый, песчанистый, с обломками сланцев. Слой деформирован криогенными процессами.

10А. Ближе к скальному ложу иловатые суглинки фациально замещаются более плотными и более песчанистыми отложениями голубовато-коричневых оттенков. В целом слой залегает своеобразной линзой пород явно субаквального происхождения. В кровле прослежена гумусация.

11. Интенсивно деформированная мерзлотными процессами своеобразная порода - результат переотложения близко перемещенной коры выветривания глинистых сланцев, в различной степени смешанной с делювиальными суглинками склонового генезиса. Порода слоя голубовато-сизо-серого цвета, светлая, с коричневыми и охристыми разводами гидроокислов железа.

12. Кора выветривания глинистых сланцев, обломки, дресва и щебень сланцев, разрушенных до состояния сапролитов и сцементированных грязно-голубовато-сизой глиной. Порода слабдеформирована криогенными процессами.

По образцам участка с непотревоженными культурными слоями с помощью ЭПР и радиоуглеродного датирования была получена хронологическая последовательность от 72 тыс. до 30 тыс. л. н. Самая ранняя дата для литологического горизонта 11 получена по ЭПР и равняется 72,2 тыс. л. н. Для литологического горизонта 9 по образцу, взятому в средней его части, немного выше мустьерского горизонта 2, получена дата по ЭПР в 62,2 тыс. л. н. Для мустьерского горизонта 1 имеются две радиоуглеродные даты по кости - >42 тыс. л. н. (AA-8873) и >44 тыс. л. н. (AA-8894). Для 6 и 5-го уровней обитания, находящихся в литологическом горизонте 6, по радиоуглероду установлены две даты - 43 200±1 500 л. н. (GX-17597) и 43 300±1 600 л. н. (GX-17 596). Для 4-го уровня обитания, находящегося на границе 5 и 6-го литологических слоев, есть дата по углю - 34 180±640 л. н. (GX-17 595) и по ЭПР - 33 тыс. л. н. Для кровли слоя 6 (ближе к границе с горизонтом 5Б) дата определена радиоуглеродически (уголь) - 33 780±570 л. н. (GX-17 594). Для горизонта 5Б, содержащего 3-й уровень обитания, известна дата по углю - 30 990±460 л. н. (GX-17 593) [Goebel, Derevianko, Petrin, 1993]. Две даты (древнее 43 тыс. л. н., полученные для 5 и 6-го уровней обитания) являются наиболее ранними для позднелепестчатых комплексов на территории Сибири и Центральной Азии. Это создает чрезвычайно важную для понимания процессов культурогенеза изучаемого региона проблемную ситуацию.

На протяжении раннего этапа каргинского времени на территории Алтае-Саянской горной страны происходили таяние и отступление зырянских ледников. Именно с этим периодом связаны остатки конечнотермальных образований и друмлинов в районе памят-

ника. По данным Е.М. Малаевой, изучавшей отложения стоянки по материалам палинологического анализа [Проблемы палеоэкологии..., 1998, с. 153 - 159], в разрезе Кара-Бомы выделяется четыре климатических ритма: до глубины 3,5 м фиксируется теплый и сухой период, от 3,5 до 2,8 м - влажный, от 2,8 до 1,3 м - снова сухой и теплый, от 1,3 м до поверхности - влажный период с сухими микрофазами. Состав флоры разреза стоянки демонстрирует доминирующую роль локальных сообществ. Они складывались из степных, полынно-разнотравных и петрофитно-степных группировок. Во всех случаях пыльца соответствует преимущественно степному характеру растительности. Основные современные экзоты (лещина, вяз, клен, липа и ольха) прослежены по всему разрезу, независимо от характера увлажненности. Существенное обеднение дендрофлоры совпало с периодом, который предшествовал наступлению более сухого климата. После сухого периода леса в районе Кара-Бомы потеряли какую-то часть видов. Сократились площади хвойных лесов, их место заняли березовая лесостепь и горная степь. В целом спорово-пыльцевые диаграммы свидетельствуют о последовательном сокращении облесенности района стоянки. Доли пыльцы деревьев и кустарников указывают на тенденцию снижения, осложненную небольшими "пиками" во время более влажных фаз. По данным М.И. Дергачевой и И.Н. Феденевой, полученным в результате применения палеопедологического метода, в период формирования горизонтов 6 - 4-го уровней обитания в отложениях стоянки Кара-Бомы условия были теплыми, особенно во время формирования 4-го уровня обитания [Там же, с. 160 - 172]. При этом фациальные условия, скорее всего, соответствовали степным теплым кратковременно-промерзающим, во время же формирования толщи отложений, сопоставимое с 5 и 6-м уровнями обитания, - степным теплым промерзающим. Совокупность педогенных признаков позволяет предположить, что условия, в которых формировались отложения, вмещающие 3-й уровень обитания, были близки современным широколиственным лесам или лесостепи. Что касается фауны млекопитающих в районе памятника, то ее состав принципиально не менялся на всем протяжении существования стоянки и представлен преимущественно горными и степными видами (определения С.К. Васильева): мустьерские горизонты 2 и 1 - *Allactaga sp.*, *Equus sp.*, *Coelodonta antiquitatis*, *Bison sp.*, *Capra sibirica*, *Mammuthus primigenius*, *Panthera spelaea*, *Marmota baibacina*; 6 и 5-й уровни обитания - *Allactaga sp.*, *Equus sp.*, *Bison sp.*, *Capra sibirica*, *Equus sf. Hydruntinus*, *Crocota spelaea*, *Citellus sp.*; 2 - 4-й уровни обитания - *Allactaga sp.*, *Citellus sp.*, *Arvicola terrestris*, *Capra sibirica*, *Equus sp.*, *Bison sp.*, *Avis*.

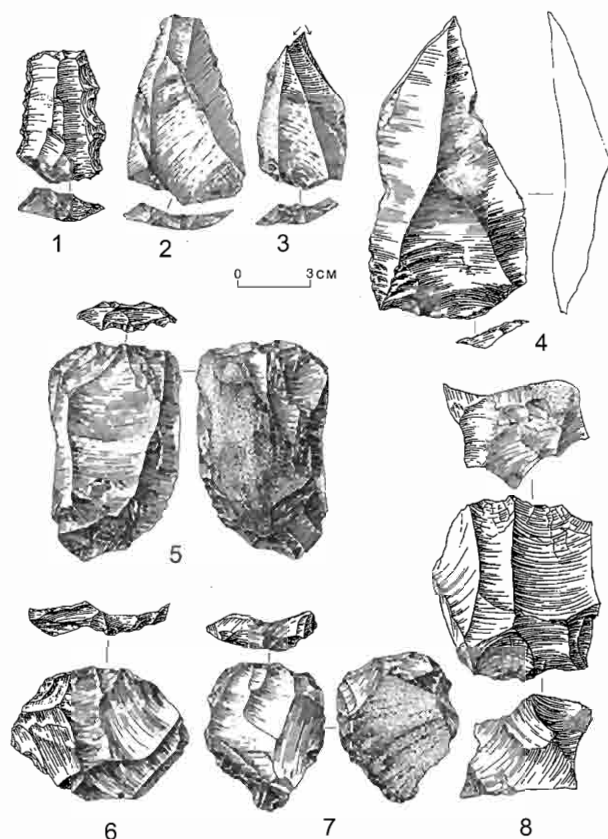

Рис. 7. Каменные артефакты из мустьевских горизонтов 2 и 1. Стоянка Кара-Бом.

Сырье для изготовления артефактов обитатели стоянки приносили, вероятно, из русла протекавшего по долине на расстоянии 1 - 2 км от нее ручья Алтайры. Около 99% составляют артефакты из афировых кислых эффузивов темно-серого и черного цвета. Эта порода чрезвычайно высокого качества, пластичная, с малым количеством внутренних трещин, что позволяло изготавливать удлиненные сколы.

Каменная индустрия мустьевских горизонтов 1 и 2

В коллекции насчитывается 753 изделия из камня.

Технику первичного расщепления представляют ядрища (23 экз., 3% от общего количества артефактов комплекса), относящиеся к категории леваллуазских. Наиболее многочисленную группу (16 экз.) составили нуклеусы параллельного принципа скалывания (рис. 7, 5 - 8). На фронте расщепления этих нуклеусов отмечаются негативы укороченных пластинчатых сколов. Далее по степени представительности в коллекции следуют нуклеусы леваллуа для снятия острий (3 экз.); они маловыразительны и находятся в конечной стадии сработанности.

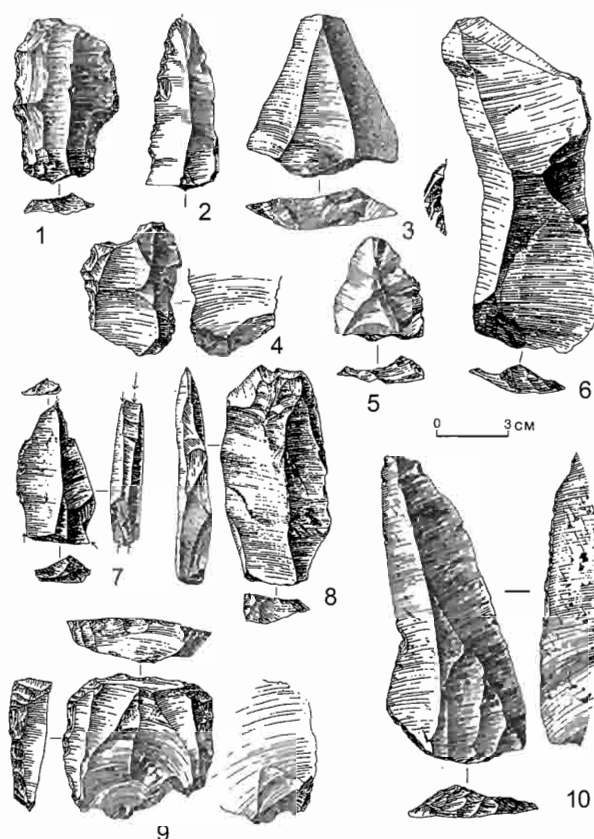

Рис. 8. Каменные артефакты из мустьевских горизонтов 2 и 1. Стоянка Кара-Бом.

Отходы первичного расщепления - 548 экз. (72,7% от общего количества артефактов комплекса). Дополнительную характеристику техники первичного расщепления комплекса мустьевских горизонтов дают основные технические индексы: мустьевский горизонт 2 - I lam - 33, IF large - 53, IF strict - 29, индекс леваллуа технический (IL) 15,3; мустьевский горизонт 1 - I lam - 46, IF large - 47, IF strict - 27, IL (технический) - 10,7. Основные технические индексы мустьевских горизонтов близки, однако в мустьевском горизонте 1 отмечается резкое увеличение индекса пластинчатости и уменьшение леваллуазского индекса.

Орудийный набор - 152 экз. (20,2% от всей коллекции). Как отмечалось, заготовки для орудий представлены тремя основными видами сколов в приблизительно равной пропорции. Для мустьевского горизонта 2, статистически наиболее представительного, выявлено следующее соотношение артефактов: 26,1% - отщепы, 30,6% - остроконечные леваллуазские сколы, 8,1% - технические сколы, 34,2% - пластины.

Орудийный набор характеризуется следующими основными показателями: мустьевский горизонт 2 - IL типологический - 51,3; группа мустьевских орудий - 32,

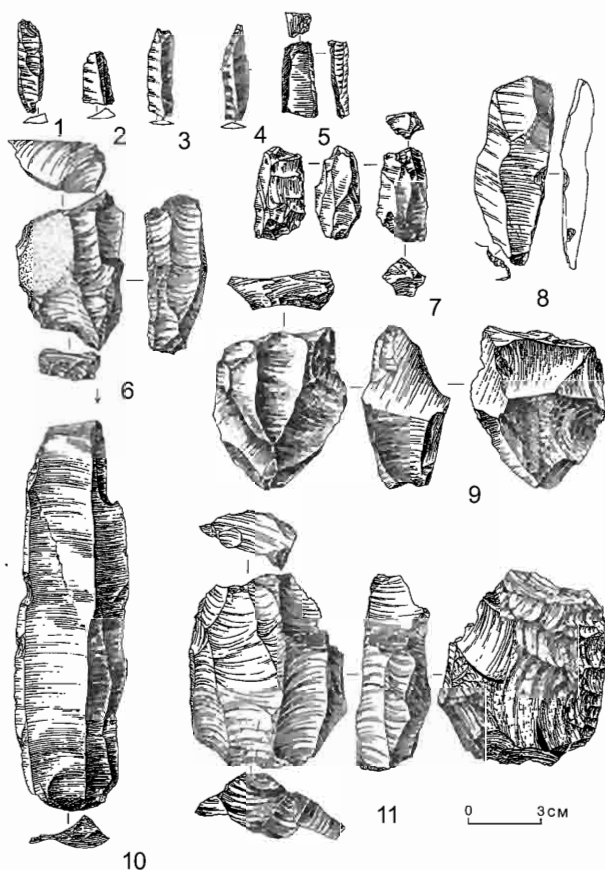

Рис. 9. Каменные артефакты из 6 и 5-го уровней обитания. Стоянка Кара-Бом.

позднепалеолитических - 16, зубчато-выемчатых - 32; мустьерский горизонт 1 - II типологический - 26,8; группа мустьерских орудий - 17, позднепалеолитических - 21, зубчато-выемчатых - 52. Среди орудий леваллуазские острия (в основном средние и удлиненные, с однонаправленной огранкой дорсала) составляют 28,3% от всего орудийного набора. Самая многочисленная группа - зубчато-выемчатые орудия (рис. 8, 4); достаточно широко распространены различные ретушированные сколы (рис. 8, 8); скребла (1,3%) представлены формой с высоким рабочим краем (рис. 8, 9); позднепалеолитических орудий относительно много (скребки - 5,2%, резцы - 2,9 (рис. 8, 7), проколки - 2,9, обушковые ножи - 5,2%).

Каменная индустрия 6 и 5-го уровней обитания

Всего найдено 1 472 предмета из камня.

Технику первичного расщепления характеризуют нуклеусы и преформы - 23 экз., или 3%. Практически все нуклеусы параллельного принципа скалывания, различаются по количеству и расположению фронтов скалывания и получаемых с них заготовок.

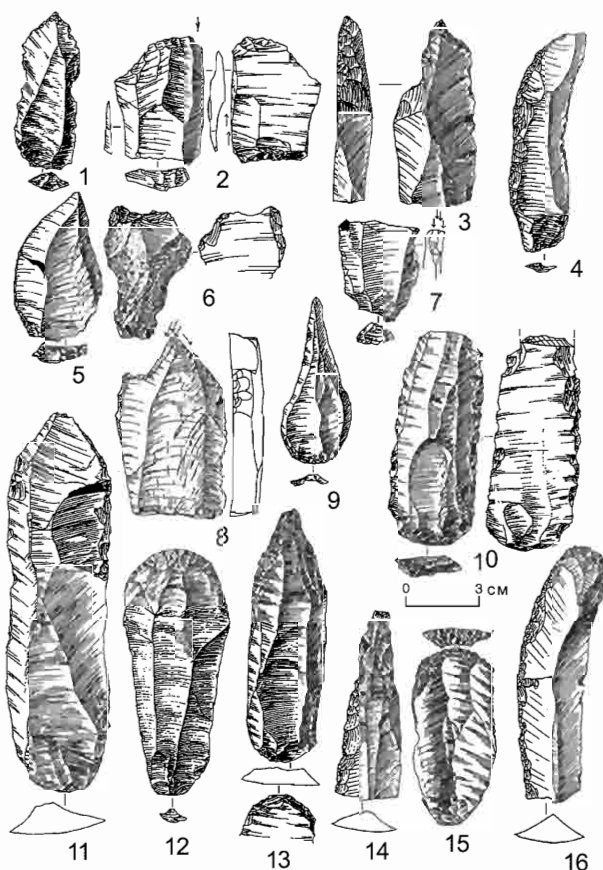

Рис. 10. Каменные артефакты из 6 и 5-го уровней обитания. Стоянка Кара-Бом.

Отходы первичного расщепления - 1 197 экз. (81,3% от общего количества всех артефактов комплекса).

Определены следующие технические индексы, относящиеся ко всем сколам и орудиям: 6-й уровень обитания - IF large - 41,7, IF strict - 29,2, I lam - 55,5; 5-й уровень обитания - IF large - 35,7, IF strict - 17,4, I lam - 61,9.

Орудийный набор включает 224 экз. (15,2% от общего количества всех артефактов комплекса).

Изменения в технике первичного расщепления нашли свое отражение в характере заготовок, на которых оформлены орудия. Так, в коллекции 6-го уровня обитания на отщепах изготовлено 19,5%, на пластинах - 70,6, на остроконечных сколах - 6,9% орудий. Из приведенных данных отчетливо видно, что носители данной культурной традиции стремились к изготовлению орудий на удлиненных пластинчатых заготовках. Основные типологические группы орудийного набора: мустьерско-леваллуазская - 9,8 от общего количества орудий, верхнепалеолитическая - 38,9, зубчато-выемчатая - 28.

Появляется ряд новых типов орудий - тщательно изготовленные концевые скребки на пластинах

(рис. 9, 12, 15), многофасеточные резцы (рис. 9, 2, 8), а также многочисленные устойчивые серии острий, оформленных с помощью крутой и полукрутой чешуйчатой ретуши на пластинах (рис. 10, 3, 10, 13, 14). Специфической формой орудий являются “пластины-клинки” (см. рис. 9, 11; 6, 10). Заготовкой для них служили очень крупные (длина до 25 см) пластины. Леваллуазские остроконечники представлены в удлинненном однонаправленном варианте, подчас их трудно отличить от пластин (см. рис. 9, 1, 5, 9). Не утратила своей роли и такая своеобразная форма, как ножи. Заготовкой для них служили краевые сколы, снимаемые в процессе расщепления нуклеусов (см. рис. 10, 8). Скребла невыразительны и малочисленны. Зубчато-выемчатый компонент сохранил ведущее значение в структуре комплекса: орудия этой группы разнообразны и тщательно оформлены.

Каменная индустрия 4 - 1-го уровней обитания

В коллекции насчитывается 404 каменных артефакта, в том числе 8 экз. (1,9%) нуклеусов и преформ. Все нуклеусы относятся к параллельным. По техническим признакам выделяются две основные группы ядрищ: а) *переходная* - нуклеусы параллельного принципа скалывания с дополнительным фронтом снятия на торце (рис. 11, 12); б) *верхнепалеолитическая* - торцовые и протоклиновидные нуклеусы. Леваллуазская техника используется на этапе подготовки фронта скалывания. Нуклеусы для снятия острий исчезают полностью, что подтверждается отсутствием сколов с них. Отходы первичного расщепления составляют 314 экз. (77,7%). Основные технические индексы комплекса: IF large - 20, IF strict - 12, I lam - 56.

Система утилизации и расщепления нуклеусов сохранила все свои основные черты. Вместе с тем уменьшились размеры заготовок, еще более сократилась доля подправленных ударных площадок, вырос удельный вес микропластинок.

Орудийный набор - 73 экз., или 18,3%. Заготовками для орудий послужили пластины (79,4%), отщепы (19,1%); на нуклеусе изготовлено одно (1,3%) орудие. Удельный вес и роль мустьерских форм в структуре орудийного набора относительно мустьерских культурных горизонтов сокращаются. Они представлены скреблами (6,7%). Отсутствуют леваллуазские острия. Проколки (1,3%) (рис. 11, 5), резцы (8,1%) (рис. 11, 1, 3, 4, 13), скребки (9,5%) (рис. 11, 6, 10, 11), позднепалеолитические острия на пластинах (6,7%) (рис. 11, 2, 7, 9), ножи (6,7%) сохраняют

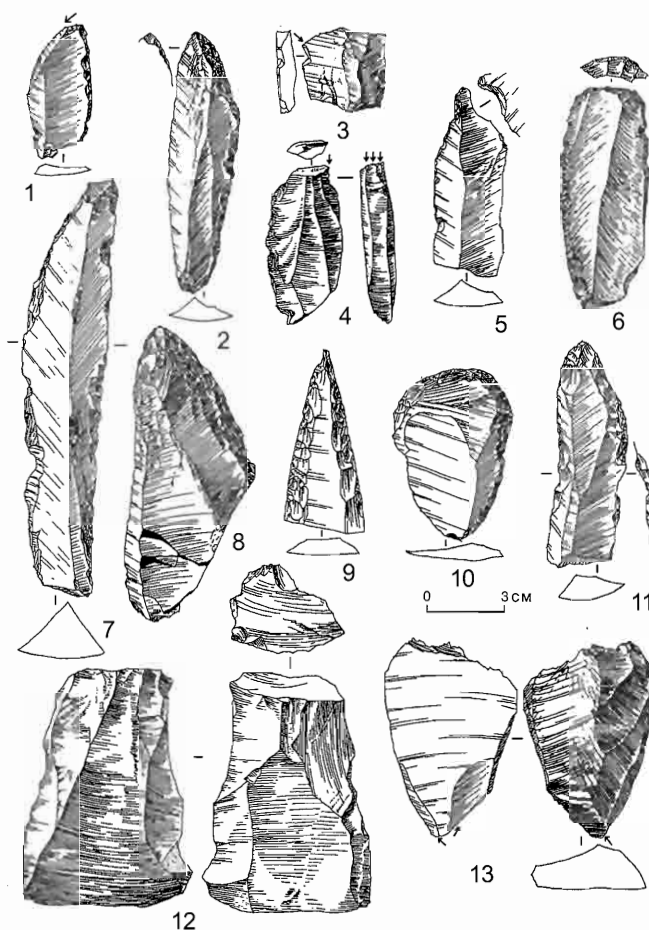

Рис. 11. Каменные артефакты из 4 - 1-го уровней обитания.
Стоянка Кара-Бом.

свое разнообразие. Появляется специфическая форма орудий - скребло-нож, сочетающая в себе элементы острия, скребка и ножа (рис. 11, 8, 10). Изделия зубчато-выемчатого компонента индустрии составляют 35,1%. По морфологическому облику они близки к характерным для 6 и 5-го уровней обитания аналогичным формам орудий - рабочий край образован на продольных краях орудий, анкоши выполнены или крутой, или полукрутой параллельной краевой, или чешуйчатой ретушью; на некоторых орудиях с помощью следующих друг за другом анкошей создан пальчатый рабочий край. Основные типологические группы орудийного набора: мустьерско-леваллуазская - 6,7%, позднепалеолитическая - 32,3, зубчато-выемчатая - 35,1%.

Характер и темпы эволюционных изменений индустрии стоянки

Нами рассмотрены индустриальные технокомплексы двух мустьерских культурных горизонтов и шести

позднепалеолитических уровней обитания, залегающих в четкой стратиграфической последовательности и представляющих период протяженностью около 40 тыс. лет.

Наиболее отчетливо переход от мустье к позднему палеолиту прослеживается при изучении техники первичного расщепления. При анализе технико-типологического облика мустьерской индустрии памятника обращает внимание тот факт, что среди нуклеусов преобладают ядрища параллельного принципа расщепления, они находятся в начальной и преимущественно в конечной стадиях расщепления и несут на себе негативы крупных широких пластин или следы снятий небольших параллельных сколов неправильной формы. Нуклеусов для снятия леваллуазских острий относительно немного (13%), они сохраняют следы попыток переоформления. Однако картина распределения сколов позволяет допустить существование иной, более сложной, чем можно предположить только по морфологии нуклеусов, системы первичного расщепления. Так, в мустьерском горизонте 2 I am составляет 33, из пластин изготовлено 34% орудий (довольно высокая доля для мустьерских памятников Алтая), причем относительно много крупных, имеющих правильную форму и огранку пластин; леваллуазские острия многочисленны, они преимущественно средние и удлиненные. Очевидно, что использовалась своеобразная система утилизации и переоформления ядрищ, которая, судя по морфологии артефактов, включала несколько стадий. В результате анализа всего массива сколов и нуклеусов комплекса удалось реконструировать наиболее распространенный вариант последовательности утилизации леваллуазского нуклеуса: сначала использовался рекуррентный однополярный параллельный метод [Voëda, 1988], затем, после переоформления ядрища, переходили к рекуррентному однополярному конвергентному и на заключительной стадии вновь прибегали к рекуррентному однополярному параллельному. На начальной стадии утилизации на преформе образовывалась центральная грань, после ее удаления производили рекуррентную серию снятий крупных леваллуазских пластин (см. рис. 7, 1; 8, 1, 6). На среднем этапе расщепления ядрища конвергентными однонаправленными сколами и краевыми сколами достигалась необходимая фронтальная выпуклость и производилось снятие до трех леваллуазских острий и/или сколов со слабой конвергенцией краев (см. рис. 7, 2 - 4; 8, 3, 5, 10). На заключительной стадии расщепления ядрища скалывание осуществлялось в параллельной системе, исходным продуктом были укороченные сколы с огранкой, соответствовавшей первому - третьему снятиям начального этапа расщепления нуклеуса.

Для индустриальных комплексов 6 и 5-го уровней обитания реконструирована иная последовательность

расщепления. Начальную стадию представляют леваллуазские рекуррентные монофронтальные двуплощадочные плоскостные нуклеусы. Это ядрища прямоугольной в плане формы, их ударные площадки наклонены к контрфронту, рабочий фронт несет на себе негативы снятия крупных удлиненных пластин правильной формы. Система расщепления этих ядрищ в целом близка той, которая воссоздана нами для мустьерских горизонтов стоянки. На определенном этапе продолжение эксплуатации широкой плоскости нуклеуса становилось невозможным ввиду его истощения. Тогда производилось снятие с заостренной латерали нуклеуса. В результате этой операции на торце образовывался уже новый фронт, расщепление которого велось в направлении, перпендикулярном направлению скалывания предыдущего фронта (см. рис. 9, 5, 7, 11). Меняется характер заготовки - теперь это уже узкая удлиненная пластина или микропластина (см. рис. 9, 1 - 4). В рамках нескольких циклов расщепления одного нуклеуса происходит переход от леваллуазского рекуррентного получения заготовок со свойствами, predeterminedными предыдущей подготовкой, к иной, нелеваллуазской, стратегии эксплуатации объема нуклеуса. Сильно сработанные нуклеусы этой группы в ряде случаев переоформляются в многофасеточные резцы, что является особенностью позднепалеолитической индустрии Кара-Бом [Петрин, Чевалков, 1992, с. 208]. Следы переноса фронта скалывания на узкую плоскость нуклеуса отмечены и на леваллуазских "острийных" нуклеусах. Отражением этого процесса в позднепалеолитических комплексах является единственный экземпляр этого вида нуклеусов, на торце которого после снятия острия была произведена попытка скалывания микропластин (см. рис. 9, 9). Находки из 6 и 5-го уровней обитания стоянки Кара-Бом демонстрируют зарождение техники изготовления клиновидных ядрищ, широко распространенной в позднем палеолите на территории Северной и Центральной Азии. Была выделена серия нуклеусов для снятия микропластинок, обладавшая всеми морфологическими признаками клиновидных ядрищ. Таким образом, Кара-Бом можно считать самым ранним точно датированным памятником с подобными артефактами в регионе (см. рис. 9, 6, 7).

Изменения коснулись и процесса первичного расщепления. Важную информацию об этом дает анализ материалов, касающихся огранки дорсальных поверхностей сколов. Характеристики, полученные при изучении индустриальных комплексов мустьерских горизонтов, свидетельствуют о значительном разнообразии систем расщепления. Доминировали параллельный однополярный (46,7% изделий от общего количества сколов) и бипроходный (встречный) способы огранки сколов (7,2%). Образцы с конвергентным

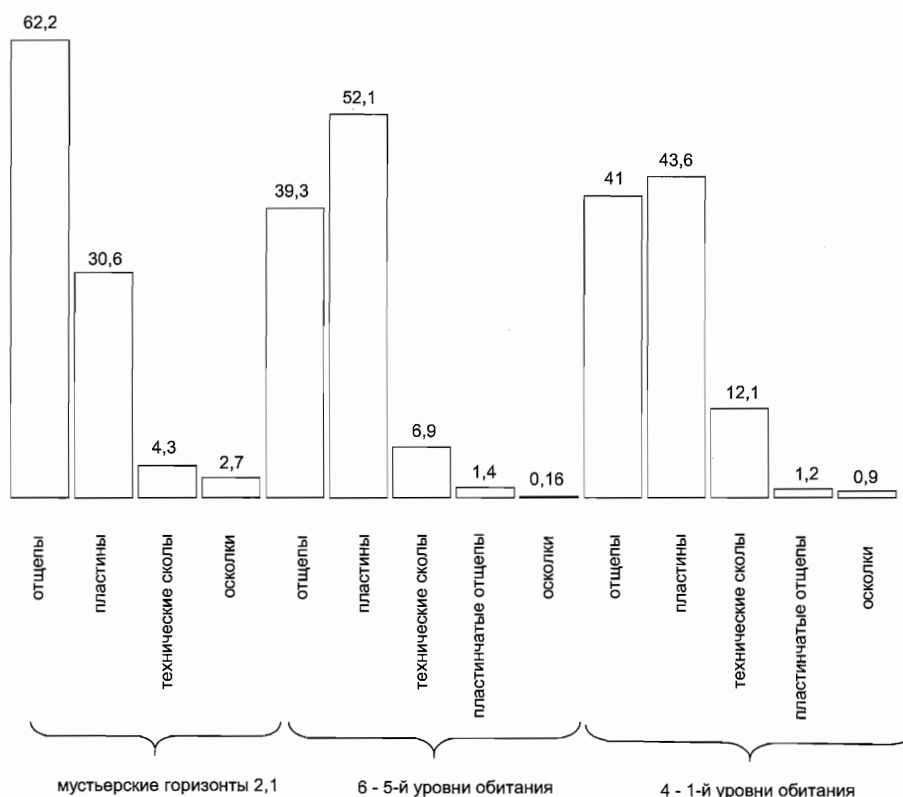

Рис. 12. Распределение отходов процесса первичного расщепления технокомплексов стратифицированной части стоянки Кара-Бом.

расположением сколов также широко представлены в морфологии дорсалов, при этом обращает на себя внимание довольно частое (12,1%) применение продольно-конвергентной системы огранения, что объясняется, очевидно, переоформлением нуклеусов при переходе от получения пластин к снятию леваллуазских острий. Результатами переоформления фронта расщепления являются и сколы, несущие продольно-поперечную огранку дорсала (12,3%). Что касается промышленных комплексов 6 и 5-го позднепалеолитических уровней обитания, то по сравнению с мустьерскими культурными горизонтами в них за счет роста удельного веса снятий с биполярной ориентацией сколов (19,6%) значительно увеличилась доля параллельно-ограниченных сколов; сколы с однополярной ориентацией негативов составили 52,5%. Резко сокращается количество заготовок с конвергентной ориентацией негативов снятия (2,8%). На 4 - 1-м позднепалеолитических уровнях обитания, как следует из анализа данных по огранке дорсала сколов, по сравнению с 6 и 5-м уровнями обитания, несколько снизилось значение параллельной однополярной системы снятий (42,9% всех заготовок) и, что важно, происходило дальнейшее усиление (26%) роли приема параллельного биполярного расщепления. Количество сколов с радиальной и кон-

вергентной огранкой сокращается до минимума (по 0,3%). Резко увеличивается доля реберчатых пластин. По коллекциям из позднепалеолитических уровней обитания фиксируется переход к иной системе расщепления.

Показательны изменения в соотношении основных категорий отходов техники первичного расщепления (рис. 12). В мустьерских горизонтах отщепов вдвое больше, чем пластин. В технокомплексах 6 и 5-го уровней обитания по удельному весу пластины превосходят отщепы. Тенденции, прослеженные на этих уровнях обитания, получают свое продолжение в технокомплексах 4 - 1-го уровней обитания, например, увеличивается доля пластин. Таким образом, можно сделать вывод о том, что на рубеже мустье - позднего палеолита динамика техники первичного расщепления технокомплекса стоянки Кара-Бом определялась сменой леваллуазской технологии циклического получения заготовок на серийное снятие пластин.

На стратифицированном участке обнаружено всего 449 орудий. Морфология их заготовок соответствует тем тенденциям, которые были прослежены нами для техники первичного расщепления. Удельный вес орудий, заготовкой для которых послужили пластины, постоянно увеличивается и достигает своего

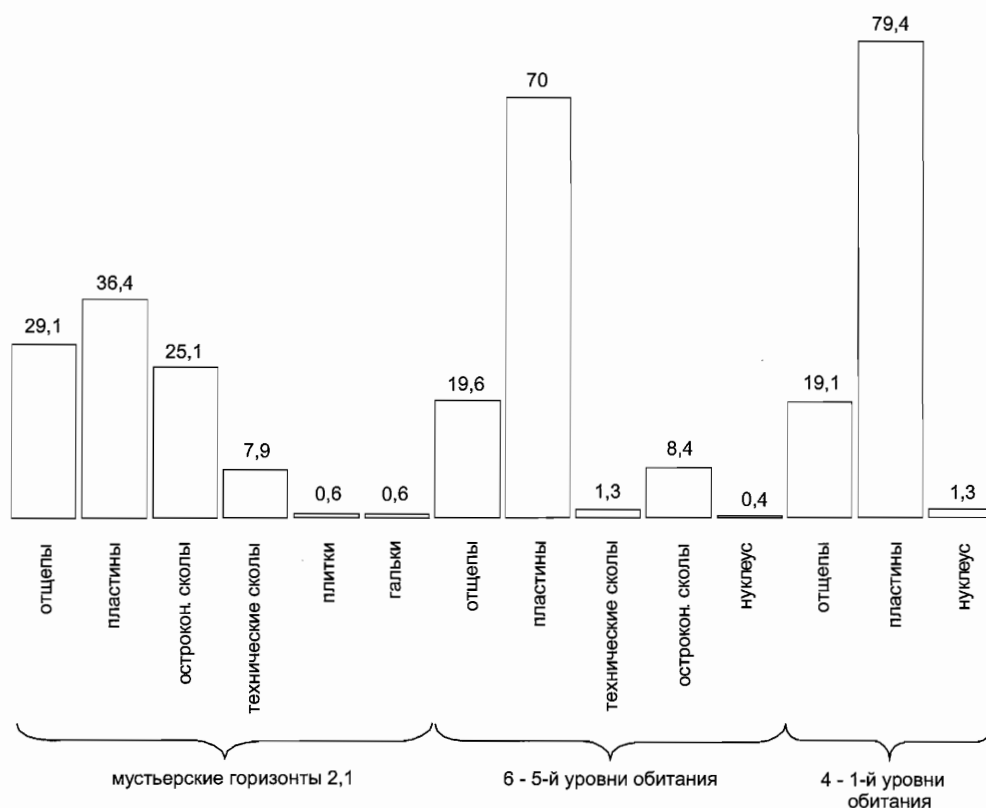

Рис. 13. Распределение орудий из технокомплексов стратифицированной части стоянки Кара-Бом по характеру заготовки.

максимума в технокомплексах 1 - 4-го уровней обитания (рис. 13). Показательно, что доля орудий, изготовленных на пластинах, постоянно превышает индексы пластинчатости технокомплексов. Так, в мустьерских горизонтах орудия, изготовленные на пластинах, составляют 34,2 и 41%, что практически равно аналогичному показателю орудий, сделанных на леваллуазских сколах (35,1%). Удельный вес орудий, изготовленных на отщепах, остается практически постоянным в комплексах позднепалеолитических уровней обитания; леваллуазские сколы почти не задействованы в верхних культурных горизонтах.

Нами было выделено девять групп орудий, представленных практически во всех культурных горизонтах. Эти группы, определявшие характер индустриального комплекса, включают леваллуазские острия, позднепалеолитические острия, ретушированные пластины, скребла, ножи, зубчатые и зубчато-выемчатые формы, выемчатые орудия, резцы, скребки (см. таблицу).

Леваллуазские острия, широко представленные в мустьерских горизонтах, в позднепалеолитических комплексах памятника встречаются только в комплексах 5 и 6-го уровней обитания. Меняется их морфология - они становятся более удлиненными, утонченными и напоминают пластины (в длину больше,

чем в ширину, в 2 - 3 раза). В системе вторичной обработки леваллуазских острий резких изменений не наблюдается. В мустьерских слоях они обрабатывались в основном крутой и полукрутой, краевой, мелкой и средней ретушью. В позднепалеолитических слоях острия оформлены крутой и полукрутой параллельной ретушью с дорсальной и с вентральной сторон. В технокомплексах позднепалеолитических уровней обитания значительно увеличивается количество (14 экз.) ретушированных и неретушированных острий на пластинах (против 1 экз. в мустьерских слоях). Общим моментом вторичной обработки является широкое применение модифицирующей распространенной многорядной чешуйчатой ретуши.

Различия между ретушированными пластинами из мустьерских и позднепалеолитических слоев четко прослеживаются как в морфологии, так и в системе вторичной обработки. Для пластин из мустьерских слоев характерны мелкое полукрутое краевое фасетирование с дорсала, а также чередующаяся ретушь, для позднепалеолитических - дорсальная полукрутая чешуйчатая или полукрутая параллельная ретушь.

Скребла из мустьерских горизонтов изготовлены на массивных сколах подправки фронта скалывания, они высокой формы, ретушированные по

Распределение основных групп орудий индустриального комплекса стоянки Кара-Бом

Группа орудий	Мустьерские горизонты 1 и 2		6 и 5-й уровни обитания		4 - 1-й уровни обитания	
	экз.	% от общего кол-ва орудий	экз.	% от общего кол-ва орудий	экз.	% от общего кол-ва орудий
Леваллуазские острия	38	28,3	13	7,1	-	-
Позднепалеолитические острия	1	0,7	9	4,9	5	6,7
Ретушированные пластины	9	6,7	15	8,2	5	6,7
Скребла	2	1,3	3	1,6	7	9,5
Ножи	7	5,2	16	8,8	5	6,7
Зубчатые и зубчато-выемчатые орудия	9	6,7	13	7,2	12	16,6
Выемчатые орудия	39	29,1	38	21,1	14	18,9
Резцы	4	2,9	20	11	6	8,1
Скребки	7	5,2	24	13,2	7	9,5

периметру, обработаны дорсальной крутой чешуйчатой крупно- и среднефасеточной ретушью. В верхних слоях скребла представлены различными дорсальными продольными и поперечными вариантами шестью типами, однако количество орудий здесь, как и в мустьерских горизонтах, относительно мало.

Зубчато-выемчатые формы широко представлены во всех культурно-хронологических комплексах Кара-Бомы. Значительный численный перевес в структуре этой группы имеют выемчатые орудия, удельный вес их постоянно увеличивается и достигает 28% от всех орудий в комплексе 4-го уровня обитания. Ведущим приемом изготовления выемчатых орудий становится оформление рабочего края на продольной стороне орудия путем наложения ретушированных выемок. Собственно зубчатых орудий в индустриальных комплексах Кара-Бомы немного. В самых верхних горизонтах обитания отмечается некоторое уменьшение доли выемчатых орудий.

Как отмечалось при анализе технокомплексов стратифицированной части стоянки, ножи часто были продуктом одного из приемов расщепления нуклеуса - снятия краевого скола. В силу этого изменение их морфологии происходило в одном русле с модификацией морфологии нуклеусов. В технокомплексе 2-го уровня обитания появляется оригинальный тип орудий - скребла-ножи.

Резцы (срединные, боковые, угловые), относительно немногочисленные в мустьерских горизонтах, имеют прямые соответствия среди артефактов из позднепалеолитических уровней обитания. Однако в комплексах 5 и 6-го уровней обитания их абсолютные и относительные величины значительно возрастают. Резцы в ряде случаев, как отмечалось при характеристике техники первичного расщепления, представляют собой конечный продукт цикла расщепления

нуклеусов (изготавливались на краевых сколах, а также истощенных нуклеусах).

Наиболее динамично (относительно других групп орудий) развивались скребки. Это видно по расширению от слоя к слою разнообразия типов скребков, их количества, а также изменениям в системе вторичной обработки. В мустьерских горизонтах скребки представлены в основном мелкими, преднамеренно фрагментированными сколами, обработанными крутой краевой и крутой параллельной ретушью; однако встречаются скребки и на пластинчатых заготовках. Для позднепалеолитических уровней обитания характерны скребки не только концевые, но и боковые в различных модификациях; ретушь у них крутая параллельная, крутая краевая, крутая и полукрутая чешуйчатая. Заготовками для орудий служили крупные удлиненные пластины. В технокомплексах 4 - 1-го уровней скребки на пластинах такого рода отсутствуют; появляются скребки, ретушированные на 3/4 периметра. В целом в верхних слоях стоянки типологическое разнообразие скребков уменьшается.

Анализ динамики технокомплексов стратифицированной части стоянки Кара-Бом позволяет сделать вывод о том, что основные изменения в технологии и орудийном наборе нашли отражение в 6 и 5-м уровнях обитания, датированных 43 тыс. л. н. Проявившиеся особенно четко новации в технике расщепления камня повлияли на характер орудий: основным сколом-заготовкой для изготовления орудий стали пластины, произошло количественное увеличение верхнепалеолитической группы орудий.

Обсуждение

Выше говорилось о двух основных точках зрения на возможные варианты перехода от мустье к позднему

палеолиту. Первая модель исключает идею преемственности между этими эпохами, поскольку (а) мустьерские и позднепалеолитические технокомплексы кардинально различаются по технологии расщепления и орудийному набору, отсутствуют “переходные” индустрии; (б) допустимо наличие значительных хроностратиграфических и пространственных разрывов между мустьерскими и позднепалеолитическими комплексами. Вторая модель, предполагающая эволюционное развитие индустрии в рамках региона, базируется на следующих тезисах: (а) особенности технологии расщепления и орудийного набора комплексов ранней поры позднего палеолита - результат тенденций, зафиксированных в мустьерских индустриях; (б) существуют четко определяемые “переходные” комплексы; (в) имеется хроностратиграфическая последовательность культурных комплексов без значительных перерывов, которая обусловила появление позднепалеолитических технокомплексов.

Проведенный нами анализ материалов стоянки Кара-Бом свидетельствует в пользу второй модели. В ходе изучения индустриальных комплексов, залегающих в четких стратиграфических условиях, была прослежена эволюция технокомплексов каменных артефактов на протяжении 20 тыс. лет - от эпохи мустье до начала позднего палеолита. Основные изменения отмечены на стадии первичного расщепления камня: зафиксирован переход от леваллуазской технологии, представленной рекуррентными леваллуазскими нуклеусами для получения пластин и острий в мустьерских горизонтах, к верхнепалеолитическому серийному снятию заготовок с торцового нуклеуса. Технология раскалывания как в мустьерских, так и в позднепалеолитических слоях стоянки базировалась на параллельном принципе расщепления камня. Тот вариант расщепления, который нашел отражение в более поздних слоях, является следствием развития леваллуазского принципа. На всем протяжении существования стоянки в орудийном наборе расширялось разнообразие и рос удельный вес орудий позднепалеолитических типов. Однако многие типы орудий, найденные в позднепалеолитических уровнях обитания, представлены и в мустьерских горизонтах памятника. Морфология леваллуазских острий в позднепалеолитических комплексах свидетельствует о “размывании” леваллуазской техники расщепления и ее переходе к позднепалеолитическому параллельному расщеплению призматического ядрища. В технокомплексах 6 и 5-го уровней обитания зафиксированы леваллуазские заготовки, а также промежуточные формы между леваллуазскими и “призматическими” нуклеусами. Судя по относительно небольшой временной дистанции между мустьерскими горизонтами и позднепалеолитическими уровнями обитания, индустриальные комплексы 6 и 5-го уровней обитания стоянки имели,

вероятно, “переходный” статус. Учитывая это, можно уверенно говорить о формировании позднепалеолитических комплексов Кара-Бом на основе местного варианта мустье. В технокомплексах 4 - 1-го уровней обитания стоянки продолжали развиваться тенденции, отмеченные для индустрий нижележащих уровней. Вместе с тем их результаты приобретают уже чисто позднепалеолитический характер, мустьерско-леваллуазские черты как в технике первичного расщепления, так и в орудийном наборе, незначительны - показатели пластинчатости увеличиваются, индекс фасетированности снижается. Леваллуазские особенности проявляются лишь в виде элементов подготовки ядрищ. Похожие тенденции имеют место и в орудийном наборе этих комплексов. Трасологическим анализом ассамбляжей стоянки удалось выявить преемственность в характере функционального использования орудий [Волков, 1998]. При этом в позднепалеолитических уровнях обитания зафиксирована более разнообразная и комплексная деятельность человека по обработке и утилизации продуктов охоты.

Что касается проблем хроностратиграфической последовательности и территориального распространения комплексов переходного времени, то в ходе их анализа необходимо прежде всего определить место материалов стоянки Кара-Бом в ряду других ассамбляжей эпохи мустье - раннего этапа верхнего палеолита. По приведенным выше характеристикам мустьерские технокомплексы изучаемого памятника трудно отнести к какому-либо из определенных Ф. Бордом вариантов мустье. На Алтае широко представлены памятники “типичного” мустье с обилием скребел, малой представительностью зубчато-выемчатых форм и изделиями позднепалеолитической типологии, а также несколько меньшей, чем на Кара-Боме, ролью “параллельного” и главным образом “острийного” леваллуазского расщепления. На этом фоне вариант мустьерского технокомплекса, представленный в индустрии Кара-Бом, по нашему мнению, выглядит весьма своеобразно, он не соответствует ни одному из “типично мустьерских” вариантов, выделенных ранее на территории Горного Алтая [Шуныков, 1990; Маркин, 1996]. Вместе с тем индустриальные комплексы некоторых памятников алтайского мустье демонстрируют значительную близость к мустьерским индустриям Кара-Бом. И на этом основании мы можем уверенно выделить *кара-бомовский вариант мустье*. Для его индустрий характерно доминирование в первичном расщеплении параллельного принципа леваллуазского расщепления камня, а также менее представительного конвергентного принципа снятия острий с широко применявшимся рекуррентным методом производства заготовок. Очень высокие для комплексов мустьерского времени индексы пластинчатости индустрии стоянки Кара-Бом объясняются,

вероятно, исключительно хорошим качеством сырья (в других индустриях этого варианта удельный вес “истинных” пластин меньше). Показатели фасетированности средние. Поскольку ядрища проходили, как правило, несколько циклов переоформления, то количество сколов отделки очень велико. Это объясняет тот факт, что индекс леваллуа (технический) ни в одном комплексе не превышает условной границы, отделяющей леваллуазские индустрии от нелеваллуазских.

Орудийный набор не слишком разнообразен и по составу стабилен; в структуре коллекции высока доля сколов леваллуа. Мустьерская группа изделий представлена традиционным набором изделий, соотношения которых, очевидно, зависело от функциональных особенностей жизнедеятельности человеческого коллектива. Обращает внимание выразительность “острийного” компонента индустрий. Позднепалеолитическая группа орудий достаточно представительна: в ее составе скребки, проколки и резцы простых форм, оформленные, как правило, на пластинах; весьма схожи типы обушковых ножей, ретушированных острий, встречающихся в индустриальных наборах памятников кара-бомовского варианта мустье; достаточно велика доля зубчато-выемчатого компонента, в том числе роль анкошей при образовании орудий различных типов. Как показывают материалы стоянки Кара-Бом в сопоставлении с другими комплексами (Усть-Канская пещера, стоянка Усть-Каракол-1, местонахождение Тюмечин-1), именно в индустриях этого варианта мустье находятся генетические корни “пластинчатых” индустрий начала позднего палеолита Алтая. Вероятно, необходимо подчеркнуть, что все основные “позднепалеолитические” черты технокомплексов уровней обитания стоянки проявляются в индустрии ее мустьерского комплекса. С нашей точки зрения, было бы неправильным проводить жесткую границу между позднепалеолитическими и мустьерскими компонентами индустрии, ибо сходств между ними больше, чем различий. Скорее всего, переход от мустье к позднему палеолиту на Горном Алтае осуществлялся плавно, эволюционно, без продолжительных перерывов во времени и развитии культуры. Механизмом становления позднепалеолитических индустрий было “накопление” характерных для этого периода черт, в первую очередь в технике первичного расщепления, а значит, в орудийном наборе. Именно эволюционное развитие отличает алтайский вариант смены мустьерских комплексов позднепалеолитическими от той модели перехода, которую представляют, например, материалы Западной Европы, среди которых, как известно, имеются “ориньякоидные” индустрии, не связанные корнями с местными вариантами мустье. Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют говорить об “изолированности”

[Синицын, 1999, с. 105] переходных индустрий от хронологически более поздних комплексов ранней поры верхнего палеолита. Вместе с тем временной разрыв почти в 10 тыс. лет между 6 и 5-м и 4 - 1-м уровнями обитания Кара-Бом, казалось бы, свидетельствует в пользу гипотезы об “изолированности” переходных комплексов. Материалы комплексов этого времени на территории Горного Алтая позволяют уверенно говорить о непрерывности линии культурной эволюции на протяжении ранней поры верхнего палеолита, что дает основания для выделения *кара-бомовской позднепалеолитической культуры*, существовавшей в хронологическом диапазоне 44 - 30 тыс. л. н.

Известно несколько стоянок (Кара-Тенеш, Усть-Каракол-1, Денисова и Малояломанская пещеры) с индустриями, основанными на параллельном принципе расщепления, очень близкими по своему облику к комплексу стоянки Кара-Бом. Сходство это проявляется в технике первичного расщепления, а также в структуре орудийного набора и типах оригинальных орудий (в частности, острия на пластинах с ударным бугорком, снятым чешуйчатой вентральной ретушью). В этой связи особенно выразительными представляются материалы стоянки Усть-Каракол-1. Для слоя 9 этой стоянки была получена серия радиоуглеродных дат: 33 400±1 285 л. н. (СО АН-3257), 29 720±360 л. н. (СО АН-3359) 29 860±355 л. н. (СО АН-3358) и из прокала кострища 50±12 тыс. л. н. (РТЛ-660). Для кровли слоя 10 (35 100±355 л. н.). РТЛ-дата подошвы слоя 9В в минимальном значении своего доверительного интервала близка к максимальному значению радиоуглеродной даты для кровли слоя 10 [Археология..., 1998, с. 65]. Существование комплексов начала позднего палеолита на этой стоянке приходится на вторую половину каргинского времени. Таким образом, они занимают хроностратиграфическую лакуну между индустриями 6 и 5-го и 4 - 1-го уровней обитания стоянки Кара-Бом. Коллекция слоев 8 - 11 насчитывает около 2 тыс. каменных артефактов [Там же]. Наиболее представительной является коллекция слоя 10, состоящая из 679 артефактов, в том числе 76 орудий. Основные технические индексы следующие: I lam - 10,2, IF large - 26,7, IF strict - 1,7. Орудия распределяются по типологическим группам таким образом: позднепалеолитическая - 28,8, зубчато-выемчатых орудий - 25; IR (индекс скребел) - 25. В целом для каменных индустрий начала верхнего палеолита, представленных в этих слоях, характерно параллельное расщепление, направленное на получение удлиненных заготовок с одно- и двуплощадочных нуклеусов. В комплексе прослеживаются признаки появления микропластинчатого расщепления. В составе инвентаря имеются нуклеусы клиновидных форм (рис. 14, 8, 11), скребки типа карене, оформленные микропластинчатыми снятиями (рис. 14, 5, 7),

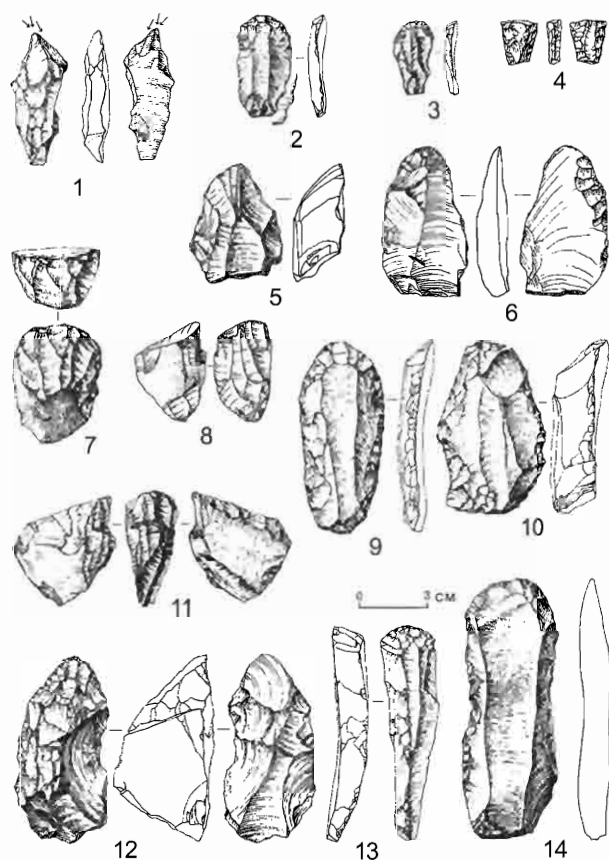

Рис. 14. Каменные артефакты
(по [Археология..., 1998, с. 67]).
Стоянка Усть-Каракол-1.

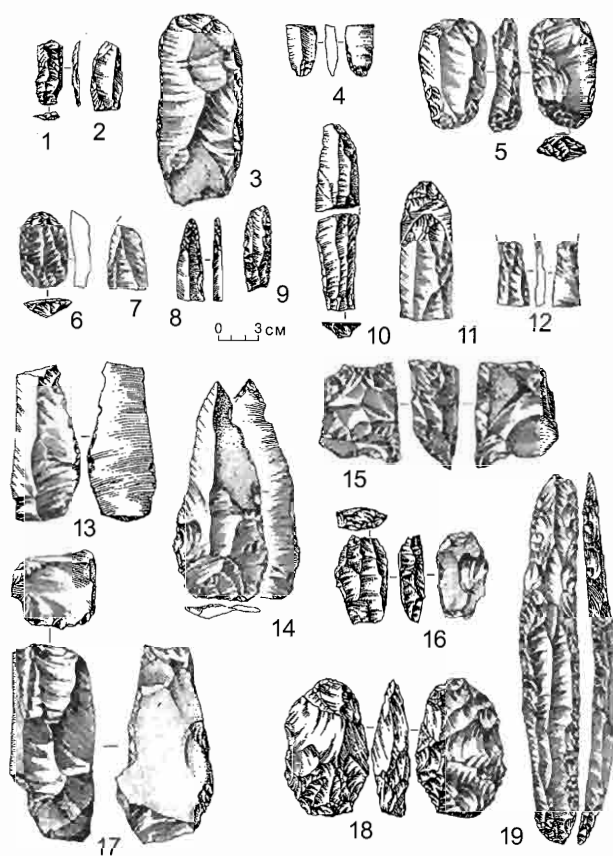

Рис. 15. Каменные артефакты
(по [Проблемы палеоэкологии..., 1998, с. 116 - 117]).
Стоянка Усть-Каракол-1.

и небольшая серия микропластин. В период, соответствующий слоям 8 - 11, происходит зарождение техники снятия микропластин - отмечены микронуклеусы, скребки-нуклеусы и микропластины, сформированные с помощью отдельных элементов микродебитажа (подготовка выпуклого фронта скалывания для серийного снятия микропластин, оформление отдельных элементов карниза и киля, а также ударной площадки). Выделяются параллельные одно- и двуплощадочные ядрища параллельного принципа расщепления с одним и двумя фронтами расщепления. Зафиксированы нуклеусы, напоминающие клиновидные, с признаками попыток создания ребра предварительной оббивкой и перенесения снятий на торцовый участок (рис. 15, 15 - 17). Однако подобные нуклеусы, как подчеркивают авторы раскопок, зачастую асимметричны, фронт скалывания "оформлен небрежно", негативы торцового скалывания часто упираются в залом. В целом данный вариант, по мнению специалистов, может отражать один из вариантов зарождения призматической техники [Проблемы палеоэкологии..., 1998, с. 114]. Такие нуклеусы аналогичны "протоклиновидным" ядрищам и нуклеусам с дополнительным фрон-

том расщепления на торце из верхнепалеолитических уровней обитания стоянки Кара-Бом, что позволяет предположить близость процессов расщепления, происходивших на двух памятниках. Среди орудий стоянки Усть-Каракол-1 преобладают скребла (см. рис. 14, 6, 10; 15, 5), скребки (см. рис. 14, 2, 3, 9, 12, 13; 15, 6) и зубчато-выемчатые формы. Другие типы орудий представлены остроконечниками и проколками, остриями, в том числе с чешуйчатой подправкой вентрала (см. рис. 15, 8, 11) и резцами (см. рис. 14, 1; 15, 7, 12), ножами и долотовидными орудиями, крупными ретушированными пластинами (см. рис. 14, 14; 15, 19) и микропластинами с притупленным краем. В единичных экземплярах обнаружены атипичный леваллуазский остроконечник и овальные бифасы (см. рис. 14, 4; 15, 18) [Археология..., 1998, с. 66].

Таким образом, эволюционная последовательность развития каменной индустрии, зафиксированная на материалах многослойной стоянки Усть-Каракол-1, в основных чертах отражает тенденции в развитии кара-бомовской культуры.

Как отмечалось в ряде наших работ (см., напр. [Деревянко, Петрин, Рыбин, 1998; Деревянко и др.,

1998]), позднепалеолитические комплексы стоянки Кара-Бом на основании сравнительного анализа комплексов каменной индустрии позволяют предположить существование трансконтинентального единства вариантов формирования начального позднего палеолита, которые базировались на леваллуазской пластинчатой технологии расщепления плоского и торцового “параллельных” нуклеусов. Основными пунктами возникновения этих индустрий являются такие наиболее изученные стоянки, как Богунице (Центральная Европа) [Svoboda, 1988], Бокер-Тактит (Ближний Восток) [Marks, Ferring, 1988], Оби-Рахмат (Средняя Азия) [Судейманов, 1972], Кара-Бом (Южная Сибирь).

Для выявления общего и особенного в процессах перехода от мустье к позднему палеолиту в столь отдаленных друг от друга центрах необходимо дать краткую характеристику некоторым из названных объектов. Стоянка открытого типа Бокер-Тактит (пустыня Негев, Израиль) является эталонным ближневосточным памятником, по ее материалам в наиболее “чистом” виде прослеживается переход от эпохи мустье к начальному этапу позднего палеолита. Начало качественных изменений, которые находят выражение в технологических приемах расщепления горных пород, датируется по утлю: 47 - 46 тыс. л. н., $47\ 280 \pm 9\ 050$ л. н. (SMN-580); $44\ 930 \pm 2\ 420$ л. н. (SMN-259); $>45\ 055 \pm 4\ 100$ л. н. (SMN-184) (4-й культурный слой). Памятник содержит четыре культурных слоя, залегающих *in situ* в надпойменных аллювиальных отложениях. Здесь в результате ремонта было реконструировано 180 ядрищ, что позволило определить стратегии утилизации и их варианты для каждого культурного комплекса. Орудийный набор претерпел очень небольшие типологические изменения. От слоя к слою увеличивалась лишь доля концевых скребков. В 1-м (нижнем) слое их 9,8%, наибольшее количество в 4-м культурном слое - 26,2% (рис. 16, 9, 10, 13). Технологии утилизации нуклеусов представляют собой пример направленного во времени изменения, которое фиксируется в переходе от снятия леваллуазских острий с нуклеуса с противоположными ударными площадками к одноплощадочной пластинчатой стратегии утилизации нуклеуса (в самом верхнем ассамбляже) [Marks, Volkman, 1983]. В 1-м слое при расщеплении двухплощадочных леваллуазских нуклеусов производилось одно или более снятий удлиненных острий с каждого нуклеуса (рис. 16, 1, 6). Результатом использования такого приема в 1-м слое являются 42% ядрищ; еще 40% нуклеусов, которые были утилизированы подобным образом, но без снятия острия, отнесены к леваллуазским нуклеусам

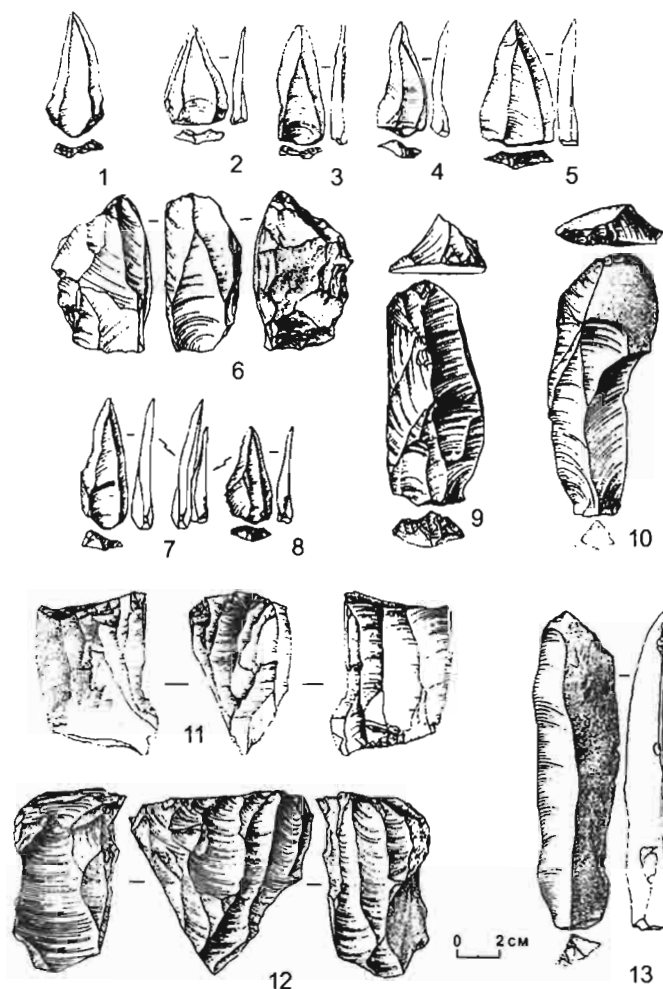

Рис. 16. Каменные артефакты
(по [Marks, 1988, p. 121 - 122; Marks, Ferring, 1988, p. 55]).

Стоянка Бокер-Тактит.

1, 6 - культурные слои 2, 3; 2 - 5, 9 - 13 - культурный слой 4.

для снятия отщепов/пластин. Во 2-м культурном слое отмечена значительная модификация в системе утилизации нуклеусов - леваллуазские острия (рис. 16, 7, 8) лишь в редких случаях являлись конечным продуктом расщепления. Для технологии изготовления половины нуклеусов характерно удаление пластин после отделения леваллуазского острия. Кроме того, выявлена тенденция получения большого количества пластин во время подготовки фронта скалывания до отделения леваллуазского острия. Во 2-м слое зафиксированы признаки скалывания пластин за счет использования нелеваллуазской технологии, которая заключалась в расщеплении тонких кремневых плиток с их узкого (торцового) края без предварительной подготовки и снятия “реберчатой” пластины. Ассамбляж 4-го слоя из Бокер-Тактит представляет собой результат первой чисто верхнепалеолитической технологии. Одноплощадочное расщепление нуклеуса, следы

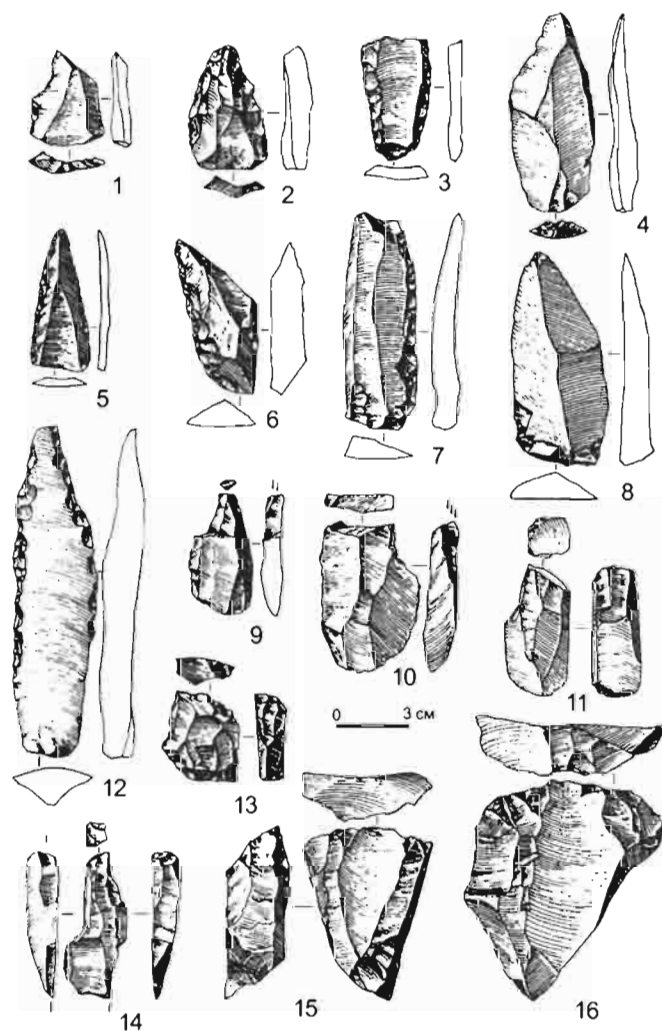

Рис. 17. Каменные артефакты
(по [Деревянко и др., 1998, с. 40]). Грот Оби-Рахмат.

которого впервые были установлены во 2-м слое, становится доминирующим. Нуклеусы (рис. 16, 11, 12), преимущественно пирамидальные (по форме), с них скалывались пластины с конвергентными латеральными и достаточно большими остаточными ударными площадками, они морфологически идентичны леваллуазским острьям из 1 и 2-го слоев, но имеют негативы однонаправленных снятий, поскольку были получены с одноплощадочных ядрищ (см. рис. 16, 2 - 5). Хотя метод утилизации нуклеусов изменился радикально, по мере развития от леваллуазской к нелеваллуазской схеме расщепления, пластины и острья остались основными типами сколов во всех комплексах стоянки. Таким образом, в тенденции изменения технологии расщепления материалы стоянок Бокер-Тактит и Кара-Бом близки между собой. Сходная направленность эволюции характерна для широкого круга ранневерхнепалеолитических культур Южной Сибири, Монголии и Средней Азии.

Эта тенденция прослеживается на материалах многослойного грота Оби-Рахмат [Сулейманов, 1972], находящегося в 100 км к северо-востоку от Ташкента (Республика Узбекистан) в пределах хребта Таласского Алатау, входящего в систему Западного Тянь-Шаня. Раскопки памятника проводились в 1960 - 1970 гг. узбекскими археологами и начиная с 1998 г. - Совместной Российско-Казахстанско-Узбекской археологической экспедицией [Деревянко и др., 1998]. В процессе раскопок был выделен 21 литологический слой. Коллекция Оби-Рахмата насчитывает около 30 тыс. каменных артефактов. Индустриальные комплексы памятника разделяются Р.Х. Сулеймановым, первым исследователем памятника, на четыре культурно-хронологические группы: А - слои 21 - 15; Б - слои 14 - 9; В - слои 6 - 4; Г - слои 3 - 1. Доля нуклеусов в инвентаре Оби-Рахмата составляет 1,5 - 2,5%. Р.Х. Сулеймановым выделено два принципа расщепления - призматический и леваллуазский. Ядрища, предназначенные для снятия пластин, были объединены в призматическую серию. На их долю приходится около 80% всех нуклеусов стоянки. В нижних слоях наиболее представительными являются одно- и двуплощадочные нуклеусы с параллельными сколами; некоторые из них могут быть отнесены к плоскостным леваллуазским (рис. 17, 16). Здесь же найдены и нуклеусы с фронтом расщепления, перенесенным на торец заготовки (рис. 17, 11, 13). Характерно, что все они относятся к заключительной стадии расщепления. Отметим также формы артефактов, отражающие процесс утилизации торцового нуклеуса (рис. 17, 9, 14). Относительно функции этих предметов, напоминающих по своей морфологии как резцы, так и торцовые ядрища, трудно сделать однозначное заключение. Аналогичные формы представлены и в индустрии позднелеваллуазских слоев стоянки Кара-Бом. Индекс пластинчатости (I_{lam}) индустрии грота Оби-Рахмат варьирует от 18,7 в нижних слоях до 69,6 в слое 2. Отмечены микропластины, количество которых увеличивается от нижних слоев к верхним [Там же]. К леваллуазской серии были отнесены нуклеусы с круговой подправкой поверхности, а также нуклеусы конвергентного принципа расщепления для получения леваллуазских острий (рис. 17, 15). Орудийный набор Оби-Рахмата, по данным Р.Х. Сулейманова, демонстрирует постепенное сокращение доли мустьерских элементов в индустрии: в комплексе Б она равна 20%, позднелеваллуазских - 80% [1972, с. 134]. В комплексе Г эти показатели составляют соответственно 14 и 86%.

В комплексе Б крупные ретушированные пластины правильной формы и так называемые остроконечные пластины (рис. 17, 3 - 5, 8, 12) являются ведущим (38% от всего орудийного набора) типом орудий и сохраняют свое значение в более поздних комплексах. Выразительны различные острия и остроконечники, формы которых характерны для комплексов начала позднего палеолита, входящих в очерчиваемый нами круг (рис. 17, 1, 2, 5), резцы разных модификаций (рис. 17, 9, 10, 14), комбинированные орудия. Доля орудий, изготовленных на отщепах, относительно невелика - в комплексе Б они составляют 15% от всех орудий, в комплексе Г - 10%. Скребки представлены единичными формами. Ведущим способом вторичной обработки было фасетирование чешуйчатой ретушью (от 89% в слое 14 до 61% в слое 4). Таким образом, материалы Оби-Рахмата позволяют проследить постепенную эволюцию от индустрии мустьерской (комплексы А, Б) к индустрии ранней поры позднего палеолита (комплексы В, Г). В результате исследований 1998 г. по серии радиоуглеродных показателей определена дата для верхних культурных слоев грота - около 40 тыс. л. н.

Таким образом, формирование самых ранних верхнепалеолитических индустрий на всей описываемой нами территории укладывается в хронологический промежуток от 50 до 40 тыс. л. н. Эти ассамбляжи несомненно похожи по характеру эволюции. Сходство прослеживается прежде всего в переходе от леваллуазской технологии циклического снятия предопределенных сколов к нелеваллуазской технологии серийного снятия удлиненных пластинчатых заготовок. Помимо общей направленности и эволюции сходными оказываются и многие частные моменты изменений в технике раскалывания, например, взаимосвязь конвергентного и параллельного методов раскалывания, переход к иной, отличной от леваллуазской, объемной концепции утилизации ядрища, выразившейся в переносе фронта расщепления на торец нуклеуса. Изменения в составе орудийного набора являются менее кардинальными и выражаются в увеличении удельного веса позднепалеолитических типов орудий в переходных комплексах.

Индустриальные комплексы палеолитического времени на Горном Алтае, рассмотренные в настоящей статье, находятся в рамках одной эволюционно развивавшейся культурной традиции, что получило отражение как в технике первичного расщепления, так и в орудийном наборе. Своеобразием мустьерской индустрии Кара-Бомы, на основе которой формировались комплексы ранней поры позднего палеолита, следует считать значительную примесь позднепалеолитических орудий и признаки появления нелеваллуазской технологии первичного расщепления, получившей дальнейшее развитие в поздне-

палеолитической части памятника. На территории Южной Сибири выделяется широкий круг формировавшихся на основе варианта мустье памятников ранней поры позднего палеолита, наиболее ярко представленного в мустьерских комплексах Кара-Бомы, которые имеют сходство в облике индустриального набора. Эти памятники были объединены нами в рамках кара-бомовской позднепалеолитической культуры.

Список литературы

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.Н. Феденева, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - 176 с.

Волков П.В. Функциональный анализ инструментария стоянки Кара-Бом / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Е.П. Рыбин, Л.М. Чевалков. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье - верхний палеолит). - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - С. 263 - 271.

Деревянко А.П., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сулейманов Р.Х., Алимов К., Крахмаль К.А., Феденева И.Н., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А. Исследования грота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - С. 37 - 45.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Кара-Бомовский пласт: мустье - верхний палеолит // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - Т. 1. - С. 115 - 121.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье - верхний палеолит). - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - 280 с.

Маркин С.В. Палеолит северо-запада Алтае-Саянской горной области: Дис. ... д-ра ист. наук. - Новосибирск, 1996. - 58 с.

Петрин В.Т., Чевалков Л.М. О возникновении микролитической торцовой техники скалывания на примере палеолитической стоянки Кара-Бом // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. - Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1992. - С. 206 - 210.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - 312 с.

Синицын А.А. Верхний палеолит: современное состояние проблемы локальных различий // Локальные различия в каменном веке. - СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 1999. - С. 104 - 106.

Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. - Ташкент: Фан, 1972. - 170 с.

Шуньков М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. - Новосибирск: Наука, 1990. - 158 с.

Boéda E. Le concept Levallois et evaluation de son champ d'application // L'Homme de Neandertal. - Liège: Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège, 1988. - Vol. 4: La Technique. - P. 13 - 26.

Goebel T., Derevianko A.P., Petrin V.T. Dating the Middle-to-Upper Paleolithic Transition at Kara-Bom // Current Anthropology. - 1993. - Vol. 34, N 4. - P. 452 - 458.

Marks A. The Middle to Upper Paleolithic Transition in the Southern Levant: Technological Change as an Adaptation to increasing Mobility // L'Homme de Neandertal. - Liège: Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège, 1988. - Vol. 8: La Mutation. - P. 109 - 123.

Marks A., Ferring R. The early Upper Paleolithic of the Levant // The Early Upper Paleolithic: Evidence from Europe

and Near East. - Oxford, 1988. - P. 43 - 72. - (BAR International Series; N 437).

Marks A., Volkman P. Changing core reduction strategies: A technological shift from middle to the Upper Paleolithic in the Southern Levant / Ed. E. Trinkhaus // The Mousterian Legacy: Human biocultural change in the upper Pleistocene. - Oxford, 1983. - P. 13 - 33. - (BAR International Series; N 164).

Svoboda J. Early Upper Paleolithic Industries in Moravia: A Review of Recent Evidence // L'Homme de Neandertal. - Liège: Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège, 1988. - Vol. 8: La Mutation. - P. 169 - 192.

Материал поступил в редколлегию 28.06.99 г

УДК 903.5+903.52

С.В. Маркин

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: markin@paleo.archaeology.nsc.ru*

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ*

Введение

Среди сотен погребальных памятников Алтая, исследуемых с начала XVIII в., захоронения, относящиеся к неолиту или рубежу неолита и энеолита, единичны. Поэтому открытие погребений этого времени приобретает особое значение для характеристики антропологического состава и реконструкции погребального обряда доафанасьевского населения юга Западной Сибири.

Погребение, о котором пойдет речь в настоящей статье, обнаружено при исследовании пещеры Каминной (Усть-Канский р-н, Республика Алтай), расположенной в северо-западной части среднегорного Алтая на высоте 1 100 м над уровнем моря в долине р. Каракол (рис. 1, 1 - 3). Пещера представляет собой карстовую полость галерейного типа, в устьевой части которой наблюдается расширение в виде грота, образующее центральную камеру (рис. 2). Последняя находится в стороне от основного ствола пещеры, экспонирована на юго-восток к протекающему рядом ручью Пещерскому и возвышается над его уровнем согласно современной поверхности рыхлых отложений на 4 - 4,5 м. Осадки пещерного заполнителя отражают три цикла седиментации. Первому и второму циклам соответствуют плейстоценовые отложения (слои 16 - 11), кровля которых деформирована в некоторых местах водным потоком, образовавшим врез, заполненные более поздними осадками (слои 10в/1 - 10в/4). Следы обитания человека, относящиеся к различным стадиям палеолита, зафиксированы здесь во всех (кроме слоя 16) литологических подразделениях. Третий цикл седиментации связан с пачкой резко отличающихся от нижележащих отложений голоценовых пород - гумусированных и белесоватых

фосфатосодержащих переслаивающихся осадков супеси (слои 1 - 9), которые закрепились в глубине центральной камеры и были замещены вблизи капельной линии черноземовидным суглинком (слой 10а). Археологические материалы, извлеченные из голоценовой части разреза, включают остатки эпох мезолита (?), неолита, бронзы, железа и средневековья.

Захоронение выявлено на контакте голоценовых и плейстоценовых пород вблизи бокового свода пещеры. Здесь погребена женщина 23 - 25 лет, которая, судя по косточкам плода, найденным в области тазовых костей, к моменту смерти была беременна*. Размеры ключицы плода позволяют определить его рост - около 40 см. Это соответствует примерно восьмому - десятому лунному месяцу беременности.

Структура погребального комплекса

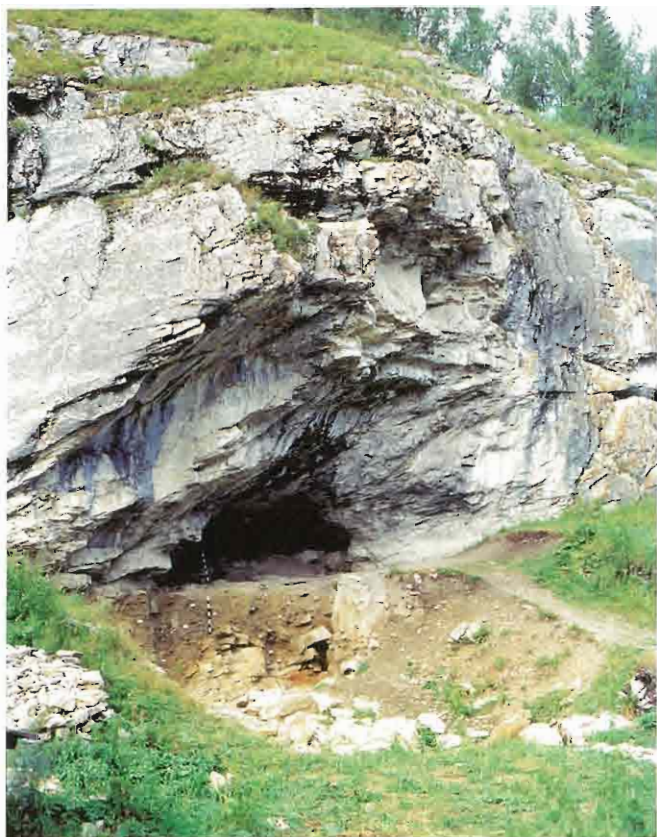
Выделены три самостоятельные части: погребальное сооружение, останки погребенной и сопроводительный инвентарь [Леонова, Смирнов, 1977].

Погребальным сооружением в Каминной является могильная яма овально-вытянутых очертаний. Ее длина 1,88 м; ширина в районе черепа 0,45 м, тазовых костей - 0,57 м, коленных суставов - 0,54 м, костей голеностопа - 0,43 м. Яма находится в районе входного отверстия в пещеру у бокового свода, который образует небольшой навес, но не выступает над захоронением. Судя по крупным блокам известняка, отслоившимся от свода и зафиксировавшимся около него в кровле плейстоценовых отложений (их возраст установлен методами абсолютной хронологии), мо-

* Антропологический анализ данного погребения см. в статье Т.А. Чикишевой в первом номере журнала.

1

2

3

4

Рис. 1. Общий вид долины р. Каракол (1), пещеры Каминная (2), погребения (3, 4).

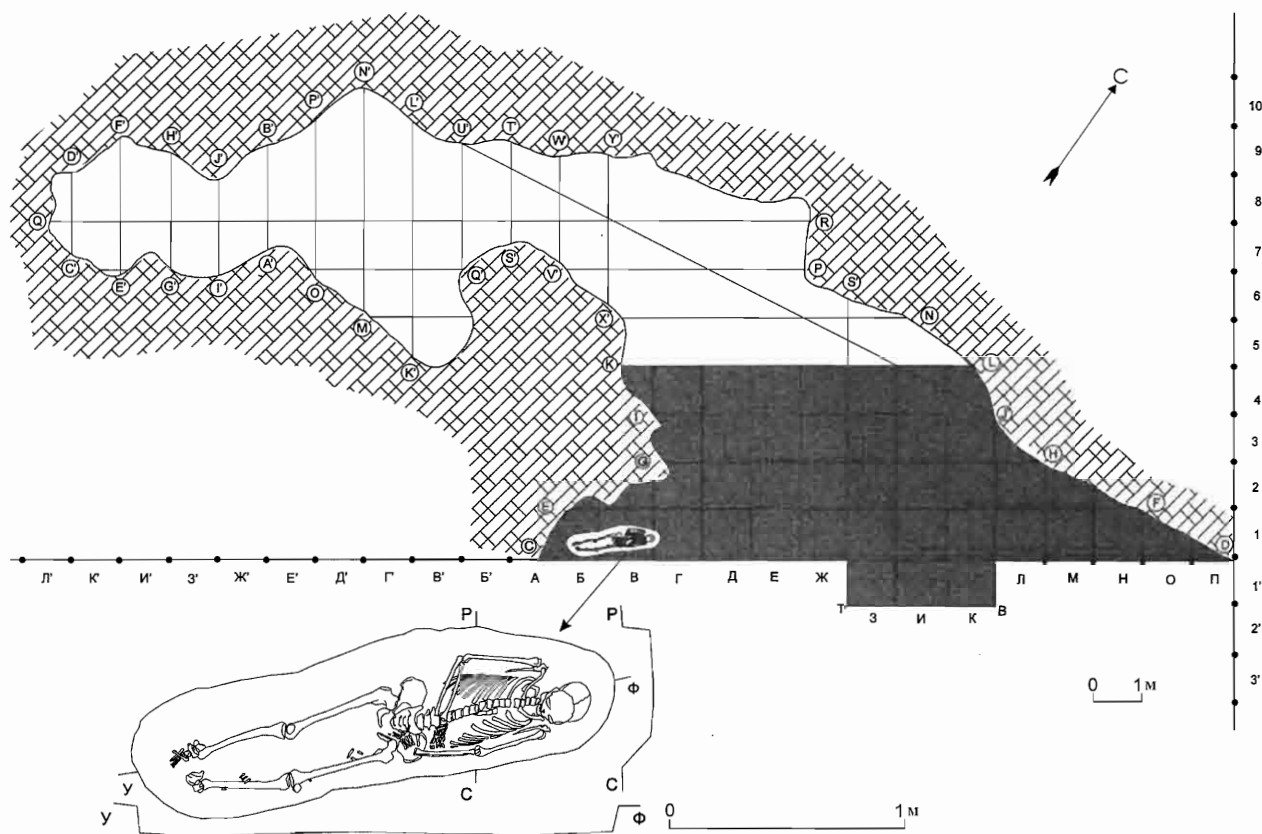

Рис. 2. План пещеры Каминная (затемненный участок - поверхность вскрытых голоценовых отложений).

делирование навеса произошло до совершения погребения - 10 - 9 тыс. л. н.

В верхних слоях могильная яма внешних признаков не имела. Ее контуры подчеркивались темным гумусированным пятном и проявились лишь на поверхности кровли плейстоценового слоя 11а. Глубина ямы от контакта слоев 7 - 20 см. Разница в отметках объясняется неровностью поверхности слоя 11а. Стенки ямы вертикальные, лишь на небольшом южном участке в районе грудной клетки погребенной наблюдается небольшой наклон в 45° . Яма имеет ровное дно, ориентирована на северо-восток.

Заполнение могильной ямы - гумусированные суглинки слоя 10а. Часть заполнителя, перекрывавшая грудную клетку и тазовые кости, в 1 - 2 см от костяка содержала многочисленные кусочки древесного угля, которые залегали на одной плоскости. Как особенность организации погребального пространства следует рассматривать небольшие, мощностью 1,5 см, гумусированные насыпи на дне могильной ямы, в районе костей черепа и стопы. Вероятно, такие насыпи, высота которых в момент захоронения была, естественно, иной, служили "подушками" под головой и ногами умершей. На одной из подсыпок под нижней челюстью костяка обнаружен кусочек размягченной охры.

Останки человека представлены костями полного скелета. Женщина была погребена на дне могильной ямы в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток (см. рис. 1, 4). Несколько искривленное положение костяка, особенно позвоночного столба, позволяет предположить проведение каких-то действий с телом умершей до размещения его в могиле. Положение черепа допускает незначительный поворот (?) головы в левую сторону, к ручью. Небольшое смещение нижней челюсти и правой ключицы, сползшей чуть ниже плечевого акромиального отростка лопатки, может быть объяснено положением головы на насыпи и последующим давлением заполнителя могильной ямы и перекрывающих осадков. Плечевая кость и локтевая кость левой конечности покоились параллельно позвоночному столбу, при этом кости кисти лежали на крыле подвздошной кости. Подобное положение останков свидетельствует о том, что в момент захоронения левая рука погребенной была плотно прижата к телу, а кисть закрывала пах. Плечевая кость правой руки залегала под углом к позвоночному столбу, под углом к ней находились локтевая и лучевая кости, дистальные эпифизы которых покоились на одном из позвонков поясничного отдела, а кости кисти, изменив первоначальное положение, но сохранив при этом анатомический порядок,

Таблица 1. Инвентарь, зафиксированный в разных частях могилы, экз.

Место залегания	Перламутровый		Костяной							Каменный					Кости животных	Всего	
	кольца	низки	кольца	низки	рыбки	"восьмерки"	каплевидные подвески	пластинка	кинжал	резцы сурка	наконечники стрел	скребла	скребки	пластины и микропластины			отщепы
На краю могилы	5	-	-	-	5	-	-	-	-	14	-	1	-	-	-	1	26
На дне "	10	-	8	1/11*	3	-	-	-	-	4	3	-	-	2	2	3	46**
На одежде погребенной	686	-	76	43/646*	528	13	-	-	-	54	-	-	-	-	-	-	2003**
На погребенной	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	2
Над могилой	-	1/28	5	-	-	-	1	-	1	-	2	-	1	4	3	-	45**
Итого	701	1/28	89	44/657*	536	13	1	1	1	72	6	1	1	6	5	4	2122**

* В числителе - количество низок, в знаменателе - колец в низках.

** С учетом колец в низках.

сместились ниже грудной клетки. Таким образом, правая рука погребенной во время размещения тела в могильном сооружении была согнута в локте, а плечо отведено в сторону настолько, что кисть могла лежать на животе. Бедренная и берцовая кости, а также кости стопы правой ноги сохранили анатомический порядок, хотя плюсны и фаланги, обращенные первоначально кверху, со временем, естественно, разошлись. На левой ноге ступня отсутствовала. В сочленении с голенью находились лишь таранная и пяточная кости. Однако в осадке заполнителя на уровне костей нижних конечностей рядом с берцовой костью, ближе к коленному суставу, параллельно друг другу лежали три плюсневые кости. На дне погребального сооружения выше голеностопа с внешней стороны берцовой кости обнаружена фаланга, под левой бедренной костью расчищены две проксимальные фаланги, еще две находились рядом, с внутренней стороны бедренной кости. К сожалению, пока невозможно однозначно объяснить причины распределения костей стопы в районе левой нижней конечности. Возможно, это было актом преднамеренного захоронения отчлененной в процессе каких-либо действий стопы. Одна ее часть была положена на дно могилы (под ногой и около нее), а другая - на засыпку, когда могильное сооружение частично закрыли. Размещение плюсневых костей и костей пальцев стопы в разных частях ямы и ее заполнителя может быть следствием деятельности грызунов, остатки которых в изобилии представлены в пещерном заполнителе.

Сопроводительный инвентарь объединяет украшения с костюма погребенной, а также фрагменты костей млекопитающих и артефакты, находившиеся в определенной последовательности как в могильной яме, так и за ее пределами (рис. 3).

По местоположению инвентарь можно разделить на несколько групп (табл. 1). Первая группа инвентаря зафиксирована на южной наклонной стенке могилы, напротив костей левой руки погребенной женщины (рис. 4). Здесь были три группы из трех, пяти и шести резцов сурка, выложенных рядком, единичные изделия из кости и перламутра и каменный артефакт. Последний предмет, не имеющий аналогов в инвентаре захоронения, представляет собой угловатое скребло, образцы которого имеются в плейстоценовых осадках пещеры и датированы финальным этапом верхнего палеолита. Вероятно, это изделие извлекли во время создания могильной ямы из более древних седиментов (слой 11a) и вторично использовали в ритуальном действии.

Инвентарь второй группы размещался в могильном сооружении - на дне могилы и в подсыпке вблизи черепа (см. рис. 4). У теменной и левой височной костей находились фрагменты пластин, отщеп (у правой височной кости), единичные изделия из органических материалов, в том числе низка из костяных колец, и фрагменты костей млекопитающих. Около бедренных костей, с внешней стороны, было положено по одному наконечнику стрел. В районе левой бедренной кости обнаружены единичные резцы сурка, схематичное изображение рыбки и костяные кольца. Резец сурка зафиксирован также в районе правой тазобедренной кости. В области правой коленной кости, с внешней стороны, находился клык медведя, ориентированный поперек могильной ямы. В районе берцовых костей, опять же с внешней стороны, симметрично располагались наконечник стрелы и отщеп.

Наиболее многочисленный материал (миниатюрные перламутровые и костяные кольца, костяные рыбки, резцы сурка) - элементы оформления одежды

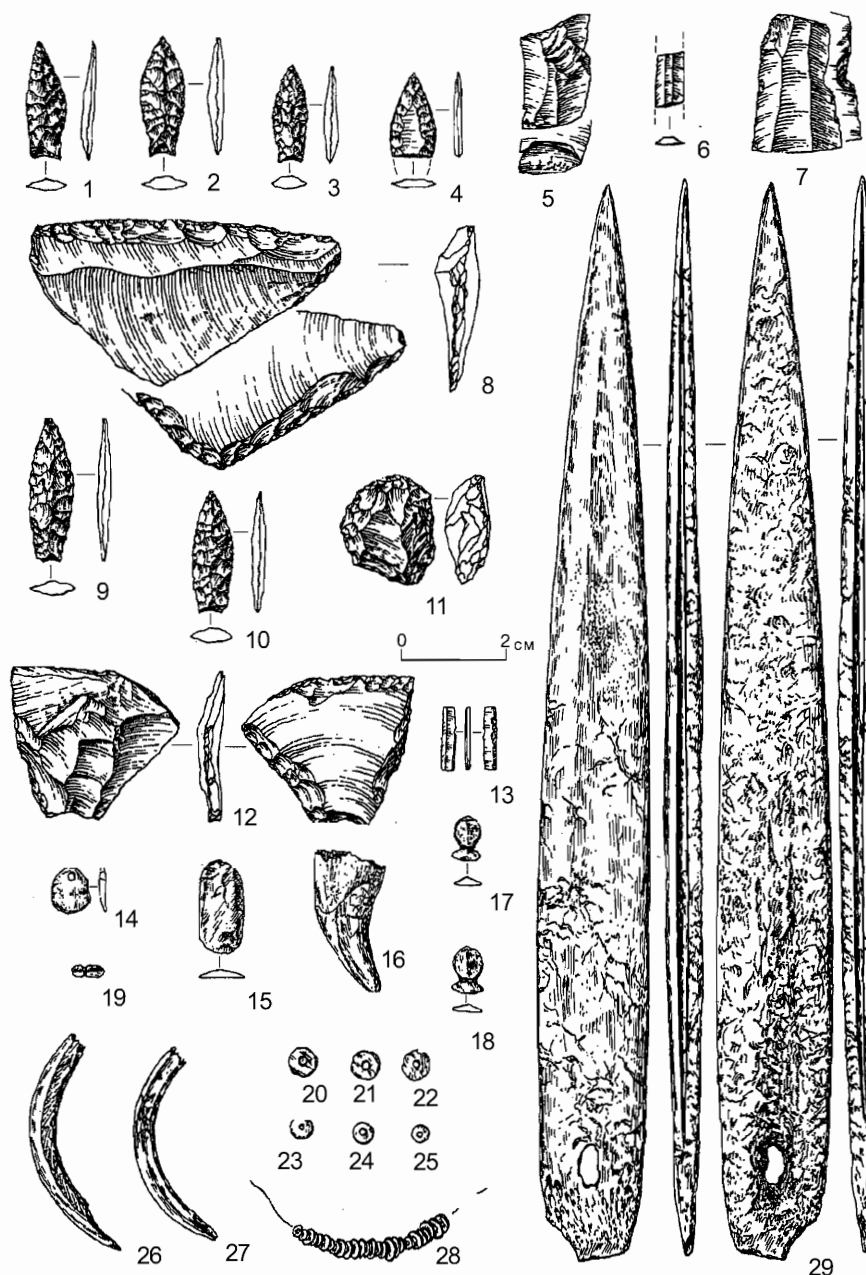

Рис. 3. Сопроводительный инвентарь, обнаруженный на дне (1 - 7, 16), краю (8) могильного сооружения, над могильной ямой (9 - 14, 29) и на костях скелета (15, 17 - 28).

1 - 13 - камень; 14 - 19, 23 - 29 - кость; 20 - 22 - перламутр. 1 - 4, 9, 10 - наконечники стрел; 5, 12 - отщепы; 6, 7, 13, 15 - пластины; 8 - скребло; 11 - скребок; 14 - подвеска; 16 - клык медведя; 17, 18 - рыбки; 19 - нашивка в виде восьмерки; 20 - 25 - кольца; 26, 27 - резцы сурка; 28 - низка; 29 - кинжал.

погребенной и ее украшения (табл. 2). В верхней половине костяка выделяется несколько уровней залегания этих находок. Первый уровень - нашивные украшения с костюма и накидки, закрывавшей плечевую кость правой руки и верхний ряд ребер правой половины грудной клетки (рис. 5). Наблюдается асимметрия в расположении изделий, выполненных из разных органических материалов. Правая плечевая кость погребенной и примыкающая к нему примерно треть

грудной клетки усеяны перламутровыми кольцами, большая часть которых не изменила своего положения с момента погребения. Кольца, обращенные перламутровым слоем вверх, накладывались друг на друга, не закрывая отверстий, и образовывали параллельные ряды. В районе грудной клетки единичные рыбки, миниатюрные костяные колечки и низки из них, а также резцы сурка перекрывались перламутровыми кольцами. В районе костей запястья правой руки, ниже

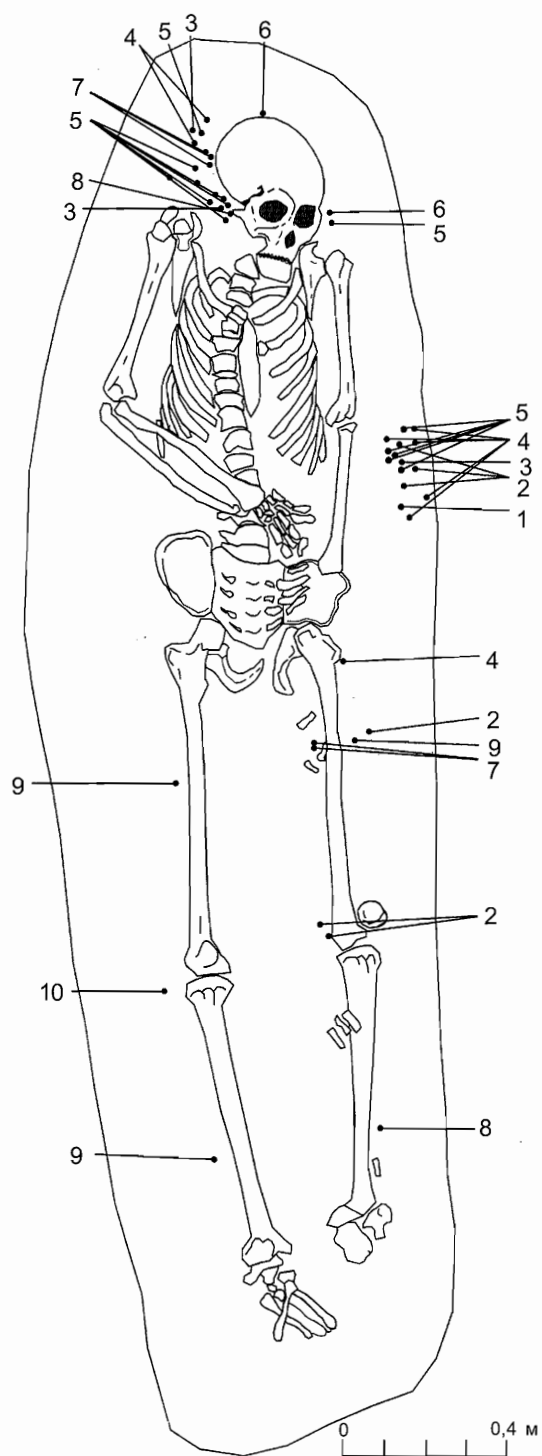

Рис. 4. Распределение артефактов, обнаруженных на стенке и дне могильной ямы.
 1 - скребло, 2 - резцы сурка, 3 - кости животных, 4 - костяные рыбки, 5 - перламутровые кольца, 6 - пластины, 7 - костяные кольца, 8 - отщепы, 9 - наконечники стрел, 10 - клык медведя.

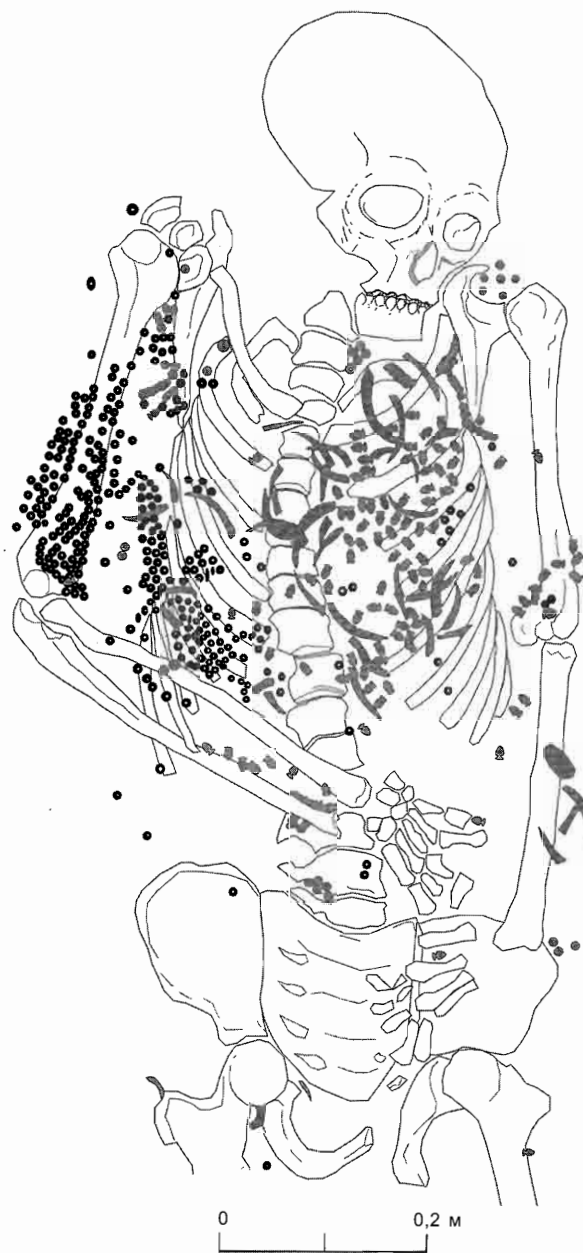

Рис. 5. Распределение артефактов (первый уровень), декорирующих одежду погребенной (перламутровые кольца выделены черным цветом, рыбки, резцы сурка, костяные кольца и пластинка - серым цветом).

Таблица 2. Инвентарь - элементы одежды погребенной, экз.

Место залегания	Перламутровые кольца	Костяной					Всего
		кольца	низки*	рыбки	"восьмерки"	резцы сурка	
Верхний уровень							
Грудная клетка							
правая половина	330	25	18/55	24	-	6	440**
левая "	41	9	8/130	292	-	30	502**
Правая плечевая кость	278	18	5/20	5	-	-	321**
Левая " "	3	9	1/6	28	-	-	46**
Правая локтевая кость	28	3	1/14	30	-	4	79**
Левая " "	-	-	-	115	-	7	122
Шейный отдел позвоночника	-	-	1/129	-	-	-	129**
Нижний уровень							
Грудной отдел позвоночника	-	1	4/9	3	-	-	13**
Правая плечевая кость	-	5	-	1	13	-	19
Левая " "	-	-	-	-	-	-	-
Правая локтевая кость	-	-	-	-	-	-	-
Левая " "	-	-	-	30	-	-	30
Череп (затылочная часть)	6	6	5/283	-	-	7	302**
Итого	686	51	43/646	528	13	54	2003**

* В числителе - количество низок, в знаменателе - колец в низках.

** С учетом колец в низках.

перламутровых колец, выделяется область, где расположены 17 поперечно ориентированных рыбок. На левой половине грудной клетки находились костяные изделия в виде колец, низок и резцы сурка. Наблюдается система в расположении предметов: костяные рыбки, положенные друг за другом, образуют продольные и поперечные ряды в центральной части груди; резцы сурка размещены вдоль тела погребенной. Единичные предметы обнаружены на костях таза и двух последних поясничных позвонках, примыкающих к крестцу. Второй уровень залегания - разные по сохранности изделия, концентрирующиеся в межреберном пространстве, в районе костей верхних конечностей и под нижней челюстью, вблизи костей ключицы (рис. 6). В межреберном пространстве после удаления верхнего ряда ребер обнаружены претерпевшие вертикальные перемещения изделия, такие же как и на первом уровне. Причем они были расположены тоже асимметрично. Перламутровые кольца (некоторые из них обращены призматической поверхностью вверх) находились в правой половине грудной клетки. Предметы двух уровней различались лишь по количеству костяных колец и выполненных из них низок - на втором уровне их больше, чем на первом. Проекция перемещенных предметов до верхнего уровня нашивных украшений полностью повторяет ранее выявленную закономерность в распределении категорий инвентаря и исключает линейные движения артефактов в ходе разложения мягких тканей тела. В

районе костей верхних конечностей украшения костюма находились в неповрежденном положении. В области костей правого плеча - перламутровые кольца и костяные единичные предметы, подчеркивавшие наиболее глубокую складку материала, на который они были нашиты. Вблизи локтевых костей левой руки, у запястья, зафиксировано 159 костяных рыбок, которыми, вероятно, были отделаны рукава погребальной одежды. Под нижней челюстью найдена низка из 129 костяных колец. Третий уровень залегания объединяет предметы, составлявшие декор спинки костюма погребенной. Они находились в неповрежденном положении (рис. 7). Слева под затылочной частью черепа отмечены отдельно лежавшие костяные и перламутровые кольца, резцы сурка и низки из 11, 46, 63, 64, 99 миниатюрных костяных колец, украшавшие прическу или головной убор погребенной. По позвоночному столбу в районе грудного и поясничного отделов располагалось несколько единичных рыбок, костяных колец и низок из них. Под плечевой костью правой руки обнаружены мельчайшие костяные "восьмерки" (представлены только здесь), уложенные друг за другом в виде узкой полоски; костяные кольца, составлявшие ряд, и отдельно лежавшая рыбка. Под локтевыми костями левой руки, у запястья, находились костяные рыбки, сгруппированные в три продольные полосы. Украшения, обнаруженные под костями рук, были нашиты на длинные рукава костюма погребенной.

Рис. 6. Распределение перемещенных артефактов (второй уровень), декорирующих одежду погребенной (затемненные участки обозначают местоположение убранных костей скелета).

Два предмета - костяная пластинка, залегавшая в средней части лучевой кости левой руки, и наконечник стрелы - были положены на одежду уже после того как тело опустили в могильную яму.

Третью группу составляют предметы категории надмогильного инвентаря, располагавшиеся на 1 - 3 см выше погребения на гумусированной прослойке рыхлого заполнителя, аналогичного обнаруженному в могильной яме. Группа включает плоский костяной кинжал с отверстием в основании рукояти, который при проецировании на костяк точно соответствует месту на поясе погребенной, где должен быть ремень. На поверхности заполнителя кинжал лежит так, как он находился бы прикрепленным на ремне, - при фикси-

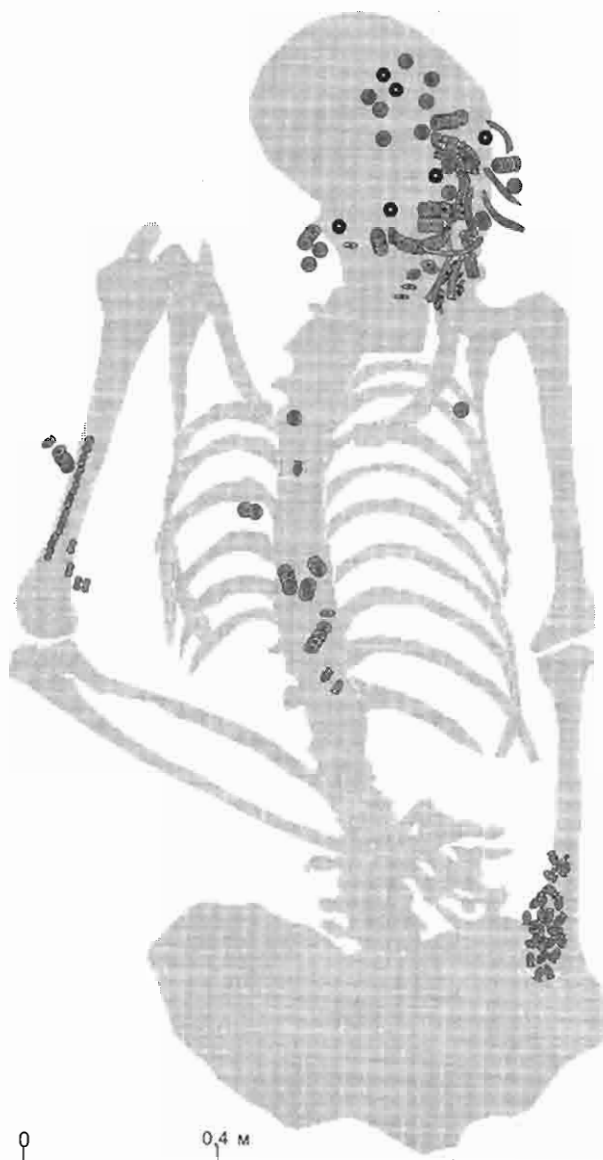

Рис. 7. Распределение артефактов (третий уровень), декорирующих одежду погребенной (затемненные участки обозначают местоположение убранных костей скелета).

рованной рукояти рабочая часть опущена вниз. Вблизи костяного орудия были сконцентрированы разнообразные каменные артефакты, низка из одного костяного и 28 перламутровых колец, а также каплевидная подвеска с отверстием в виде медальона (см. табл. 2).

Реконструкция обряда погребения и одежды погребенной

Процесс захоронения включает серию различных действий, одни из которых прямо или косвенно отражаются в остатках погребения, а другие могут быть воссозданы на основе сравнения с традиционной культурой ныне проживающих этносов. Следовательно,

любые представления о погребальном обряде - составной части мировоззрения древнего населения, основанные на изучении захоронений, будут всегда ограничены.

В момент захоронения молодой женщины Каминная пещера использовалась группой людей как базовая стоянка. Выбор коллективом погребального участка свидетельствует, вероятно, о его особом отношении к карстовым объектам (место рождения и погребения, вход в нижний, или темный, мир, "земная щель" и т. д.), закрепленном в мифологических сюжетах [Деревянко, Молодин, 1994]. Расположение погребения в стороне от входа у нависающего бокового свода соответствует представлениям древних людей о могиле как о скрытом замкнутом пространстве, изолирующем умершего.

Подготовка тела к погребению предусматривала, видимо, создание комплекта погребальной одежды. Для изготовления предметов, декорирующих костюм, использованы кости и створки раковин моллюсков. Из кости сделаны кольца, делящиеся по размерам на три группы: первая - диаметр 7 - 8 мм и толщина 0,9 - 1 мм, вторая - соответственно 4,5 - 5 мм и 0,5 - 0,6 мм и третья - соответственно 1,5 - 2 мм и 0,4 - 0,5 мм. Наиболее многочисленны кольца второй и третьей групп. Изготовление колец начиналось, очевидно, с действий по подготовке пластинки-заготовки - шлифовке на твердой поверхности. Следующий этап заключался в высверливании сквозного отверстия: с одной стороны лучковым сверлом делали углубление, с другой - производили доработку отверстия посредством ручного сверления. Далее кольца первой группы обтачивали вручную, а двух других - высверливали каменным орудием типа "фрезер". Представлены также костяные подвески длиной 0,5 - 0,7 мм, шириной 0,3 - 0,37 мм, толщиной 0,75 - 0,8 мм, напоминающие по форме восьмерку. Они изготавливались из узкой пластинки, которая в процессе шлифования приобретала полусферическую в сечении форму. Далее на заготовке производили надрезы, по которым ее делили на части. В центре предмета делали желобок для нити. Последняя стадия изготовления украшений заключалась в их полировке на мягкой поверхности.

Подвески в виде стилизованных рыбок имеют длину от 5 до 10 мм, ширину от 4 до 7 мм и толщину от 0,9 до 1,18 мм. Они изготовлены по такой же технологии, что и описанные выше предметы, но с использованием дополнительных операций для моделирования формы. Фигурка рыбки плоско-выпуклая в сечении, с надрезом в районе "хвостика" для фиксации нити.

Сырьем для изготовления перламутровых колец диаметром 3 - 6 мм при толщине 1 - 1,5 мм служили раковины моллюсков. Их делали так же, как и костя-

ные кольца первой группы, но сверление отверстия начиналось всегда со стороны перламутрового слоя заготовки. Раковины принадлежат двусторчатому пресноводному моллюску рода *Anodonta*, обитающему в современных реках Сибири и предгорного Алтая. Моллюски *Anodonta* предпочитают селиться на заиленных участках рек со спокойным течением. Поскольку в районе пещеры основной (р. Каракол) и второстепенные водотоки относятся к разряду быстрых горных рек, логично предположить, что раковины доставлялись в пещеру из отдаленных районов Алтая.

Кроме перечисленных предметов, для оформления погребального костюма использовались многочисленные резцы сурка без видимых следов обработки.

По расположению нашивных изделий возможно реконструировать лишь наплечную одежду погребенной. Умершая была в доходящей до бедер куртке из тонкой кожи или ткани, с длинными рукавами. Часть резцов сурка, лежавших на позвонках, могла выполнять функцию застежек. Обе полы куртки были обильно украшены нашитыми костяными рыбками, свисающими низками из костяных колец, резцами сурка и единичными кольцами из перламутра и кости. Костяные рыбки, сохранившиеся в левой половине грудной клетки, образовывали продольно-поперечный линейный орнамент. В целом наблюдается определенная асимметрия в расположении нашивок. Так, костяные рыбки концентрировались на левой доле куртки, а низки - на правой. Тщательно были украшены и рукава. Левый рукав в районе запястья оформлен вкруговую продольно ориентированным линейным орнаментом из фигурок рыбок. Рыбки обнаружены также в районе запястья правой руки. Однако здесь, учитывая особенности смещения костей кисти, их можно трактовать как отделку рукава и верхней части куртки.

Гораздо меньше украшений использовано для оформления спинки погребальной одежды: лишь по центру располагаются единичные фигурки рыбок, костяные кольца и свисающие низки. Особо выделяется отделка на плечевой части правого рукава. Она выполнена нашивными "восьмерками".

Отдельного обсуждения требует часть одежды, украшенная перламутровыми кольцами. Их место (в некоторых местах кольцами перекрываются изделия из других материалов) и компактность позволяют считать эту деталь плечевым покрытием. Это прямоугольная накидка (или некий ритуальный плат) размерами около 20 × 30 см, укрывавшая с какой-то целью правое плечо и часть груди погребенной, была сплошь покрыта рядами заходящих друг на друга колец, которые имитировали, возможно, рыбью чешую. Все кольца были пришиты перламутровым слоем вверх, благодаря чему накидка выглядела очень эффектно.

В традиционной культуре народов Сибири известны самые разнообразные накладки, являвшиеся частью шаманского комплекта наплечной одежды [Прокофьева, 1971].

В набор одежды погребенной входили также большое шейное ожерелье и головной убор в виде шапочки, украшенной сзади кольцами и резцами сурка. Низки, обнаруженные в теменной части, могли быть не только принадлежностью головного убора, но и деталью прически (например, вплетались в косы).

Костюм погребенной, возможно, дополнялся поясным ремнем, о чем можно судить по костяной пластинке плоско-выпуклого сечения, выполнявшей функцию пряжки (?). Однако ее малые размеры ($2,1 \times 1 \times 0,02$ см) и отсутствие отверстия свидетельствуют о том, что в могилу был положен не подлинный предмет, а его заменитель - миниатюрная копия или своеобразный символ. Реконструировать поясную одежду женщины не представляется возможным, поскольку данные для этого в погребении отсутствуют. Можно предположить, что анализируемая одежда была предназначена для погребения и существенно отличалась от бытового повседневного платья. Ее ритуальный характер подчеркивается обилием хрупких разнообразных нашивных и подвесных украшений, среди которых выделяются головные, шейные, нагрудные и наспинные. Одни предметы (кольца, низки из них) были изготовлены специально для обряда, другие (резцы сурка) - нашли применение без дополнительной обработки. Для производства перламутровых украшений использовалось необычное привозное сырье, благодаря которому костюм выглядит роскошным. Кроме того, в некоторых украшениях, например, многочисленных фигурках рыб, нашли воплощение мифологические представления о мире. Возможно, с помощью этих изображений и перламутровых колец, имитирующих чешую, костюм должен был создать образ рыбы и выразить идею об освоении человеком водной стихии. Представление о рыбе как о хтоническом существе, олицетворявшем в древней трехчленной системе вселенной нижний мир, существовало у многих народов [Полосьмак, 1994]. Не менее развитым было и представление о воде как признаке нижнего мира [Очерки культурогенеза..., 1994]. Людями, оставившими захоронение женщины в пещере Каминной, рыба рассматривалась, быть может, проводником умершего в иной мир. Аргументом в пользу данного предположения является наблюдение об отсутствии в составе сопроводительного инвентаря орудий рыбной ловли и других признаков отношения к рыбе как к промысловому объекту. Вряд ли это является случайным, ведь в неолитических слоях пещеры есть обоймы (штырьки) для составных рыболовных крючков, встречаются и остатки ихтиофауны, которых нет среди погребальных вещей. Если наши рассуждения верны, то

допустимо предположить формирование культового образа рыбы в мировоззрении неолитических племен Северо-Западного Алтая.

Что касается сурка, резцы которого широко представлены в погребении, то образ этого животного, проводящего жизнь в подземных коридорах, мог соотноситься с нижним миром.

Основой для формирования погребального инвентаря являлись вещи, которые встречаются, как правило, в неолитических культуросодержащих отложениях пещеры. Список сопроводительных вещей включает прежде всего предметы охотничьего вооружения, орудия для разделки и обработки добычи. Наиболее эффектным предметом из надмогильной части погребения является двухпазовый костяной кинжал (длина 24,5, ширина 2,8 см) с острым концом, широким уплощенным основанием и отверстием для подвешивания. Глубокие пазы прослеживаются от острия и до края отверстия. Пазы орудия предназначались для микропластинок-вкладышей. Согласно трасологическим исследованиям, ни один артефакт не имеет следов сработанности. Это признак того, что инвентарь изготовили специально для погребального обряда. Орудия, составлявшие основу охотничьей деятельности коллектива, должны были обеспечить продолжение такой же жизни погребенного уже в потустороннем мире. Возможно, охота не была чуждым занятием и самой погребенной. Если это так, то положенный у правого колена клык медведя выполнял, вероятно, функцию охотничьего амулета.

Другая группа сопроводительного инвентаря - лежавшие на дне могилы, ее стенке и над ней единичные кольца, низки, рыбки, резцы сурка, аналогичные нашивным украшениям костюма. Возможно, они остались после завершения работы с ритуальным платьем и не были выброшены, поскольку считались частью одежды погребенной. Не исключено, что эти украшения предназначались будущему ребенку, рождение которого должно было произойти уже в потустороннем мире. Палеолитическое скребло, помещенное на стенке ямы в окружении резцов сурка, колец, рыбок, также носит ритуальный характер; оно могло восприниматься как послание свыше.

Положение костяка в могиле и расположение костей верхних конечностей позволяют предположить, что до погребения туловище и левая рука умершей стягивались, в результате чего тело было искривлено. Возможно, подобная процедура выполнялась с помощью поясного ремня. Это действие погребального обряда связано с созданием могильного сооружения - ямы, которая в длину немного превосходила рост (примерно 1,65 м) умершего человека. На ее дне, как указывалось, имеются специальные насыпи под черепом и костями ног. Думается, что эта особенность погребения - прообраз войлочных и деревянных

подушек, которые фиксируются в памятниках пазырыкской культуры на Горном Алтае [Полосьмак, 1997, с. 16].

Очевидно, могила должна была удовлетворять двум условиям ориентации погребенной: по сторонам света и по отношению к пещере и ручью. Не исключено, что при ее сооружении соплеменники руководствовались и другими ориентирами в пространстве, принятыми в обществе.

Захоронение умершей совершалось по обряду группоположения на спине. Такое положение является древнейшей чертой погребальной обрядности. Разница в положении рук, видимо, связана с беременностью погребенной: правая рука, как бы защищая плод, покоилась на животе, левая - прикрывала область паха - место появления (пусть даже в ином мире) нового человека. Можно допустить, что часть сопроводительного инвентаря предназначалась будущему ребенку, в частности накидка могла служить пеленкой.

При погребении тело размещено в северо-восточном направлении. При таком положении голова обращена к восходу. Следующие два важных ориентира - пещера и ручей. Как отмечалось, пещера представляет собой галерею, под углом к которой расположен грот. И могильное сооружение, и погребенная находятся перпендикулярно гроту, но параллельно галерее. При этом ногами умершая обращена внутрь галереи, в глубину пещеры, куда она должна была уйти через "земную щель". Вместе с тем тело положено параллельно ручью, вниз головой по течению. Если исходить из предположения, что костюм был призван создавать образ рыбы, то реку можно представить и дорогой, ведущей в иной мир, и средством проникновения в нижний мир. В архаических и традиционных культурах сохранились представления о расположении мира умерших где-то в низовьях рек и о связях рек с миром мертвых [Там же; Очерки культурогенеза..., 1994].

Ряд действий погребального обряда был связан с распределением сопроводительного инвентаря. Он размещался по периметру тела на дне могилы, на ее стенке и над могильным сооружением. Группу артефактов, в которой основным является костяной кинжал, можно трактовать и как часть поминального приношения, и как систему защитных мер в погребальном обряде. Артефакты могли закрывать дорогу умершей в мир живых. Предположение о специальном отчленении стопы и размещение ее здесь же в могиле допустимо связать с боязнью людей мертвого соплеменника, которая диктовала проведение определенных действий с телом покойной и его атрибутикой.

При закрытии (засыпании) могильного сооружения и тела погребенной в состав заполнителя, возможно, попали остатки разведенного в стороне поминального костра.

Обсуждение и выводы

Дата погребения (5 320±90 л. н. (СОАН-3401), 5 300±150 л. н. (AECV-2040 C)) предварительно определяется по результатам радиоуглеродного датирования угля, собранного чуть выше костяка в заполнении ямы. По этим данным захоронение можно отнести к середине IV тыс. до н. э. На неолитический возраст погребения указывают некоторые артефакты сопроводительного инвентаря, например, костяной двухпазовый кинжал, сопоставимый с аналогичными или близкими образцами эпохи неолита из Западной Сибири, Монголии и Прибайкалья [Окладников, 1950, с. 215; Волков, 1975, с. 78; Бобров, 1998, с. 54]. В неолитических могилах Прибайкалья нередко встречаются перламутровые кольца, которые вместе с пастовыми и пиррофиллитовыми кольцами декорируют, очевидно, детали одежды и головных уборов погребенных [Окладников, 1975, 1976]. Более широко во времени и пространстве известны аналоги наконечников стрел. Мы ограничимся лишь алтайскими параллелями с неолитическими индустриями и комплексами, объединенными в большемысскую энеолитическую культуру, существовавшую с середины IV тыс. до н. э. [Кирюшин, Кунгуров, 1995; Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995]. Костяные рыбки в сочетании с перламутровыми кольцами и резцами сурка представлены в Иткульском погребении Алтая, материал которого приводится, к сожалению, лишь в выставочных буклетах [The Altai..., 1995, p. 36]. Труднее подобрать аналоги украшениям в виде восьмерок, являющимся, возможно, прототипами костяных застежек, известных на Алтае в афанасьевское время [Деревянко, Молодин, 1994].

Семантика обряда погребения в Каминной пещере свидетельствует о развитом системном мировоззрении неолитических племен Северо-Западного Алтая. Здесь зафиксированы мифологические представления о существах животного мира, потустороннем мире и способах перехода в него из мира реального.

Наибольшая трудность связана с определением статуса погребенной. В составе сопроводительного инвентаря, как будто, нет признаков ее особого социального положения. Однако богатство украшений на одежде, привозное сырье, из которого выполнена часть образцов, могут подчеркивать достаточно высокое положение женщины среди соплеменников. Нередко могилы, в которых наблюдаются необычное положение костяка, особенности в погребальном инвентаре, именуются шаманскими [Сериков, 1998]. Вместе с тем критерии для выделения таких захоронений совершенно не разработаны. Квалифицируя алтайское погребение как шаманское, мы не можем противопоставить его другим могилам, которые в этой

области Западной Сибири пока неизвестны. На Алтае это лишь второе пещерное захоронение, датируемое, как и первое (Нижнетыткескенская пещера I), серединой IV тыс. до н. э. [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995]. Оба погребения ни по обряду, ни по инвентарю, за исключением лишь некоторых широко бытующих артефактов, совершенно не сопоставимы. В Нижнетыткескенской пещере I представлено вторичное захоронение, в котором лишь часть костей скелета оказалась в анатомической связи. Здесь захоронен мужчина 40 - 45 лет с богатым (более 200 экз.) сопроводительным инвентарем, включающим жезл со стилизованной головкой лося(?), костяной нож, каменные наконечники стрел, резцы, скобели, долота, ножи, отщепы, шлифованное тесло, точильный брусок, составные и цельнокостяные рыболовные крючки, клыки медведя, зубы собаки, кабарги, бобра. Исследователями данное погребение определяется как шаманское.

Антропологи отметили морфологическую близость черепов из Каминной и Нижнетыткескенской пещер (См. статью Т.А. Чикишевой в первом номере журнала.). Различия в обрядах захоронений, на наш взгляд, могут объясняться набором факторов, прежде всего половозрастной разницей погребенных (молодая женщина, готовящая стать матерью, и взрослый мужчина). На состав сопроводительного инвентаря могло влиять расположение пещер. Если Каминная находится вблизи небольшого водотока, не богатого рыбными запасами, то Нижнетыткескенская расположена недалеко от Катунь с обильной ихтиофауной, в ее погребальном наборе есть предметы рыбной ловли. Отношение к одному объекту животного мира - рыбе, выражено в погребениях по-разному. Это может указывать на отсутствие закономерностей в развитии погребальной обрядности и характере формирования представлений о посмертном существовании. Наконец, особенности погребений могли отражать разное отношение к умершим, в зависимости от их социального положения. Возможно, на характер обряда влияли и причины смерти. Разумеется, это лишь предположение, но, на наш взгляд, в погребениях нет ничего такого, что указывало бы на их шаманскую принадлежность. Скорее следует говорить о том, что погребальный обряд этого времени представлял собой сложную и подвижную систему мировоззрения.

Благодарности

Выражаем искреннюю признательность А.В. Бауло за консультации по традиционной культуре народов Сиби-

ри, Т.А. Чикишевой - за антропологическое изучение скелета, П.В. Волкову - за трасологические и технологические исследования сопроводительного инвентаря, И.И. Цынерт - за статистическую обработку материалов погребения, Л.А. Орловой - за радиоуглеродное датирование погребения, В.С. Зыкину - за определение малокофауны.

Список литературы

- Бобров В.В.** Проблемы неолита юга Западной Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы международного симп. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - С. 50 - 58.
- Волков В.В.** Погребение в Норовлин Уула // Археология Северной и Центральной Азии. - Новосибирск: Наука, 1975. - С. 76 - 79.
- Деревянко А.П., Молодин В.И.** Денисова пещера. - Новосибирск: Наука, 1994. - Ч. 1. - 261 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.** Проблемы каменного века бассейна р. Катунь // III Годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995 г. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. - С. 61 - 63.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф.** Археология Нижнетыткескенской пещеры I (Алтай). - Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. ун-та, 1995. - 151 с.
- Леонова Н.Б., Смирнов Ю.И.** Погребение как объект формального анализа // КСИА. - 1977. - Вып. 148. - С. 16 - 23.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. - М.: Л., 1950. - № 18. - 412 с.
- Окладников А.П.** Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). - Новосибирск: Наука, 1975. - 319 с.
- Окладников А.П.** Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серова до Братска). - Новосибирск: Наука, 1976. - 328 с.
- Очерки** культурогенеза народов Западной Сибири. - Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. - Т. 2: Мир реальный и потусторонний. - 475 с.
- Полосьмак Н.В.** "Стерегиущие золото грифы". - Новосибирск: Наука, 1994. - 122 с.
- Полосьмак Н.В.** Пазырыкская культура. Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - Новосибирск, 1997. - 54 с.
- Прокофьева Е.Д.** Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX века. - Л.: Наука, 1971. - 100 с. - (Сб. МАЭ: Т. 27).
- Сериков Ю.Б.** Шаманские погребения Зауралья // Вопросы археологии Урала. - Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1998. - Вып. 28. - С. 29 - 47.
- The Altai culture.** - Seoul, 1995. - 195 p.

УДК 902.2

А. Ронен¹, Ш. Мильштейн², М. Ламдан³, Дж.К. Вогель⁴¹Институт археологии Зинмана, Университет Хайфы, Израиль
Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa, Haifa, 311905, Israel
E-mail: aronen@research.haifa.ac.il²Тель-Авив, Израиль. Hirshenberg str. 21, Tel Aviv, Israel³Киббуц Ягур, Израиль. Kibbutz Yagur, Israel⁴Совет по научным и промышленным исследованиям, Южная Африка
Council for Scientific and Industrial Research, P.O. Box 395, Pretoria, 0001, South Africa

НАХАЛ-РЕУЭЛ - СТОЯНКА ДОКЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА В НЕГЕВЕ (Израиль)

Местонахождение и окружающая обстановка

Стоянка Нахал-Реуэл находится в Бикат-Увда (долина Увды) на севере пустыни Негев, примерно в 35 км севернее Элата. Долина Увды представляет собой грабен, ориентированный с севера на юг и ограниченный двумя подпараллельными группами сброса [Ginat, Zilberman, 1992]. Ее протяженность составляет примерно 12 км, максимальная ширина - 5 км. На западе долину окаймляют сенонские холмы, а на востоке она ограничена туронским известняковым хребтом (абсолютные высоты достигают 625 м), образующим западную границу Арабского рифта. Долина Увды понижается с юга на север с 500 до 415 м абсолютной высоты. Восточная оконечность долины примерно на 20 м ниже западной, поэтому она лучше орошается паводковыми водами [Avner, 1998, p. 169 - 172].

Южная часть Негева в настоящее время представляет крайние пустынные условия со средней годовой нормой осадков, не превышающей 50 мм, что способствует распространению растительности сахаро-синдайского типа. Однако в долине Увды почвы, обладающие исключительной способностью абсорбировать воду, сочетаются с топографическими особенностями, допускающими регулярные зимние паводки. Эти уникальные условия явились причиной высочайшей концентрации доисторических памятников в Негеве и Синае [Ibid]. Ранненеолитические объекты в пустыне обычно определяются как временные стоянки кочевого населения (см., например,

[Goring-Morris, Gopher, 1983]), тогда как неолитические памятники долины Увды, включая рассматриваемый в данной статье, могли быть круглогодичными поселениями [Avner, 1998].

Нахал-Реуэл - это название одной из вад, входящих в Бикат-Увда с востока. Памятник Нахал-Реуэл расположен на расстоянии 100 м от места вхождения вад в долину (UTM-система 6902/3150), на северном берегу одноименной реки, где в нее впадает небольшой приток. Высота стоянки над днищем вад около 5 м, над уровнем моря - 435 - 433 м. Памятник находится на умеренно покатом склоне (17%), выше переходящем в крутой известняковый утес с кремневыми жилами, которые могли разрабатываться обитателями стоянки. Раскопки были начаты в феврале 1980 г. в рамках охранного археологического проекта, осуществлявшегося Отделом древностей Израиля (позднее - Управлением по охране древностей). Исследования были продолжены в марте 1981 г. Проект реализован при финансовой поддержке Отдела древностей, Университета Хайфы и Музея предистории Стекелиса (Хайфа).

Стратиграфия

На памятнике Нахал-Реуэл выявлено четыре слоя (рис. 1):

А. Желтые иловатые отложения с большим количеством грубообломочного материала и россыпями артефактов докерамического неолита. Мощность слоя 10 - 20 см.

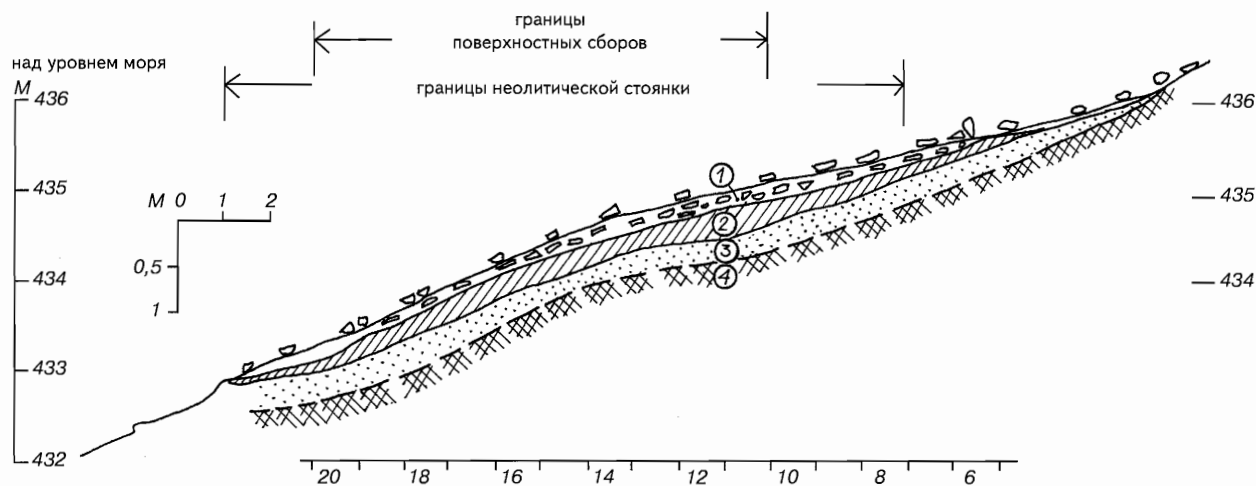

Рис. 1. Стратиграфический разрез по линии север - юг.
1 - 4 - слои А - D, их описание см. в тексте.

В. Желтые песчанисто-иловатые отложения с архитектурными остатками, артефактами докерамического неолита, органическими остатками и золой. Слой темный в юго-восточной части раскопа постепенно становится более светлым в северо-западной части. Мощность 20 - 50 см. Стенки строений покоятся на кровле слоя С.

С. Светло-красные иловатые отложения, перекрывающие коренные породы и заполняющие трещины в бедроке. Слой археологически стерилен. Мощность около 0,4 м.

Д. Коренные породы.

Раскопки

В результате расчистки центральной части объекта от камней среди обломочного материала слоя А была зафиксирована овальная структура длиной около 5 м. Не представляется возможным вынести какое-либо суждение о возрасте данной структуры, предположительно окружавшей жилище-шалаш. У подножия склона, близ русла были обнаружены следы жилищ набатеев. Нахал-Реуэл является единственным ныне известным поселенческим комплексом докерамического неолита Б*.

* В неолите Леванта выделяются следующие археологические периоды: кебарийский (20 - 14,5 тыс. л. до н. э.), геометрический кебарьен (14,5 - 12,5 тыс. л. до н. э.), натуфийский (12,5 - 10,5 тыс. л. до н. э.), докерамический неолит А (10,5 - 9,5 тыс. л. до н. э.), докерамический неолит Б (9,5 - 6 тыс. л. до н. э.), керамический неолит (6 - 4,5 тыс. л. до н. э.), халколит (4,5 - 3,2 тыс. л. до н. э.).

На основании распространения поверхностных находок было подсчитано, что стоянка докерамического неолита Б первоначально занимала площадь около 400 м². Участок 10 × 12 м был зачищен от обломочного материала, при этом производилась поквадратная фиксация находок. Затем участок размером 76 м² был раскопан секторами 50 × 50 × 5 см. Северо-западный сектор квадратного метра обозначался буквой "а" латинского алфавита, северо-восточный - "b", юго-западный - "с", юго-восточный - "d". Выбранный в процессе раскопок грунт просеивался на сите с ячейками в 3 мм.

Артефакты докерамического неолита в слое В были покрыты плотным налетом соли, для удаления которого находки на несколько часов замачивались в воде. Кости, обнаруженные на стоянке Нахал-Реуэл, очень плохой сохранности, что, возможно, было обусловлено высоким содержанием солей в отложениях.

Планиграфия архитектурных остатков

Раскопанная часть памятника докерамического неолита Б содержала комплекс структур круглой формы: центральное помещение (комната 4) и примыкающие к нему с трех сторон камеры (комнаты 1, 2 и 5). В восточной части раскопа (квадрат О13) был зафиксирован вход, свидетельствующий о существовании четвертой (восточной) камеры за пределами исследованного участка (рис. 2).

Стены сооружения были сделаны из сухого материала, включающего необработанные камни средних размеров, в основном выполнены тщательно, с

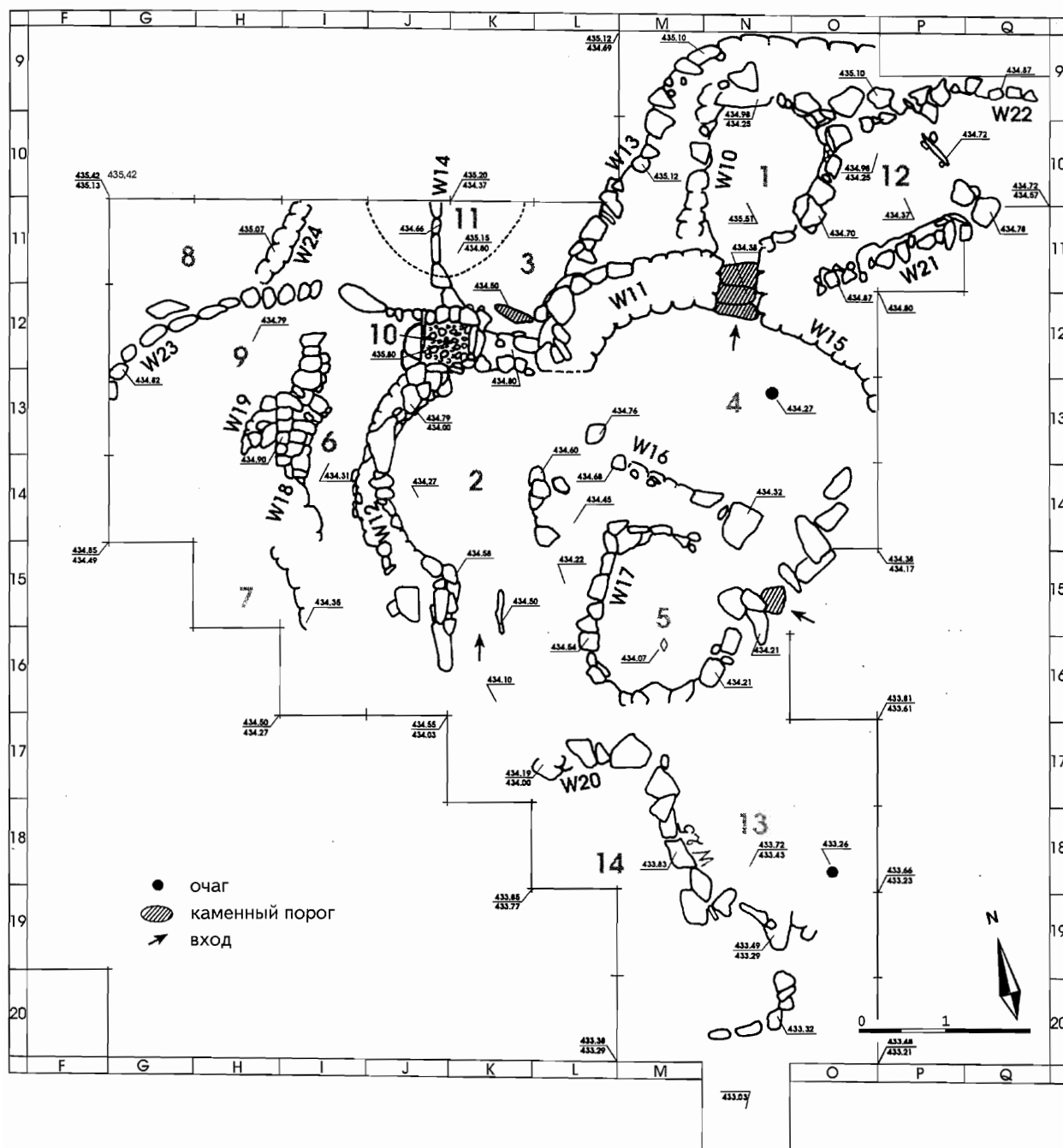

Рис. 2. План раскопанной части памятника.

соблюдением равной толщины и хорошей пригонкой камней. Особое внимание уделялось нижней части стены, состоящей из вертикально поставленных плит одинакового размера, плотно пригнанных друг к другу. Сверху горизонтально крепились менее тщательно пригнанные камни разных размеров. Верхняя часть стен могла быть выполнена из какого-то органического материала.

Жилой комплекс

Центральное помещение 4 размером 2×3 м самое большое в комплексе. Его северная стена (W11, W15) толщиной 0,8 м и высотой 0,5 м массивнее всех других на стоянке. Это помещение могло служить внутренним двориком, соединявшим все остальные комнаты, что было подтверждено содержимым других камер,

рассматриваемых ниже. Далее данное помещение именуется “внутренний двор 4”.

Ниже поверхностного желтого слоя А внутренний двор 4 на 0,5 м был заполнен сероватым песком, смешанным с золой. Заполнитель содержал множество артефактов, обломки терочников и отбойники. Единственная жилая площадка, выявленная во внутреннем дворе в нижних 5 см отложений (в 0,5 м над коренной породой), выделялась самым темным зольным пятном. На этой площадке в кв. N13b был обнаружен очаг, диаметр которого 20 см, а глубина 10 см. Вокруг него была зафиксирована максимальная концентрация находок, включающих две пары терочников, отбойники и многочисленные артефакты.

Проход шириной около 0,4 м и длиной 0,6 м соединяет внутренний двор и северную комнату 1. У входа - порог из трех тщательно подогнанных друг к другу камней. Более широкий вход (около 1,4 м) ведет в комнату 2. Комната 5 в южной части сооружения имеет вход шириной около 0,4 м. Наконец, вход шириной 0,7 м зафиксирован в восточной части. Возможно, он вел в нераскопанную четвертую комнату.

Комната 1 имеет размеры 1,8 × 1,2 м. Ее пол горизонтально врезан в склон. Окружающая комнату стена W1 выполнена с большим искусством. Ее толщина 0,7 - 0,8 м, высота - около 0,9 м в пределах комнаты и 0,7 м - за ее пределами. Основание стены сложено из вертикально поставленных тщательно соединенных плит. Эти плиты перекрыты четырьмя горизонтальными рядами камней меньшего размера.

В комнате 1 желтовато-серые отложения слоя В мощностью около 0,5 м смешаны с золой и разнообразными кремневыми артефактами. Темный цвет золы в западной части комнаты постепенно переходит в более светлый в восточной части. В заполнителе были встречены плоские каменные плиты (около 30 × 20 × 5 см) неправильной прямоугольной формы. Возможно, это остатки пола или рабочих поверхностей, ныне неразличимых, но некогда существовавших на разных уровнях.

Комната 2 имеет размеры 2,5 × 2 м. С запада она огорожена тщательно сложенной стеной W12, толщина которой 0,6 м, а высота 0,8 м. Зольный заполнитель слоя В (мощность около 0,5 м) содержал, как и в комнате 1, плоские каменные плиты, располагавшиеся на разных уровнях. Большинство находок было сконцентрировано в западной части комнаты. Помимо восточного входа со стороны внутреннего двора, комната 2 имеет широкий (1,6 м) вход с юга. Первоначально в комнате 2 был еще один вход с севера, из локуса 3. У этого входа (шириной 0,4 м) располагался каменный порог. Со временем входом перестали пользоваться, и он, видимо, был заблокирован в месте соединения с прямоугольной структурой (хранили-

ще?) локуса 10, встроенной в стену W12 или пристроенной позднее.

У восточного и южного входов комнаты 2 находились особые приспособления. Между внутренним двором 4 и комнатой 2 располагался сравнительно крупный камень. Узкий его конец был прочно укреплен в земле так, что широкий и плоский конец находился наверху, напоминая стол или наковальню (алтарь?). У южного входа в комнату 2 вертикально вкопана длинная и узкая каменная плита, обращенная узким концом кверху. Таким образом, у обоих входов комнаты 2 были размещены предметы, напоминающие наковальню.

Комната 5 (размером 1,8 × 1,5 м) с трех сторон окружена стеной W17 в форме дуги, высота ее около 0,5 м. Северо-восточная стена (W16) прямая. В комнате было два входа: северо-восточный (шириной около 0,4 м) из внутреннего двора и восточный (шириной около 0,3 м) из локуса 13. Порог второго входа ограничен двумя вертикальными плитами высотой 0,4 м. Самый восточный камень стены W16 представляет собой вторично использованный терочник. Комната 5 была заполнена теми же отложениями, что и другие подразделения жилого комплекса. В кв. M16 зафиксирована жилая площадка. Находки - преимущественно кремневые артефакты - в этой комнате распределялись достаточно равномерно.

Нежилые структуры

Жилой комплекс окружен стенами более тонкими и менее тщательно выполненными, чем те, которые были описаны выше. Эти стены, скорее всего, являются остатками внешних сооружений. Пространство вокруг жилого комплекса разделено на следующие локусы (против часовой стрелки).

Локус 12 находится в северо-восточной части раскопа, восточнее комнаты 1, огорожен стенами W21 и W22 толщиной около 0,2 м и высотой 0,5 м. В центре его каменная плита, вкопанная в землю узким концом вниз, вертикальное положение закреплено тремя булыжниками. В этом локусе были зафиксированы три скопления обломков камня, располагавшиеся на расстоянии около 50 см друг от друга, примерно на одном уровне. Два из них находились у стены W10 с восточной стороны, а третье - у стены W21 с северной стороны. Скопления включали многочисленные первичные и вторичные отщепы и пластины, продукты подправки нуклеусов и мелкие отходы производства. Было найдено около 20 нуклеусов и, что удивительно, только один отбойник. Локус 12, несомненно, представляет собой мастерскую, где производилось расщепление камня, поэтому вертикально стоящая плита, поддерживаемая булыжниками, вероятно, служила наковальней. По личным наблюдениям,

Таблица 1. Калиброванные радиоуглеродные даты

Образец	Даты		Эффективность счета, %	Диапазоны калибровки, до н. э.	Вероятность соответствия даты данному календарному интервалу, %
	по ^{14}C , тыс. лет	калиброванные, тыс. лет до н. э.			
Pta-2848	8670 $\pm$ 60	7612	68,3	1 sigma 7867 - 7817	22
			95,4	7707 - 7572	78
				2 sigma 7899 - 7759	32
				7741 - 7542	68
Pta-3137	8620 $\pm$ 70	7577	68,3	1 sigma 7833 - 7829	02
			95,4	7699 - 7537	98
				2 sigma 7893 - 7795	17
				7784 - 7765	02
Pta-3202	8550 $\pm$ 90	7541	68,3	7736 - 7499	81
			95,4	1 sigma 7692 - 7663	10
				7635 - 7484	89
				7451 - 7449	01
				2 sigma 7893 - 7794	09
				7786 - 7764	01
				7736 - 7421	90

узкие наковальни особенно удобны для получения пластин определенной длины. Еще одна плита, вертикально стоящая у южного входа комнаты 2, тоже могла быть наковальней. Однако она не связана с площадкой для расщепления камня и не закреплена булыжниками. Возможно, эта плита выполняла какую-то иную функцию, о которой пока сложно судить.

Локус 3 находится западнее комнаты 1, у северного края раскопа. Он ограничен с запада стеной W24, с востока - W13. Стена W13 напротив стены W10 могла быть построена в более поздний период времени. Мастерская для расщепления камня была зафиксирована в кв. I11. Она меньше вышеописанной. Других мастерских на стоянке не обнаружено.

В центральной части локуса 3 яма (локус 11) диаметром 2 м, глубиной 35 см, разделенная на две части стеной W14. Яма неровно обрамлена мелкими каменными плитками и заполнена темно-серым песком, смешанным с золой, прокаленными камнями и артефактами. Видимо, это была яма для отходов. Зола и обожженные камни рассредоточены по всему заполнителю, тогда как артефакты в основном сконцентрированы западнее стены W14.

Локус 10 представляет собой прямоугольную структуру размером 0,5 $\times$ 0,6 м, тщательно вымощенную гравием. С востока и запада мощный участок ограждают две узкие вертикально расположенные каменные плиты высотой 15 см. Вполне возможно, что эта структура выполняла функцию хранилища. Она могла быть встроена в стену W12 или пристроена позднее. Тот факт, что вход, соединявший комнату 2 с локусом 3, был явно заблокирован локусом 10, служит подтверждением последнего предположения.

Пространство западнее жилого комплекса (на запад от стены W12) разделено на локусы 6 - 9. Стены

W23 и W24 по размеру и структуре напоминают стены W21 и W22. Они также могли ограждать зоны, где осуществлялась какая-то деятельность, характер которой в данный момент не поддается реконструкции. Примыкающие друг к другу стены W18 и W19, обвалившиеся по обоим концам, имеют одинаковые размеры и выполнены с той же тщательностью, что и стена W12 и другие конструкции жилого комплекса. Стены W18 и W19, возможно, являются остатками более древней круглой структуры, предвалявшей комнату 2.

Южнее жилого комплекса расположены стены W20 и W25, самые низкие на раскопанной части стоянки. Они тоже могли ограничивать площадки, на которых осуществлялась разного рода деятельность. Локус 13 содержал остатки кострища - самого крупного из всех, обнаруженных на стоянке: диаметр 45 см, глубина 8 см.

Датирование

Радиоуглеродным методом были датированы три образца золы: Pta-2848 и Pta-3137, взятые из основания большой зольной ямы локуса 11, и Pta-3202 - с пола жилой площадки комнаты 2 (табл. 1).

Хотя локус 11 и пол комнаты 2, судя по стратиграфическим данным, относятся к разным фазам существования стоянки, проба на воспроизводимость показала, что три образца статистически одинаковы на уровне 95% с общим средним возрастом 8627 $\pm$ 45 лет (рис. 3). Это может быть свидетельством сравнительно короткого периода функционирования стоянки в первой половине VII тыс. до н. э. Данный вывод подтвержден археологическим материалом.

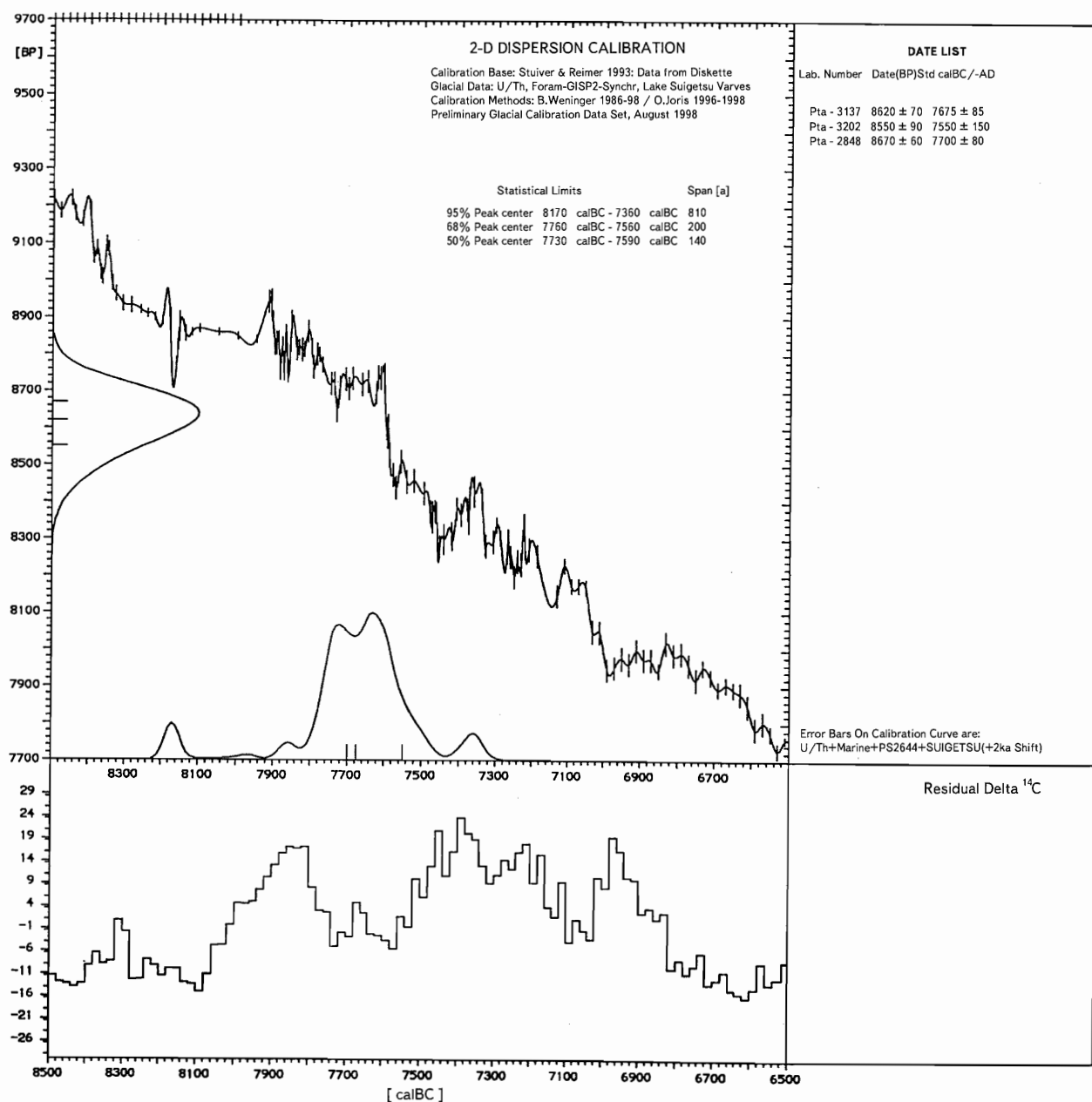

Рис. 3. ¹⁴C калибровочная кривая.

Каменная индустрия

Сырьем для каменной индустрии Нахал-Реуэл послужил высококачественный кремнь беловатого, бледно-коричневого и серого цвета. Имеется небольшое количество артефактов из темно-коричневого, красноватого и розового кремня. Сырье могло поступать из трех источников. Туронский кремнь встречается на холме, у подножия которого расположена стоянка. Вторая разновидность сырья - сеноманский кремнь с эскарпа Араба, находящегося в нескольких сотнях метров восточнее стоянки. Третий источник - выхо-

ды сенонского кремня у западной оконечности долины Увды. Были исследованы все нуклеусы и продукты скалывания, а также небольшая часть отходов производства.

Технология расщепления камня

Индустрия Нахал-Реуэла преимущественно нацелена на производство пластин: нуклеусы для пластин составляют около 75% всех нуклеусов и около 80% ретушированных предметов выполнено на пластинах. Отходы производства на 60% состоят из пластин и на

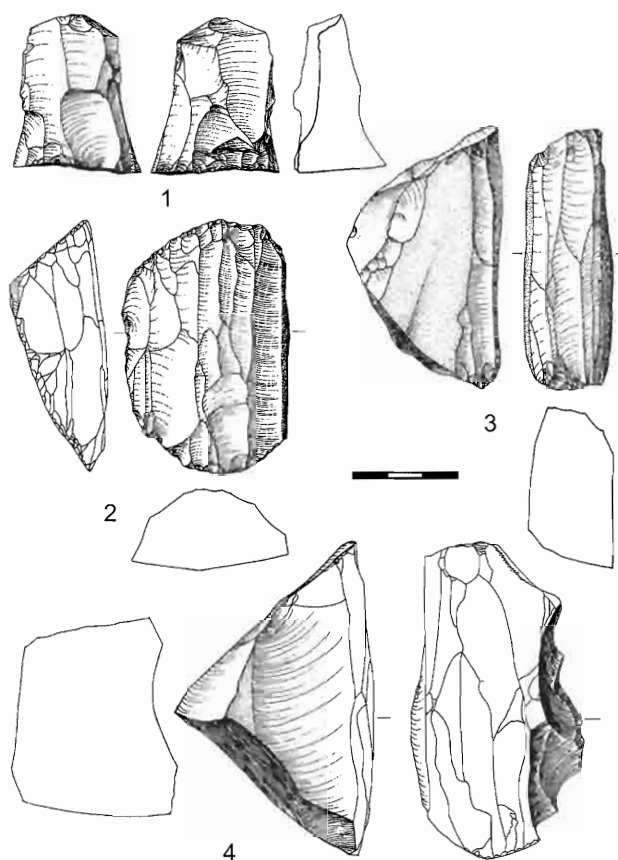

Рис. 4. Нуклеусы.

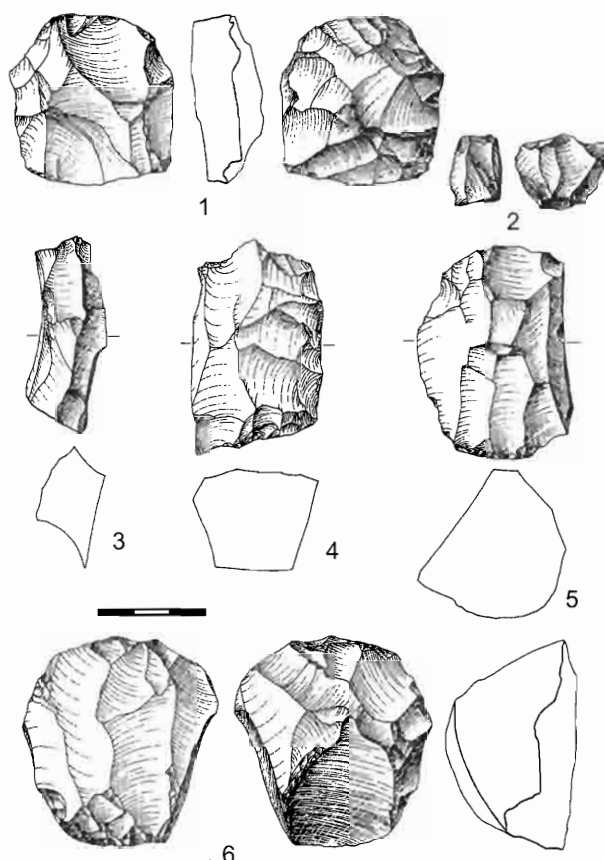

Рис. 5. Нуклеусы.

40% - из отщепов. Расщепление камня производилось на стоянке, где были зафиксированы по меньшей мере две площадки для обработки камня - в локусах 12 и 11, о чем упоминалось выше.

Нуклеусы. Самыми многочисленными являются ладьевидные нуклеусы для пластин (50,8%) (рис. 4). 11,6% ядрищ имеют две смежные ударные площадки (угол 90°). Одноплощадочные нуклеусы составляют 9,8%. Почти все они пирамидальные, на последней стадии редукции с них снимались мелкие пластины. 16,5% нуклеусов имеют более двух ударных площадок. Большинство из них шаровидные или дисковидные (рис. 5). Нуклеусы неправильной формы составляют 11%. Фрагменты нуклеусов (54 экз.) дополняют список из 235 ядрищ, найденных на стоянке.

Типы орудий

Модифицированные предметы, найденные на стоянке, насчитывают 810 экз., что составляет всего лишь 6% всей коллекции каменных артефактов. Среди орудий (табл. 2) самыми многочисленными являются наконечники стрел, что свидетельствует о большой роли охоты в жизни обитателей стоянки. Наконечники стрел - практически единственный неолитический компонент

стоянки Нахал-Реуэл, так как категория кельтов (рубила, тесла или долотовидные изделия) полностью отсутствует, а "настоящие" пластины для серпов с характерным зеркальным блеском встречаются крайне редко. Многочисленны ретушированные орудия (около 27%), включая скребла. Зубчатые и выемчатые изделия (24%) по значимости приближаются к

Таблица 2. Соотношение орудий разных типов

Тип	Количество	
	экз.	%
Наконечники стрел	245	30,3
Пластины для серпов	3	0,4
Острия	98	12,1
Скребки	16	2,0
Скребла	17	2,1
Резцы	12	1,5
Тронкированные орудия	15	1,8
Выемчатые орудия	104	12,8
Зубчатые орудия	89	11,0
Ретушированные пластины	117	14,4
Ретушированные/использованные отщепы	88	10,9
Прочие	6	0,7
Всего	810	100

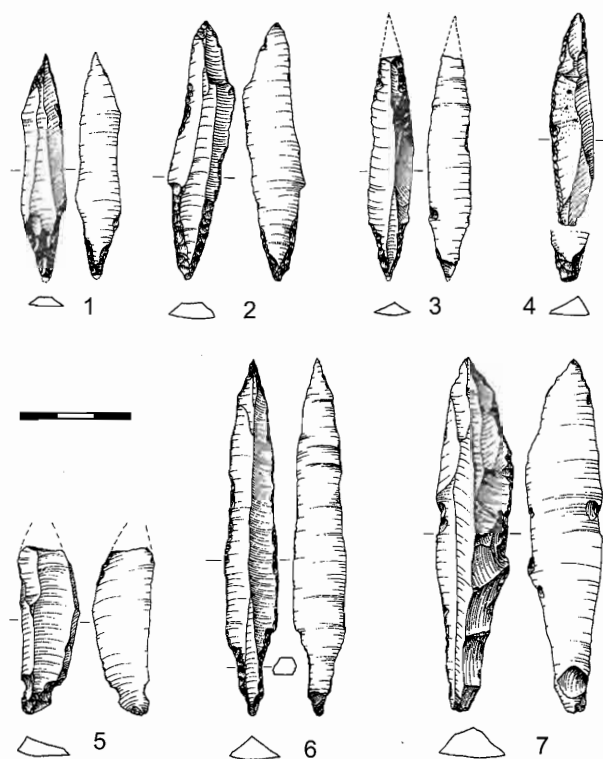

Рис. 6. Наконечники стрел.

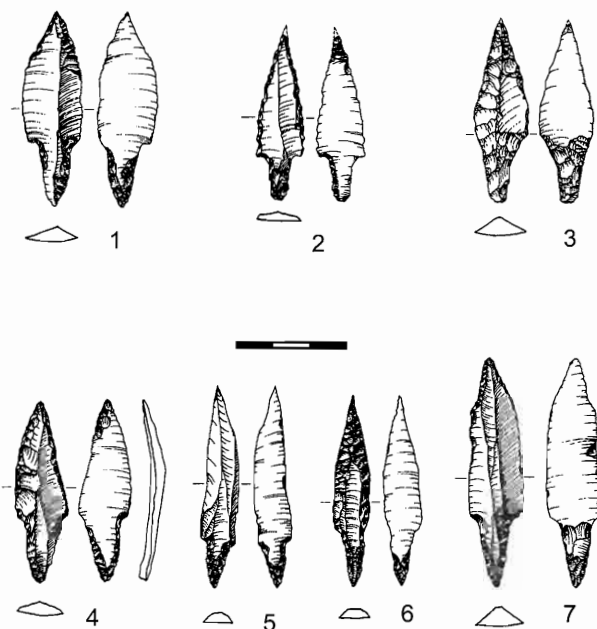

Рис. 7. Наконечники стрел.

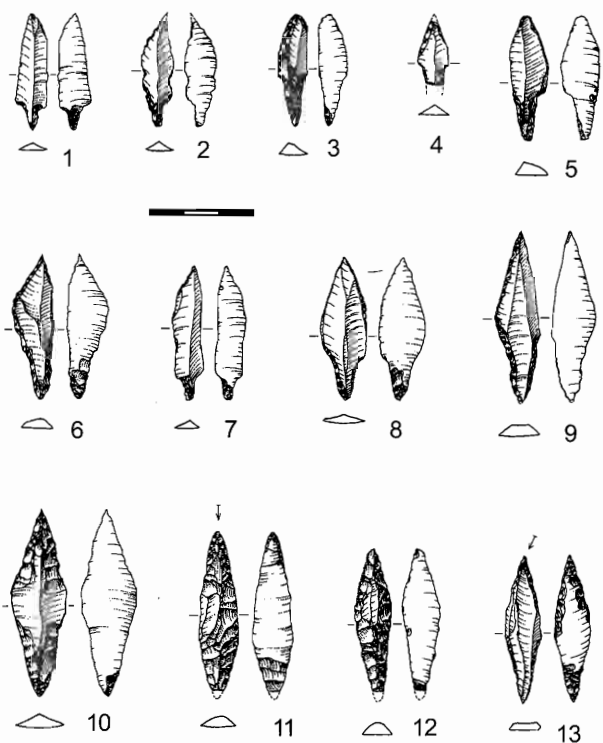

Рис. 8. Наконечники стрел.

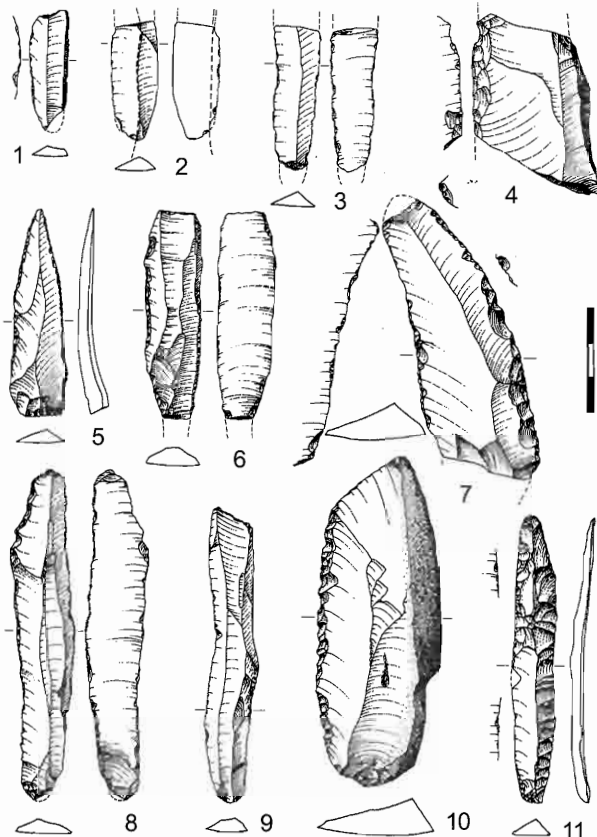

Рис. 9. Предметы с ретушью.

ретушированным. Сверление - еще одна важная операция, осуществлявшаяся на стоянке: острия, которые могли использоваться в качестве сверл, составляют 12%. Интересно то, что орудия “верхнепалеолитических” типов (скребки, резцы, тронкированные изделия) представлены в небольших количествах.

Наконечники стрел. Представлено три типа (рис. 6 - 8): самые многочисленные иерихонские (77 экз., 53%), за ними следуют библосские (43 экз., 30%) и амукские (22 экз., 15%). Три образца классифицированы как “*varia*”. Термин “иерихонский наконечник” применен даже в тех случаях, когда только одно перо расположено под соответствующим углом к черешку (менее 90°). У этих изделий обработке обычно подвергался только черешок и острие. Лезвия почти всегда неретушированные. Примерно половина орудий была обработана отжимной ретушью на дорсале и вентрале (см., например, рис. 7, 3). Вторая половина наконечников демонстрирует крутую или полукрутую ретушь. Чередующаяся ретушь встречается редко. У библосских наконечников закругленные плечики постепенно сужаются, образуя язычок. Модификации подвергались только плечики и язычок. Ретушь крутая или полукрутая; отжимная редка. Овальные листовидные амукские наконечники обычно оформлены крутой или полукрутой ретушью по всей периферии (см. рис. 8, 10 - 13). Отжимная ретушь встречается редко. Неопределимых фрагментов 99 (40%).

Наконечники Нахал-Реуэл отличаются нетщательной обработкой. Ретушью, как правило, оформлены только острие и язычок. Многие орудия асимметричны по форме: либо острие смещено от центральной оси, либо перья асимметричны, либо то и другое вместе. Подобные особенности были отмечены у наконечников стрел со стоянки Гуркутепе в Юго-Восточной Турции [Schmidt, Beile-Bohn, 1996].

Пластины для серпов. Эта категория орудий представлена неретушированными пластинами длиной 3 - 5 см. На некоторых изделиях фиксируется глянec, покрывающий образец на половину ширины (рис. 9, 1 - 3). Таких пластин мало, что может быть свидетельством того, что жатва зерновых играла второстепенную роль на стоянке Нахал-Реуэл.

Острия. Орудия этого типа составляют важный компонент коллекции. Были выделены следующие четыре группы:

- 1) короткое и тонкое острие на пластине - 58 экз., 59% (рис. 10, 3, 7, 9, 11 - 14);
- 2) длинное острие на пластине - 13 экз., 13% (рис. 10, 4, 6);
- 3) небольшое изящное острие на крупном отщепе - 12 экз., 12% (рис. 10, 8);
- 4) острие любой формы на тонкой заготовке - 15 экз., 15% (рис. 10, 10).

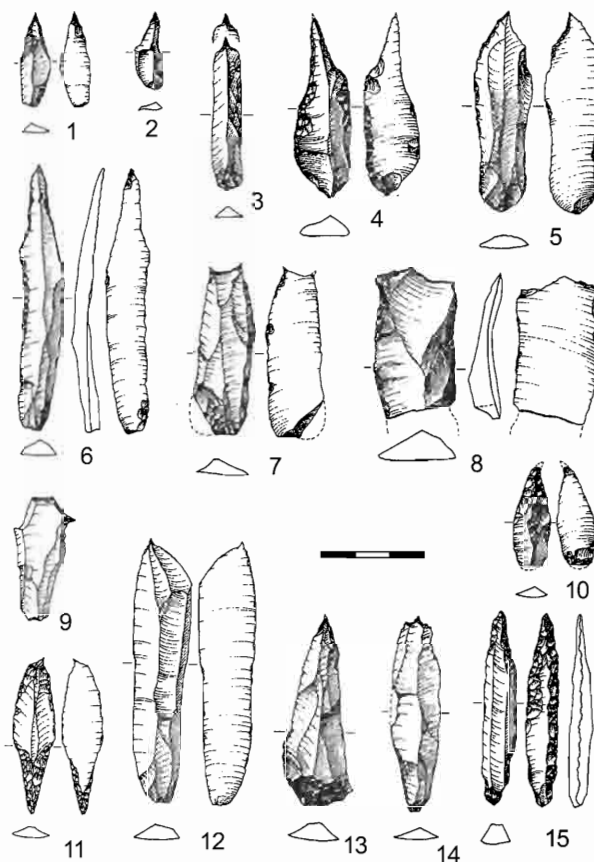

Рис. 10. Острия.

Следует отметить, что в коллекции Нахал-Реуэл многие орудия данного типа имеют тонкие острия. В этом состоит сходство с предшествующими индустриями докерамического неолита А, изобиловавшими игловидными остриями [Ronen, Winter, Chinn, 1994; Ronen, Winter, 1998].

Скребки. Изготовлены на крупных отщепах. Простые скребки наиболее многочисленны (рис. 11, 1, 3). В коллекции имеется один двойной (рис. 11, 2) и один округлый скребок, а также пять изделий, оформленных крутой ретушью и изготовленных на отщепах подживания нуклеуса.

Скребла. Оформлены на крупных отщепах; на многих образцах ретушь занимает примерно половину края (рис. 11, 5). Скребла преимущественно одинарные прямые, имеются два двойных и одно одинарное с ретушью на вентрале (рис. 11, 4).

Резцы. Изготовлены на утолщенных отщепах (рис. 12, 1) или продуктах подживания нуклеуса. Срединные двугранные резцы наиболее многочисленны. Имеются три орудия на изломе и один на вогнутом тронкировании (рис. 12, 2).

Тронкированные орудия. Большая часть орудий этой категории изготовлена на тонких удлиненных пластинах. Некоторые образцы имеют ретушированные

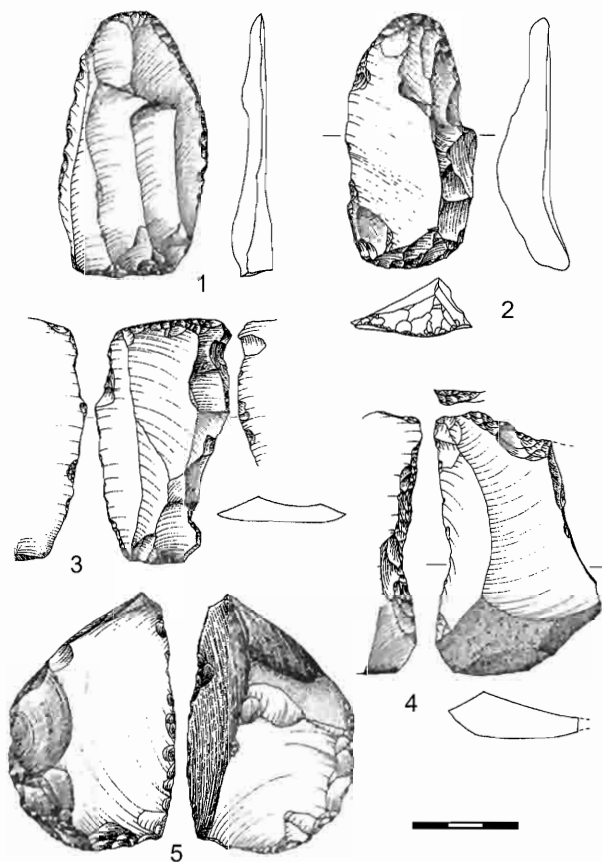

Рис. 11. Каменный инвентарь.

1 - 3 - скребки; 4, 5 - скребла.

края. Доминирующим типом является прямое тронкирование, есть несколько изделий со скошенным или вогнутым тронкированием.

Выемчатые орудия. Почти все изделия оформлены на пластинах, многие из которых - узкие и удлиненные (рис. 12, 4 - 6; 3 и 7 - на отщепах). Выемки преимущественно неглубокие, могли образоваться в процессе использования орудия (рис. 12, 3 - 5). У пяти изделий две выемки располагаются близ торцевой части. Возможно, эти образцы являются незаконченными наконечниками стрел.

Зубчатые орудия. В основном изготовлены на пластинах. Зубцы большей частью мелкие и неправильные, напоминают ретушь утилизации. Во всех случаях (за исключением трех) ретушь расположена на дорсальной поверхности (рис. 12, 8, 9). Выделяется группа из четырех предметов. Эти орудия, тщательно ретушированные по одному или двум краям, имеют две выемки у проксимального конца, что в целом напоминает рукоять.

Ретушированные пластины. Пластины преимущественно удлиненные и узкие (см. рис. 9, 5, 6, 8, 11), лишь иногда массивные (см. рис. 9, 7, 10). У 67 орудий (47%) один край обработан упорядоченной сплошной ретушью, а противоположный ретуширован

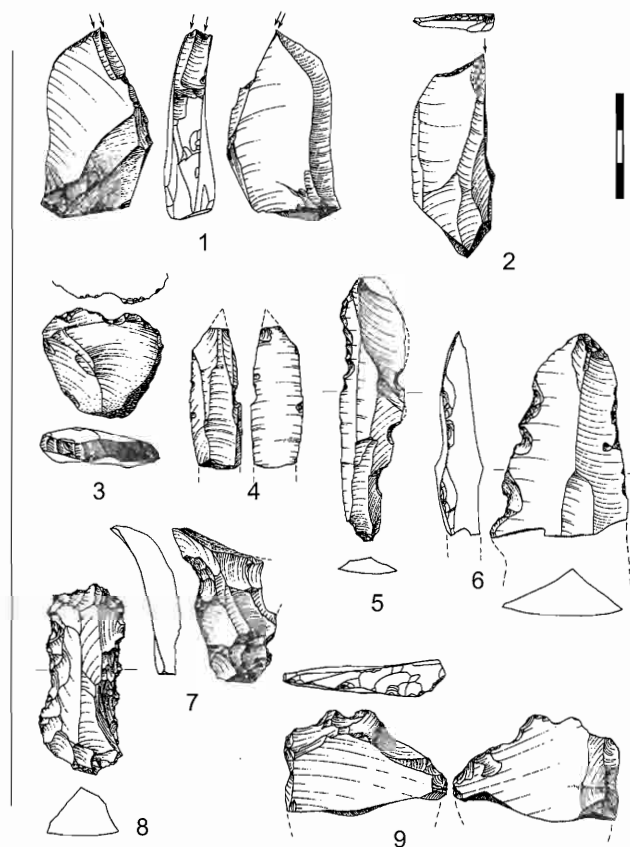

Рис. 12. Каменный инвентарь.

1, 2 - резцы; 3 - 7 - выемчатые орудия; 8, 9 - зубчатые орудия.

частично (см. рис. 9, 7, 8, 11). Остальные изделия этой категории демонстрируют неупорядоченную эпизодическую ретушь - плоскую, полукруглую или круглую; отжимная встречается редко.

Ретушированные отщепы. Эта группа орудий отличается большим разнообразием. Она состоит преимущественно из аморфных отщепов разных размеров. Представлены все основные виды ретуши, за исключением отжимной. Ретушь расположена на дорсале, вентрале или любой другой части заготовки.

Невыраженные орудия. В эту группу входит один отщеп с язычком, две пластины и два массивных орудия (рис. 13, 1, 2). Изделия изготовлены из куса породы или на фрагментах нуклеусов с сильно выкрошенными краями.

Отбойники. На стоянке было обнаружено 36 отбойников, 32 из которых изготовлены на круглых или удлиненных кремневых гальках. Три орудия сделаны из известняка, а еще одно - из гранитной гальки. Средний размер отбойников 90 мм. Одно орудие покрыто пятнами красной охры.

Терочки. Всего было найдено 16 орудий этой категории. Зернотерки неглубокие. Куранты имеют овальную или удлиненную форму.

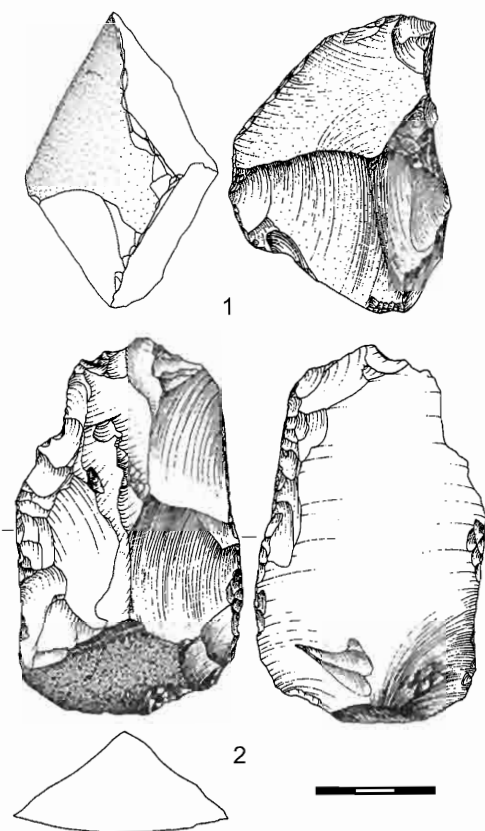

Рис. 13. Невыраженные орудия.

Флористические остатки

На стоянке Нахал-Реуэл были обнаружены остатки древесины пяти растений, отнесенных к трем видам: *Tamarix* sp., *Haloxylon persicum* и *Retama raetam*. Все три вида встречаются в настоящее время в Бикат-Увда и являются индикаторами засоления почвы.

Медь

Самый крупный кусок меди был найден в комнате 1 (Кв. N10с) у западной стены W10 с внутренней стороны на глубине 0,85 м ниже уровня поверхности. Вес куса 50,89 г. Исходная длина образца неизвестна. В сечении он явно цилиндрический, диаметр около 4 см. Оба края образца были подточены перпендикулярно длинной оси.

Внешняя поверхность куска имеет зеленый цвет, что обусловлено наличием тонкой (менее 0,5 мм) корки из минерального паратакамита ($\text{Cu}_2(\text{OH})_3\text{Cl}$) и гидроксидного хлорида меди, минерала, часто встречающегося на поверхности слитков меди в Южном Израиле и Синае. Под коркой находится черный медный минерал - тенорит (CuO). Черный тенорит был за-

фиксирован по всей длине отверстия, просверленного в центре образца.

Маловероятно, что данный образец был медной рудой или самородком, поскольку процесс окисления чистой руды затрагивает самое большее несколько верхних миллиметров породы, он не идет так глубоко, как в нашем случае. Таким образом, данный образец, видимо, является природной конкрецией, которая может быть встречена в нубийских песчаниках по обеим сторонам рифтовой долины. Позднее, в V тыс. до н. э., эта же порода дала толчок развитию медной индустрии халколита Леванта в Тимне, Фуноне и других местах [Gilead et al., 1992; The Ancient..., 1990].

Найденный на стоянке предмет был обточен с обоих краев, возможно, с целью извлечения черного порошка, который мог использоваться в качестве красителя. Если это так, то данная находка является уникальной, так как известные до сих пор черные красители того периода были либо золой растений, либо окислами марганца [Colors..., 1993].

Выводы

Нахал-Реуэл - однофазная стоянка докерамического неолита Б [Cauvin, Cauvin, 1993] первой половины VII тыс. до н. э., о чем свидетельствуют радиоуглеродные даты и каменная индустрия, содержащая многочисленные ладьевидные нуклеусы и наконечники стрел иерихонского и библосского типов, напоминающие материалы Бейдха [Mortinsen, 1970] и других пустынных стоянок южного Леванта того же периода. Во второй половине VII тыс. до н. э. основным типом наконечников стрел были амуки, что наблюдается также и на соседней стоянке Нахал-Исарон, находящейся всего лишь в 3 км южнее Нахал-Реуэла [Goring-Morris, Gopher, 1983]. В результате раскопок был обнаружен жилой комплекс с внутренним двором в центре. Он является одним из самых древних среди ныне известных комплексов подобного типа [Avner, 1998]. В жизни обитателей стоянки важную роль играла охота, что подтверждается обилием наконечников стрел. Виды животных, на которых охотились жители стоянки Нахал-Реуэл, остаются невыясненными из-за плохой сохранности костей, найденных на стоянке. Также неизвестно, какие растительные продукты обрабатывались с помощью относительно многочисленных терочных орудий. Использовалось сырье из местных источников - Красного моря (раковины, песчаник и гранит) и района Тимна (медь). Связи с отдаленными районами (Средиземноморье) были слабыми. Нельзя исключить вероятность того, что обитатели Нахал-Реуэла позднее перешли к истоку Нахал-Исарон (3 км на юг), где находится еще одна стоянка докерамического неолита Б. Причиной такого

перемещения могли быть неблагоприятные местные условия, в настоящее время неизвестные (засоление почвы?).

* * *

Авторы выражают искреннюю признательность проф. Нили Липшиц (Отделение ботаники, Университет Тель-Авива) за идентификацию растительных остатков, а также Карлхейнцу Степпану (Отдел предыстории, Университет Базеля) за калибровку дат. Рисунки артефактов выполнены Офрой Лазар; Даниэль Ладирэй помог в подготовке таблиц. Статья была доработана основным соавтором в то время, когда он находился в академическом отпуске и работал в Отделе предыстории Университета Базеля. Особого упоминания заслуживают плодотворные дискуссии, в которых горячее участие принимал проф. Ж.-М. Ле Тенсорер, а также сотрудники и студенты указанного университета. Авторы приносят благодарность Фонду содействия египтологии, ориенталистики и классической археологии Университета Базеля за финансовую помощь.

Список литературы

Avner Uzi. Settlement, Agriculture and Paleoclimate in Uvda Valley, Southern Negev Desert, 6th-3rd Millennia BC // *Water, Environment and Society in Times of Climatic Change* / Eds. A.S. Issar, N. Braun. - Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1998. - P. 147 - 202.

Cauvin M.-Cl., Cauvin J. La séquence néolithique PPNB au Levant nord // *Paléorient*. - 1993. - Vol. 19. - P. 23 - 28.

Colors from Nature. Natural Colors in Ancient Times / Eds. H. Soreq, E. Ayalon. - Tel Aviv: Eretz-Israel Museum, 1993.

Gilead I., Rosen S., Fabian P., Rothenberg B. New Archaeological Evidence for the Beginnings of Metallurgy in the Southern Levant. Excavations at Tell Abu Matar, Beersheba (Israel) // *Inst. Archaeo-Metallurgical Studies*. - 1992. - N 18. - P. 11 - 14.

Ginat H., Zilberman E. Structural and morphological development of the Uvda Valley // *Israel Journal of Earth Sciences*. - 1992. - Vol. 40. - P. 209 - 218.

Goring-Morris N., Gopher A. Nahal Issaron: A Neolithic Settlement in the Southern Negev. Preliminary Report of the Excavations in 1980 // *Israel Exploration Society*. - 1983. - Vol. 33. - P. 149 - 162.

Mortensen P. A Preliminary Study of the Chipped Stone Industry from Beidha // *Acta Archaeologica*. - 1970. - Vol. 41. - P. 1 - 54.

Ronen A., Winter H. Fowl and Fishes: prelude to domestication // *Rivista di Antropologia (Roma)*. - 1998. - Suppl. 76. - P. 17 - 32.

Ronen A., Winter H., Chinn D. The Hatoula borers and their possible role in the Neolithic. Le gisement de Hatoula en Judée occidentale, Israel / Eds. M. Lechevallier, A. Ronen. - P.: Association Paleorient, 1994. - 302 p.

Schmidt K., Belle-Bohn M. A LPPNB-Variant of Byblos Points from Gurgutepe II - "Palmyra Points"? // *Neo-Lithics*. - 1996. - Vol. 2. - P. 9 - 11.

The Ancient Metallurgy of Copper, Researches in the Arabah 1959 - 1984 / Ed. B. Rothenberg. - L., 1990. - Vol. 2.

Материал поступил в редколлегию 30.06.99 г.

ПЕРВОБЫТНОЕ ИСКУССТВО: ФАКТЫ, ГИПОТЕЗЫ, МЕТОДЫ И ТЕОРИЯ

Вводные замечания

Положение памятников первобытного искусства в современной археологии не вполне определено. С одной стороны, никто не отрицает их значения для понимания культурно-исторических процессов, а рост количества публикаций по этой тематике свидетельствует о неослабевающем интересе к первобытному искусству. С другой стороны, своеобразие изобразительных материалов пока не стало предметом методического и теоретического анализа. Основные результаты в области изучения первобытного искусства получены преимущественно археологическими методами. Искусствоведение пока оказалось малоэффективным, что объясняется прежде всего несоответствием его основных понятий сути древней изобразительной деятельности.

В настоящей статье предпринята попытка сделать краткий обзор достижений и проблем в области изучения первобытного искусства за последние 20 - 30 лет. Затрагиваемые вопросы не жестко связаны с региональными особенностями памятников и, как представляется, актуальны для науки о первобытном искусстве разных регионов и разных эпох - от верхнего палеолита до железного века. В целях экономии места количество ссылок на публикации сведено к минимуму.

В 1960-х гг. заметно усилился интерес к первобытному искусству, в частности к петроглифам. С 1965 по 1975 г. количество выпущенных в СССР книг и статей, посвященных наскальным изображениям, увеличилось более чем в 1,5 раза, по сравнению с предшествующим десятилетием (общий прирост археологической литературы за эти же годы составил примерно 1,3 раза) [Нисканнен, 1977]. Это обусловлено в основном расширением ареала поисков новых

памятников в мало изученных районах. Были открыты новые местонахождения, фактически заново открыты и изучены памятники, известные давно, но в общих чертах, без точной и подробной документации. В эти же годы росло количество западных публикаций о памятниках как традиционных для этой тематики областей (Франко-Кантабрия, Скандинавия, Северная и Южная Африка), так и новых (Америка, Австралия, Индия, Передний Восток).

Новые находки внесли значительные коррективы в представления о распространении памятников первобытного искусства. Например, петроглифы были найдены на Балканах, в Карпатах, Крыму, хотя считалось, что в этих горных массивах их нет. Стало ясно, что изобразительные памятники, в частности наскальные изображения, есть везде, где жили первобытные люди и были соответствующие природные условия - скальные массивы, крупные валуны. Пересмотрены и уточнены многие даты. В некоторых случаях по петроглифам, как недвижимым памятникам, удалось наметить пути возможных миграций [Шер, 1980, с. 216 - 232; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 733 - 738]. Наметились новые возможности анализа их семантики. Например, удавалось отделить общечеловеческие сюжеты (универсалии) от локальных. Количество новых материалов неизмеримо выросло. Но проблемы остались, а в ряде случаев умножились и усложнились, что, вообще говоря, представляется нормальным для любой науки. В 1970 - 1980-х гг. темп выхода в свет новых публикаций немного замедлился. Наука перешла от экстенсивного накопления данных (в основном за счет изучения "белых пятен") к интенсивному изучению проблем. Основные достижения в этой области за последние 20 - 30 лет можно разделить по нескольким направлениям.

Открытие новых памятников. В изучении первобытного искусства процесс “первоначального накопления” данных еще далек не только от завершения, но и от достаточной полноты, тем более, что определить объем этой “достаточности” непросто. Неожиданные открытия были сделаны даже на юге Западной Европы, где уже более 100 лет ведутся регулярные и масштабные полевые исследования в сравнительно небольших зонах, например, в самой насыщенной памятниками палеолитической пещерной живописи Франко-Кантабрийской области, казалось бы изученной вдоль и поперек еще во времена аббата А. Брейля и его первых учеников. В интервью журналу “Cahiers des explorateurs” (1967, N 19) А. Леруа-Гуран отметил, что в конце 1950-х - начале 1960-х гг. ему пришлось изучать палеолитическую живопись примерно в 70 известных тогда во Франции пещерах. К моменту создания каталога “Искусство пещер” [L’Art des cavernes..., 1984] их количество почти удвоилось, а за десять последующих лет здесь открыли еще 21 пещеру с живописью. При этом только за последние годы обнаружены четыре новые пещеры, живопись двух из них (Коске и Шове-Понт-д’Арк) по древности, богатству и разнообразию не уступает всемирно известным росписям Альтамиры, Ляско и др., а Шове теперь, пожалуй, занимает первое место среди них. И никто не может исключить, что завтра не будет открыта пещера с еще более разнообразной, совершенной и более древней живописью. В Испании тоже были открыты новые пещеры, гроты и навесы с живописью: Фуэнто дель Салин, Ковасиелла, Эль Боску и др.

По состоянию на 1994 г. в Европе известно более 300 местонахождений с живописью или гравюрами, бесспорно относящимися к эпохе верхнего палеолита. Среди них 150 местонахождений во Франции, 125 - в Испании, 3 - в Португалии, 21 - в Италии, 1 - в Югославии, 1 - в Румынии, 2 - в Германии, 2 - в России [Lorblanchet, 1995, p. 31 - 32]. На стоянках, в пещерах и случайным образом найдено трудноисчислимое количество предметов мелкой пластики. В России их количество уже превысило 150 (самые восточные - в Прибайкалье).

Еще сравнительно недавно считалось, что искусство эпохи палеолита - явление чисто европейское или евразийское и что на других континентах таких памятников нет. Как выяснилось, это не так. В Австралии найдены росписи, абсолютный возраст которых оказался более 12 тыс. лет, а на Тасмании отдельные рисунки датированы 31 тыс. л. н. [Lorblanchet, 1980, p. 30 - 40; 1988, p. 271 - 316; Bahn, 1996, p. 3; Franklin, 1996, p. 145 - 162]. Поверхности с некоторыми австралийскими петроглифами в древности были залощены какой-то органикой, возраст которой превышает 40 тыс. лет [Bednarik, 1994, p. 173; Bahn, 1996, p. 3].

Правда, эти данные нуждаются в дополнительной проверке. Известен случай, когда две пробы, взятые с поверхности одного и того же австралийского рисунка, дали разницу в 23 тыс. лет: $6\,085 \pm 60$ и $29\,795 \pm 420$ л. н. В этом нет ничего необычного: живопись подновлялась как в древности, так и в более поздние времена. В таких случаях нужны серийные датировки. Пока их нет, разумная осторожность в оценках древности австралийских петроглифов остается актуальной. Изображения палеолитического времени найдены в Бразилии [Guidon, Delbras, 1986], хотя они еще требуют проверки.

Предположительно к верхнему палеолиту относят отдельные плоскостные изобразительные памятники в Южной Анатолии [Otte et al., 1995, p. 931 - 944; Marshak, 1996, p. 357 - 365] и Южной Африке [Jolly, 1996, p. 277 - 306]. В Намибии особенно интересны находки в гроте Апполо 11: в слое между мустье и верхним палеолитом были найдены две расписные каменные плитки величиной с ладонь. На одной из плиток черной краской нанесено изображение носорога, на другой - копытного животного. Они датированы по ^{14}C между 28 и 26 тыс. л. н. [Prins, Woodhouse, 1996]. На территории Южной Африки в Львиной Пещере найдено древнейшее из известных сейчас на Земле место добычи охры, его дата по ^{14}C около 43,2 тыс. л. н. Есть краткие, хотя и не вполне ясные, сообщения о находках палеолитического искусства в Китае [Li Xiang Shi, 1997, с. 8].

До конца 1980-х гг. считалось, что палеолитическое наскальное искусство встречается только в пещерах. В 1987 г. Д. Сакки с сотрудниками опубликовал сообщение о находке в Верхних Пиренеях палеолитических петроглифов на “пленэре” [Sacchi, Abelanet, Brule, 1987]. После этого петроглифы на открытом воздухе были найдены в Испании (Сиега Верде, Доминго Гарсиа и др.) и Португалии, в долине р. Фоз Коа. Изображения быков, козлов, лошадей и иных персонажей, по стилю почти неотличимые от росписей и графички на стенах пещер [Balbin Behrman et al., 1989; Lopez et al., 1994, p. 12 - 21], пока редко встречаются на открытом воздухе, и их даты признаны не всеми [Bahn, 1995, p. 231 - 237; Bednarik, 1995, p. 877 - 883].

Изучение изобразительных памятников последующих эпох приобретает все более широкие масштабы и стало вполне самостоятельным направлением. Появились серийные издания. В Граце (Австрия) выходит серия “Петроглифы мира” - очень дорогие книги большого альбомного формата [Uyanik, 1974; Wellmann, 1976; и др.]. (Мне не удалось их найти ни в одной из отечественных библиотек.) Гейдельбергский университет начал систематическую публикацию материалов полевых исследований в Пакистане [Bemmann, König, 1994], проводившихся под руководством К. Йеттмара, а затем И. Гауптманна. Наряду с

древними надписями в этих материалах большое место занимают петроглифы.

Продолжается накопление корпуса российских источников. Институт археологии и этнографии СО РАН успешно продолжает поиски, документирование, исследование и публикацию петроглифов Западной и Восточной Сибири и Монголии (работы В.И. Молодина, В.Д. Кубарева, Д.В. Черемисина, Э. Якобсон, М.А. Дэвлет, М.В. Килуновской). Набирают темп работы в рамках совместного проекта Кемеровского государственного университета и Национального Центра научных исследований Франции по изданию корпуса "Петроглифы Центральной Азии" (вышло четыре тома).

Методы исследования

Документация. Ужесточились требования к достоверности копирования изображений. В 1960-х гг., когда предпринимались первые попытки копирования окуневских стел, основным методом была прорисовка карандашом по кальке или протирка угольной копиркой по папиросной бумаге. Главным критерием оставался глаз художника и специалиста-археолога, а качество и достоверность целиком зависели от индивидуального мастерства копировщика. От тех времен сохранилось немало вполне достоверной документации. Например, очень точны прорисовки Л.Н. Баранова. Однако позднее стало ясно, что в некоторых случаях публиковались и не вполне достоверные копии. И не только у нас. Ошибки при копировании допускались везде [Aujoulat, 1993, с. 317 - 328].

Еще в начале 1960-х гг. чтобы уйти от субъективизма в копировании для получения достоверной копии использовали полимерный пластик [Смирнов, Шер, 1965], однако этот метод оказался дорогим и очень трудоемким для массового копирования. Позднее он был "открыт" заново западными коллегами и сегодня успешно используется [Sauvet, 1993, p. 359 - 362; и др.].

Что касается тех памятников, при копировании изображений которых были допущены ошибки, то сейчас предпринимаются их повторные исследования. Н.В. Леонтьев с Германским археологическим институтом осуществляет более точное копирование "окуневских" стел в Хакасии. Л.В. Мельникова с сотрудниками заново копирует Шишкинскую писаницу на Лене.

В 1970-х гг. красноярским художником В. Капелько был разработан метод копирования петроглифов на микалентную бумагу. Благодаря своей простоте, дешевизне и высокой точности этот метод быстро завоевал признание специалистов и стал широко использоваться. Большая часть обследованных в 1970 - 1990-х гг. петроглифических памятников, особенно в Сибири, была скопирована именно таким способом. Для получения хорошей копии плоскость следует спе-

циально подготовить, прежде всего очистить от всех наслоений, в том числе и от микролишайников, покрывающих поверхность самих изображений. Многие специалисты придерживаются мнения, что петроглифы нужно изучать вкупе со всеми природными факторами, в том числе и с лишайниками. Поэтому они считают неприемлемым копирование на микалентную бумагу.

Сейчас начинают использовать методы бесконтактного копирования, особенно ручной и видеокомпьютерный. Они наиболее популярны при изучении пещерной живописи. При работе ручным методом на планшет из легких титановых трубок с резиновыми присосками натягивается прозрачный полиэтилен, планшет закрепляется над живописным изображением, которое копируется вручную с повторением всех мельчайших деталей рисунка, вплоть до отдельных точек и пятен. Копировщик надевает на каску фонарь и при необходимости прибегает к помощи закрепленного на лбу бинокля. Метод очень трудоемкий: работа над одной плоскостью может занять несколько дней или недель. Самой полезной чертой ручного метода является то, что в процессе копирования исследователь досконально изучает изображение во всех его мельчайших деталях. При этом возникают новые идеи относительно датирования и интерпретации памятника.

Видеокомпьютерный метод проще и эффективнее. Главное его достоинство - оцифрованное изображение, записанное на магнитном носителе, может храниться вечно и служить эталоном для всех последующих сравнений. С него можно снимать неограниченное количество копий, включая бумажные, и пользоваться ими в различных исследовательских целях. Возможности видеокомпьютерных методов (в том числе с использованием цифровых фотокамер) пока ограничены, в наших полевых условиях возникают, например, трудности с подзарядкой аккумуляторов.

Интересны эксперименты по созданию точных муляжей - рельефных фотокопий плоскостей с пещерной живописью, графикой и пластикой. Первый опыт, связанный с закрытием на реставрацию пещеры Ляско, описан в литературе [Vouvé et al., 1982; Урс, 1981]. После этого была сделана полная копия пещеры Ляско; она находится недалеко от данного памятника. Недавно японские специалисты воссоздали в одном из своих музеев такую же копию плафона из Альтамиры [Lasheras, Muzquiz, Saura, 1995, p. 21 - 23].

Датировка. Некоторый прогресс наблюдается в области абсолютного датирования образцов первобытного искусства, особенно пещерной живописи. Известно, что абсолютные даты памятников эпохи верхнего палеолита определяются по органике, которая сохраняется в составе пигментов древней живописи. Но до недавнего времени для датирования по ^{14}C требовалось такое количество образца, которое было

невозможно набрать, даже соскоблив полностью все фрески пещеры. Поэтому брались органические остатки, найденные в слое, перекрывавшем живопись. Но такие случаи чрезвычайно редки, даже единичны. С начала 1980-х гг. ситуация изменилась кардинально в связи с появлением метода AMS (модификация радиоуглеродного датирования), позволяющего вести прямой подсчет сохранившихся в возбужденном на ускорителе образце атомов ^{14}C с помощью масс-спектрометра. Для этого оказалось достаточным иметь образец массой в 0,5 мг. Например, в гроте Куньяк для такого датирования был взят соскоб краски массой 1,2 мг [Valladas, Cachier, Arnold, 1990, p. 18 - 19]. Стало возможным датировать палеолитическую живопись не от случая к случаю, а нужными по объему сериями. Использование радиоизотопных методов для датирования древней живописи будет играть такое же революционное значение, какое оно имеет для других древних объектов. Если данные радиоуглеродного датирования археологических реалий северных областей Западной Европы заставили пересмотреть основные историко-археологические концепции [Renfrew, 1979], то их значение для исследования эволюции первобытного искусства только начинает осознаваться. Метод AMS очень дорог, не все могут его себе позволить. По состоянию на 1995 г. только для 40 из 300 пещер получены радиоизотопные даты [Lorblanchet, 1995, p. 18 - 19, 279]. Примерно для половины из них сделаны серийные определения абсолютного возраста, что, естественно, повышает достоверность их положения на шкале времени (см. Прилож.). При объяснении абсолютных дат необходимо знание некоторых “мелочей”, которые не всегда учитываются (подробнее см. [Первобытное искусство, 1998, с. 55 - 72]). Например, в пещере Куньяк от двух изображений оленя и лошади было взято по две пробы. В результате оказалось, что первое изображение датируется 23 610±350 л. н. и 22 750±390 л. н., а второе - 25 120±390 л. н. и 19 300±270 л. н. В первом случае истинная дата лежит в пределах доверительного интервала и поэтому может рассматриваться как одна и та же. Во втором случае разница между датами выходит за эти пределы. Ее можно объяснить, например, более поздним “подновлением” части изображения.

По наиболее строгой методике осуществлены датировки живописи из пещеры Шове. Каждый образец делился на две части и датировался дважды. Даты рисунков “черных носорогов” и “Большого Бизона” (32 410±720 л. н.*, 31 460±460 л. н., 30 940±610 л. н.,

30 340±570 л. н.) выходят за пределы “ориньяка типичного” и по хронологии А. Леруа-Гурана должны относиться к дофигуративной стадии. Графика и живопись из Шове имеют еще четыре даты (25 120±390 л. н., 23 615±350 л. н., 22 750±390 л. н. и 19 510±560 л. н.), перекрывающие интервал почти в 13 тыс. лет, но с “паузами” в 6 - 2 тыс. лет.

Новые абсолютные даты палеолитической живописи сильно пошатнули веру в общепринятую хронологическую схему А. Леруа-Гурана. Например, живопись из пещеры Гаргас (26 820±420 л. н.), которая на схеме А. Леруа-Гурана находилась между стилями II и III, на самом деле оказалась древнее примерно на 8 тыс. лет. Даты живописи из Альтамиры и Эль-Кастильо близки к схеме А. Леруа-Гурана, но Альтамира почти на 2 тыс. лет старше, чем Эль-Кастильо. Конечно, нельзя не учитывать, что здесь всего 11 дат, а другие могут быть и более ранними, и более поздними.

Большое значение имеют результаты датирования культурного слоя двух наших пещер - Каповой и Игнатиевской, хотя это и не прямые даты живописи. Почти все они укладываются в интервал 15 - 11 тыс. лет и составляют хорошую серию. Особое место занимает дата кости из раскопа II Игнатиевской пещеры - более 27 тыс. лет [Синицын и др., 1997]. Она указывает на необходимость дополнительных датировок, прежде всего прямых датировок живописи. Уровень современных международных связей и заинтересованность коллег делают исследование по методу AMS при всей его сложности и дороговизне вполне возможным.

Гипотезы. Важной новостью стали некоторые следствия из абсолютных дат живописи. Хронологическая разница между “Малым Бизоном” (13 570±190 л. н.) и “Большим Бизоном D” (14 330±190 л. н.) на плафоне Альтамиры выходит за пределы статистической ошибки и указывает на разрыв во времени между этими двумя изображениями почти в восемь веков. Многочисленные определения характера красок, сделанные при создании муляжной копии плафона Альтамиры японскими специалистами, тоже не подкрепляют вывода об их однородности [Lasheras, Muzquiz, Saura, 1995, p. 21 - 23]. Догадка А. Брейля, который считал плафон Большого зала бизонов Альтамиры и группу полихромных изображений результатом длительного накопления рисунков, в свете новых дат убедительно подтвердилась и оказалась более достоверной, чем гипотеза А. Леруа-Гурана, видевшего здесь единую композицию. В пользу предположения А. Брейля говорит и то, что полихромные изображения бизонов из Эль Кастильо оказались гораздо более поздними, чем бизоны с плафона Альтамиры. Но почему А. Брейль, не имея никаких объективных оснований, все же заподозрил разнородность отдельных изображений? Единственным

* Здесь и далее все абсолютные даты приводятся в исчислении “тому назад”, т. е. от 1950 г., который принят всеми радиоизотопными лабораториями мира за точку отсчета как год, когда последствия ядерных испытаний в атмосфере еще не оказывали влияния на измерение абсолютного возраста по радиоактивному углероду. Все даты, кроме оговоренных особо, взяты из кн. [L'Art pariétal paléolithique, 1993, p. 6; Leroi-Gourhan, 1988].

основанием к такой догадке могли быть только отдельные трудноуловимые стилистические детали, которые теперь уже необходимо из “трудноуловимых” сделать явными и поддающимися объективному описанию или измерению.

Еще более неожиданными оказались упоминавшиеся выше даты изображений оленей-мегацеросов из пещеры Куньяк. Считалось несомненным, что олень и оленуха тоже составляли гомогенную композицию. Результаты датирования ее отдельных элементов оказались ошеломляющими: верхушка горба оленя и его линия спины соответственно $23\ 610 \pm 350$ л. н. и $22\ 750 \pm 390$ л. н., что практически одно и то же, поскольку не выходит за пределы доверительного интервала, но дата верхушки горба оленухи $25\ 120 \pm 390$ л. н., а линии ее спины - $19\ 500 \pm 270$ л. н. Интервал почти в шесть тысячелетий между двумя датами одного изображения породил разные гипотезы, из которых наиболее правдоподобная принадлежит М. Лорбланше. Он считает, что хронологический разрыв - результат позднейшего “подновления” изображения. Но в любом случае разница не менее чем в 1,5 тыс. лет между изображениями оленя и оленухи указывает на то, что ни о какой единой композиции не может быть и речи. Подобные же предположения о единстве ансамбля Черного Салона пещеры Нио не подтвердились уже первыми абсолютными датами [Valladas et al., 1990].

Под впечатлением приведенных выше дат, как бы разрушающих стройную и последовательную схему А. Леруа-Гурана, М. Лорбланше и П. Бан поставили вопрос о “несостоятельности стилистических хронологий”. В 1992 г. на II Конгрессе Австралийской Ассоциации исследователей наскального искусства (AURA) был организован специальный симпозиум, доклады на котором представлены в книге с многозначительным названием: “Исследования наскального искусства: постстилистическая эра, или куда мы от нее пойдем?” [Rock Art..., 1993]. После открытия живописи в пещере Шове критика хронологических схем, построенных на анализе стиля, усилилась. Думается, что в пылу полемики коллеги несколько увлеклись. Сам факт наличия стилистических особенностей искусства верхнего палеолита уже давно никто не отрицает. У А. Леруа-Гурана не было необходимости в формализованном подходе к их описанию и определению. При первой же необходимости оказалось, что это не так уж сложно [Lumley, 1968, p. 118 - 119, 123 - 145; Smits, 1993, p. 127 - 142]. Наоборот, накопление абсолютных дат в сочетании с уточненными описаниями стиля позволит построить намного более точную стилистическую классификацию. И даже если она не совпадет по времени со стилями А. Леруа-Гурана, его приоритет в самом подходе к анализу стиля как к совокупности выразительных средств, отражающих изменения во времени, останется незыблемым.

Вопросы теории

Какое искусство считать первобытным? Преобладавший еще недавно в советской философии истории подход к периодизации по общественно-экономическим формациям решал этот вопрос почти автоматически. Первобытным считалось искусство эпохи первобытнообщинного строя: палеолита, неолита, эпохи бронзы. Но искусство появилось только в самом конце эпохи палеолита, а начиная с Древнего Востока и античности оно в целом уже не могло, строго говоря, считаться первобытным, поскольку в силу неравномерности темпов развития культур в одних регионах формировались очаги древних цивилизаций, в других еще господствовал первобытный уклад. Это требует и соответствующих критериев для отнесения изображительных памятников к первобытной культуре или, например, к культуре ранних цивилизаций. Одним из таких критериев (тоже далеко не абсолютным, ибо абсолютные критерии в подобных вопросах вообще немыслимы) может быть совокупность основных признаков цивилизации, например, городская культура, письменность, фрески и резьба на стенах жилых и культовых построек и т. п. Но и здесь не уйти от неопределенностей. Куда отнести, например, многочисленные изобразительные памятники Египта Раннего или Древнего Царства, когда по основному материалу орудий труда (камень и медь, бронзы еще нет) культура была типично первобытной, или росписи на стенах жилищ и храмов протогородской культуры типа Чатал-Хююка, статуэтки из Иерихона, Хаджилара и т. п.? Можно ли считать первобытным искусством скифский звериный стиль, в котором соединились черты искусства энеолита и бронзы Южной Сибири с влиянием Греции времени афинской демократии и Персии эпохи Ахеменидов? И куда относится практически современное искусство индейцев северо-западного побережья США и Канады или многочисленных аборигенов стран Азии, Африки, Австралии и Латинской Америки? У последних, как и у коренных народов Сибири, Центральной Азии и Европы, в изобразительном творчестве до сих пор сохранилось очень много сюжетов и стилистических особенностей, восходящих к первобытному искусству. В этой связи было предложено использовать понятие “изобразительный фольклор” (подробнее см. [Шер, 1997]). Синкретизм устной и изобразительной традиции, а также других видов знакового поведения (танец, мимика, ритмичная речь и др.) в первобытной культуре имеет не только и, может быть, не столько социальные истоки, сколько единые природные, психофизиологические основы. Речь и образ - это (с самого начала и до сих пор) взаимодополняющие способы познания и отражения внешнего мира. Если в гуманитарной науке возможно, как в физике, существование принципа

дополнительности, то он применим, прежде всего, к объяснению взаимодействия между логическим и образным мышлением.

В первобытном изобразительном искусстве заметны основные особенности фольклора. Например, в палеолитической живописи и в петроглифах неолита, бронзы и более позднего времени при четком распознавании “стиля эпохи” почти невозможно выделить индивидуальные стили отдельных художников. То же и в фольклоре. При всем блеске древнегреческой словесности в архаической Греции еще не было литературы в том смысле, в каком мы ее понимаем сейчас. Литература как письменно зафиксированное авторское словесное искусство, ориентированное на читателей и тиражированное для них, возникает только в эллинистическую эпоху, на рубеже IV - III вв. до н. э. [Чистякова, 1988, с. 105 - 110]. Одним из атрибутов фольклора являются формулы - однотипные сочетания слов, “клише”, периодически повторяющиеся в тексте. Чаще всего это эпитеты или метафоры, заклинания, предписания и т.п. Они достаточно жестко привязаны к определенным персонажам или ситуациям. Формульность свойственна всем архаическим знаковым системам. Тогда и первобытная изобразительная деятельность (собственно, тоже знаковая система) должна включать в себя некие близкие по своей природе и функциям формулы, но не словесные, а изобразительные. Двигаясь ретроспективно в древность, можно видеть, что изобразительные формулы существовали и в средневековье, и в ранних цивилизациях. В некоторых случаях есть прямые свидетельства близкого “родства” словесных и изобразительных мифопоэтических формул. Например, в Ригведе Утренняя Заря - “ярко пылающая юная женщина в светлых одеждах” (RV, I, 113, 8). У Гомера в “Одиссее”: “Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос...” и далее: “златоотрасная Эос” (II, 1; XXIII, 345 - 348). В Новгородской Хлудовской псалтири конца XIII в. Утренняя Заря изображена в виде юной женщины, огненно-красной, с солнцем в руке [Зарубин, 1971]. Очевидны, например, такие параллели, как Индра с дубиной = Геракл с палицей, Вритра-дракон = Змей Горыныч, Одноглазый Полифем = Лихо одноглазое и т.п. Конечно, совпадения между изображениями и текстами могут быть только ассоциативными. Прямые соответствия принципиально невозможны ввиду того, что это “тексты” не просто на разных, но и на несводимых один к другому языках.

Мифопоэтические формулы очень “живучи” и сопутствуют своей культуре в течение длительного времени. Некоторые из них настолько прочны, что сохраняются в фольклоре даже после потери первоначального смысла в виде современных детских считалок или заговоров, причитаний и т.д. (см., напр. [Топоров, 1975, с. 3 - 49]). Точно так же сохраняются тысячелетиями

визуальные символы в виде коньков на крышах русских изб, узоры резных наличников, вышивки на рушниках и т.д. Аналогичные по своей мифопоэтической природе визуальные формулы встречаются в таких изобразительных “текстах”, как петроглифы, орнамент на древних сосудах, торевтика и т.д. Словесные и изобразительные мифопоэтические формулы передвигаются вместе с носителями данной культуры в пространстве и времени, иногда уходят далеко от места первоначального зарождения. Одним из таких примеров можно считать образ Господина коней, запечатленный в петроглифах Южной Сибири и Средней Азии (подробнее см. [Шер, 1993]).

Строго говоря, социально-психологический механизм порождения произведений первобытного искусства и сами эти произведения создаются и сегодня, но называются по-другому - народное искусство. Конечно, существенные различия между современным народным искусством и искусством эпохи палеолита и последующих древних периодов несомненны. Но различия эти не в социально-психологическом механизме, который почти не меняется, а в форме реализации самих произведений и в среде их создания. Все сказанное выше позволяет считать первобытное искусство явлением вневременным и больше типологическим, чем хронологическим.

Искусство или изобразительная деятельность?

Понятие “искусство” применительно к первобытной эпохе порождает некоторую иллюзию уравнивания с искусством последующих эпох, вплоть до современности, хотя вполне очевидно, что цели, мотивы и действия первобытных художников, мягко говоря, сильно отличались от деятельности современных живописцев, графиков, скульпторов и т.д. К сожалению, это обстоятельство учитывается далеко не всегда. Формулировки, привычные для популярного искусствоведения, широко используются в научных исследованиях изобразительных памятников и попадают даже в вузовские учебники. В этом не было бы ничего особенного, если бы вслед за понятием “искусство” не применялся бы весь остальной понятийный аппарат современного искусствоведения (эстетические нормы и принципы, “идейное содержание”, “отражение жизни” и т.д.), который вольно или невольно уводит в сторону от понимания специфики первобытного искусства.

Сейчас искусство является особой областью культуры, границы и специализация которой вполне осознаны как создателями, так и “пользователями” искусства; чем глубже в древность, тем эти разграничения были более размытыми в сознании первобытного человека. Искусство не выделялось в какую-то особую область деятельности. Способностью к созданию изображений в древности, как и сейчас, обладали редкие люди. Им,

как позднейшим шаманам, приписывались некие сверхъестественные свойства. Вероятно, это ставило таких людей в особые условия в своем социуме, о подробностях которых можно только догадываться.

Процесс осознания обществом самостоятельной роли искусства и различных его направлений начался только в поздней античности, затянулся на несколько столетий и завершился не ранее Ренессанса. Показателем общественного осознания тех или иных новых видов культуры становятся новые слова для их обозначения. Например, в языке древних греков, достигших высочайшего уровня в разных искусствах, только к VI - V вв. до н. э. появились слова, которые отличают художника, работающего на плоскости (σῶ-γραφος), от скульптора (χρῶ-πλαστής). Не было разнообразия терминов из области искусств и у раннегреческих лириков. У Гомера все люди и события неизменно трактуются как “прекрасные” и “божественные”, а сам термин “искусство” совершенно одинаково применяется и к ремеслу, от гончарного до ювелирного, и к изящным искусствам, и к любым актам человеческой деятельности и жизни. Не отразилось ли в этом “запаздывание” осознания людьми искусства как особого рода деятельности? После Гомера наступает полуторатысячелетний период античной литературы, во время которого термин “искусство” анализируется весьма глубоко и разносторонне. Насколько широко понимался в те времена термин “искусство”, видно из того, что он использовался даже применительно к человеческому быту, начиная от искусства добывания пищи и кончая магической практикой и предсказаниями. Все это называли одним и тем же словом τέχνη, имея в виду не столько искусство, сколько искусность, т.е. уровень мастерства. Даже когда началось разделение наук, их еще продолжали называть искусствами [Люсев, 1985, с. 294 - 296].

Тем не менее представление о первобытном творчестве стало столь же формульным и каноническим, как всеобщая уверенность в том, что “человека создал труд”. Эти формулы насаждались везде, прежде всего в учебниках, и поэтому усваивались еще со школьной скамьи без должного критического анализа. При таком подходе к истории труд стал главным фактором “в процессе превращения обезьяны в человека”, “именно благодаря труду и возникло искусство”.

На самом же деле говорить об искусстве первобытности можно только в иноказательном смысле. Вся духовная жизнь первобытных людей проходила в единой, не расчлененной на отдельные сферы культуры духовно-мировоззренческой среде. Представляется наивной мысль о том, что в первобытном искусстве были художники и зрители, как сегодня, или что тогда все люди были художниками-любителями и зрителями одновременно (нечто вроде нашей художественной самодеятельности). Думается, что и о до-

суге, который древние люди якобы заполняли разными искусствами, у нас неверное представление. Досуга в нашем понимании (время, свободное от “службы”) у них просто не было, поскольку их жизнь не делилась на работу и “неработу”. Если в конце эпохи верхнего палеолита у первобытного человека в редкие часы, не занятые напряженной борьбой за существование, и появлялась возможность оглянуться по сторонам и посмотреть на небо, то это время заполнялось ритуальными и иными действиями, которые были не досужими, а направленными на благополучие своего рода и себя самого.

С учетом вышесказанного смысл понятия “искусство” в работах по первобытной культуре следует особо оговаривать и пользоваться им не в современном его значении. К этому случаю больше подходит понятие “изобразительная деятельность”, введенное в русскую археологическую литературу А.А. Миллером и Б.Б. Пиотровским, а затем поддержанное А.Д. Столяром. Столь же малоэффективно рассматривать изобразительную деятельность на начальных этапах ее существования как эстетическую или развлекательную. Это была, скорее, одна из форм адаптивного поведения первобытного человека, порожденная естественным отбором.

Место первобытного искусства в истории культуры

Данный вопрос до недавнего времени не рассматривался специально. Казалось, он вполне ясен. Общепринято делить исторические источники на письменные и вещественные. Своеобразие изобразительных источников в отличие от письменных и вещественных, как правило, специально не рассматривается (ср. [Шер, 1985]). Между тем их необходимо выделить в отдельный вид, поскольку каждый из трех видов источников представляет собой “текст” на особом языке, не сводимом к языку другого вида. Древний письменный источник создавался как определенное сообщение, зафиксированное средствами естественного языка (ничего не меняется и тогда, когда язык неизвестен). Набор вещей, найденных в слое или в могиле, дает информацию на основании изучения их физических, химических и иных свойств; их пространственного положения и т. д. Пещерная живопись, роспись или орнамент на глиняных сосудах, петроглифы, коропластика, торевтика, монументальные памятники “говорят” на своем языке зрительных образов. Но все они входят в единое информационное поле культуры, расчлененное на части с размытыми и частично пересекающимися границами. Например, монета может быть одновременно письменным источником, вещью и изображением. Для анализа письменных и вещественных памятников разработаны целые разделы исторического и археологического источниковедения.

Такие же разработки необходимы и для анализа изобразительных материалов.

Все чаще изучение изобразительных памятников становится самостоятельным направлением научного археологического исследования. Подобная специализация уже дает новые результаты и в работе “на земле”, и в области теории и методики. В целом же место изобразительных материалов в истории культуры как нельзя лучше сформулировал Ю.М. Лотман: “Искусство - форма мышления, без которого человеческого сознания не существует, как не существует сознания с одним полушарием” [1994, с. 432]. Образное мышление, по-видимому, возникло раньше аналитического (словесного), и оно преобладало у наших эволюционных предшественников, но только у сапиенса сложился такой “баланс” между левым и правым полушариями, который позволил вступить в свои права закону взаимодействия между двумя типами мышления - образно-художественным и словесно-аналитическим. Формой реализации первого является изобразительная деятельность, второго - язык и письмо. Разумеется, границы этой дихотомии размыты, как не абсолютно разграничение функций между полушариями (в критических случаях одно из них берет на себя часть “обязанностей” второго).

Происхождение искусства

Традиционно истоки искусства искали по принципу “что ему предшествовало?” (магия, религия, натуральный макет и т. д.). Теперь назрели другие вопросы: что такое искусство? где истоки искусства: в истории или в природе? как и почему оно появилось? По крайней мере на один вопрос уже можно ответить достаточно уверенно: искусство - явление естественно-историческое, порожденное на стыке биологической и социальной эволюции. Оно возникло как естественная информационная система параллельно с членораздельной речью или несколько позже в результате адаптационных изменений в психофизиологических средствах восприятия, хранения и преобразования информации и связанных с ними перемен в сознании первобытного человека.

Подход к проблеме происхождения искусства с точки зрения психофизиологической представляется продуктивным уже потому, что он не противостоит существующим гипотезам, а включает их в себя как частные случаи. Этот подход увязывает речь, язык, письменность, абстрактные знаки и фигуративные образы, а также неизобразительные искусства (музыка, пение, танец) в единое информационное поле культуры и позволяет искать общечеловеческие законы его формирования. Они должны быть универсальными для разных культур и разных периодов истории и действовать примерно так же, как действуют законы физики или биологии. Один из этих законов, кажется, удалось “нащупать”. Накапливаются факты, свидетельствующие о

некоем подобии биогенетического закона. Его суть состоит в том, что в спонтанном детском рисунке намечаются некоторые особенности, присущие первобытному искусству. Это заметил еще В.М. Бехтерев.

Наряду с универсальным характером базовых психофизиологических законов, породивших искусство как новую форму коммуникации, существует специфика локальных особенностей искусства разных периодов и разных регионов. Изучение стилей первобытного искусства (как это предлагал А. Леруа-Гуран) показывает, что каждая культура обладает не только своим естественным языком, но и присущим только ей “языком” образов как формой реализации образного мышления. Думается, что есть реальное сходство в “механизмах” действия естественного языка как средства выражения понятий и логики, с одной стороны, и искусства как средства выражения неязыковой, непонятной, а образной информации и интуиции - с другой. Есть также функциональная аналогия с процессом формирования древних языковых макросемей типа ностратической, сино-кавказской, америндской. В развитии первобытного искусства тоже намечаются такие пространственно-временные совокупности изображений, которые содержат определенные устойчивые стилистические элементы, не изменяющиеся черты сходства, объединяющие изображения одной эпохи или культуры внутри данной группы и отличающие их от изображений других эпох или культур.

В силу неравномерности историко-культурного развития изобразительная деятельность появилась, по-видимому, у всех человеческих популяций, но не одновременно. В этой связи нельзя не сказать о сенсационной находке на стоянке Берехат-Рам (Израиль) - антропоморфной статуэтке мустьерского или даже ашельского времени [Goren-Inbar, 1986]. Могла ли изобразительная деятельность появиться у неандертальца или еще более раннего палеоантропа? Судя по дате слоя, в котором была статуэтка, - да. Значит ли это, что уже палеоантропы создавали изображения? Вряд ли. Факт пока один и относится к региону, где процесс сапиентизации начался намного раньше, чем в Европе. Поэтому здесь в эпоху, соответствующую по абсолютному возрасту европейскому мустье или ашелю, мог появиться сапиенс.

Заключение

Существует расхожее мнение о примитивности первобытного искусства. Возможно, что первым толчком послужила калька с английского *Primitive Art*, а затем, как это нередко бывает, калька переосмыслилась в самостоятельное понятие с явным оттенком “непервосортности”. Такое понимание первобытного искусства антиисторично. В ходе истории эстетические критерии меняются. Считать первобытное искусство примитивным - значит, накладывать на явление многотысячелетней

давности современные эстетические критерии, которые, как известно, сами являются производными от места и времени. Кроме того, “примитивность” предполагает возможность некоей прогрессивной эволюции от “примитива” к “совершенству”. Искусство действительно появилось в результате прогрессивной эволюции сначала природных, а затем искусственных средств восприятия и передачи информации. Но к самому искусству неприменимы законы прогресса в том виде, в каком они действуют в истории материальной культуры. Меняются и усложняются (или, наоборот, упрощаются) только носители изображений и технические средства их воспроизведения. Содержательные и выразительные элементы искусства являются вечными ценностями. Иначе фрески из пещеры Шове и поэмы Гомера были бы для нас столь же безнадежно устаревшими, как повозка III тыс. до н. э. в сравнении с современным автомобилем. Отсюда следует важный для археологии вывод: в первобытных и древних изобразительных памятниках не следует искать следы эво-

люции по принципу “от простого к сложному”, ибо их там не может быть в силу самой природы этого феномена. Живопись на стенах пещеры Шове еще раз подтвердила, что уже самые ранние изображения создавались разными техническими приемами, в разных манерах и вряд ли возможно построить эволюционную линейную схему развития искусства палеолита и всего изобразительного творчества вообще.

Искусство входит в жизнь человека только на определенном, весьма высоком уровне прогрессирующей интеграции природы и культуры эмоций и разума. Действие природного “механизма”, переключившего развитие вида *Ното* с пути биологической эволюции на путь истории культуры, началось с членораздельной речи и завершилось появлением искусства. Симбиоз дискурсивной и образной информации породил “самовозрастающий логос”. Это подмеченное Гераклитом “самовозрастание” есть не что иное, как антиэнтропийная функция культуры по отношению к обществу, а искусство - одна из форм этого самовозрастания.

Приложение

Абсолютные даты древнейшей живописи и памятников, на которых найдены другие предметы первобытного искусства

Памятник	Дата по ^{14}C , л. н.*	Памятник	Дата по ^{14}C , л. н.*
Шове	33 130 - 31 960	Костенки-1	23 530 - 23 070
	31 390 - 30 190		24 600 - 23 600
	31 550 - 30 330		22 420 - 22 000
	30 910 - 29 770	Костенки-21	23 500 - 22 500
Мезин	29 900 - 28 500		14 870 - 14 630
	28 300 - 26 700	Авдеево	23 400 - 22 700
Коске	28 300 - 27 440		23 000 - 21 800
	27 500 - 26 720	Буреть	22 900 - 21 900
	27 460 - 26 760		21 290 - 21 190
	26 760 - 25 960	Гагарино	22 100 - 21 500
	19 420 - 18 980		18 860 - 18 220
	19 130 - 18 510	Альтамира	16 200 - 14 800
	19 080 - 18 600		14 910 - 14 510
	18 880 - 18 000		14 780 - 14 260
	18 710 - 18 350		14 730 - 14 230
	18 200 - 17 860		14 610 - 14 210
	15 720 - 16 020		14 530 - 14 070
	27 220 - 26 400		14 520 - 14 140
	22 850 - 21 830		14 110 - 13 770
	21 450 - 19 850		13 760 - 13 380
	25 510 - 24 730		21 000 - 20 140
	23 140 - 22 360		17 510 - 17 170
Гаргас Фуэнте дель Салан Бидон Куньяк	19 770 - 19 230	Елисеевичи	17 070 - 16 630
	15 200 - 14 800		13 260 - 12 860
	14 480 - 14 120		13 090 - 12 730
	25 030 - 24 250		12 520 - 12 260
Пеш-Мерль	23 960 - 23 260	Эль Кастильо	10 430 - 10 190
	23 140 - 22 360		15 730 - 14 830
	25 510 - 24 730		10 950 - 10 550
	19 570 - 19 030		10 700 - 10 100
	18 750 - 18 050	Ла Вина	14 670 - 14 030
	11 770 - 10 990		14 000 - 13 700
	12 000 - 10 400		13 930 - 13 550
	24 650 - 22 520		13 260 - 12 860
Ла Ферраси Сунгирь	25 700 - 25 300	Тито Бустильо Нио	13 050 - 12 730
	22 800 - 21 800		12 630 - 12 250
	28 800 - 27 400		14 550 - 13 070
Костенки-14	27 000 - 25 600		12 300 - 11 300
	25 360 - 24 560	Фонтанэ Лез Эглиз Резо Кластер	10 350 - 9 950
	23 930 - 23 390		10 350 - 9 950
Хотылево-2			10 080 - 9 620

* Даты приводятся по изданию [Rock Art..., 1993].

Список литературы

- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. - Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. - 428 с.
- Зарубин Л.А.** Сходные изображения Солнца и зорь у индоарийцев и славян // Сов. славяноведение. - 1971. - № 6. - С. 70 - 76.
- Лосев А.Ф.** Древнегреческий термин "teghne" в доплатоновский период античной эстетики // Проблемы изучения культурного наследия. - М.: Наука, 1985. - С. 282 - 311.
- Лотман Ю.М.** О природе искусства // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. - М.: Гнозис, 1994. - С. 432 - 438.
- Нисканнен Р.А.** Наскальные изображения на территории СССР: Указатель литературы. 1692 - 1975 гг. - Петрозаводск: Изд-во Карел. ФАН СССР, 1977. - 187 с.
- Первобытное искусство** / Под ред. Я.А. Шера. - Кемерово: Никалс, 1998. - 209 с.
- Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Суллержицкий Л.Д.** Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. - СПб.: Академпринт, 1997. - С. 21 - 66.
- Смирнов П.Н., Шер Я.А.** Применение полимеризационных пластиков для копирования наскальных рисунков // СА. - 1965. - № 3. - С. 280 - 282.
- Топоров В.Н.** К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. - М.: Наука, 1975. - С. 3 - 49.
- Урс М.** Наука - искусству. Спасение сокровищницы доисторического искусства // Курьер ЮНЕСКО. - 1981. - Апр. - С. 6 - 15.
- Чистякова Н.А.** Исторические типы античной художественной культуры // Античность как тип культуры. - М.: Наука, 1988. - С. 105 - 110.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. - М.: Наука, 1980. - 237 с.
- Шер Я.А.** К характеристике понятия "археологический факт" // Проблемы реконструкции в археологии. - Новосибирск: Наука, 1985. - С. 8 - 11.
- Шер Я.А.** "Господин коней" на берегу Енисея // Петербург. археол. вестн. - СПб., 1993. - № 6. - С. 17 - 22.
- Шер Я.А.** Петроглифы - древнейший изобразительный фольклор // Наскальное искусство Азии. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. - Вып. 2. - С. 28 - 35.
- Aujoulat N.** L'evolution des techniques // L'art pariétal paléolithique. Technique et méthodes d'étude. Réunis par le Groupe de Réflexion sur l'Art Pariétal Paléolithique. - P.: Edition du Comité des Travaux Historiques et Scientifiques, 1993. - P. 317 - 329.
- Bahn P.G.** Cave Art without the caves // Antiquity. - L., 1995. - N 69. - P. 231 - 237.
- Bahn P.G.** New Developments in Pleistocene Art, 1990 - 1994 // Rock Art Studies. News of the World I. - Oxbow Monograph, 1996. - P. 1 - 13.
- Balbin Behrman R. de, Gonzalez J.A., Santonja M., Martin R.P.** Siega Verde (Salamanca). Yacimiento artistico paleolitico al aire libre // Del Paleolitico a la historia. - Salamanca: Museo de Salamanca, 1989. - P. 5 - 19.
- Bednarik R.G.** Art Origins // Anthropos. - 1994. - P. 169 - 180.
- Bednarik R.G.** The Côa Petroglyphs: an obituary to the stylistic dating of palaeolithic rock-art // Antiquity. - L., 1995. - N 69. - P. 877 - 883.
- Bemman M., König D.** Die Felsbildstation Oshibat. - Mainz / Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1994. - 157 S.
- Franklin N.** Rock Art in Australia and New Guinea 1990 - 1994: Research, Management and Conservation // Rock Art Studies. News of the World I. - Oxford, 1996. - P. 145 - 162.
- Goren-Inbar N.** A figurine from the Acheulian site of Berekhat Ram // Mi'Tekufat Ha'Even. - 1986. - Vol. 19. - P. 7 - 12.
- Guidon N., Delibras G.** Carbon 14 Dates Point to Man in the America 32000 Years Ago // Nature. - 1986. - N 321. - P. 769 - 771.
- Jolly P.** Symbolic Interaction between Black and South-Eastern San // Current Anthropology. - 1996. - Vol. 37, N 2. - P. 277 - 306.
- L'art des cavernes.** Atlas des grottes ornées paléolithiques françaises. - P.: Ministère de la Culture, 1984. - 637 p.
- L'art pariétal paleolithique.** Techniques et méthodes d'étude. Réunis par le Groupe de Réflexion sur l'Art Pariétal Paléolithique. - P.: Edition du Comité des Travaux Historiques et Scientifiques, 1993. - 427 p.
- Lasheras J.A., Muzquiz M., Saura P.** Altamira en Japon. Proceso de una reproduccion facsimilar // Revista de arqueologia. - Madrid, 1995. - N 171. - P. 21 - 23.
- Leroi-Gourhan A.** Dictionaire de la préhistoire. - P., 1988. - 1222 p. (PUF).
- Li Xiang Shi.** Découverte de peintures rupestres a Helanshan, MT Ningxia, Chine // INORA. - 1997. - N 16. - P. 8.
- Lopez S.R., Gonzales L.M., Ibanez F.J.M., Martin S.P., Moreno de Redrojo J.L.** El Cerro de San Isidro en Domingo Garica. Nuevos descubrimientos // Revista de Arqueologia. - 1994. - Vol. 15, N 157. - P. 12 - 21.
- Lorblanchet M.** Art rupestre australien // Archéologia. - 1980. - N 147. - P. 30-40.
- Lorblanchet M.** Symbolisme des empreintes en Australie // Les dossiers histoire et archéologie. - 1985. - N 90. - P. 63 - 76.
- Lorblanchet M.** Les grottes ornées de la préhistoire. Nouveaux regards. - P., 1995. - 288 p.
- Lumley H. de.** Proportions et constructions dans l'art paléolithique: le bison // Simposio International de Arte rupestre. - Barselona, 1968. - P. 123 - 145.
- Marshack A.** A Middle Paleolithic Symbolic Composition from the Golan Heights: The Earliest Known Depictive Image // Current Anthropology. - 1996. - Vol. 37, N 2. - P. 357 - 365.
- Otte M., Yalcinskaya I., Leotard J.-M., Kartal M., Bar-Yosef O., Kozłowski J., Lopez Bayon I., Renfrew C., Marshak A.** The Epi-Palaeolithic of öküzi cave (SW Anatolia) and its mobiliary art // Antiquity. - 1995. - N 69. - P. 931 - 944.
- Prins F.E., Woodhouse H.C.** Subsaharian Africa: The State of the Art: Rock Art in Southern and Tropical Africa - the last Five Years // Rock Art Studies. News of the World I. - Oxbow Monograph, 1996. - P. 71 - 84.
- Renfrew C.** Before Civilisation. The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. - L.: Pelican Book, 1979. - 320 p.
- Rock Art Studies: The post Stylistic Era or Where do we go from here?** 2d AURA Congress. - Londres Oxbow, 1993.

Sacchi D., Abelanet J., Brule J.-L. Le roche grave de Fornols-Haut // Arceologia. - 1987. - N 225. - P. 53 - 57.

Sauvet G. Le moulage // L'Art Pariétal Paléolithique. Technique et méthodes d'étude. Réunis par le Groupe de Réflexion sur l'Art Pariétal Paléolithique. - P.: Edition du Comité des Travaux Historiques et Scientifiques, 1993. - P. 317 - 329.

Smits L.G.A. Rock Paintings in Lesoto: Form Analysis of Subject Matter in Ha Baroana // Rock Art Studies: The post Stylistic Era or Where do we go from here? 2d AURA Congress. - Londres Oxbow, 1993. - P. 127 - 142.

Uyanik M. Petroglyphs of South-Eastern Anatolia. - Graz: Akademische Verlag, 1974. - 372 S.

Valladas H., Cachier H., Arnold M. Application de la datation carbone 14 en spectrométrie de masse par accélérateur aux grottes ornées de Cugnac et du Pech-Merle, Lot // Bull. Soc. Etudes litt. sci. et art du Lot. - 1990. - P. 134 - 137.

Vouve J., Brunet J., Vidal P., Marsal J. Lascaux en Périgord Noir. Environment, art pariétal et conservation. - Périgueux: Pierre Falnac, 1982.

Wellmann K. Muzzinabikon. Indianische Felsbilder Nordamerikas aus fünf Jahrtausenden. - Graz: Akademische Verlag, 1976. - 573 S.

Материал поступил в редколлегию 15.03.99 г.

УДК 903.27

Е.Г. Дэвлет

*Институт археологии РАН,
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: billy96@online.ru*

АНТРОПОМОРФНЫЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В РЕНТГЕНОВСКОМ СТИЛЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ ОБ ОБРЕТЕНИИ ШАМАНСКОГО ДАРА

Антропоморфные и зооморфные изображения с как бы просвеченной насквозь грудной клеткой, в которой проработаны ребра и позвоночный столб, широко известны в наскальном искусстве, причем антропоморфные встречаются реже зооморфных. В отечественной историографии подобный стиль именовался по-разному: рентгеновский, скелетный, ажурный, анатомический. Термин “рентгеновский”, на мой взгляд, более предпочтителен, поскольку находит наибольшее соответствие в англоязычной научной литературе (X-ray style).

Антропоморфные фигуры в рентгеновском стиле в нашей стране встречены на таких памятниках наскального искусства, как Сакачи-Алян на нижнем Амуре [Окладников, 1971, табл. 73], Басынай на Олекме [Окладников, Мазин, 1976, табл. 19], гора Укыр в Кудинских степях [Михайлов, 1987, с. 97], Большая Када и Манзя на Ангаре [Окладников, 1966, табл. 159, 168], бухта Ая на побережье оз. Байкал [Окладников, 1974, табл. 21, 25, 26], Томская писаница на Томи [Окладников, Мартынов, 1972, рис. 216] (рис. 1), Ирбитский писаный камень на Среднем Урале [Чернецов, 1971, рис. 51, 2, 4]. Подобные фигуры А.П. Окладников связывал с “шаманской идеологией”, с “легендами о получении шаманского дара” [Окладников, 1974, с. 81 - 82]. Важные для интерпретации наскальных изображений в рентгеновском стиле материалы содержатся в обширной сибирской этнографической литературе [Иванов, 1954, 1979, и др.].

Издrevле люди видели, что скелет является наиболее долговечной частью живого существа, и воспринимали его как залог реинкарнации, возвращения к новой земной жизни. М. Элиаде писал, что для народов, занимающихся охотой, кость символизирует пер-

вичный корень животной жизни, матрицу, из которой постоянно обновляется плоть. Животные и люди возрождаются, начиная именно с костей. Они пребывают положенный срок в плотском состоянии, а когда умирают, то их жизнь редуцируется до сущности, сконцентрированной в скелете. Из него-то они и возрождаются вновь в соответствии с непрерывающимся циклом извечного возврата [Элиаде, 1996, с. 92].

Для тюрков Южной Сибири было характерно представление о роде как о “кости”, поскольку “кости - то, что остается от умершего, предка. Кость - тот минимум, который сохраняет сущностные свойства жизни - былой и будущей” [Традиционное мировоззрение..., 1990, с. 39]. Шаман как посредник между миром живых и миром мертвых, способный осуществлять связь между ними, посвящает себя, по словам К. Расмуссена, “своему великому делу через ту часть своего тела, которой предопределено дольше всего сопротивляться действию солнца, ветра и погоды” (Цит. по: [Элиаде, 1996, с. 92]).

Единообразие у разных народов представлений о созерцании шаманом собственного скелета находит выражение в сходных изображениях, выполненных в рентгеновском стиле. Структурная общность шаманского посвящения и обрядов инициации рядовых членов общины отмечалась разными исследователями, в частности, обращалось внимание на то, что опыт смерти и возрождения является лейтмотивом всех мировых религий, культур и мифов [Элиаде, 1996, с. 86 - 89; Новик, 1984, с. 200; Уолш, 1996, с. 65].

При семантической расшифровке антропоморфных наскальных изображений в рентгеновском стиле на первое место выступает тот момент обретения шаманского дара, который связан с расчленением

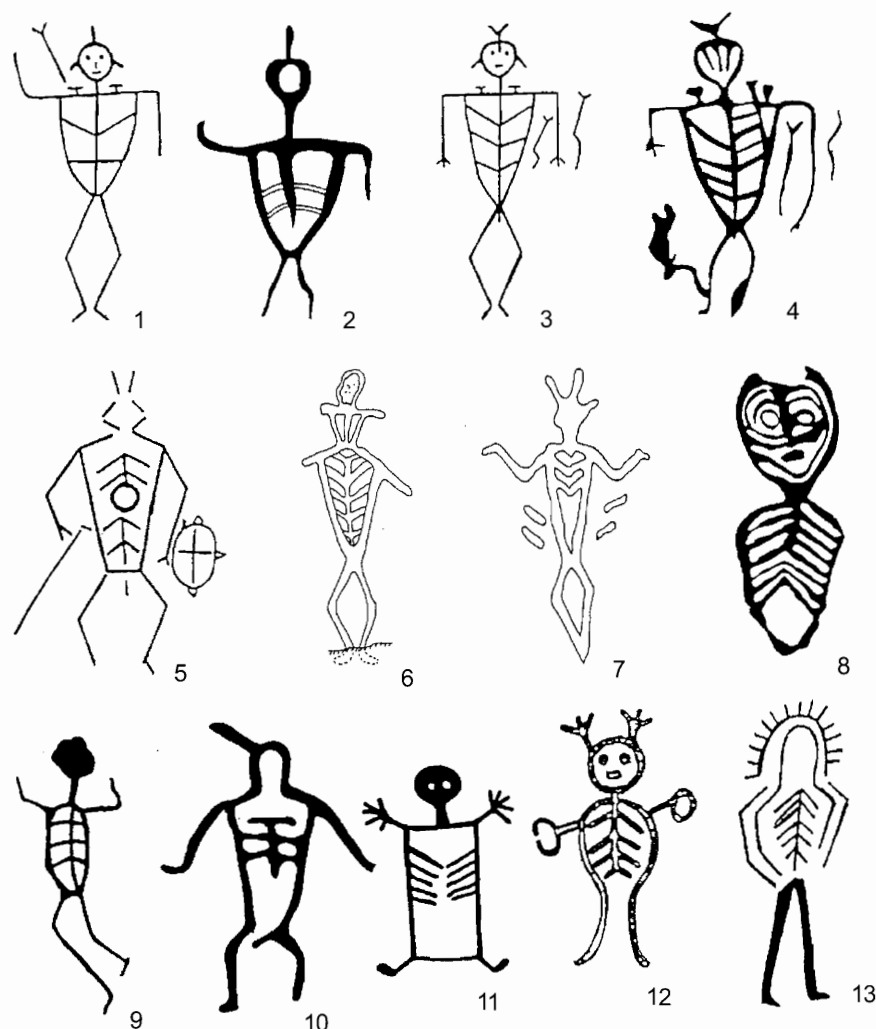

Рис. 1. Наскальные изображения антропоморфных фигур в рентгеновском стиле.

1 - 4 - бухта Ая, оз. Байкал (1, 3 - по П.П. Хороших [Михайлов, 1987]; 2, 4 - по [Окладников, 1974]);
5 - гора Укыр (по П.П. Хороших [Михайлов, 1987]); 6 - Большая Када; 7 - низовья Ангара (6, 7 - по [Окладников, 1966]);
8 - Сакачи-Алян (по [Окладников, 1971]); 9 - Томская писаница (по [Окладников, Мартынов, 1972]);
10 - Басынай, р. Олекма (по [Окладников, Мазин, 1979]); 11 - Косо Рейндж (по [Grant, 1968]);
12 - пещера Ла Вирхен, о. Куба; 13 - пещера Де Амбросио (12, 13 - по [Guarch, 1987]).

духами тела шамана, с мистическим переживанием утраты плоти и созерцанием собственного скелета. Переживание опыта смерти-возрождения являлось важнейшим условием обретения шаманского дара, только после прохождения через это испытание шаман достигал того уровня, когда дух-помощник мог счесть возможным явиться к нему. Созерцание шаманом собственного скелета требует напряженнейшей концентрации, и ни один из них не в состоянии объяснить себе причину и источник сверхъестественной способности лишать свое тело брэнной и преходящей плоти и крови [Уолш, 1996, с. 62 - 74].

Наиболее подробно описано ритуальное "рассекание" или "кромсание" тела как часть обряда посвящения шамана у якутов [Дыренкова, 1930, с. 273 -

274; Ксенофонов, 1930, с. 9 - 15, 44 - 57; Попов, 1947, с. 283 - 293; Алексеев, 1975, с. 135 - 138]. Посвящаемый, находящийся в экстагическом состоянии, переживает мучения отрезания головы, разрывания тела железными крючьями, разделения суставов, снятия мяса с костей и т. д. Сообщение Г.В. Ксенофонтова о том, что избранные шаманы трижды подвергаются "рассеканию", а "плохие" только раз [1930, с. 52], согласуется с информацией о нескольких ступенях посвящения шамана, каждая из которых отмечалась определенным символическим предметом - знаком шаманского статуса [Михайлов, 1987, с. 99 - 103]. При прохождении обряда необходимо было соблюдать ряд запретов и ограничений, пищевых и ритуальных, например, запрещалось говорить о частях своего

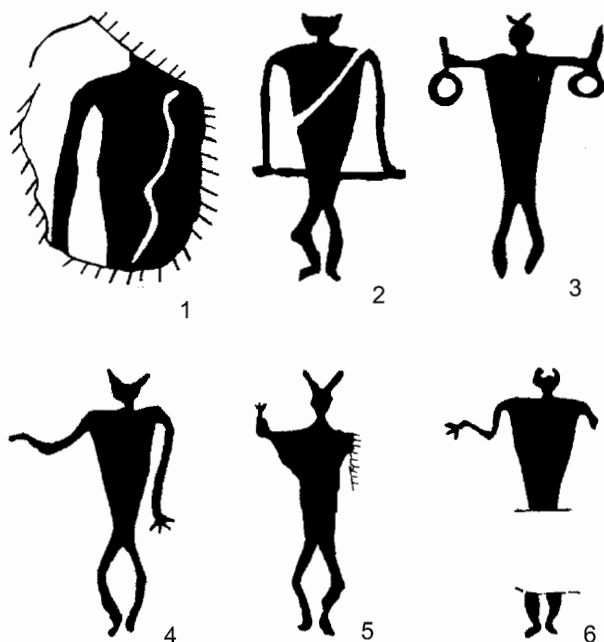

Рис. 2. Антропоморфные фигуры из бухты Саган-Заба, оз. Байкал (1 - 5 - по [Окладников, 1974], 6 - по [Савенков, 1925]).

тела обычным, а не особым, священным, языком [Ксенофонтов, 1930, с. 44 - 45].

Смысл "расчленения" состоял в установлении соответствия частей скелета шаманскому предназначению. "Во время истязания шамана происходит подробный осмотр его тела, духи пересматривают кости избранного, чтобы установить, все ли они соответствуют его высокому назначению, причем в одних случаях наличие лишней кости у шамана служит препятствием к его избранию, в других, наоборот, требуется, чтобы была особая шаманская кость" [Дыренкова, 1930, с. 274]. "Шаманская кость" является материальным воплощением духовных способностей кандидата. В случае отсутствия одной кости шаман мог поплатиться жизнью одного из родственников. Помимо наличия (или отсутствия) кости признаком шамана может служить ломаная кость, также духи могут подсчитывать мускульные волокна посвящаемого в поисках лишних. Н.П. Дыренкова приводит рассказ старухи телеутки о причинах недопущения ее к шаманскому служению. "У нее было видение: несколько человек разрезали ее тело на куски по суставам и положили варить в котел. Потом пришло еще двое людей. Опять резали ее мясо, потрошили, варили. Затем вынули мясо из котла, положили на железную с железными когтями доску и долго и внимательно рассматривали все части ее тела и определяли, все ли кости и мускулы пригодны для шаманского служения. Одна маленькая кость оказалась лишней, и потому она не смогла сделаться шаманкой" [Там же, с. 274 - 275].

Мотив особенности шаманского костяка перекликается с представлениями об обитателях иного мира, признаком которых зачастую является именно неполнота или своеобразие их костного строения, а "любое аномальное отклонение служило показателем нечеловеческой природы, отличия - большего или меньшего - от нормы" [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 64]. У нелюдей или не хватает пальцев рук (четырепалые), ног, или же их костяки слишком подвижные, вывернутые [Там же, с. 61 - 66]. Возможно, что характеристики обитателей иных миров могли переноситься и на шамана, они были присущи ему как медиатору, посреднику между миром людей и мифическим миром духов. Следует отметить, что на руках антропоморфных фигур из бухты Саган-Заба, трактуемых как шаманские изображения, недостает пальцев (рис. 2) [Окладников, 1974, с. 79, табл. 7, 9, 10]. Другая интересная особенность саган-забинских антропоморфных фигур - это массивное, чрезмерно крупное мощное тело подтреугольных очертаний. Народная традиция приписывала костную монолитность богатырям-предкам из мифического прошлого, таким образом противопоставляя их смертным [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 65]. Возможно, что именно посредством утрирования монолитности саган-забинских фигур передается нечеловеческая природа персонажей.

После длительного и тщательного изучения расчлененного тела кандидата духи принимают решение об его избрании шаманом и вновь его собирают [Дыренкова, 1930, с. 275]. "По рассекании тела и разделе его, как рассказывают, - писал Г.В. Ксенофонтов, - все кости вновь складывают, подгоняя сустав к суставу, в надлежащее место, вот тогда-то, говорят, шаман просыпается, как бы уснувший человек. Весь обряд расчленения и раздела своего тела шаман якобы наблюдает воочию". Сам человек лежит как мертвый, а голова "видит своими глазами всю процедуру разрубания своего тела" [Ксенофонтов, 1930, с. 46 - 47]. Расчленение тела шамана может интерпретироваться не только как испытание, пройти которое суждено лишь достойному, как смерть в одном качестве и возрождение в другом, но и как жертва духам [Новик, 1984, с. 199]. Ритуальная смерть, переживаемая как нисхождение в Нижний мир, и расчленение тела шамана являются его приобщением к первозданному хаосу - ступенью, которую, отрешившись от мирской сущности своего профанного "я", надо пройти для возрождения не только в новом качестве, но и для новой жизни. Пройденные испытания выводят способности шамана на новый уровень, позволяют ему интегрировать еще недавно хаотические кризисные переживания в единое целое.

На основании приведенных материалов этапы шаманского посвящения представляются следующими:

- тело кандидата в шаманы расчленяется, мясо счищается с костей и делится между духами или разбрасывается по всем дорогам;

- освобожденный от плоти костяк пересматривается в поисках шаманской косточки, производится подсчет костей;

- на старый костяк наращивается новая плоть. Если осмотр костяка показал пригодность кандидата, то он, пережив мистическую смерть, становится шаманом.

Мистическая смерть связывается лишь с телом, но не духом шамана, это именно обновление плоти при обретении нового статуса. Во время истязания плоти шаман все видит и чувствует, а его душа получает воспитание у личных духов. Н.П. Дыренкова отмечает, что получение шаманского дара рассматривается как переходный момент в жизни шамана. "Человек, до этого момента совершенно обычный, становится отличным от всех окружающих, получает особые силы. Эта полная перемена, по мнению примитивных племен, может произойти лишь в том случае, если совершенно изменится физическая сущность человека и его психическая природа. Отсюда возникает представление об истязании шамана духами, его физическом обновлении и воспитании его души - психическом перерождении, широко распространенное у многих народов на земном шаре" [Дыренкова, 1930, с. 285].

Посвящение жреца религии бон в Тибете осмысливалось как освобождение его от плоти до скелета и приобретение новой плоти и крови. Хохимон - персонажи ламаистской мистерии Цам в Непале, Монголии, Бурятии и Туве - носили маску-череп и облачались в расписанный под скелет костюм. Они олицетворяли промежуточное состояние между смертью и новым рождением. В средневековой тамильской поэме кульминационный момент обретения истины посвящаемого в буддизм царя связывается с видением им своего скелета [Жуковская, 1977, с. 165]. М. Элиаде различает смысл видения скелета шаманами у охотников и земледельцев и медитацию над скелетом в тантрическом буддизме и ламаизме. Он подчеркивает, что "для первых его целью является вновь познать первичный источник животной жизни и разделить с ним бытие, в то время как для индо-тибетских монахов это означает созерцать вечный цикл существований, установленный кармой..." [Элиаде, 1996, с. 93]. Р. Уолш отмечает, что если шаман переживает опыт расчленения как невольное тяжкое испытание, то для тантрической практики Чод этот опыт признается осознанной визуализацией расчленения тела и отдания его на съедение разгневанным божествам и голодным духам [1996, с. 66]. А.А. Сыркин и Н.А. Жуковская связывают символическое значение скелета с преодолением оппозиции живое - не-

живое как в шаманизме, так и в буддизме [Сыркин, 1968, с. 153, 158; Жуковская, 1977, с. 166].

Представления о созерцании скелета и его изображения не связаны лишь с сибирским и индо-тибетским кругом культур. Они распространены в полярных зонах Северной Америки и далее к югу до тропической Амазонии [Furst, 1997, p. 28, 31]. По представлениям эскимосов, при получении шаманского дара посвящаемый должен мысленно освободиться от плоти и увидеть собственный скелет со стороны. Получение шаманского дара у иглуликских эскимосов связано с переживанием собственной мистической смерти и воскрешения. "И тогда медведь с озера или с ледника войдет внутрь и съест с тебя всю плоть, и останется от тебя один скелет, и ты умрешь. Но ты снова обретишь свою плоть, ты проснешься, и твоя одежда прилетит к тебе" [Элиаде, 1996, с. 90]. Интересно, что особая роль медведя фиксируется также изобразительным материалом. Наскальные изображения медведей с овальными или округлыми туловищами и раскинутыми в разные стороны согнутыми когтистыми лапами встречаются на северо-западном побережье Северной Америки (Торсен Крик, Воллас Бэй, Мейерс Пэссадж, о-в Рингболт). Туловища этих животных изнутри заштрихованы линиями, изображающими ребра, аналогичным образом медведи показаны и на шаманских атрибутах: ковриках, на которые шаманы клали больных, и на сумочках (рис. 3, 4) [Окладникова, 1979, с. 67 - 68, табл. XX]. Е.А. Окладникова приводит обширный этнографический материал, демонстрирующий особое мифологическое значение медведей, которые "суть те же люди, только одетые в шкуры". В медвежьи шкуры одеваются и североамериканские, и сибирские шаманы. Представляется, что изображения медведей в рентгеновском стиле, в том числе на шаманских атрибутах, могут быть связаны с приведенным текстом об участии медведя в освобождении скелета будущего шамана от плоти, с известным у азиатских эскимосов мифологическим сюжетом об обучении медведем человека шаманскому искусству. Е.А. Окладникова отмечает, что изображения медведей, выполненные в скелетном стиле, имеют антропоморфные черты, что связано с культом предков, с потусторонним миром и сверхъестественными силами этого мира. Собственно антропоморфные наскальные изображения в рентгеновском стиле, созданные индейцами Северной Америки, она трактует как изображения духов-покровителей [Там же, с. 62 - 68].

Согласно представлениям индейцев Центральной Америки, освобождение от плоти связано с идеей реинкарнации. На о. Куба в рентгеновском стиле выполнены как антропоморфные наскальные изображения, так и некоторые статуэтки "семи" - личных духов-покровителей (рис. 3, 5) [Guarch, 1987, fig. 24].

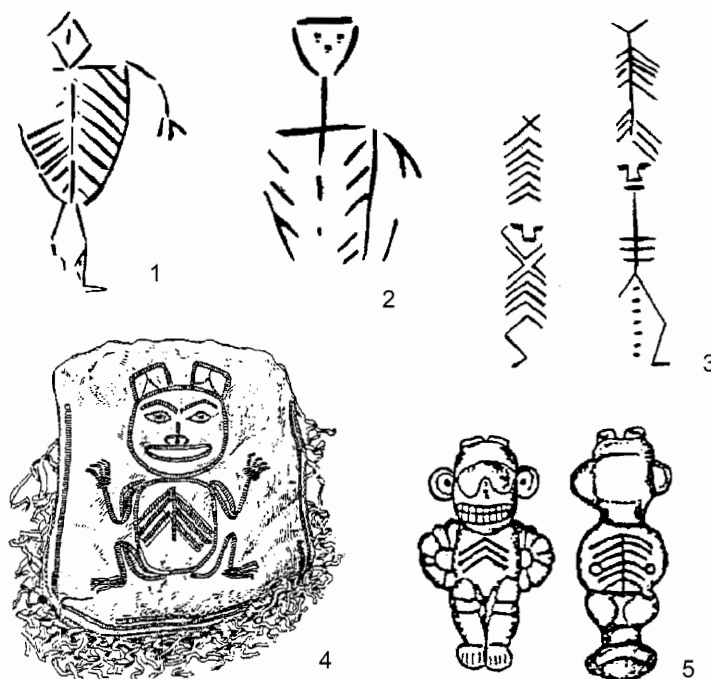

Рис. 3. Изображения в рентгеновском стиле.

- 1 - поселение Волвонча I, р. Конда, прорисовка изображения на керамике;
 2 - поселение Старый Хангокурт, р. Малая Сосьва, прорисовка изображения на сосуде;
 3 - Шигирский деревянный идол (1 - 3 - по [Кокшаров, 1990]);
 4 - шаманская сумка из коллекции МАЭ (по [Окладникова, 1979]);
 5 - статуэтка "семи", о. Куба (по [Guarch, 1987]).

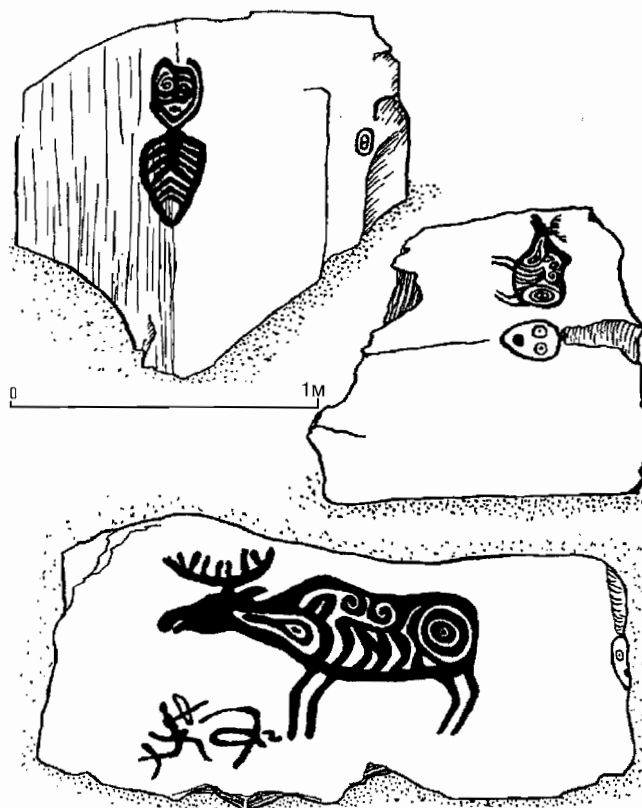

Рис. 4. Камень 63 Сакачи-Аляна, р. Амур
 (схема с трех сторон; по [Окладников, 1971]).

Параллели между азиатской и американской традициями проявляются не только в стилистическом сходстве изображений и их общей семантической основе, но даже в некоторых деталях, которые могут трактоваться в качестве шаманских атрибутов. У антропоморфной фигурки, выполненной в рентгеновском стиле, из кубинской пещеры Ла-Вирхен на голове обозначены рожки (см. рис. 1, 12), подобные головным уборам сибирских шаманов и персонажей, представленных на скале в бухте Саган-Заба. Голова другого подобного персонажа из кубинской пещеры Де-Амбросио оформлена как у азиатских “солнцеголовых” (см. рис. 1, 13). Растопыренные ручки упомянутой кубинской антропоморфной фигуры из пещеры Ла-Вирхен завершаются кружками, аналогичным образом показаны окружности под руками персонажа, выбитого на скале в бухте Саган-Заба на оз. Байкал (см. рис. 2, 3). Данную деталь А.П. Окладников трактует как изображение бубнов [1974, с. 84].

Фигуру в рентгеновском стиле из бухты Ая сопровождают изображения змей (см. рис. 1, 3, 4). Один из видов шаманских тростей у бурят носит название “могой”, что означает “змея”, и имеет навершие в виде головы змеи. Змеиная трость вручалась шаману на одной из стадий посвящения. Символизируя статус шамана, трость служила средством передвижения шамана в иные миры [Михайлов, 1987, с. 94 - 107]. Обращает на себя внимание фрагментарно сохранившееся в бухте Саган-Заба антропоморфное силуэтное изображение со змеей на груди (см. рис. 2, 1). Змеи изначально были связаны с представлениями о получении шаманского дара, а со временем их символы и изображения стали атрибутами шаманского костюма - шнуры, отходящие от рукавов культового одеяния и от крестовины бубнов, считаются змеями. В.Я. Пропп писал, что во время обрядов посвящения во внутренние органы неопита как бы вводилась маленькая змея, воплощающая его магические способности. Со временем изначальный смысл этих представлений был утрачен и они были переосмыслены: в сказках тело персонажа разрубается, чтобы из него извлечь змей и гадюк, вызывающих болезнь [Пропп, 1986, с. 94 - 98].

Сходную семантическую нагрузку в мифологии, по-видимому, несут насекомые и черви. Мотив разрубания тела, из которого вылезают гады, в трансформированном виде встречается в мифологии народов Северной Азии, Дальнего Востока и североамериканских индейцев. Обитатели равнин Северной Америки верили, что один из духов-хранителей или помощников посвящаемого, который может явиться во время инициации, “обладает сверхъестественной способностью вылавливать летающих вредоносных духов болезней, которые имеют вид червей, и бросать их в своих врагов, которые тут же умирают” [Окладникова, 1979, с. 69]. В сказках мотив рассекания тела и

прохождения через огонь зачастую сливается с мотивом обретения помощников. Постепенная утрата в сказке изначального смысла рассекания тела приводит к тому, что разрубанию и сжиганию подвергается чудовище, людоед, вредоносное существо, из костей которого появляются насекомые, черви или пресмыкающиеся [Пропп, 1986, с. 99 - 103]. Вероятно, это позднейшая трактовка, в которой воедино с образом сверхъестественного существа слились черви - обитатели Нижнего мира, освобождающие скелет поедатели плоти.

Многочисленные зооморфные изображения в рентгеновском стиле в рамках избранной темы специально не рассматриваются, однако двум моментам следует уделить внимание. Первый касается охотничьих представлений о поддержании жизни зверей посредством сохранения их костяка или его определенных частей. Скелет и кость как его часть являются “квинтэссенцией жизни”, залогом ее постоянного обновления, ее источником и вместилищем. Такое представление охотников о скелете основывается на их каждодневном опыте. Охотники Саяно-Алтая возвращали природе кости животных для будущего возрождения. “Когда убьют зверя, лопатки его не разламывают, у корня дерева в тайге закапывают. Если кости зверей разрубают, зверь перестает водиться” [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 67]. Хотелось бы обратить внимание на зооморфные фигуры в рентгеновском стиле, у которых помимо скелета на теле проработаны спирали [Окладников, 1971, с. 207 - 208, 211; Okladnikov, 1981]. Подобный прием рассматривался как стилизация, утрата первоначального значения изображительных элементов [Lommel, 1967, p.129 - 132]. Однако можно высказать предположение, что спираль, выступая символом непрерывного цикла возобновления жизни, в таких фигурах усиливает мотив кости и скелета как залога возрождения. Так, на разных гранях камня 63 Сакачи-Аяна соседствуют антропоморфная фигура в рентгеновском стиле и фигура копытного, выполненная с проработкой внутреннего пространства тела криволинейными мотивами (рис. 4) [Окладников, 1971, табл. 71].

С символикой обрядов инициаций, с идеей смерти в одном качестве и возрождения в другом связаны многие знаки древнего наскального искусства, например, поставленные в определенный контекст очковидные изображения и отчасти спирали [Кабо, 1988; Дэвлет, 1992, 1993].

Зооморфные изображения в рентгеновском стиле также могут быть соотнесены с обрядовой практикой использования животных в качестве “заместителей” человека. Так, у якутов при посвящении кузнецов требовалась душа черного трехлетнего бычка в качестве жертвы, которую до Кыдай-Бахсы доносил шаман [Алексеев, 1975, с. 105]. “После камлания

посвящаемый клал на наковальню сердце и печень жертвенного животного и бил по ним кувалдой. В то же время будущий кузнец и его помощники в песнях, прерываемых стонами, описывали страдания посвящаемого" [Новик, 1984, с. 196]. Таким образом, будущий кузнец как бы перековывался заново, приобретая новую сущность. Отличие этого обрядового действия от шаманского "расчленения" лишь в том, что при посвящении кузнеца в качестве жертвы духам выступал его "заместитель" - черный бычок. Сам кузнец не мог напрямую общаться с духом, посредником при этом общении был шаман. По числу ударов, которыми посвящаемому удавалось раскрошить внутренние органы жертвенного животного, наблюдатели определяли, получится ли из него хороший кузнец.

Мифологический мотив разрубания тела, истоки которого прослеживаются в сохранившихся на скалах антропоморфных образах, с течением времени трансформируется в эпические и сказочные сюжеты. Так, в мифологии ранних государств мотив рассечения сохраняется в измененной форме: разрубанию подвергается не шаман, а бог или герой [Пропп, 1986, с. 96]. Многочисленные реликтовые мотивы, связанные с костью как залогом возрождения, встречаются в сказках, где из сохраненной косточки появляется убитый персонаж.

Любопытна мировоззренческая параллель в мифологических представлениях африканцев, обитателей Руанды, которые верили, что когда солнце опускалось на западе, к нему сбегались люди, расчленяли и делили между собой его тело. Сохранялась лишь некая "кость" солнца, которая ночью совершала путь на восток, побеждала в схватке с луной и возрождалась "молодым человеком" [Иорданский, 1982, с. 110].

Антропоморфные фигуры в рентгеновском стиле известны на самусьской культовой керамике XV - XII вв. до н. э. [Матющенко, 1999, с. 84], а также на глиняных сосудах, найденных на р. Конде и р. Малая Сосьва и датированных концом III - началом II тыс. до н. э. [Кокшаров, 1990, с. 79 - 83]. С.Ф. Кокшаров сопоставляет эти фигурки и наскальные изображения Среднего Урала. Исследователь видит также сходные элементы в оформлении деревянного Шигирского идола, что позволяет ему сделать вывод о сохранении и широком распространении мифологического сюжета, сложившегося еще в позднем энеолите. "Прозрачность" антропоморфного изображения С.Ф. Кокшаров связывает со стремлением подчеркнуть присущую героям красоту души и тела [Кокшаров, Широков, 1990, с. 15; Koksharov, 1996, p. 511], что, на мой взгляд, является значительно более поздней трактовкой сюжета.

Изображения "скелетов" на нагрудниках и плащах

сибирских шаманов широко известны в этнографической литературе [Иванов, 1954; Salchak, Van Alpen, Denaeghel, 1997]. А.П. Окладников оценивал их как вторичные по отношению к наскальным изображениям [1974, с. 82]. Н.Л. Жуковская также рассматривает шаманский костюм как более позднее явление [1977, с. 164]. Изображения костей человека на шаманском облачении трактовались рядом исследователей как части скелета шамана-предка, служащие шаману щитом [Алексеев, 1975, с. 152]. Е.Д. Прокофьева, полагавшая, что основным образом, отраженным в шаманском одеянии, был образ птицы, писала: "Имелось и более позднее значение костюма - тела шамана, возродившегося после обряда посвящения. В этом случае части скелета, изображенные на костюме, считали скелетом этого шамана. Костюм воспринимался и как броня, защита шамана" [1971, с. 8]. Антропоморфное изображение в рентгеновском стиле из бухты Ая послужило С.И. Вайнштейну основой для реконструкции костюма древнебайкальского шамана и рассматривается им как любопытное свидетельство сохранения в костюме восточнотувинских шаманов комплекса древних элементов культовой атрибутики [1991, с. 273]. Хотя антропоморфные изображения в рентгеновском стиле демонстрируют определенное сходство с шаманским облачением, вряд ли они могут рассматриваться в качестве их прямых аналогов, т. е. "сквозная", "скелетная" проработка антропоморфной фигуры в наскальном искусстве не может являться бесспорным свидетельством того, что это изображен именно шаманский костюм с показанными на нем линиями-ребрами. Представляется более обоснованным видеть в наскальных изображениях не иллюстративное пособие, а олицетворение промежуточного состояния между смертью в одном качестве и возрождением в новом, воспроизведение той мифологической концепции, которая позже получила воплощение и в шаманском костюме.

Список литературы

- Алексеев Н.А.** Традиционные религиозные верования якутов в XIX - начале XX в. - Новосибирск: Наука, 1975. - 200 с.
- Вайнштейн С.И.** Мир кочевников центра Азии. - М.: Наука, 1991. - 296 с.
- Дыренкова Н.П.** Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. - Л., 1930. - Т. 9. - С. 267 - 291.
- Дэвлет Е.Г.** О семантике "очковидных" изображений // Маргулановские чтения. 1990 г.: Сборник материалов конференции. - М.: Наука, 1992. - С. 207 - 209.
- Дэвлет Е.Г.** Наскальные изображения острова Куба // Памятники наскального искусства. - М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии ИЭА РАН, 1993. - С. 194 - 251.

- Жуковская Н.Л.** Ламаизм и ранние формы религии. - М.: Наука, 1977. - 199 с.
- Иванов С.В.** Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX - начала XX в. // ТИЭ. Нов. сер. - М.; Л., 1954. - Т. 22. - 838 с.
- Иванов С.В.** Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (VIII - первая четверть XX в.). - Л.: Наука, 1979. - 194 с.
- Иорданский В.Б.** Хаос и гармония. - М.: Наука, 1982. - 343 с.
- Кабо В.Р.** Модель мира у охотников и собирателей // Природа. - 1988. - № 3. - С. 26 - 31.
- Кокшаров С.Ф.** О содержании и датировке одной группы уральских писаниц // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. - М.: ИА АН СССР, 1990. - С. 79 - 83.
- Кокшаров С. Ф., Широков В.Н.** Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. - Препр. - Свердловск: ИИА УрО АН СССР, 1990. - 77 с.
- Ксенофонтов Г.В.** Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. - М.: Безбожник, 1930. - 126 с.
- Матюшенко В.И.** Древняя история Сибири: Уч. пособие. - Омск: ОГУ, 1999. - 232 с.
- Михайлов Т.М.** Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. - Новосибирск: Наука, 1987. - 288 с.
- Новик Е.С.** Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. - М.: Наука, 1984. - 304 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Ангара. - М.; Л.: Наука, 1966. - 322 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы нижнего Амура. - Л.: Наука, 1971. - 335 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Байкала - памятники древней культуры народов Сибири. - Новосибирск: Наука, 1974. - 125 с., 4 л. ил.
- Окладников А.П., Мазин А.И.** Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. - Новосибирск: Наука, 1979. - 152 с.
- Окладников А.П., Мартынов А.И.** Сокровища томских писаниц. - М.: Искусство, 1972. - 255 с.
- Окладникова Е.А.** Загадочные личины Азии и Америки. - Новосибирск: Наука, 1979. - 168 с.
- Попов А.А.** Получение "шаманского дара" у виллойских якутов // ТИЭ. Нов. сер. - М.; Л., 1947. - Т. 11. - С. 282 - 293.
- Прокофьева Е.Д.** Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX в. - Л.: Наука, 1971. - С. 5 - 100. - (Сб. Музея археологии и этнографии АН СССР; Т. 27).
- Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. - 366 с.
- Савенков Т.И.** Байкал // Сибирь. - Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. - № 4. - С. 16 - 17.
- Сыркин А.Я.** О понятии противопоставления "живое - неживое" // Семиотика: Тез. и докл. на третьей летней школе по вторичным моделирующим системам. - Тарту, 1968. - С. 153 - 158.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова.** - Новосибирск: Наука, 1989. - 242 с.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал / А.М. Сагалаев, И.В. Октябрьская.** - Новосибирск: Наука, 1990. - 209 с.
- Уолш Р.** Дух шаманизма. - М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1996. - 268 с.
- Чернецов В.Н.** Наскальные изображения Урала. - М.: Наука, 1971. - Ч. 2. - 120 с. - (САИ; В4-12(2)).
- Элиаде М.** Мифы, сновидения, мистерии. - М.: Релфбук, 1996. - 228 с.
- Furst P.** Fundaments of shamanism in Asia and the Americas // Spellbound of shaman. Shamanism in Tuva. - Antwerp.: Continental printing, Deurne, 1997. - P. 25 - 35.
- Grant C.** Rock Drawings of the Coso Range, Inyo County, California. - Ridgencrest, California: Maturango Press, 1987. - 147 p.
- Guarch J.M.** Arqueologia de Cuba: Metodos y sistemas. - La Habana: Editorial de ciencias sociales, 1987. - 104 p.
- Koksharov S.** Neolithic anthropomorphic pictures from the Konda and Malaya Sosva rivers // Historia Fenno-Ugrica. - Oulu: Societas historiae Fenno-Ugricae, 1996. - Vol. 1. - P. 507 - 512.
- Lommel A.** The World of the Early Hunters. - L.: Evalyln Adams and MacKay, 1967. - 215 p.
- Okladnikov A.** Ancient art of the Amur region. - L.: Aurora Art Publishers, 1981. - 159 p.
- Salchak L., Van Alpen J., Denaeghel I.** Catalogue // Spellbound of shaman. Shamanism in Tuva. - Antwerp.: Continental printing, Deurne, 1997. - P. 114 - 167.

Материал поступил в редакцию 24.05.99 г.

УДК 903.5

А.Ф. Шорин¹, Т.И. Нохрина²

¹Институт истории и археологии УрО РАН,
ул. Розы Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия
E-mail: istor@uran.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: nohrina@paleo.archaeology.nsc.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА

Погребальных комплексов каменного века и эпохи энеолита на Урале насчитывается чуть более 30. Это, как правило, одиночные захоронения, редко небольшие грунтовые могильники. Сведения о большинстве из них приведены в работах О.Н. Бадера [1970], К.В. Сальникова [1962], А.Ф. Шорина [1991]. В настоящей публикации анализируются 27 погребальных комплексов энеолитического времени (рис. 1). К востоку от Уральского хребта находятся 18 из них - Барсов городок-2 [Чемакин, 1980], Леуши XIV (рис. 2, 3) [Беспрозванный, Старостина, 1986], грот на камне Дождевом (рис. 3, 10) [Серигов, Серигова, 1989; Серигов, 1993], Сосновый остров [Викторова, 1968], Кокшарово I [Старков, 1976], Аятское (рис. 2, 4) [Берс, 1976], Второе Карасье [Берс, 1951], Березки Vг, ограда 23 [Шорин, 1991], Дружный I (рис. 3, 9) [Шорин, 1982], Пеган, Боборыкинское [Сальников, 1962], Перейма II, III [Зах, Зотова, Панфилов, 1991], Ботай [Рыкушина, Зайберт, 1984], Усть-Нарым [Черников, 1970], Верхняя Алабуга (рис. 3, 5 - 8), Убаган [Потемкина, 1982, 1985], Большое Андреевское озеро [Зах, Зотова, Панфилов, 1991]. Шесть могильников расположены в горно-лесном Приуралье - грот у Каменного Кольца (рис. 3, 3) [Бадер, 1973], Бурановская пещера (рис. 3, 1) [Бибиков, 1950], Старичный Гребень (рис. 3, 2) [Там же], пещера Усть-Катавская II [Там же], Кульметовский грот [Широков, 1990], Давлеканово (рис. 3, 4) [Матюшин, 1970]. Остальные три - в Бельско-Икском междуречье: Ахметово I [Збруева, Тихонов, 1970], Кара-Якупово (три энеолитических погребения) [Морозов, 1984], Лобань I [Гусенцова, Сенникова, 1980]. На энеолитический возраст некоторых погребальных комплексов указывают фрагмен-

ты керамики или сосуды сосновоостровского, аятского, новоильинского или близких ямно-афанасьевскому и липчинскому типов, сланцевые шлифованные наконечники стрел с продольными желобками на обеих плоскостях, янтарные пуговицы, встречающиеся в погребениях или в непосредственной близости от них (Барсов городок-2, Леуши XIV, Кокшарово I, Сосновый остров, Аятское, Дружный I, Кульметовский грот, Лобань I, Верхняя Алабуга, Убаган I, могильник на Большом Андреевском озере, Перейма II, Старо-Нагаевский). Косвенным свидетельством энеолитического возраста других погребальных комплексов может служить расположение их на территории энеолитических поселений (Ботай, Усть-Нарым, Аятское, Кара-Якуповское, Лобань I). Неолитический возраст давлекановского погребения определяется перекрытием его котлованом и очагом неолитического жилища [Матюшин, 1970, с. 163 - 164]. Вероятно, энеолитический возраст имеют и погребения с каменными и костяными подвесками, поскольку эти украшения чаще всего находят в энеолитических комплексах лесной зоны Евразии (грот на камне Дождевом, ограда 23 могильника Березки Vг, Боборыкино, пещеры Бурановская и Усть-Катавская II, Старичный Гребень, Ахметово I). В ряде могильников, например Тенишевском в Поволжье в зоне распространения волосовско-гаринских древностей, аналогичные подвески зафиксированы в одних могилах с медными изделиями. Возраст вертикального пеганского захоронения определить трудно, но наличие в нем прекрасно обработанного шлифованного топора [Сальников, 1962, с. 38, рис. 8, 3], а также вертикальные захоронения в Оленеостровском могильнике, который

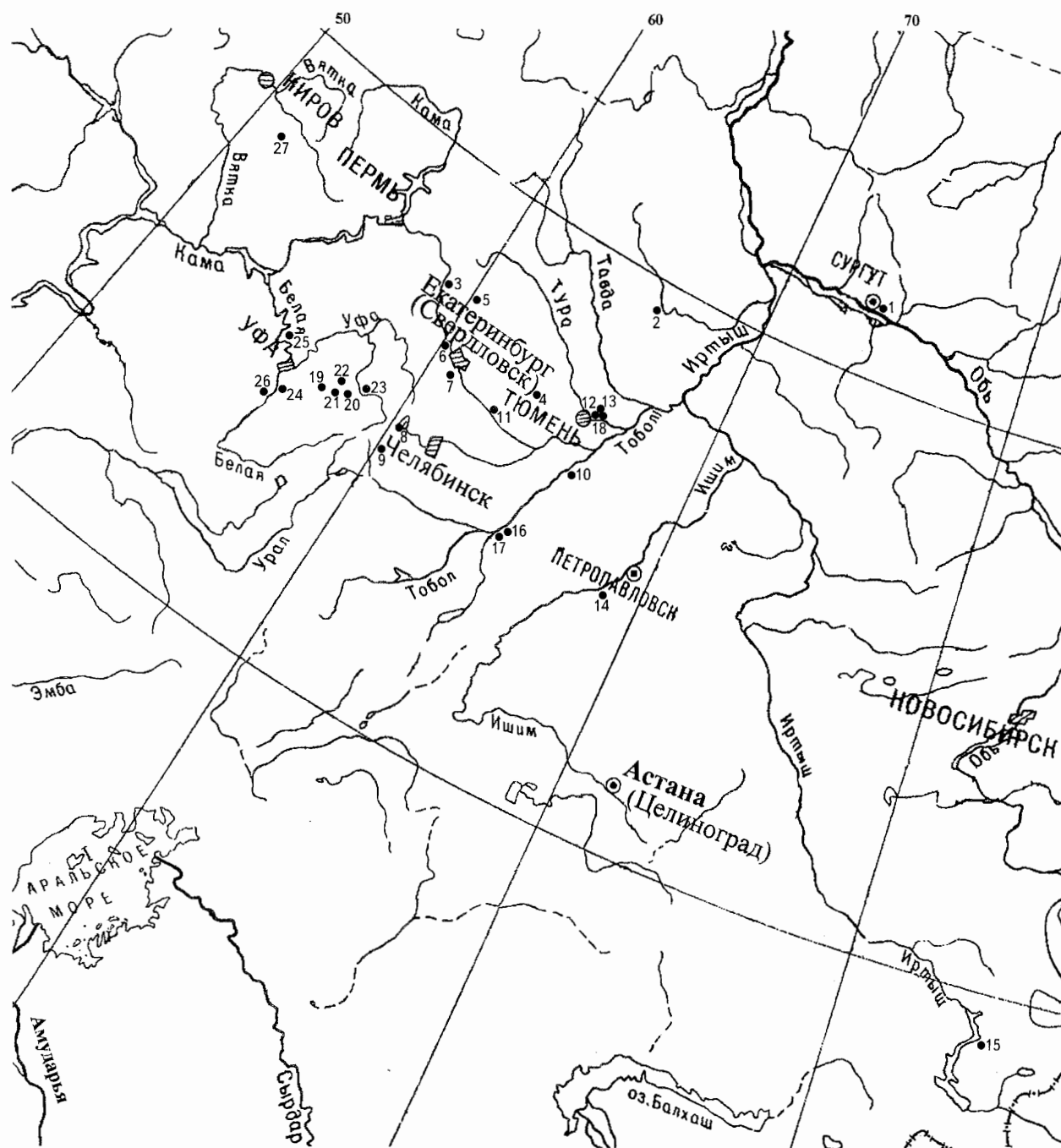

Рис. 1. Погребальные комплексы Урала энеолитического времени.

- 1 - Барсов городок-2; 2 - Леуши XIV; 3 - грот на камне Дождевом; 4 - Сосновый остров; 5 - Кокшарово I; 6 - Аятское; 7 - Второе Карасье озеро; 8 - Березки VI, ограда 23; 9 - Дружный I; 10 - Пеган; 11 - Боборыкинское; 12 - Перейма II; 13 - Перейма III; 14 - Ботай; 15 - Усть-Нарым; 16 - Верхняя Алабуга; 17 - Убаган; 18 - Большое Андреевское озеро; 19 - грот у Каменного Кольца; 20 - Бурановская пещера; 21 - Старичный Гребень; 22 - пещера Усть-Катавская II; 23 - Кульметовский грот; 24 - Давлеканово; 25 - Ахметово I; 26 - Кара-Якупово; 27 - Лобань I.

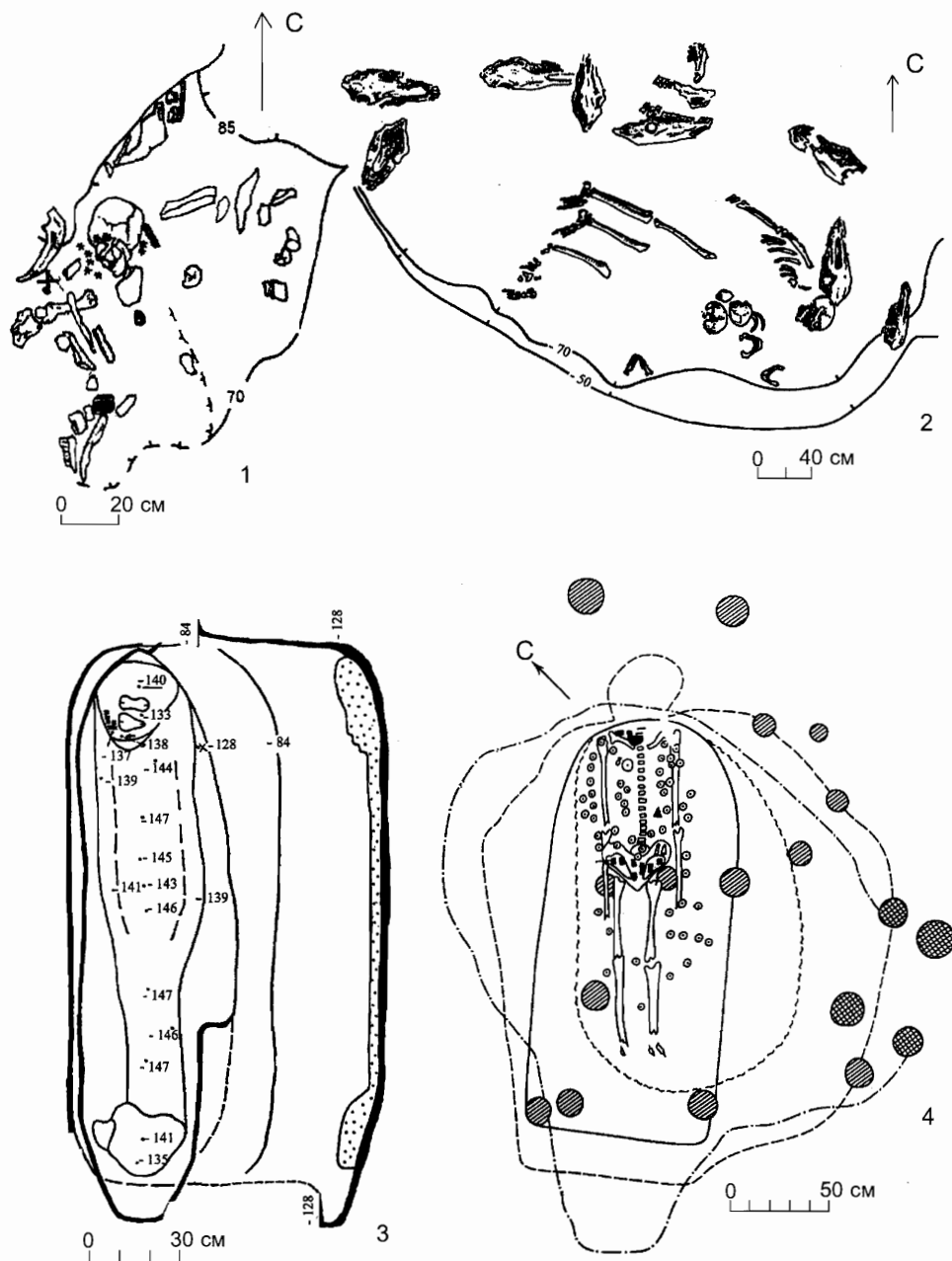

Рис. 2. Энеолитические погребения.

1, 2 - Ботай (по Г.В. Рыкушиной и В.Ф. Зайберту);

3 - Леуши XIV (по Е.М. Беспрозванному и Е.Е. Старостиной); 4 - Аятское (по Е.М. Берс).

традиционно датируется эпохой неолита [Гурина, 1956], не исключают неолитический, а может быть и энеолитический, возраст и пеганского захоронения. Однако существует мнение о мезолитическом возрасте пеганского захоронения [Серигов, 1993, с. 142].

Анализ основных черт погребальной практики по неолитическим и энеолитическим захоронениям и могильникам в Урало-Казахстанском и Камско-Вятском регионах позволяет наметить особенности, свойственные большинству рассматриваемых погребений.

1. Значительная часть погребений представлена одиночными захоронениями в неглубоких могильных ямах или небольшими могильными комплексами встречаются обычно в Тюменском Притоболье (могильник на Большом Андреевском озере), в Курганском Притоболье (могильники Верхняя Алабуга, Убаган I) и Бельско-Икском междуречье (Старо-Нагаевский могильник). В последних двух районах в материалах отчетливо прослеживается влияние культур

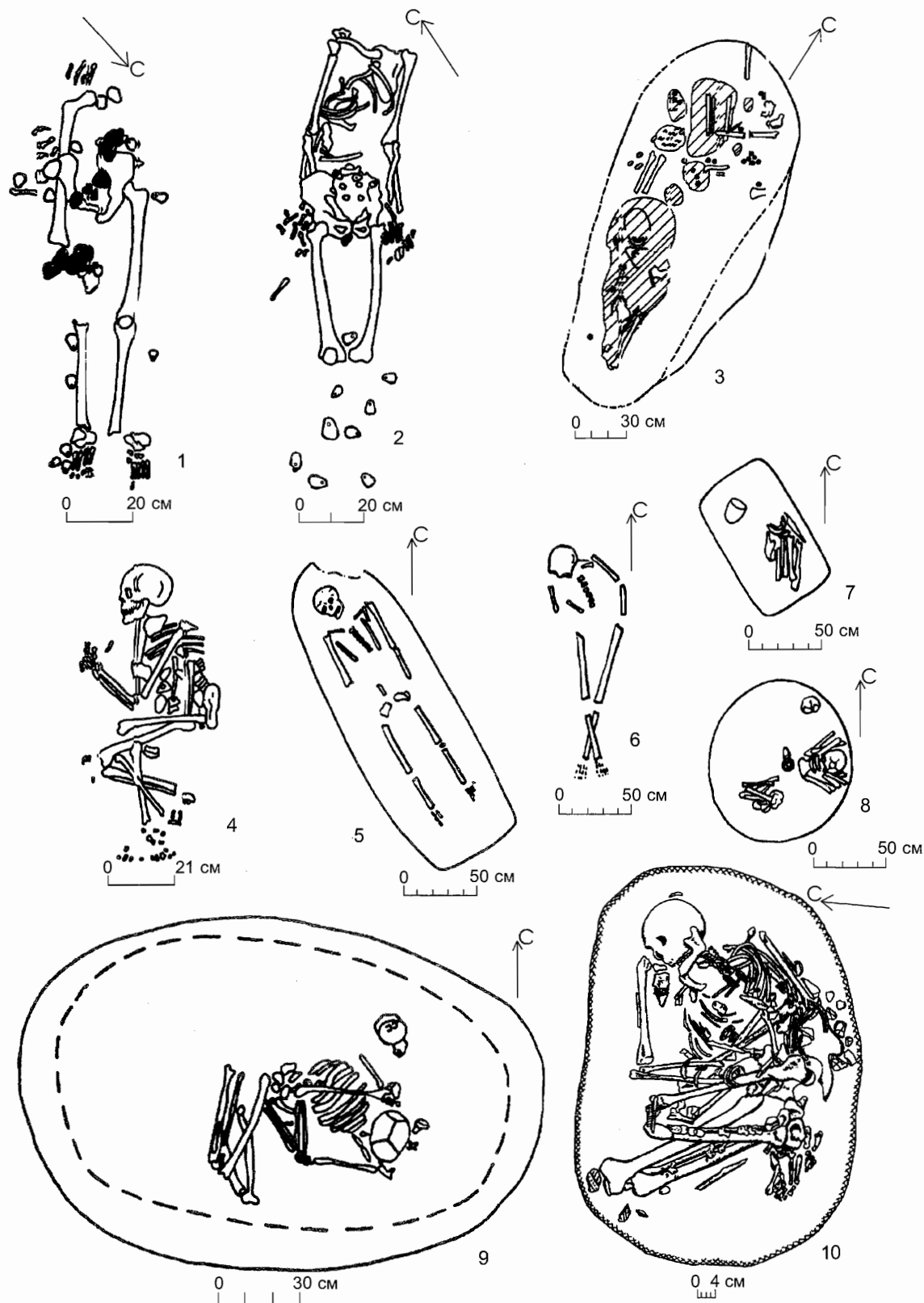

Рис. 3. Энеолитические погребения.

1 - Бурановская пещера (по С.Н. Бибикову); 2 - Старичный Гребень (по С.Н. Бибикову);
 3 - грот у Каменного Кольца (по О.Н. Бадеру, 1973); 4 - Давлеканово (по Г.Н. Матюшину); 5 - Верхняя Алабуга, погребение 84;
 6 - Верхняя Алабуга, погребение 88; 7 - Верхняя Алабуга, погребение 5; 8 - Верхняя Алабуга, погребение 90
 (5 - 8 по Т.М. Потемкиной, 1985); 9 - Дружный I (по А.Ф. Шорину); 10 - грот на камне Дождевом (по Ю.Б. Серикову).

скотоводческого мира [Потемкина, 1982, 1985, с. 150; Стоколос, 1984, с. 39 - 41].

2. Многие захоронения произведены рядом с жилищами или в заброшенных жилищах на территории поселений либо в непосредственной близости от них.

3. Для многих одиночных захоронений выбирались нестандартные в топографическом отношении места - пещеры, гроты, навесы, возвышенные участки холмов или дюн. Более крупные могильные комплексы эпохи неолита также зафиксированы в особых топографических условиях. Могильник на Большом Андреевском озере расположен на острове, разграничивающем самое большое водное зеркало Большое Андреевское и остальную группу озер [Зах, Зотова, Панфилов, 1991, с. 19]. Могильники Старо-Нагаевский [Стоколос, 1984, с. 22] и Верхняя Алабуга [Потемкина, 1982, с. 160] находились на вершинах останцов террас в пойме рек, а могильник Убаган I - на небольшом мысу, образованном обрывистыми и высокими берегами рек Тобол и Убаган в месте их слияния [Там же, с. 166]. Возможно, существует связь между захоронениями в Бурановской пещере и наскальными рисунками на одной из ее стен [Бибиков, 1950, с. 103 - 105, рис. 9], а в Кульметовском гроте между захоронением и рисунками на одной из глыб, которыми закрыта полость грота, где был оставлен покойник [Широков, 1990, с. 69].

4. При господствующем обряде захоронения в вытянутом положении на спине встречаются необычные позы. Так, пеганское погребение совершено в вертикальном положении [Сальников, 1962, с. 38], захоронение в могиле 56 могильника Верхняя Алабуга - почти в вертикальном положении, захоронения 73, 80, 85, 88 того же могильника и одно из погребений могильника Убаган I - в позе "сидя на корточках" [Потемкина, 1982, с. 151, 153, 168], погребение 2 в гроте на камне Дождевом - на спине, но в сильно скорченном положении [Серигов, 1993, с. 130 - 131]. В некоторых случаях наблюдается нарушенность анатомической целостности костяка - в аятском захоронении не было черепа (см. рис. 2, 4) [Берс, 1976, с. 197 - 200], в ахметовском отсутствовали кости рук и ног [Збруева, Тихонов, 1970, с. 86]. Захоронения только черепов обнаружены в святилище Савин [Потемкина, Ковалева, 1993, с. 252] и на поселении Ботай [Рыкушина, Зайберт, 1984, с. 123, 125].

5. Отмечаются развитый культ огня в форме либо полного трупосожжения на стороне, либо неполного сожжения при разведении костра над могилой или на надмогильном сооружении, а также присутствие охры, часто обильной. В могильниках с относительно большим числом захоронений (Старо-Нагаевском, на Большом Андреевском озере) обряды трупосожжения на стороне и трупоположения сочетаются.

6. В обряде ингумации преобладает вытянутое положение на спине головой на северо-восток, север и северо-запад; заметной тенденцией является ориентация могильных ям по линии северо-восток - юго-запад.

7. Везде отсутствует погребальный сосуд.

8. В погребениях найдены ожерелья или украшения, бывшие на одежде, обуви, головном уборе умерших, в виде каменных и костяных подвесок обычно каплевидной (реже другой) формы.

9. Безынвентарные захоронения встречаются крайне редко.

10. Некоторые погребальные вещи, прежде всего наконечники стрел, преднамеренно испорчены.

Различия в погребальных обрядах населения Зауральско-Казахстанского и Камско-Вятского регионов проявляются не столь ярко, как в других элементах материальной культуры, что можно объяснить консервативностью погребального обряда, особенно если в регионе не происходит резкой смены населения.

Уже отмечалось, что наряду с преобладающими одиночными захоронениями на территории поселений в Урало-Казахстанском регионе встречаются компактные могильные комплексы. Они, как правило, расположены на периферии рассматриваемого региона, в зонах контактов с населением сопредельных территорий. Старо-Нагаевский могильник (22 могилы) расположен в лесостепной Башкирии, где прослеживается влияние степной поволжской хвалынской энеолитической культуры, имеющей прежде всего западный вектор связей и входящей в хвалынско-среднестоговскую культурную общность лесостепи и степи Восточной Европы [Васильев, 1981, с. 22 - 42; Васильев, Выборнов, Моргунова, 1985; Матюшин, 1982, с. 264; Морозов, 1984, с. 55 - 57; Стоколос, 1984, с. 41]. Могильники Верхняя Алабуга (56 ям, в 14 из которых, а также рядом с ними, выявлены следы захоронений) и Убаган I (число захоронений точно не установлено) расположены в лесостепном Курганском Притоболье. В их материалах проявляются следы влияния степного хвалынско-среднестоговского и ямно-афанасьевского круга культур [Потемкина, 1985, с. 155 - 157, 275 - 276]. Наконец, могильники в таежном Тюменском Притоболье (на Большом Андреевском озере - 25 захоронений, Перейма II - 9 погребений и др.) находят определенные аналогии в энеолитических могильниках таежного и лесостепного Прииртышья и Притоболья [Зах, Зотова, Панфилов, 1991; Потемкина, 1982; Потемкина, Ковалева, 1993; Петров, 1986, с. 13 - 14]. Поэтому не исключено, что появление компактных могильных комплексов на юго-западной, южной и юго-восточной периферии Уральского региона - результат контактов с населением хвалынско-среднестоговской, ямно-афанасьевской областей, а также Западной

Сибири, для которых в эпоху энеолита в целом характерно сооружение компактных могильных комплексов. В этой связи интересно заметить, что в родственной уральскому, особенно приуральскому, населению лесной поволжской волосовской культуре наряду с одиночными захоронениями на поселениях отмечены также компактные могильники, появление которых связывают с поздними этапами волосовской культуры, с периодом активного проникновения в среду ее носителей инокультурного фатьяновского населения [Крайнов, 1987, с. 23].

На периферии Урало-Казахстанского региона в некоторых погребальных памятниках отмечены нетипичные для лесной зоны Евразии захоронения умерших в скорченном положении на спине и на боку (Давлеканово, Дружный I, Старо-Нагаевский (могила 17), Верхняя Алабуга (погребения 5, 83, 55, 90), Усть-Нарым). Такая поза захороненных типична для ряда энеолитических культур степной зоны Евразии - хвалынского-среднестоговской и особенно ямно-афанасьевской. Можно предположить, что появление в Урало-Казахстанском регионе, прежде всего в периферийной зоне, аналогичных захоронений есть результат контактов лесного населения со степным миром. В лесной зоне Урала только одно захоронение - погребение 2 в гроте на камне Дождевом - произведено в скорченном положении на боку [Сериков, 1993, с. 130 - 131].

Отметим еще одну нехарактерную черту погребальной обрядности некоторых уральских могильников, проникающую, возможно, из степного мира. Речь идет об обычае ставить сосуды не в могилу, а около нее или на территории могильников, может быть, на специальные жертвенные площадки или места для принятия ритуальной пищи, что зафиксировано на Старо-Нагаевском могильнике, могильниках Верхняя Алабуга, Убаган I. Особенно четко эта черта погребальной обрядности проявляется в эпоху энеолита в комплексах лесостепного и степного Поволжья, входящих в круг культур мариупольской и хвалынского-среднестоговской культурных областей [Васильев, 1981]. Возможно, проникновение ее в среду уральского населения также связано с взаимодействием лесных и степных групп населения Поволжско-Уральского региона.

Следует обратить внимание еще на один нехарактерный для Уральского региона признак - наличие ярусных захоронений, зафиксированных в ряде случаев на могильниках Верхняя Алабуга, Перейма II и на Большом Андреевском озере. Появление ярусных захоронений на первом из них также можно связывать с влиянием или прямым проникновением степных групп населения. Этому не противоречит погребальный инвентарь могильника [Потемкина, 1985, с. 150 - 157]. Наличие же ярусных захоронений в могильниках Андреевского озера (Перейма II, погребение 5; Большое Андреевское озеро, погребение 6) пря-

мыми связями с населением степных регионов объяснить сложно, поскольку ни в погребальном инвентаре, ни в способах захоронения инокультурных включений не зафиксировано. Ярусные захоронения встречаются в таежной и лесостепной зонах Среднего Прииртышья. У нижнего погребения обычно большие размеры могилы, оно обильно засыпано охрой и расположено в центре могильника. Нередко захоронение сопровождалось разломанной булавой и фигурками лося из камня, что, возможно, подчеркивало особый социальный статус умершего [Петров, 1986, с. 13 - 14].

Особо следует остановиться на погребальных обычаях, зафиксированных на поселении Ботай [Зайберт, 1993, с. 32, 37 - 38, 141, 216]. Из двух захоронений одно одиночное - это череп с несколькими позвонками (см. рис. 2, 1). Исследователи усматривают следы декапитации с последующим захоронением только головы умершего и связывают это с отправлением каких-то культов, что подтверждается фиксацией на черепе слоя красной отмученной глины - остатков погребальной маски [Рыкушина, Зайберт, 1984, с. 123 - 125]. Второе захоронение коллективное (см. рис. 2, 2). В заброшенном жилище была специально сооружена погребальная камера из черепов и костей лошади, возможно, жердей и шкур животных. Захоронения двух мужчин, женщины и ребенка произведены, вероятно, последовательно, поскольку только самый крайний скелет мужчины 25 - 30 лет лежал в анатомическом порядке, а остальные были потревожены. Наиболее потревоженными оказались кости скелетов ребенка 10 - 11 лет и женщины 45 - 50 лет, лежащие у противоположной стенки могилы [Там же, с. 121 - 123]. Принцип последовательности захоронений в погребальное сооружение для лесной зоны Урала не характерен, но он типичен для энеолитических культур южного пояса [Антонова, 1990, с. 37 - 116]. Особенно ярко это проявляется, в частности, в Геоксюрском некрополе. Здесь в толосах из сырцового кирпича с ложносводчатым перекрытием, сооружаемых на окраинах поселков на заброшенных участках, где раньше функционировали жилища, последовательно подзахоранивались умершие. При этом предыдущее захоронение сдвигалось, поэтому кости многочисленных скелетов перемешаны. Такие погребения, как ботайское, сопровождалось обычно малым числом личных вещей умершего [Сарианиди, 1965].

Анализируя нетипичные элементы погребальной обрядности энеолитических захоронений Урала и Казахстана, отметим, что их происхождение в разной степени связано с импульсами, исходящими преимущественно из двух регионов. Первый - лесостепи и степи Поволжья, население которых в эпоху энеолита

представляло восточную часть огромных последовательно сменявших друг друга мариупольской, хвалынской-среднеостоговской и древнеямной общностей. Вторым регионом была Средняя Азия, энеолитические культуры которой составляли северную периферию земледельческих культур Востока, их влияние выражено в меньшей степени и преимущественно в ботайской культуре.

Отмечая влияние традиций в первую очередь энеолитического поволжского населения, следует констатировать те черты погребальной практики, которые свойственны энеолитическому населению Уральского и Западно-Сибирского регионов, а если рассматривать шире, то и всей северосибирской зоны. Особенно заметно сходство погребальной обрядности в комплексах лесной зоны Поволжья и Урала. Для них характерны: 1) сочетание традиций устройства коллективных грунтовых могильников и одиночных захоронений в неглубоких ямах при явной доминанте последних; 2) периодическое использование камня в виде каменных завалов могил, каменных ящиков и колец-оград вокруг могил, отдельных камней над могилами как реперных надмогильных знаков; 3) локализация захоронений на территории поселений, в жилищах, возможно, заброшенных ко времени погребения; 4) абсолютное господство захоронений в вытянутом положении на спине; 5) использование охры в погребальном ритуале; 6) большая роль в погребальном обряде огня, в частности полное или неполное сожжение трупов; 7) сопровождение покойника обычно личными украшениями, реже наконечниками стрел или кремневыми орудиями; 8) отсутствие в погребальном инвентаре сосудов; 9) неординарные захоронения без головы или, наоборот, только одних голов, отдельные захоронения в необычных позах (вертикально, "сидя на корточках", на животе с вытянутыми ногами и т. д.).

Сходство существенных элементов погребальной обрядности населения лесных районов Урала и Поволжья, а также Северо-Запада России и Прибалтики в энеолите не случайно. Погребальная обрядность данных регионов наряду с другими категориями материальной культуры дает возможность на гипотетическом уровне выделить в этой лесной части Восточной Европы зону культур гребенчатой керамики, включавшую две крупные этнически родственные области - культур гребенчатого геометризма и волосовско-гаринскую. Влияние традиций последней, особенно волосовской части, распространилось по лесной зоне, а также далеко к западу от Волго-Окского междуречья в среду родственных культур, что уже неоднократно отмечалось исследователями [Бадер, 1972, с. 26; Крайнов, 1987; Третьяков, 1990; Халиков, 1982].

Прослеживается сходство основных черт погребальной обрядности носителей лесных культур зоны гребенчатой керамики Поволжско-Уральского региона и энеолитических культур таежной и лесостепной части Западной Сибири. Отметим, что погребальная обрядность населения западносибирских таежного и лесостепного районов неоднородна. Среди немногочисленных для такой огромной территории захоронений намечаются как хронологические, так и культурные отличия в рамках эпох неолита и энеолита. Энеолитические погребальные комплексы Томско-Нарымского Приобья (Самусьский на Мусульманском кладбище и Томский могильники) отличаются от неолитических и энеолитических комплексов лесостепного Приобья (могильники Прорва, Сопка-2 и др.), а последние, в свою очередь, от погребальных комплексов Кузнецко-Алтайского региона, но эти различия не так принципиальны. В целом, погребальные комплексы лесной и лесостепной части Западной Сибири можно рассматривать в рамках единой европейско-сибирской зоны (зона А) погребальной обрядности [Телегин, 1991, с. 33 - 37].

Сходство в целом поволжско-уральского и западносибирского погребальных обрядов проявляется в немногочисленности погребальных комплексов в обоих регионах, господстве грунтового способа захоронения в неглубоких могильных ямах или на уровне древнего горизонта, преобладании захоронений в вытянутом положении на спине, использовании охры и проявлении культа огня, сопровождении покойников прежде всего украшениями (бусы, подвески и т. д.), предметами вооружения (наконечники стрел), орудиями труда (скребки, ножи и т. д.). Это позволяет констатировать урало-поволжские параллели в западносибирском погребальном обряде, которые могли определяться как общими генетическими компонентами, так и постоянными устойчивыми контактами населения этих территорий в эпоху энеолита [Молодин, 1977, с. 29; Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989, с. 32]. В то же время погребальный обряд населения таежной и лесостепной части Западной Сибири имеет и определенные отличия. Четче проявляется тенденция сооружения компактных, правда небольших по численности, могильников обычно вне пределов поселений [Петров, 1986, с. 13; Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989, с. 29], сочетания, нередко в рамках одного погребального комплекса, различных способов захоронений - ингумации и кремации [Зах, Зотова, Панфилов, 1991, с. 40; Петров, 1986, с. 13]. Наблюдается высокий удельный вес вторичных захоронений, в инвентаре некоторых погребений есть посуда, чаще в обломках, реже целая [Петров, 1986, с. 13]. Данные признаки не только определяют отличия западносибирского погребального обряда от лесного поволжско-уральского, но и свидетельствуют, вероятно, о

разных генетических компонентах и характере связей. Особенно четко это проявляется в погребальном обряде восточных районов Западно-Сибирской равнины, в памятниках кузнецко-алтайской культуры, где в погребальном инвентаре нет керамики и много вещей (мелкая пластика, подвески из зубов диких животных, костяные наконечники стрел, остроги и т. д.), вызывающих прибайкальские ассоциации [Бобров, 1990; Молодин, 1977, с. 29; Окладников, Молодин, 1978, с. 19 - 21]. Однако даже в материалах погребений этой культуры, несмотря на некоторые прибайкальские параллели, четко прослеживаются и черты поволжско-уральского погребального обряда, на что уже обращалось внимание [Молодин, 1977, с. 29]. Видимо, комплексам, в том числе погребальным, кузнецко-алтайской культуры близки усть-нарымские памятники Восточного Казахстана, в материалах которых также прослеживаются прибайкальские влияния [Черников, 1970, с. 10, 11, 13].

Погребальные комплексы зоны культур гребенчатой керамики имеют также параллели в памятниках самарской и хвалынской культур лесостепного и степного Поволжья.

Различия проявляются в наличии в комплексах самарской и хвалынской культур компактных могильников, ярусных и коллективных захоронений, тенденции перехода к погребению в положении на спине или боку с подогнутыми руками и ногами (особенно у носителей хвалынской культуры), появлении в сопровождающем инвентаре погребальных сосудов, которые ставились около могилы (особенно в самарской культуре) либо в могилу (хвалынская культура), сопровождении покойников разнообразным каменным, костяным инвентарем, украшениями из раковин, редко медными предметами, многие из которых находят аналогии на западе и юго-западе. Но в то же время в погребальной обрядности носителей самарской и в меньшей степени хвалынской энеолитических культур, как и днепро-донецкой, четко прослеживается присутствие многих черт, характерных для погребальных комплексов лесной зоны Поволжья и Урала. Среди них преобладание погребений в неглубоких могильных ямах, захоронение в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток, особенно в могильниках самарской культуры, подсыпка погребений охрой и проявления в некоторых могилах огненного ритуала, закладка ряда могил камнем, преднамеренная порча некоторых погребальных вещей, помещение сосудов не в саму могилу, а около нее или на специальные жертвенные площадки на территории могильников (самарская культура) [Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990; Васильев, Матвеева, 1979]. Видимо, вовлечение лесостепного и степного поволжского населения с эпохи раннего энеолита в круг новых культурных связей с западными и юго-западными

племенами мариупольской, а затем хвалынско-среднестоговской общностей, хозяйство которых было уже ориентировано на скотоводство, не привело к полному забвению энеолитическим поволжским населением погребальных традиций предшествующего времени. Проявление их, наряду с новыми погребальными канонами, фиксируется даже у поволжского населения эпохи бронзы, в частности у ямников и палевников. Сходные процессы фиксируются и в погребальном обряде днепро-донецкой и среднестоговской культур, генетические корни которых, по мнению Д.Я. Телегина, восходят к мезолитическому и, видимо, позднелитическому населению лесной полосы Восточной Европы и Прибалтики [Телегин, 1991, с. 40, 41].

В плане поиска возможных истоков некоторых черт уральского погребального обряда эпох неолита и энеолита чрезвычайно интересно открытие многочисленных пока могильников в Восточном Прикаспии и Приаралье - Кайлю [Окладников, 1953, с. 31 - 32] и Тумек-Кичиджик [Виноградов, 1981, с. 107 - 116; 1986, с. 3 - 98]. В этих районах в неолите и энеолите была широко распространена кельтеминарская культура, влияние которой на широких пространствах Евразии, в частности на Урале и в Сибири, неоднократно было предметом дискуссий [Формозов, 1977, с. 113 - 129].

Исследователи могильников Кайлю и Тумек-Кичиджик находят сходные черты погребального обряда (захоронение в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток, окраска костяков охрой, отсутствие в могилах керамики и ее расположение рядом с погребениями на жертвенных площадках, использование в отдельных случаях в погребальном обряде камня и особенно наличие некоторых категорий погребального инвентаря: плоских и цилиндрических бусин из раковин, подвесок из клыков кабана и др.) в погребениях мариупольской общности, например в Съезжинском могильнике самарской культуры лесостепного Поволжья [Виноградов, 1981, с. 116]. Некоторые категории погребального инвентаря уральских захоронений, в частности плоские круглые бусины из раковин ископаемых морских моллюсков *Dentalium*, кремневые пластины из погребений в Усть-Катавской II пещере [Бибилов, 1950, с. 113 - 119] и гроте у Каменного Кольца [Бадер, 1973], идентичны таковым в материалах могильников Кайлю и Тумек-Кичиджик. Заметим также, что могильник Кайлю также расположен около грота.

Таким образом, анализ погребальной обрядности населения, проживавшего в эпоху неолита и энеолита на территориях Среднеазиатского междуречья, лесостепного Поволжья (самарская культура) и лесного Зауралья, обнаруживает близкие черты в

традициях обитателей данных территорий. Это позволяет предполагать если не какую-то общую генетическую подоснову, что вполне вероятно, то, во всяком случае, активные контакты между ними в период каменного века и эпоху энеолита. В то же время становится очевидной необходимость разработки гипотезы о взаимодействии не только приаральского и уральского, приаральского и лесостепного поволжского, но и лесостепного поволжского (самарского, а если шире, мариупольской общности) и уральского населения.

Современный уровень наших знаний о погребальной обрядности населения Урала позволяет относить ранние уральские погребения только к эпохе неолита, а большую их часть даже к энеолиту. Но столь позднее для каменного века появление здесь погребальных комплексов в литосфере, преимущественно одиночных захоронений, имеет одну существенную особенность. Погребения Уральского региона эпох неолита и энеолита, особенно горно-лесной части, сохраняют не отдельные проявления, а комплекс архаичных черт, уходящих в погребальную обрядность более ранних эпох. Подчеркнем, что консервация архаичных черт погребальной обрядности в горно-лесной части Урала поразительна. Даже в последующие археологические эпохи, от развитого бронзового века и до русской колонизации края включительно, погребальные комплексы в литосфере в этой части Урала скорее исключение, чем правило. Они единичны для эпох ранней и начала развитой бронзы (предкоптяковские и коптяковские комплексы), поздней бронзы (межовский комплекс), раннего железного века (иткульская культура). Не найдено ни одного захоронения гаманской культуры эпохи поздней бронзы и раннего железного века. Немногочисленны в горно-лесном Зауралье и могильники I - первой половины II тыс. н. э. Лучше представлены погребальные комплексы только тех культур горно-лесного Зауралья эпохи бронзы и средневековья, носители которых в той или иной степени контактировали с более южными лесостепными соседями: черкасульцы с индоиранцами андроновской общности, гороховцы с индоиранцами скифо-сарматского круга культур [Шорин, 1991, с. 77 - 79]. Погребальные памятники средневековых культур горно-лесного Урала фиксируются прежде всего у того населения, в материальной культуре которого проявляются следы влияния населения лесостепного и степного регионов - тюркоязычных кочевников [Могильников, 1988; Петрин, Нохрина, Шорин, 1993, с. 196], угроязычных носителей культуры со шнуровой орнаментацией посуды [Викторова, 1973; Викторова, Кернер, 1988; Могильников, 1988]. Эти наблюдения наводят на мысль, что особенности погребального обряда населения горно-лесной части Урала в этническом аспекте традиционно связываются исследователями с

этапами развития угорской языковой группы и, во-первых, имеют глубокую традицию, во-вторых, отражают существенные стороны этнокультурной специфики уральских групп населения. Они были достаточно консервативны и традиционны на протяжении значительного отрезка времени даже в условиях инокультурных влияний. Сходство погребальной обрядности нео-энеолитического населения Урала, лесного и лесостепного Поволжья и Западной Сибири, а также степных районов Восточного Прикаспия и Приаралья заставляет предполагать если не общую подоснову в виде родственных групп населения, проживавших в этих регионах в неолитическую, а быть может, и более ранние эпохи, то активные контакты. В этой связи актуальной по-прежнему остается гипотеза о влиянии приаральского и закаспийского населения на носителей культур Поволжско-Урало-Сибирского региона [Формозов, 1977, с. 113 - 130]. Однако, несмотря на определенное влияние закаспийских и приаральских мезолитических и неолитических культур на население лесной зоны, особенно Южного Урала, Зауралья и, может быть, Сибири, нет оснований возводить все уральские и сибирские культуры неолита к неолитическим культурам Приаралья. В них явно прослеживаются и местные линии развития [Там же, с. 125, 129]. Это логично приводит к мысли, что сходство погребального обряда нео-энеолитического населения восточной части Восточной Европы и западной части Азии объясняется не только внешними импульсами, исходившими из Закаспийского и Приаральского регионов, но и близостью погребальных традиций местного населения, уходящих корнями в мезолитическую, а может быть, еще более ранние эпохи.

Список литературы

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. - 160 с.
- Антонова Е.Б. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. - М.: Наука, 1990. - 286 с.
- Бадер О.Н. Уральский неолит // МИА. - 1970. - № 166. - С. 157 - 171.
- Бадер О.Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. - М.: Наука, 1972. - С. 10 - 31.
- Бадер О.Н. Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца на Урале и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. - М.: Наука, 1973. - С. 104 - 109.
- Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. - 1951. - № 21. - С. 182 - 243.
- Берс Е.М. Позднеэнеолитическое погребение на р. Аят в Среднем Зауралье // СА. - 1976. - № 4. - С. 190 - 200.
- Беспрозванный Е.М., Старостина Е.Е. Погребение в Нижнем Прииртыше // Проблемы урало-сибирской

археологии. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. - С. 33 - 38.

Бибиков С.Н. Неолитические и энеолитические остатки культур в пещерах Южного Урала // СА. - 1950. - № 13. - С. 95 - 138.

Бобров В.В. Материалы разрушенных неолитических погребений кузнецко-алтайской культуры // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. - С. 19 - 33.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). - Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1981. - 128 с.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Моргунова Н.Л. [Рецензия] // СА. - 1985. - № 2. - С. 280 - 290. Рец. на кн.: Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. - М.: Наука, 1982. - 327 с.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. - 1979. - № 4. - С. 147 - 166.

Викторова В.Д. Сосновый остров - стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. - 1968. - № 4. - С. 161 - 173.

Викторова В.Д. Ликинский могильник X - XIII вв. // Вопр. археологии Урала. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1973. - Вып. 12. - С. 137 - 173.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. - С. 129 - 141.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. - М.: Наука, 1981. - 172 с. - (Тр. Хорезм. археолого-этнограф. экспедиции; Т. 13).

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовьев Амударьи: Археолого-антропологическое исследование. - М.: Наука, 1986. - 200 с. - (Тр. Хорезм. археолого-этнограф. экспедиции; Т. 15).

Габяшев Р.С., Беговатов Е.А. Тенишевский ("Сорокин бугор") энеолитический могильник: (Предварительная публикация) // Археология и этнография Марийского края. - Йошкар-Ола: Изд-во Мар. НИИЯЛИ, 1984. - Вып. 8: Новые памятники археологии Волго-Камья. - С. 63 - 83.

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. - 432 с. - (МИА; № 47).

Гусенцова Т.М., Сеникова Л.А. Многослойное поселение Лобань I // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. - Ижевск: Изд-во НИИ при СМ Удм. АССР, 1980. - С. 118 - 134.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. - Петропавловск: Наука, 1993. - 246 с.

Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. - Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1991. - С. 13 - 42.

Збруева А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии. - М.: Наука, 1970. - С. 40 - 127.

Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. - М.: Наука, 1987. - С. 10 - 27. - (Археология СССР).

Матюшин Г.Н. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале // СА. - 1970. - № 4. - С. 160 - 168.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. - М.: Наука, 1982. - 328 с.

Могильников В.А. Некоторые аспекты взаимосвязей населения Приуралья и Западной Сибири в эпоху железа // Проблемы древних угров на Южном Урале. - Уфа: Изд-во Баш. НЦ УрО АН СССР, 1988. - С. 5 - 9.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. - Новосибирск: Наука, 1977. - 174 с.

Морозов Ю.А. Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. - Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1984. - С. 43 - 58.

Окладников А.П. Изучение памятников каменного века в Туркмении (по данным работ IX отряда Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции 1952 г.) // Изв. АН Туркм. ССР. - Ашхабад, 1953. - № 2. - С. 28 - 32.

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангара (от Шукино до Бурети). - Новосибирск: Наука, 1974. - 320 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники средней Ангара (от устья р. Белой до устья Усть-Уды). - Новосибирск: Наука, 1975. - 320 с.

Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1978. - С. 11 - 21.

Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). - Новосибирск: ВО "Наука", 1993. - 211 с.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Кемерово: Кемеров. ун-т, 1986. - 19 с.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. - Новосибирск: Наука, 1989. - 102 с.

Потемкина Т.М. Черты энеолита лесостепного Притобья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. - Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1982. - С. 159 - 172.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобья. - М.: Наука, 1985. - 376 с.

Потемкина Т.М., Ковалева В.Т. О некоторых актуальных проблемах неолита - ранней бронзы лесостепной и лесной зоны Урала: По материалам V полевого симпозиума (Тюмень, 1991) // РА. - 1993. - № 1. - С. 250 - 260.

Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Б. м.: Изд-во Башкир. ун-та, 1984. - С. 121 - 136.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнография Башкирии. - Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1962. - Т. 1. - С. 16 - 58.

Сарианиди В.И. Геоксюрский некрополь (раскопки 1963 г.) // Новое в советской археологии. - М.: Наука, 1965. - С. 102 - 105.

Сериков Ю.Б. Исследование грота на камне Дождевом (р. Чусовая) // Вопросы археологии Урала. - Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1993. - С. 120 - 143.

Сериков Ю.Б., Серикова Л.В. Разведки в Среднем Зауралье // Археологические открытия Урала и Поволжья. - Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО АН СССР, 1989. - С. 158 - 160.

Старков В.Ф. Стоянка Шапукуль I и особенности энеолита в лесостепном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. - Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1976. - С. 38 - 48.

Стоколов В.С. Старо-Нагаевский могильник // Эпоха меди юга Восточной Европы. - Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1984. - С. 22 - 42.

Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. - Киев: Наук. думка, 1991. - 96 с.

Третьяков В.П. Волосовские племена в европейской части СССР в III - II тыс. до н. э. - Л.: Изд-во ЛО ИА АН СССР, 1990. - 212 с.

Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. - Л.: Наука, 1990. - 200 с.

Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. - М.: Наука, 1977. - 144 с.

Халиков А.Х. Энеолитическая эпоха в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. - Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1982. - С. 24 - 28.

Чемакин Ю.П. Новый могильник в Сургутском Приобье // СА. - 1980. - № 3. - С. 276 - 280.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы (результаты археологических исследований): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - М.: ИА АН СССР, 1970. - 60 с.

Широков В.Н. Писаницы р. Ай // Кокшаров С.Ф., Широков В.Н. Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. - Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1990. - С. 29 - 77. - (Препр.).

Шорин А.Ф. Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. - Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1982. - С. 183 - 188.

Шорин А.Ф. Доандроновское погребение могильника Березки Уг в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. - Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. - С. 68 - 79.

Материал поступил в редколлегию 1.04.99 г.

УДК 903.5

А. Наглер

Германский археологический институт, Берлин, Германия
*Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung,
 Podbielskallee, 69 - 71, Berlin, D-14195, die BRD
 E-mail: eurasien@dainst.de*

О ЖЕРНОВАХ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ

Орудия для размалывания зерна (зернотерки и жернова) встречаются в погребениях кочевников. Традиция оставлять в могилах эти предметы у населения европейской части степного пояса фиксируется начиная с катакомбной эпохи [Попова, 1955, с. 154]. Катакомбники помещали зернотерки, порой довольно массивные, в жертвенные комплексы, сопровождающие погребения. Так, в кург. 7 курганной группы Комарово (Моздокский р-н, Северная Осетия) был найден относящийся к погребению катакомбной культуры комплекс, состоящий из нескольких крупных (длиной до 58,5 см, шириной до 36,5 см и толщиной до 8,5 см) зернотерок из серого гранита со следами длительного использования на рабочих поверхностях [Nagler, 1996, S. 29, 61, Taf. 95, 1]. Зернотерки обнаружены в погребениях носителей окуневской культуры [Леонтьев, 1969, с. 230; Лазаретов, 1997, с. 19 - 64]. Единичные такие находки зафиксированы в погребениях представителей срубной [Синицын, 1949, с. 195 - 224] и андроновской [Сальников, 1967, с. 133] культур. Однако в погребениях предскифского времени вещи данной категории не зарегистрированы.

В кочевнических погребениях эпохи раннего железа зернотерки встречаются довольно часто. Они были найдены в скифских курганах на Украине [Граков, 1962, с. 56 - 113], в памятниках сарматской культуры [Смирнов, 1975, с. 104, рис. 35, 7; Марченко, 1984, с. 40, 53], раннего железа на территории Алтая [Молодин, Бородавский, 1994, с. 72 - 79], Тывы*, Минусинской котловины [Кызласов, 1985, с. 65 - 71], Казахста-

на [Акишев, 1995, с. 12 - 13, рис. 9; Кадырбаев, 1959, с. 164 - 165, рис. 1, а]. Зернотерки этой эпохи значительно меньше по размерам, чем относящиеся к эпохе бронзы, что можно, видимо, объяснить подвижным образом жизни их владельцев. В памятниках, датированных рубежом эр, наряду с зернотерками в погребениях встречаются и каменные жернова [Габуев, 1985, с. 197 - 203; Молодин, 1992, с. 23 - 24].

Рассматриваемая здесь категория артефактов из европейской части степного пояса пока не изучена специально. Исследователи лишь констатируют наличие зернотерок или жерновов в погребениях и на этом основании делают единственный вывод - о существовании у степных кочевников-скотоводов земледелия. Находкам из азиатской части степи посвящены две работы, в которых нашли отражение два разных подхода к интерпретации этих артефактов. Автор первой статьи Л.Р. Кызласов публикует информацию о жернове, найденном С.В. Киселевым в 1956 г. при раскопках Большого Салбыкского кургана [1985]. Изображение самого жернова не публикуется, о нем можно судить лишь по фотографиям, сделанным во время раскопок. На основании этой находки Л.Р. Кызласов делает вывод о том, что у тагарских племен земледелие "начинает оттеснять скотоводство на второй план". Воспринимая буквально выражение К. Маркса о том, что появление ручной мельницы породило общество "с сюзереном во главе", Л.Р. Кызласов делает заключения о развитии у тагарских племен рабовладельческого уклада (!), о существовании "иригационного земледелия, требовавшего сооружения и поддержания сети оросительных каналов, плотин и дамб, а также регулирования забора и распределения воды". Столь далеко идущие выводы можно встретить и в его следующих публикациях.

* Благодарю К.В. Чугунова за информацию о зернотерках, найденных им в кург. 11, на северо-западной стенке могильной ямы и в каменной конструкции кург. 12 могильника Догээ-Баары.

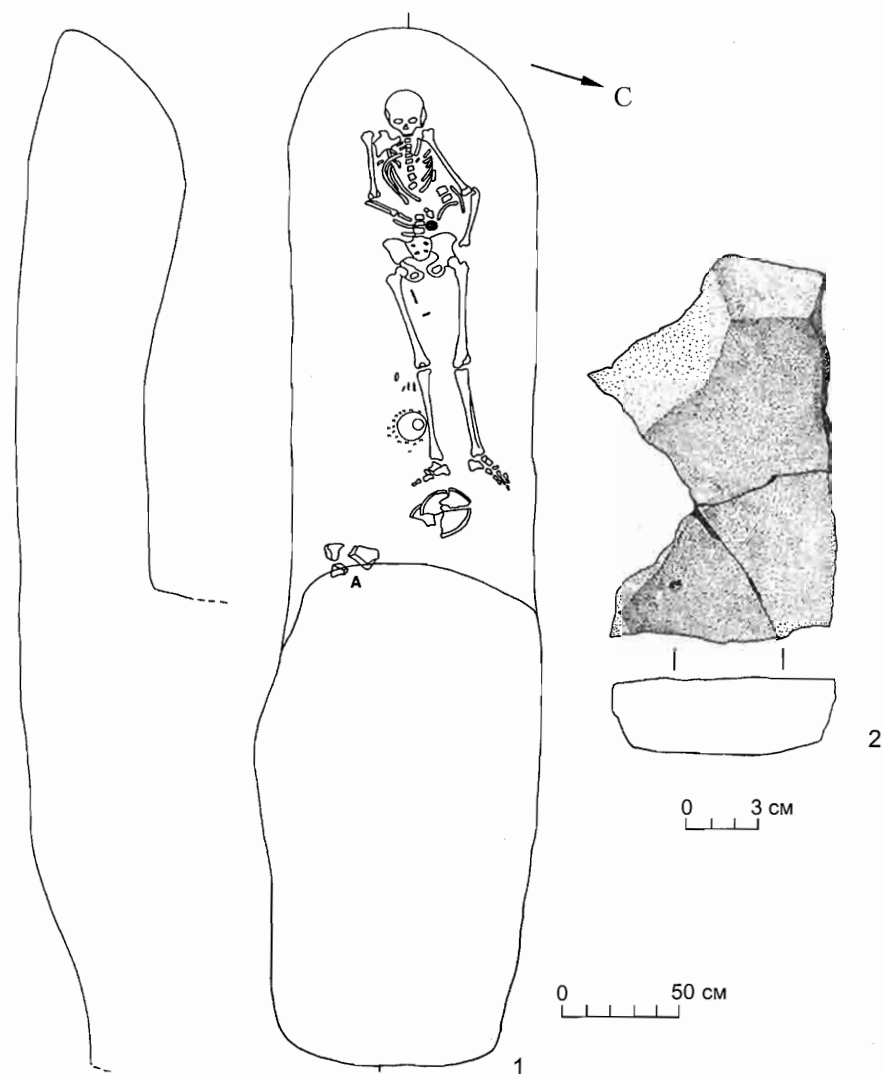

Рис. 1. План сарматского погребения (1) и обломки зернотерки у входа в катакомбу (2).
Киевское (кург. 2, погр. 10), Моздокский р-н, Северная Осетия.

На с. 14 изданных в 1992 г. "Очерках по истории Сибири и Центральной Азии" мы находим утверждение об "оседлой земледельческой тагарской культуре VII - III вв. до н. э.", на с. 16 - пассаж об искусственном орошении, которое привело тагарцев к "организации крупных строительных и земляных работ, к регламентации водораспределения и формирования административного аппарата". Подобное говорится и на с. 34 - 35 "Истории Хакасии..." [1993], хотя на с. 32 приводятся данные письменных источников о том, что тагарцы - пастухи и перемещаются вслед за своими стадами. Все это не совсем соответствует той картине, которая воссоздается по материалам из Минусинской котловины. Об уровне развития земледелия у скотоводческих племен, населявших Центральную Азию в раннем железном веке и раннем средневековье, судить трудно. Конечно, оно существовало (об

этом свидетельствуют орудия для размалывания зерна), но, безусловно, не в той форме, о которой говорит Л.Р. Кызласов. Этнографические материалы указывают, например, на то, что у казахов в XV - XVI вв. было поливное земледелие, им занимались разорившиеся скотоводы [Казахи..., 1995, с. 33 - 43]. В Тыве земледелие существовало уже в доскифское время. Здесь также известны оросительные сооружения. По данным, собранным С.И. Вайнштейном, в конце XIX - начале XX в. на территории Тывы насчитывалось более 200 каналов, питавшихся водой из горных рек. Как отмечает С.И. Вайнштейн, у тувинцев, киргизов, алтайцев и монголов в системе ирригации было много общего [1972, с. 155 - 180]. Зерно тувинцы размалывали на ручных мельницах, но оседло-земледельческого государства "с сюзереном во главе", с административным аппаратом,

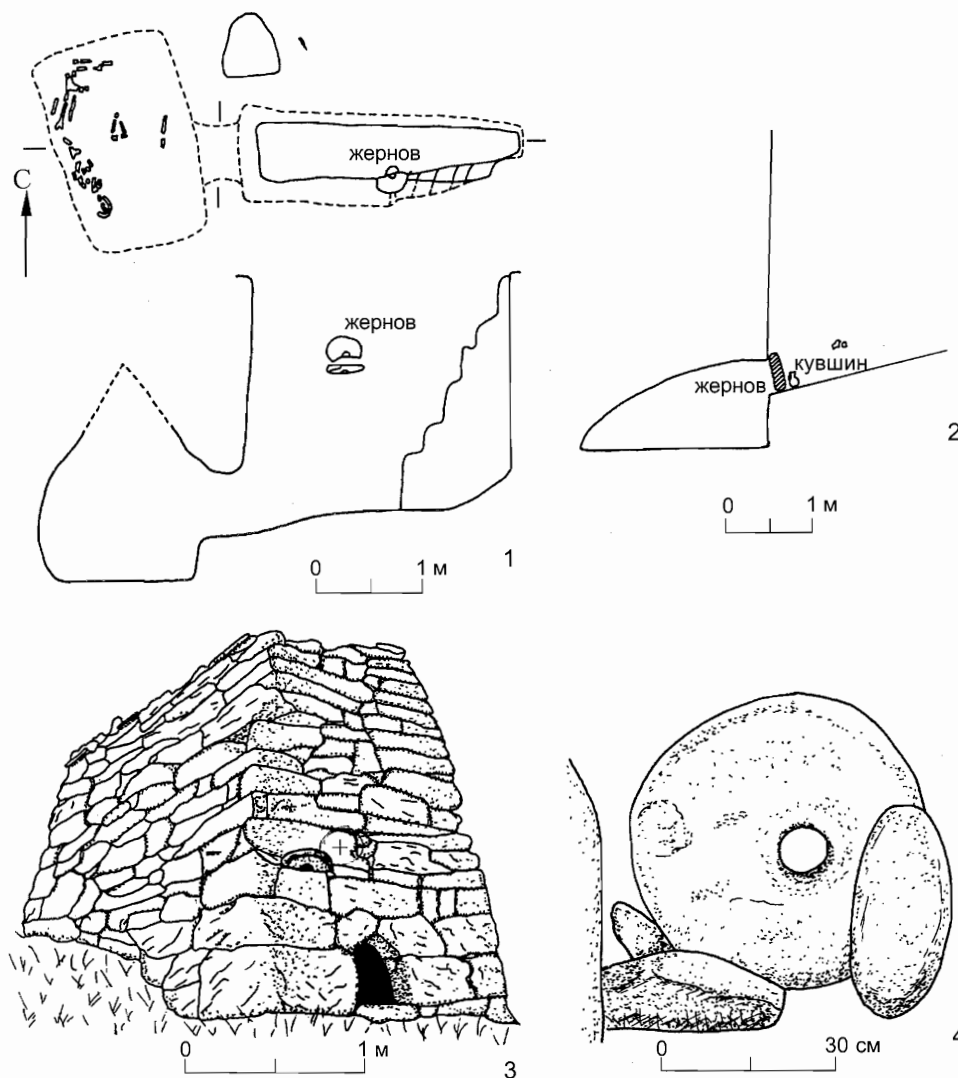

Рис. 2. Планы аланских катакомб с жерновом во входной яме (1, 2), склеп с жерновом (3), жернов (4).
1 - Виноградное (погр. 3), Моздокский р-н, Северная Осетия; 2, 4 - Змейская, Северная Осетия.

регулирующим водоснабжение, у них, как и у алтайцев, не было.

Вторая статья, посвященная находкам рассматриваемой категории, опубликована В.И. Молодиным и А.П. Бородовским в № 4 журнала "Altaica" за 1994 г. Позиция авторов видна уже из ее названия - "Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири". По их мнению, обычай оставлять зернотерки и жернова в погребениях возник у кочевников-скотоводов Сибири в эпоху бронзы. Он является отражением сложных идеологических представлений, в которых этим предметам отводилась видная роль. Очень важным является наблюдение, что жернова - элемент конструкции ограды погребального сооружения (это было зафиксировано еще С.В. Киселевым). Пережитки обычая оставлять жернова в могилах у отдельных народов Сибири авторы просле-

живают вплоть до этнографического времени. К сожалению, они ограничились лишь сибирскими материалами. Привлечение источников из европейской части степного пояса, возможно, поможет дать этому обычаю более полное объяснение.

В сарматских погребениях Моздокской степи мною найдены три зернотерки, закрывавшие входы в катакомбы [Nagler, 1996] (рис. 1). Традиция закрывать вход в катакомбы каменными плитами, камнями или различными деревянными перегородками была широко распространена в сарматском мире. Но использование при этом зернотерок зафиксировано пока только в Центральном Предкавказье. Здесь мы имеем дело со сформировавшимся элементом погребальной обрядности, основные черты которой позволяют связать моздокских сармат с сираками - потомками савромат, появившихся в Моздокской степи в V в. до н. э.

Рис. 3. Осетинский склеп с имитацией жернова у входа. Северная Осетия.

[Виноградов, 1963; 1965, с. 64 - 67]. Долина Терека, заросшая лесом и богатая кормами для скота, была для них местом зимнего обитания. Это соответствует сообщениям древних авторов о перекочевках кочевников на зиму в долины крупных рек и на побережье морей [Шилов, 1975, с. 89; Степи..., 1981, с. 11]. Страбон, называвший степи Предкавказья сиракскими равнинами (XI, 5, 1), писал о том, что одна часть сираков кочует, а другая занимается земледелием и живет в шатрах. Обычай помещать зернотерку у входа в катакомбу продолжает существовать на этой территории и в более позднее время. В 1982 г. Т.А. Габуевым вблизи с. Виноградного было раскопано пять аланских подкурганых катакомбных погребений IV в. н. э. [Габуев, 1985]. Входы в их камеры в четырех случаях были закрыты каменными плитами или деревянными плахами. Во входной яме катакомбы 3 найден обломок каменного жернова (рис. 2, 1). Часто встречаются жернова в аланских средневековых могильниках. Так, при раскопках аланского катакомбного могильника у станицы Змейской жернова были найдены в пяти из 28 катакомб [Кузнецов, 1961, с. 62 - 135] (рис. 2, 2, 4). И здесь жернова закрывали входы в катакомбы, а во входных ямах часто находились целые кувшины или их фрагменты. Наконец, в осетинских средневековых склепах жернов также использовался в качестве надмогильной конструкции. В отдельных случаях это настоящий жернов, но чаще всего - его имитация в виде округлой шиферной плитки с отверстием (рис. 2, 3; 3). Таким образом, обычай использования зернотерки или

жернова в погребальном обряде бытовал на протяжении многих столетий на Центральном Кавказе у сарматов, а затем у алан и их потомков осетин, что, по-моему, является еще одним доказательством этой линии их этногенеза, хорошо разработанной археологами, историками и лингвистами [Происхождение..., 1967]. Интересно, что жернова или их имитации отсутствуют в памятниках ближайших соседей осетин - балкарцев и ингушей, нет их и на склепах населения западной части Осетии - Дигории. Их можно встретить только в центральной и восточной частях Осетии, там, где расселяются осетины с самоназванием "ир" и где находятся главные перевалы Центрального Кавказа. Известно, что сираки стремились установить контроль над этими важнейшими путями, и, судя по всему, контролировали их уже в III в. до н. э. [Мровели Леонти, 1970, с. 30].

Объяснение обычая сопровождать умершего жерновом дает нам осетинский язык. Если осетин хотел пожелать кому-либо зла, то для этого существовали выражения: "пусть у твоей могилы завалит твой жернов" или "пусть почаше отваливается жернов у твоего фамильного склепа" [Кусаева, 1961, с. 53]. Этнографам известен также обычай осетин класть на могилу последнего представителя мужского пола семьи или рода мельничный жернов [Калоев, 1971, с. 228]. Привлечение для интерпретации материалов этнографии в данном случае представляется совершенно правомерным, т. к. сегодня осетины - это единственный народ, который сохранил язык, эпос и некоторые

обычаи (например, оставлять в могиле жернов) ираноязычных кочевников-скотоводов, населявших евразийские степи в раннем железном веке.

Итак, один элемент погребальной обрядности в европейской и азиатской частях степного пояса обнаруживает полное сходство. Общим является то, что он возникает в эпоху бронзы (у катакомбников и у окуневцев) и продолжает существовать в некоторых местах до средневековья. Наличие зернотерок и жерновов в погребениях ни в коем случае нельзя рассматривать как доказательство развитого земледелия у населения степей хотя бы потому, что у традиционно земледельческих народов подобный обряд не встречается. Очевидно, исследование В.И. Молодина и А.П. Бородовского и данная работа, которую я рассматриваю как дополнение к нему, являются сюжетом важной и многообещающей темы, требующей развернутого исследования.

Список литературы

- Акишев К.А.** Отчет о работе Илийской археологической экспедиции // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. - Т. 1. - С. 15 - 33.
- Вайнштейн С.И.** Историческая этнография тувинцев. - М.: Наука, 1972. - 314 с.
- Виноградов В.Б.** Сарматы Северо-Восточного Кавказа. - Грозный, 1963. - 222 с.
- Виноградов В.Б.** Сирийский союз племен на Северном Кавказе // СА. - 1965. - № 1. - С. 108 - 121.
- Габуев Т.А.** Аланские погребения IV века н. э. в Северной Осетии // СА. - 1985. - № 2. - С. 197 - 203.
- Граков Б.Н.** Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. - 1962. - № 115. - С. 56 - 113.
- История Хакасии с древнейших времен до 1917 года** / Под ред. Л.Р. Кызласова. - М.: Наука, 1993. - 524 с.
- Кадырбаев М.К.** Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959. - Т. 7. - С. 162 - 203.
- Казахи.** Историко-этнографическое исследование. - Алматы, 1995.
- Калоев Б.А.** Осетины: Историко-этнографическое исследование. - М.: Наука, 1971. - 357 с.
- Кузнецов В.А.** Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. - Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1961. - С. 62 - 135.
- Кусаева С.С.** Аланский катакомбный могильник XI - XII вв. у станицы Змейской (по раскопкам 1953 г.) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. - Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1961. - С. 53.
- Кызласов Л.Р.** Тагарская ручная мельница и ее значение // СА. - 1985. - № 3. - С. 65 - 71.
- Кызласов Л.Р.** Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. - Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1992. - 224 с.
- Лазаретов И.П.** Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. - СПб.: Ин-т мат. культуры, 1997. - С. 19 - 64.
- Леонтьев Н.В.** Раскопки на Уйбате // АО 1968 года. - М.: Наука, 1969. - С. 229 - 230.
- Марченко И.И.** Впускные сарматские погребения правобережья Кубани (Калининская курганная группа) // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. - Краснодар: Кубан. ун-т, 1984. - С. 40, 53.
- Молодин В.И.** Исследования в долине Бертек на плоскогорье Укок // Altaica. - 1992. - № 1. - С. 23 - 24.
- Молодин В.И., Бородовский А.П.** Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. - 1994. - № 4. - С. 72 - 79.
- Мровели Леонтий.** Жизнь картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. - М.: Наука, 1979. - 103 с.
- Наглер А.О., Гряднев В.В.** Новые материалы эпохи раннего железа из Моздокского района СО АССР // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. - Орджоникидзе: Сев.-Осет. ун-т, 1986. - С. 64 - 67.
- Попова Т.Б.** Племена катакомбной культуры. - М.: Госкультпросветиздат, 1955. - 180 с.
- Происхождение осетинского народа: Материалы науч. сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин.** - Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967. - 336 с.
- Сальников К.В.** Очерки древней истории Южного Урала. - М.: Наука, 1967. - 408 с.
- Синицын И.В.** Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья // СА. - 1949. - № 11. - С. 195 - 224.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы на Илеке. - М.: Наука, 1975. - 176 с.
- Степи Евразии в эпоху средневековья.** - М.: Наука, 1981. - 302 с. - (Археология СССР).
- Шилов В.П.** Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. - Л.: Наука, 1975. - 208 с.
- Nagler A.** Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien // Archaeologie in Eurasien. - 1996. - Bd 3. - S. 29 - 61.

Материал поступил в редколлегию 23.03.99 г.

УДК 903.6

Чой Мон Лён

*Музей Сеульского национального университета,
Department of Archaeology and Art History, College of humanities,
Seoul National University, Kwanak-gu, Seoul, Korea*

ДОЛЬМЕНЫ КОРЕИ

Введение

Дольмены - древние каменные погребальные сооружения - являются важной частью мировой мегалитической культурной традиции. Она включает в себя дольмены, менгиры (вертикально установленные камни), каменные надмогильные кладки, круглые в плане каменные сооружения с одним или двумя выходами ("хенджи") и "каменные аллеи" (ряды вертикально установленных камней). В Европе некоторые типы дольменов обнаружены во Франции, на юге Швеции, в Португалии, Дании и Нидерландах. До недавнего времени считалось, что европейские дольмены были возведены примерно в 2500 - 2000 гг. до н. э. Однако К. Ренфрю, основываясь на калибровке старых радиоуглеродных дат, пришел к выводу, что сооружение дольменов в Европе началось еще в V тыс. до н. э. Самые ранние дольмены в Англии и Франции в настоящее время датируются 4800 г. до н. э. [Renfrew, 1973, p. 93 - 120]. Сегодня уже ни у кого нет сомнений, что в Европе эти сооружения начали появляться, самое позднее, в течение IV тыс. до н. э.

Кроме Европы дольмены были также обнаружены в различных регионах Азии [Joussame, 1988]. На территории Индии они относятся к VIII в. до н. э., но некоторые из них датируются лишь II в. н. э. В Японии дольмены найдены в северной части о-ва Кюсю [Шим, 1979, с. 109 - 182]. Распространяясь с Корейского п-ова, они начали появляться там в конце периода Дзёмон, примерно в V - IV вв. до н. э. Но только в последующий период - Яёй дольмены стали основным типом погребальных сооружений на Японских островах. Дольмены находят также в Индонезии, на Борнео и в Малайзии, но их возраст там неизвестен. Дж. Пикок [Reasock, 1962] предположил, что ранние дольмены Индонезии

были построены в период 2500 - 1500 гг. до н. э., тогда как более поздние из них - в V - IV вв. до н. э., с возникновением донгшонской культуры и появлением железных орудий труда [Чой М.Л., 1990, с. 61 - 62].

Известны дольмены и в Африке - в Эфиопии и Судане, где они сосредоточены вдоль Средиземноморского побережья [Daniel, 1963].

В Юго-Восточной Азии самое большое количество дольменов обнаружено на Корейском п-ове. За последние годы в одной только провинции Южная Чолла их было найдено более 12 тыс. [Ли Ё.М., 1993, с. 1 - 10]. В целом, на всем полуострове находится около 20 тыс. дольменов [Общий отчет..., 1999, с. 4].

Типы дольменов

В археологии Кореи классификация дольменов является дискуссионной проблемой. К настоящему времени предложено много типологий, основанных на различных формальных признаках дольменов. По нашему мнению, корейские дольмены можно разделить на три типа: северный, южный и "кэпстоун" (на корейском языке этот тип называется "тесоксик"). Основным различием между дольменами северного и южного типов является расположение их погребальной камеры:

северный тип - погребальная камера размещается на земле и имеет форму прямоугольного бокса (каменного ящика), состоящего из четырех вертикальных плоских каменных плит и одной горизонтальной, положенной на вертикальные сверху;

южный тип - погребальная камера сооружается под землей, ее стены обложены плоскими плитами или выложены рядами камней. На поверхности, над подземной камерой, размещаются камни округлой формы

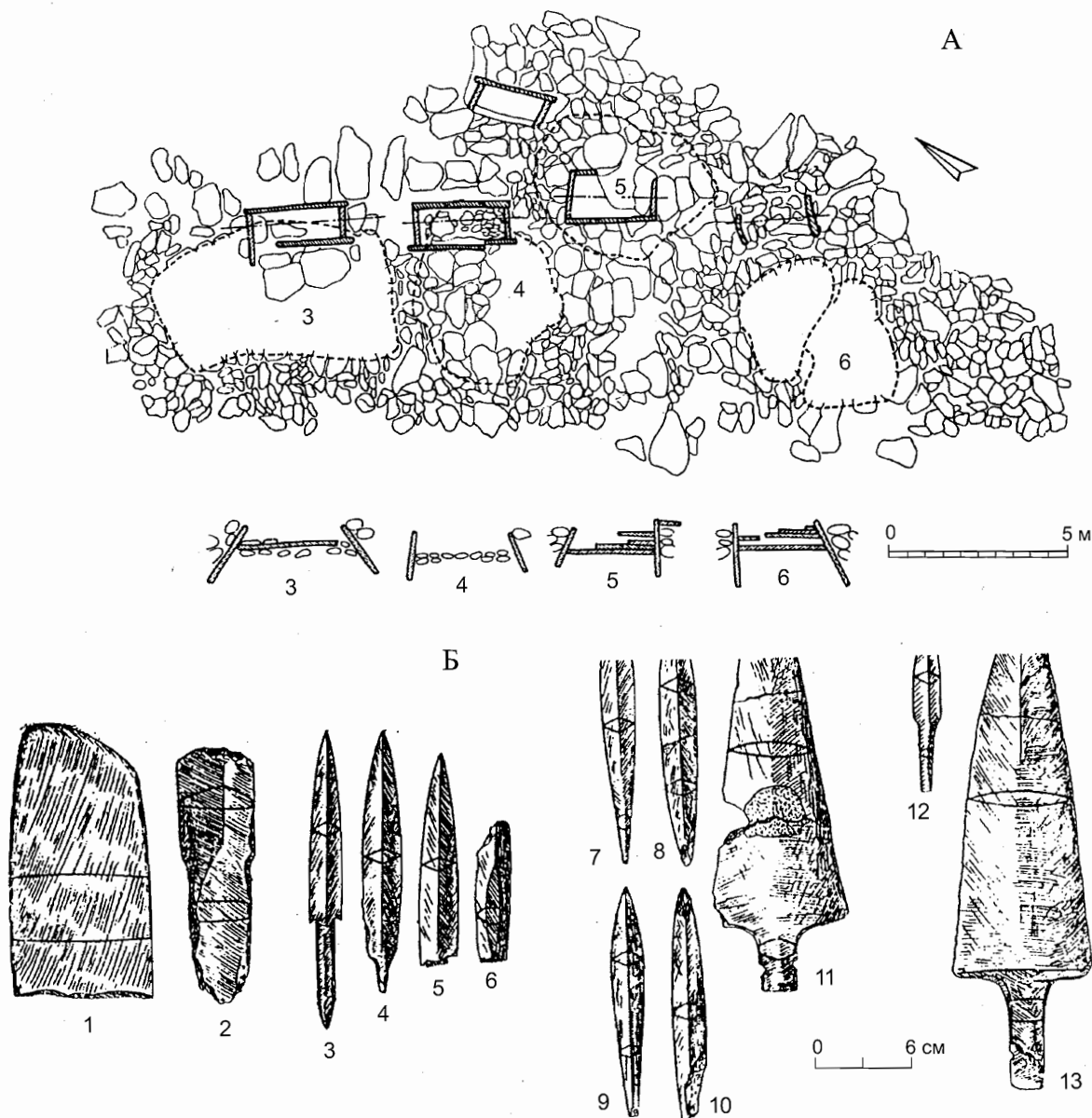

Рис. 1. План раскопа дольмена Чимчон (А) и находки (Б) из него.

А: 3 - 6 - место и профиль погребений.

или грубо отесанные, поддерживающие большой валун, который служит покрытием.

У дольменов типа "кэпстоун" (capstone - тип гробницы, верх которой закрывается плоским камнем-плитой) погребальная камера очень похожа на таковую южного типа. Основное отличие дольменов типа "кэпстоун" - отсутствие каменных опор между погребальной камерой и покрытием [Чой М.Л., 1978, с. 4 - 6].

Возникновение дольменов

В настоящее время у корейских археологов нет единого мнения по поводу центра происхождения доль-

менов Кореи. Согласно одной теории, дольмены в Корее появились под влиянием карасукской культуры Сибири (1300 - 1000 гг. до н. э), в частности традиции захоронения в каменных гробницах [Fleming, 1963, p. 159; Ким В.Ё., 1974]. Другая связывает их с культурой Юго-Восточной Азии, особенно с так называемой практикой вторичного захоронения [До, 1959; Ким Б.М., 1981]. Сторонники третьей теории утверждают, что корейские дольмены возникли независимо от иных культурных традиций на самом Корейском п-ове [Хван, 1965; Им, 1976; Сок, 1979, с. 172 - 182].

Согласно одной точке зрения, дольмены северного типа впервые появились в северной части Кореи и

позднее распространились на юг, положив начало дольменам южного типа, которые, в свою очередь, легли в основу типа “кэпстоун”. По другой версии, последнюю стадию развития дольменов Кореи представляет южный тип. По третьей - тип “кэпстоун” древнейший, и в северной части Кореи он эволюционировал в северный тип, а в южной части - в южный. Именно последней точки зрения придерживаются северо-корейские археологи, подразделяя дольмены Кореи на типы чимчон (Ch'imch'on) (рис. 1) (объединяющий южный и “кэпстоун”, согласно южнокорейской классификации) и одок (Odok) (северный), считая при этом, что последний восходит к первому [Сок, 1979].

Дольмены северного типа

Наиболее характерным признаком дольменов северного типа, обнаруживаемых главным образом в северной части полуострова, является то, что их погребальная камера полностью расположена на поверхности земли. Она большая, прямоугольной формы, состоит из четырех вертикальных каменных плит и одной горизонтальной, достаточно больших размеров, расположенной сверху на вертикальных плитах. Это покрытие придает дольменам северного типа вид стола. Обычно две длинные боковые плиты, прочно зарытые в землю, являются несущими опорами для плоского верха, и поэтому они намного толще и крепче коротких плит, устанавливаемых с передней и задней сторон камеры. Последние легко можно было убирать, и они служили входом в погребальную камеру. В настоящее время одна или обе входные плиты обычно отсутствуют. В некоторых случаях дно бокса выкладывалось галькой или плитами, но чаще это был земляной пол.

Дольмены обычно представляют собой одиночный бокс. Однако в сооружении, найденном на Сонсин-дон в Хванчжу, погребальная камера была разделена на четыре секции тремя каменными плитами, и в каждой секции, по-видимому, было по одному захоронению [Сок, 1979, с. 134].

Средняя длина верхней плиты составляет 2 - 4 м, но в некоторых случаях (например, дольмены Квансан-ни и Одок-ни) она достигает 8 м и более. Высота дольменов северного типа 1 - 2 м, хотя имеется и несколько сооружений выше 2 м.

Большинство дольменов данного типа находятся на севере Кореи, особенно в бассейне рек Тэдон, Чэрён и Хванчжу, но небольшое количество их было найдено и на юге: у о-ва Канхва в провинции Кёнги (национальный памятник культуры № 137) [Ким, Юн, 1967; Хон, 1999б, с. 213 - 224] (рис. 2, 1), Тосан-ни в Кочане (рис. 2, 2) (памятник № 49, провинция Северная Чолла) [Чой М.Л., 1999б, с. 228], у Манбон-ни и Вэчжин в Начжу (провинция Южная Чолла) и в неко-

торых других районах. Первоначально их ошибочно интерпретировали как один из вариантов дольменов типа “кэпстоун”, но в настоящее время они рассматриваются как дольмены северного типа.

Дольмены южного типа

Дольмены южного типа (называемые также дольменами типа “Go-Table” - “стол для игры в шахматы”) встречаются преимущественно в южной части Кореи, т. е. к югу от р. Хан, особенно в провинциях Чолла и Кёнсан (рис. 2, 3). К ним относятся такие дольмены, как Дэсин-ни и Хёсан-ни (рис. 2, 4) в Хвасуне (памятник № 410) [Ли, Ким, 1999], Сангап-ни и Чжукним-ни в Кочане (памятник № 391, Северная Чолла) [Чжон, 1984] и Куам-ни в Пуане (рис. 2, 5) (памятник № 103) [Ли Х.Ч., 1960; Чой М.Л., 1999а, с. 239 - 242]. У дольменов этого типа могильная яма выкладывалась каменными плитами, грубо отесанными камнями или булыжниками. Произвольное количество поддерживающих камней укладывалось между могильной ямой и покрытием, которым, в отличие от плоского верха дольменов северного типа, обычно служил большой округлый или вытянутый валун. Могильные ямы могли быть различной формы, но всегда имели покрытие из плоских каменных плит или, в некоторых случаях, возможно, из дерева.

Длина могил составляет обычно 1 м или менее, хотя иногда бывает и больше - до 1,5 м. Можно предположить, что дольмены с могильными ямами такой небольшой длины устраивали для детей и подростков. Но вероятнее всего, это было связано с практикой так называемого вторичного захоронения, когда погребали только кости усопших после освобождения их от плоти (такая практика до сих пор существует в некоторых районах на юге Кореи). В отдельных случаях на валуне, покрывающем дольмен, встречаются следы небольших ямок - выбоин круглой или прямоугольной формы. Одни исследователи связывают их с древним культом плодородия, другие - с процессом добывания камня.

Некоторые ученые считают дольмены типа “кэпстоун” вариантом формы южного типа, однако, по нашему мнению, эти типы имеют четкие различия и их следует рассматривать отдельно.

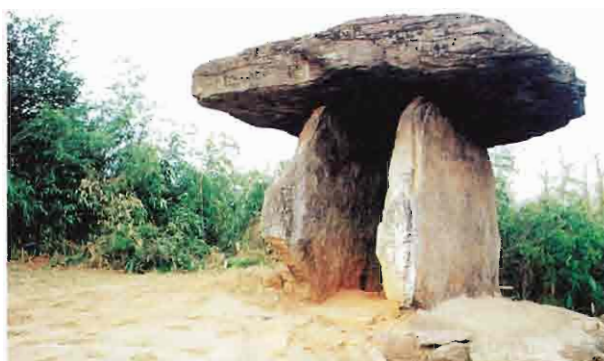
Дольмены южного типа найдены в основном на открытых равнинах и вершинах хребтов, но их можно также встретить в ущельях, на склонах гор и вершинах холмов. Могильники обычно устраивались там, где были легко доступны крупные валуны.

Дольмены типа “кэпстоун”

Для этих дольменов характерно отсутствие каменных опор для закладной (верхней) плиты, которая укладывалась непосредственно поверх могильной ямы.

1

2

3

4

5

6

Рис. 2. Дольмены северного типа: о-в Канхва, провинция Кёнги (1), Тосан-ни, Кочан (2); южного типа: Докын-ни, Пачжу (3), Хёсан-ни, Хвасун (4), Куам-ни, Пуан (5); группа дольменов, Кочан (6).

Другой отличительной чертой является вымощенная камнем площадка вокруг могилы, как это можно видеть у Кёнсок-ни в Вольсоне, Сондон-ни в Муане, Мочжон-ни в Чжинане и Чюнхё-дон в Кванчжу [Археологический отчет..., 1978; Археологический отчет..., 1979]. Маленькие плоские камни, которыми была выложена площадка, укрепляли грунт вокруг подземной могильной камеры и таким образом защища-

ли последнюю от разрушительного воздействия тяжелого каменного покрытия. Возможно, вымощенная камнем площадка служила также ограничительным знаком могилы. Обычно она окаймляла могилу, но в некоторых случаях, как это видно по дольменам у Тэбон-дон в Тэгу [Ким Г.Г., 1999, с. 681 - 682] и Коган-ни в Чанвоне, покрывала всю площадь над могильной камерой. Это могло быть региональной

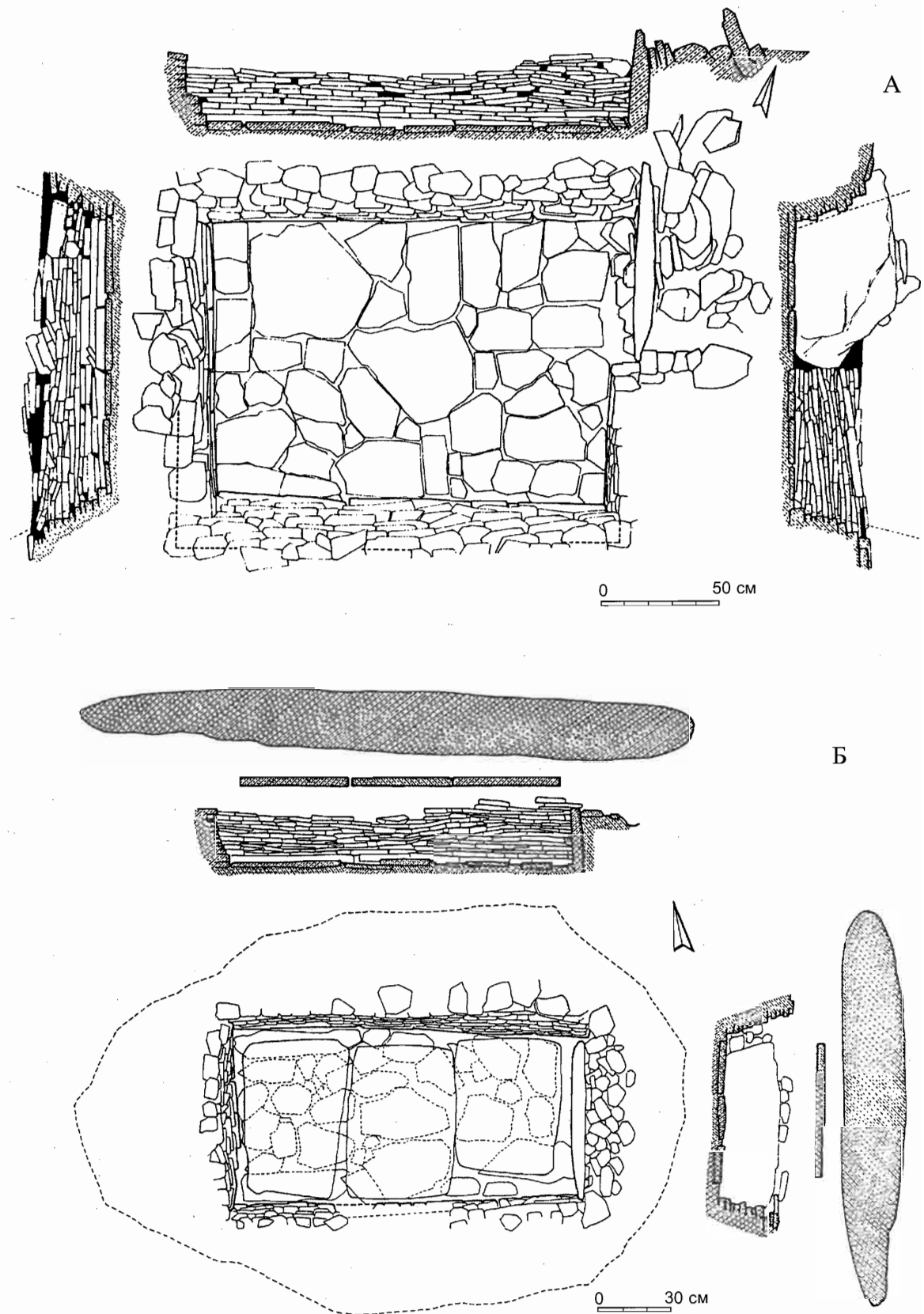

Рис. 3. Планы раскопов дольменов № 30 (А), 31 (Б), Мукпан-ни, Кечон.

особенностью, проявляющейся только в провинции Кёнсан.

Значительное количество дольменов типа “кэпстоун”, расположенных группами, было обнаружено на севере Кореи, например, в округах Хванчжу и Понсан, в долине р. Сахон в провинции Хванхэ, у Тэсон-ни в Кансо и у Мукпан-ни в Кечоне Южной Пхёнанской провинции (рис. 3). Но гораздо больше их найдено на юге. Например, из 12 000 дольменов, недавно обнаруженных в провинции Южная Чолла, большинство относится к типу “кэпстоун”. Распространение дольменов этого типа по всему полуострову и их чрезвычайно большое количество наводят на мысль, что тип “кэпстоун” был характерен для более поздней стадии развития дольменов Кореи.

Сопутствующие артефакты

В известных на Корейском п-ове дольменах сопутствующих артефактов (погребального инвентаря) немного, и их набор весьма ограничен. Самыми распространенными находками являются каменные отшлифованные кинжалы и наконечники стрел. Кроме того, обнаружены выполненные из камня отшлифованные топоры, зубила, серповидные ножи, тесла с углублениями, копья, шлифовальные камни, веретена, а также керамика и изделия из бронзы.

Шлифованные каменные наконечники стрел представлены двумя типами: с черешком и без него. Наконечники первого типа с ромбовидным поперечным сечением пластины встречаются по всему полуострову, другие варианты этого типа - в отдельных регионах. Наконечники второго типа (без черешка) в форме листа ивы с линзовидным сечением пластины встречаются в западной части Кореи, вокруг южных провинций Хванхэ и Пхёнан, а вариант с треугольным сечением пластины - в центральном регионе [Чой С.Р., 1982].

Кинжалы из отшлифованного камня также представлены двумя типами: с рукояткой и без нее. Помимо дольменов, они найдены и на жилищных стоянках, преимущественно полуподземных. Серповидные каменные ножи связаны с типом “кэпстоун”, тогда как бифасиальные каменные орудия и дисковидные дробильные - с северным.

Недавно в некоторых дольменах были обнаружены артефакты из бронзы. В результате раскопок дольменов типа “кэпстоун” у Усан-ри в Сычжу, Токчи-ри в Посоне, Понке-дон, Чжокрян-донг, Понге-дон в Ёчоне и Орим-дон в Ёсу (все они находятся в провинции Южная Чолла) найдены бронзовые кинжалы, представляющие собой вариант формы типа ляонин (маньчжурский, или скрипковидный, тип). Аналогичные бронзовые кинжалы обнаружены в дольменах у Токхён-ни в Чанвоне [Хон, 1999а, с. 283 - 289] и Пирэ-

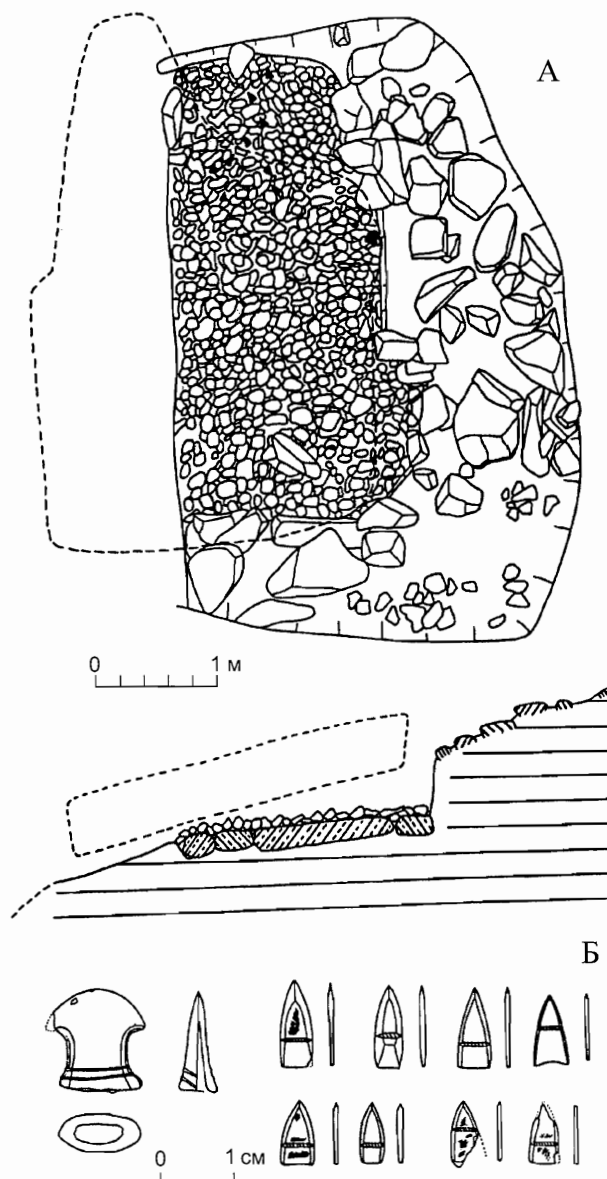

Рис. 4. План раскопа дольмена Чоян-дон в Сокчо (А) и находки (Б) из него.

донг в Тэчжоне. Кроме того, бронзовые наконечники стрелы и веерообразный топор зафиксированы в дольменах у Якса-дон в Ынчоне и Чоян-дон (рис. 4) в Сокчо (памятник № 376) [Общий отчет..., 1999, с. 243 - 282] соответственно. Эти новые находки позволяют предположить, что дольмены, в которых они обнаружены, были сооружены в период бронзового века в Корею, приблизительно в 1300 - 300 гг. до н. э. Однако, по мнению северокаорейских археологов, дольмены типа “кэпстоун” появились в XV в. до н. э. в Маньчжурии и эволюционировали в северный или южный тип на Корейском п-ове.

В нескольких случаях в ходе раскопок дольменов находили керамические сосуды грушевидной формы.

Посуда была грубо обработанная (неотшлифованная), хорошо обожженная, покрытая охрой. Обнаружены также сосуды типа мисон-ни (мукпан-ни) и кимхэ.

Украшения, найденные главным образом в дольменах типа “кэпстоун”, представлены полыми нефритовыми бусинами.

Распространение дольменов на территории Корейского полуострова

Дольмены встречаются во всех частях Корейского п-ова, а также на прибрежных островах, таких как Канхва, Чжэчжу и Хыксан. Некоторые острова, на которых обнаружены эти погребальные сооружения, расположены довольно далеко от самого полуострова. Дольмены находятся преимущественно в южных и западных прибрежных зонах и в долинах рек, в наибольшей степени они концентрируются в провинциях Чолла и Хванхэ. Вдоль восточного побережья дольменов мало, небольшое их число зарегистрировано в горных районах на востоке.

Дольмены часто сосредоточены группами (см. рис. 2, б), а на юге, особенно в провинции Чолла, они располагаются исключительно группами. В северо-западном регионе (Мукпан-ни, Квансан-ни, Ёндон-ни, Ноам-ни в южной провинции Хванхэ и Лёнсан-ри в южной провинции Пхёнан) встречаются группы по пять, шесть и даже десять дольменов, составляющие комплексы из 100 - 200 сооружений, хотя есть и единичные или парные дольмены. При этом они почти всегда расположены в ряд, вдоль долины реки.

Дольмены северного типа находятся в основном на северо-западе и севере бассейна р. Хан. Они также есть в Юго-Восточной Маньчжурии, в частности, в восточной части региона Ляонин, примыкающего к Корейскому п-ову. В центральной части полуострова, особенно в верховьях р. Хан, они встречаются наряду с дольменами южного типа. Последние расположены главным образом южнее р. Хан, преимущественно в провинциях Чолла и Кёнсан. Дольмены типа “кэпстоун” распространены на всей территории полуострова, и они количественно преобладают. Таким образом, юго-восточный ареал дольменов Азии включает в себя юг и юго-запад Маньчжурии [Мегалиты..., 1994], Корейский п-ов и северную часть о-ва Кюсю в Японии [Ниситани, 1997], причем наибольшее количество этих погребальных сооружений находится на Корейском п-ове.

Способ сооружения дольменов

При сооружении дольменов часто использовались лежащие на поверхности валуны, однако древние корейские строители занимались специальной разработкой камня для этих целей. В северо-западном регио-

не был обнаружен ряд древних каменоломен. На юге Кореи в результате археологических изысканий последних лет вскрыты стоянки-мастерские по обработке камня у Дэсин-ни в Хвасуне и около деревень Чжанчон и Самго-ри на о-ве Канхва.

Методы разработки карьера можно реконструировать только предположительно. Наиболее вероятно, что в имеющиеся естественные скальные трещины или сделанные человеком отверстия забивались деревянные клинья, затем в эти трещины или отверстия заливалась вода; когда деревянные клинья разбухали, огромные куски камня откалывались от основной породы. Затем их транспортировали на строительные стоянки (площадки) с помощью веревок и рычагов, а также по воде.

Относительно процесса строительства пока можно только выдвигать гипотезы. Что касается дольменов северного типа, то, очевидно, после того как на поверхности сооружался склеп из четырех вертикальных каменных плит, около широкой стороны насыпали пологий земляной холм, по нему поднимали плиту-покрытие и укладывали ее сверху. Далее, надежно укрепив плиту наверху прямоугольного бокса, земляной холм убирали. Можно предположить, что аналогичным способом устанавливали покрывающий камень у дольменов южного типа. Сооружение дольменов типа “кэпстоун” было намного проще, поскольку верх погребальной камеры находился на уровне земли.

Датировка дольменов

Возраст дольменов Кореи определяют, главным образом основываясь на связанных с ними артефактах. В прошлом некоторые исследователи полагали, что отшлифованные каменные кинжалы явились образцом для бронзовых кинжалов корейского стиля в эпоху раннего железа (300 - 1 гг. до н. э.) [Аримицу, 1969]. Впоследствии ряд исследователей, в частности японских, датировали корейские дольмены более поздним временем, чем эпоха бронзовых кинжалов корейского стиля. В результате археологических исследований последних лет выяснилось, что отшлифованные кинжалы из камня появились задолго до бронзовых кинжалов корейского стиля. Землянка-хранилище под дольменом в Оксок-ни, в которой был найден отшлифованный каменный кинжал, на основе радиоуглеродного анализа отнесена примерно к 640 г. до н. э. Согласно радиоуглеродному датированию, дольмен в Хвансок-ни, где обнаружен отшлифованный каменный кинжал, был сооружен около 410 г. до н. э. [Ким, Юн, 1967]. Обе даты более ранние, чем эпоха бронзовых кинжалов корейского стиля. Кроме того, недавно найденные в дольменах типа “кэпстоун” в провинции Южная Чолла бронзовые кинжалы типа ляонин являются еще одним подтверждением большей древности

дольменов [Ли Ё.М., 1993, с. 39 - 42]. Тем не менее верхний и нижний пределы периода бытования этих погребальных сооружений пока еще твердо не определены.

Социальная интерпретация дольменов

Можно предположить, что древние дольмены Кореи сооружались для представителей высших классов (вождей), на стадии с уже сложившейся стратифицированно-иерархической субординацией, с учетом клановой принадлежности умерших и их ремесленной специализации. Наличие детских могил среди дольменов Панчон-ни в Начжу позволяет сделать предположение о наследовании социального статуса в стратифицированном обществе [Чой М.Л., 1978, с. 22].

Наряду с посудой типа мисон-ни, бронзовыми зеркалами, необработанными украшениями и бронзовыми кинжалами типа ляонин корейские дольмены играют важную роль в изучении Древнего Чосона.

Северокорейские исследователи рассматривают корейские дольмены как места захоронения военачальников и прежде всего вождей, а строителями дольменов считают народ Древнего Чосона. В 1993 г. они сообщили, что нашли могилу Тангуна, основателя Древнего Чосона, у горы Тэбак в Кандон-ку провинции Пхёнан и датировали ее 3000 г. до н. э. Соответственно, северокорейские ученые полагают, что Тангун Чосон (или Древний Чосон) был основан еще в 3000 г. до н. э. [Чой М.Л., 1997, с. 103 - 116]. Таким образом, они рассматривают общество эпохи дольменов в рамках Древнего Чосона (начало века бронзы в Корее, эпоха рабовладения и начало образования корейского государства).

Заключение

В последнее время археологи Кореи стали уделять больше внимания теории местного происхождения корейских дольменов. Как уже было упомянуто, остается целый ряд нерешенных проблем. Они включают вопросы о возникновении дольменов, о хронологической последовательности различных их типов, проблемы датирования, а также увязывания хронологии дольменов с сопутствующими артефактами. Мы ожидаем, что выяснить эти вопросы помогут данные новых археологических исследований в других регионах, таких как Сибирь, Китай и Япония.

Список литературы

- Аримицу К. Исследование генеалогии корейских дольменов // Кодайкаку. - 1969. - № 16 (на яп. яз.).
- Археологический отчет о дольменах в Чунхё-дон, Кванчжу (Кванчжу Чунхёдон Чжисокмё Балгулчоса Бого-

со). - Кванчжу: Музей Национального университета Чоннам, 1978 (на кор. яз.).

Археологический отчет о дольменах и поселениях в Сонгам-дон и Чунхё-дон (Кванчжу Сонамдон Чжугочжи Чунхёдон чжисокмё балгулбого). - Кванчжу: Музей Национального университета Чоннам, 1979 (на кор. яз.).

До Ю.Х. Исследование мегалитической культуры в Корее // Мунхваюсан. - 1959. - № 59(2). - С. 1 - 35 (на кор. яз.).

Древние захоронения на территории провинции Чоннам (Чжоннамгы годэмёчже). - Мокпо: Чжоннамдэ бакмулгуан, 1997. - 828 с. (на кор. яз.).

Им С.Г. Общий отчет о корейских дольменах // Бэксанхакбо. - 1976. - № 20. - С. 67 - 120 (на кор. яз.).

Ким Б.М. Исследование проблемы происхождения корейской мегалитической культуры (I) // Хангукгогахакбо. - 1981. - № 10/11. - С. 55 - 78 (на кор. яз.).

Ким В.Ё. Происхождение дольменов южного типа // Гогомисул. - 1962. - № 3(1). - С. 12 - 16 (на кор. яз.).

Ким В.Ё. Древние погребения Кореи (Хангукгы гобун). - Б. м., 1974. - 205 с. (на кор. яз.). - (Сер. "Хангук гэян гукса чонсо"; Вып. 2).

Ким Г.Г. Провинция Кёнсан // Общий отчет о корейских дольменах (Хангукчжисокмё чжонхачжосаёнгу). - Сеул: Мунхвачжечон, Сэулдэхакгё бакмулгуан, 1999. - С. 681 - 682 (на кор. яз.).

Ким Ч.В., Юн М.Б. Исследование корейских дольменов (Хангук Чжисокмё ёнгу). - Сеул: Гукрип Чжунан Бакмулкан, 1967. - 182 с. (на кор. яз.).

Комото М. Хронология корейских дольменов // Джосэн Гакухо. - 1973. - № 66. - С. 1 - 36 (на яп. яз.).

Ли Ё.М. Культура дольменов провинции Южная Чолла (Чжоннамчжибан чжисокмёсахвоы ёнгу). - Б. м., 1993. - 464 с. (на кор. яз.).

Ли Ё.М., Ким С. Г. Дольмены Хвасуна (Хвасуны чжисокмё). - Б. м.: Гукрип мокподэ бакмулкан, 1999. - 434 с. (на кор. яз.).

Ли Х.Ч. Эссе о письменных исторических источниках (Доксаёчжок). - Сеул: Илчжогак, 1960. - 217 с. (на кор. яз.).

Мегалиты полуострова Ляодун (Ляонинбандао Шифэн). - Шэньян: Ляонин кэсюэ цзишу Чубаньшэ, 1994 (на кит. яз.).

Мигами Т. Исследование древних погребений в Маньчжурии и Корее. - Токио: Ёшикава Кобункан, 1961. - 697 с. (на яп. яз.).

Ниситани Т. Комплексное исследование дольменов Восточной Азии (Тоаджиани керуджисумё и осоготеки кенку). - Б. м., 1997. - 234 с. (на яп. яз.).

Общий отчет о корейских дольменах (Хангукчжисокмё чжонхачжосаёнгу) / М.Л. Чой, Ч.К. Ли, Ё.М. Ли, С.Р. Чой. - Сеул: Мунхвачжечон: Сэулдэхакгё бакмулгуан, 1999. - 1251 с. (на кор. яз.).

Сок К.Ч. Исследование дольменов в Юго-Западной Корее // Гогоминсок лонмунчжип. - 1979. - № 7. - С. 109 - 182 (на кор. яз.).

Хан Х.С. Исследование мегалитических культур Кореи // Чжинданхакбо. - 1935. - № 3. - С. 132 - 147 (на кор. яз.).

Хан Ч.К., Шин С.Ч., Чан Х.С. Исследование доисторических культур Северной Кореи (Букханы чондонгисидэ). - Сеул: Пэксанчжарёвон, 1995 (на кор. яз.).

Хван Г.Д. Социальные аспекты общества бронзового века на территории Кореи (с точки зрения погребальных обрядов) // Гогоминсок. - 1965. - № 4. - С. 8 - 23 (на кор. яз.).

Хон Х.У. Дольмены в Дукчун-ни Чанвон // Общий отчет о корейских дольменах (Хангукчжисокмё чжонхачжосаёнгу). - Сеул: Мунхваджечон, Сэулдэхакгё бакмулгван, 1999а. - С. 283 - 289 (на кор. яз.).

Хон Х.У. Дольмены на о. Кванхва // Общий отчет о корейских дольменах (Хангукчжисокмё чжонхачжосаёнгу). - Сеул: Мунхваджечон, Сэулдэхакгё бакмулгван, 1999б. - С. 213 - 224 (на кор. яз.).

Чжон Ё.Р. Археологический отчет о дольменах на территории Кочан и Асан (Гочан асанчжигу чжисокмё балгулбогосо). - Ири: Чжончжусирип Бакмулгван, 1984. - 117 с. (на кор. яз.).

Чой М.Л. Типология дольменов провинции Южная Чолла // Ёксахакбо. - 1978. - № 78. - С. 1 - 50 (на кор. яз.).

Чой М.Л. Культура дольменов провинции Южная Чолла и проблема социальных рангов // Хангукса Ёнгу. - 1981. - № 35. - С. 1 - 14 (на кор. яз.).

Чой М.Л. Культура дольменов провинции Южная Чолла // Некоторые проблемы корейских дольменов (Хангукчжисокмё чжуёмунчже). - Б. м.: Хангукгогахакхуй, 1990. - С. 61 - 75 (на кор. яз.).

Чой М.Л. Происхождение корейской культуры (Хангукмунхваы вонрюрыл чачжасо). - Сеул: Хакён мунхваса, 1993. - 227 с. (на кор. яз.).

Чой М.Л. Город, цивилизация, государство (Доси мунмён гукга). - Сеул: Соулдэчулпанбу, 1997. - 314 с. (на кор. яз.).

Чой М.Л. Дольмены в Пуане // Общий отчет о корейских дольменах (Хангукчжисокмё чжонхачжосаёнгу). - Сеул:

Мунхваджечон, Сэулдэхакгё бакмулгван, 1999а. - С. 239 - 242 (на кор. яз.).

Чой М.Л. Дольмены Кочана // Общий отчет о корейских дольменах (Хангукчжисокмё чжонхачжосаёнгу). - Сеул: Мунхваджечон, Сэулдэхакгё бакмулгван, 1999б. - С. 225 - 237 (на кор. яз.).

Чой С.Р. Исследование отшлифованных наконечников стрел на территории Кореи (Хангук мажжесокчоки ёнгу) // Хангукгогахакбо. - 1982. - № 12. - С. 263 - 320 (на кор. яз.).

Шим Б.Г. Изучение дольменов в Японии // Бусансахак. - 1979. - № 3. - С. 1 - 65 (на кор. яз.).

Daniel G. The Megalith Builders of Western Europe. - L.: Hutchinson University Press, 1963. - 155 p.

Fleming M.E. Observation on the Megalithic Problem in Eastern Asia // Bullentin of the Institute of Ethnology. - 1963. - N 15. - P. 153 - 162.

Joussame R. Dolmens for the Dead: Megalith-Building throughout the world / Trans. A. Chippindale and C. Chippindale. - Ithaca: Cornell University Press, 1988. - 320 p.

Peacock J.E. Pasemah Megalith: Historical, Functional and Conceptual Interpretation // Bulletin of the Institute of Ethnology. - 1962. - Vol. 13. - P. 53 - 61.

Renfrew C. Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. - Harmondsworth, England: Penguin Books, 1973.

Материал поступил в редколлегию 9.04.99 г.

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ

Для всех народов, проживающих в зоне тайги и тундры на территории Европейского, Сибирского и Американского Севера, характерно особое отношение к медведю. Очень широко культ медведя распространен у аборигенных этносов Сибири и Дальнего Востока: хантов и манси, ненцев, кетов, эвенов, эвенков, коряков, чукчей, камчадалов, юкагиров, айнов, орочей, ороков, нивхов, нанайцев, удйгейцев, ульчей [Соколова, 1972, с. 63 - 85]. Убиение медведя, свежевание туши, поедание мяса и забота об останках животного были обставлены у них целым рядом обрядов и церемоний, получивших название медвежьего праздника. У народов Сибири и Америки этот праздник приурочивался к удачной охоте на медведя. У обских угров известны также периодические праздники в честь медведя - предка одной из дуально-экzogамных половин общества - фратрии Пор. Народы Амура (ульчи, нивхи, орочи, ороки) и Сахалина (айны) для медвежьего праздника, связанного с культом умерших предков, убивали специально выращенного в неволе медведя. Содержанием праздника в честь убитого медведя были извинения перед убитым животным; перенесение его домой; чествование его пиром, песнями, жертвоприношениями; ритуальное приготовление и поедание его мяса; торжественные похороны останков.

Переплетение тотемических черт с особенностями промыслового культа в почитании медведя. Ритуальная трапеза

Сущность медвежьего праздника состоит в коллективном поедании мяса животного, а также в целом ряде церемоний, которые должны были, с одной стороны, снять вину с охотника за убийство запретного в

прошлом тотема, а с другой - обеспечить возрождение зверя. Ритуальное пиршество сопровождалось обрядами и плясками, которые восходят, очевидно, к ритуалу умножения тотема [Золотарев, 1934; Анисимов, 1950; Хайтун, 1956].

Североамериканские индейцы, убив медведя, подносили отрезанной голове дары и вместе с тем ели его мясо. Индейцы кроу на медвежьем празднике угощали гостей мясом, привязывали к столбу шкуру зверя и совершали ритуальные пляски [Аверкиева, 1959].

В медвежьем культе в обряде ритуального пиршества сочетались представления и церемонии тотемического и промыслового культов. Так, наряду с причащением мясом убитого животного совершалось умилоствление ("угощение") зверя, чтобы он не рассердился на убивших его людей и не пришел опять к ним. Промысловый культ - явление, вероятно, более позднее, чем тотемизм, и развился он, впитав в себя тотемические представления. И действительно, непременный признак тотемизма - запрет убивать животное-тотем, а промысловый культ, напротив, как следует из его названия, призван оправдать это убийство. Возможно, в ранние периоды развития родовой организации животное-тотем нельзя было убивать, но со временем этот запрет стал соблюдаться менее строго. В исключительных случаях (угроза голодной смерти или смерти от тотема-хищника) мясо животного разрешалось употребить в пищу, сопровождая это обрядами умилоствления тотема.

Фаллические обряды

В медвежьем празднике есть обряды явно древнего происхождения, цель которых - обеспечить сохранение и приумножение численности животных. Это так

называемые обряды фаллического типа. Они выражались в особом ритуальном отношении к половым органам медведя, в использовании во время танцев специально сделанных деревянных фаллосов, в исполнении сценок, песен и танцев эротического характера, наконец, в свободе отношений между полами во время праздника.

Обряды фаллического характера были зафиксированы у некоторых народов Сибири. У эвенков Хантайского озера после поедания мяса медведя его кости и череп в анатомическом порядке привязывали к шесту. Затем все мужчины, изображая по очереди борьбу с медведем, имитировали половой акт с ним. Во время праздника эвенки проводили особые обряды над половыми органами зверя, долганы тоже имитировали половой акт с убитым животным. У удэгейцев косточки медвежьего полового члена становились амулетом. Женщины, веря в то, что они исцеляют от бесплодия, передавали эти косточки по наследству. Нивхи и ороки надевали кожу с полового органа медведицы на специальные деревянные фигурные ложки, ковши, ножи, которыми пользовались на медвежьем празднике и хранили их в особом амбаре в тайге.

В этой связи следует упомянуть обычай североамериканских индейцев племен дакота: на ежегодном весеннем празднике размножения животных мужчины, переодетые бизонами (главный объект охоты этого племени), использовали специально изготовленные фаллосы для символического осеменения самок бизонов.

Таким образом, фаллические обряды как часть медвежьего праздника были пронизаны заботой о воспроизводстве животных.

Медведь - родственник человека

Медвежий культ у ряда народов Сибири и Америки носил родовой и фратриальный характер. Считалось, что в прошлом медведь был тотемом некоторых родовых и фратриальных групп, а значит, родственником их членов [Штернберг, 1936; Алексеенко, 1960; Васильев, 1948; Гурвич, 1948; Максимов, 1928; Потапов, 1929, 1935; Религии..., 1931; Религиозные верования..., 1931; Зеленин, 1929; Преображенский, 1910 - 1914; Серошевский, 1896; Василевич, 1969]. На обширной территории от Скандинавии до Северной Америки к нему обращались с уважением, как к людям пожилого возраста, и называли "отец", "дед", "дедушка", "старик" и т.д. Эвенки называли медведя *амака*, *амикан*, *эхэ*, *эхэк* (дед, старик), медведицу - *эбэкэ*, *эбэчи* (бабушка, старуха) или *атырканна* (большая старуха), кеты - *кыль* (дедушка), *бат* (старик), у них же для обозначения медведя имеется слово *кой* (отчим, мачеха, дядя с материнской стороны). Эвены почитали медведя как дедушку, брата их прародительницы Дантры. Окружив берлогу, они брались за руки и пели:

«Дедушка медведь, наша бабушка, а твоя старшая сестра Дантра велела, говорила тебе: "Не пугай нас, умри"». Телеуты называли медведя *тай* (дядя по матери), *абогай* (дядя по отцу), шорцы - *тай* (дядя по матери), *улда* (старший брат отца). У орочей медведь - предок-родоначальник, у айнов - тотем-прародитель. Орочи, нанайцы, удэгейцы, ороки обращались к медведю как к уважаемому человеку пожилого возраста: *мана*, *мафа* (старик). Якуты называли его *эсэ* (родной дед), *омуга* (прадед), медведицу - *аба* (бабушка), удмурты - *посатой* (дед с отцовской стороны), индейцы-алгонкины - *надангвас* (мужчина старшего поколения). Выходя на след медведя, охотник-тинкиит просил: "Шурин моего отца*, пожалей меня. Дай мне удачу". Айны в таких случаях говорили: "Ласково встретит тебя мать-старуха".

Медведь подобен человеку

На связь медвежьего культа с тотемизмом указывают некоторые предания, повествующие о том, что некогда медведь был человеком или сверхъестественным существом, но его обратили в зверя. Ханты, например, верили в сверхъестественное прошлое медведя, спущенного на землю с небес, чтобы уничтожать грешных людей. Поэтому задранный медведем человек считался грешником, а убитый медведь - наказанным за провинность божеством. Медведь в представлениях многих народов был одновременно и зверем, и существом высшего порядка, и подобным человеку. У кетов медведь - "как человек, шкура - только одежда, как у нас". Вероятно, этим объясняется сходство известного обряда снятия шкуры с убитого медведя у многих народов. Шкура считается шубой медведя, и снимается она так же, как одежда с человека. Обские угры перед снятием шкуры поперек груди и живота медведя клали четыре (если это была самка) или пять (если это был самец) палочек, которые символизировали завязки на женской зимней одежде (в традиционной культуре якутов, коми-зырян, амурских народов, обских угров и др. медведь представлялся чаще всего в виде женщины). Эти палочки разрезали и таким образом имитировали развязывание шубы. После этого шкуру сдирали со всего туловища, кроме головы и лап. У одних народов было принято голову и лапы отрезать сразу, у других - в конце праздника.

Отведение вины за убийство медведя

У медвежьего культа есть черты сходства с промысловой магией. Их сближают обычай называть медведя подставными именами, а также некоторые обряды,

* Шурин отца или брат матери при матрилинейном счете родства был ближайшим родственником.

атмосфера таинственности, которыми сопровождаются сборы на медвежью охоту. О предстоящей охоте принято говорить мало, односложно, не называя медведя по имени (“надо зверя выслеживать”). У многих народов Сибири и Северной Америки существовал обычай обращаться к убитому медведю. Так, орочи, убив медведя, обнимали его и говорили: “Пришел, здравствуй, спасибо”. Это приветствие, как и ряд других обрядов, совершаемых над только что убитым зверем, имело целью умиловить медведя, отвести от себя вину за его смерть. У эвенков в медвежьей охоте принимали участие только сородичи и свойственники. При подходе к берлоге они говорили: “Дедушка, тебя убивает ворон”. Ханты и манси, айны, якуты, североамериканские индейцы после убийства медведя извинялись перед ним. В Африке такой же обряд извинения совершали перед леопардом. Тлинкиты на медвежьем празднике перед обрядом сожжения внутренностей зверя обращаются к его туше: “Я твой сородич. Я беден, поэтому я охотился на тебя”. Индейцы оттава из рода медведя устраивали после охоты праздник и извинялись за совершенное убийство. Кеты, подняв медведя из берлоги, убивали его со словами: “Ты не сердись, дедушка! Пойдем к нам в гости!”. Долганы будили медведя в берлоге криками и просили: “Удержи свой гнев”. Убив зверя, они водили вокруг его тела хоровод и говорили: “Не мы тебя убили, сам умер... Плохо не думай и впоследствии наших детей не трогай”. Эвенки киндигирской группы к медведю, находящемуся в берлоге, обращались так: “Не тунгус пришел к тебе, а якут заблудший! Помаленьку вылезай, отец”. У норвежских охотников после убийства медведя принято говорить: “Не я тебя убил, а ружье убило”.

Забота о костях и черепе медведя

Большинство народов Сибирского и Американского Севера проявляли особую заботу о черепе и костях медведя: их не разрешалось выбрасывать, рубить, ломать, можно было разделять лишь по суставам. После ритуальной трапезы череп и кости собирали и хранили на особых помостах, в амбарах, в глухих местах леса, вешали на деревья, пни, столбы, шесты. В конце XIX - начале XX в. в ряде случаев кости зарывали в землю, бросали в озеро вдали от поселка, а череп вешали на дерево в лесу. Эвенки кости головы оплетали прутьями и хоронили вместе с костями скелета (иногда с кусочками мяса) на высоком кедровом пне. Голова, лапы, шкура медведя были предметом особого почитания. Эвенки, юагиры, амурсахалинские народы, финны, североамериканские индейцы собирали кости медведя в анатомическом порядке, связывали и хоронили на помосте в определенном месте. Считалось, что так можно помочь оживлению, возрождению зверя. С этой же целью гла-

за, уши, язык, половые органы, кожу с носа медведя отрезали и хранили особым способом (чаще всего вешали на дерево в специальном месте). У некоторых народов глаза медведя проглатывал убивший его охотник. У эвенков глаза торжественно вынимали, завертывали в бересту и хоронили в лесу на кедре. Кожу с носа медведя было принято снимать и сохранять у многих народов - и у саамов и финнов на западе, и у айнов на востоке. Кетские охотники, надев маску из кожи, снятой с лобно-носовой части и губ зверя, изображали его на празднике, который устраивался в честь удачной медвежьей охоты.

Культ медведя у народов Сибири

Переплетение особенностей, присущих тотемизму и промысловому культу, характерно для медвежьего культа у эвенков [Анисимов, 1950; Василевич, 1969, с. 216 - 218, 235 - 238; Енисейский округ..., 1865, с. 135]. Охота на медведя, приготовление и поедание его мяса сопровождались у них церемониями тотемистического и промыслово-магического характера. Охотились поздней осенью или ранней весной. Обнаруживший берлогу охотник, возвращаясь домой, делал заметки на деревьях. При подходе к стойбищу он исполнял танец ворона: вытягивал вперед шею, размахивал руками, как крыльями, кричал по-вороньи. Из чумов выскакивали охотники, прыгая вокруг чумов, они тоже изображали воронов. Затем в чуме собирался охотничий совет, на котором в инскапительной форме охотник рассказывал о своей находке; здесь же намечался план охоты. Рано утром отправлялись на охоту. При этом все ее участники должны были придерживаться определенных запретов: при выходе из чума не разрешалось наступать на его порог, оглядываться, оставшиеся на стойбище до ухода охотников не могли выглядывать из чумов, а также расчесывать волосы, мыть руки, брать острые предметы.

Перед берлогой охотники устанавливали крест-накрест колья, старший из охотников шевелил медведя шестом. Когда показывалась голова, в зверя стреляли, и, если он выскакивал из берлоги, кололи его пальмой (острый нож, укрепленный на древке), а если нет, то старший из охотников залезал в берлогу к убитому медведю и, обращаясь к нему с просьбой об удаче в промысле, накидывал на него аркан. Охотники тащили тело со словами: “Дедушка, потише, дедушка, полегче”. Вытащив медведя, охотники устраивали вокруг него танец воронов - изображали, как они летают, клюют, дерутся, кричат. В форме пантомимы показывали и то, как на крик воронов сбегают звери (волк, лиса, горноста́й), прилетают кедровки. Таким образом вина за убийство медведя переносилась с человека на зверей. Для того, чтобы душа медведя вышла из тела, старший из охотников раскрывал ему пасть, вставлял туда

палочку длиной 8 - 10 см и говорил при этом: “Дедушка, зевай”. Затем он давал знак охотникам снимать шкуру: “Дедушка, шкуру снимать будем, муравьев много”.

У эвенков медведь считался младшим братом матери. Известен также миф о браке девушки и похитившего ее медведя. Медведь встретил брата девушки и, будучи смертельно раненным его стрелой, признался, что он его зять. Умиравший зверь велел зятю (охотник из рода жены) снять с него шкуру и похоронить. Поэтому у эвенков только зять охотника мог снять и забрать шкуру с медведя, а также свежевать тушу. Во время снятия шкуры охотник “вел диалог” с медведем о жизни зверя и его смерти. Медведь сообщал, что его убили пуля и ружье, а охотник убеждал “соседа”, что тот, играя с ружьем, сам убил себя. Тут же в лесу во время свежевания туши доставали сердце и печень, но не отделяли их от горла и головы. Старший из охотников разрезал сердце и первым съедал один из кусков, за ним в порядке старшинства съедали сердце остальные охотники, при этом они каркали по-вороньи. При свежевании тело расчленили по суставам. Уходя из леса, охотники вынимали брюшину медведя, относили в сторону и стреляли в нее из маленького ритуального лука. Подобный обряд совершают и при прощании с умершим человеком - пятаются и стреляют в направлении могилы. При возвращении в стойбище с добычей охотники опять каркали по-вороньи. Жители стойбища отвечали так же. В центре стойбища разводили огонь, варили на нем мясо и устраивали праздник с танцами, играми, состязаниями.

Медвежье мясо варил зять охотника. Он же криком ворона давал знать, что мясо готово. Все, намазав лица сажей и изображая стаю ворон, приближались к костру. После еды снова плясали, состязались в прыжках с шестом в высоту, через аркан, в стрельбе из лука. Веселье продолжалось до поздней ночи.

Утром происходила церемония вынимания глаз из черепа медведя. Глаза, которые вынимал старший из охотников, завертывали в бересту и хоронили на кедре. После этого возобновлялись танцы, игры, угощение у костра. У некоторых групп эвенков существовал обряд приготовления сердца, а также других внутренностей медведя с топленным салом и поедания этого блюда. Оно готовилось в специальном котле. Сердце и другие внутренние органы, как считалось у многих народов, были средоточием жизни, поэтому к ним относились особо.

На третий день варили голову медведя, ели с нее мясо, а кости черепа оставляли на пне. Иногда кости медведя собирали на помосте в виде скелета.

Очень интересный комплекс обрядов и церемоний медвежьего культа зафиксирован у кетов [Алексеев, 1967, с. 173 - 176]. В нем также прослеживаются тотемические черты (вера в родство с медведем, обычай

выращивания медвежат, клятвы на медвежьей шкуре и пр., ритуальное поедание мяса убитого медведя, медвежья пляска, “похороны” костей медведя), а также особенности промыслового культа (подставные имена медведя, вера в то, что медведь понимает язык человека, меры предосторожности на медвежьей охоте, бережное отношение к костям, черепу, шкуре медведя). Своеобразен обычай кетов выращивать медвежат, взятых от убитой медведицы. Содержала их бездетная семья. Медвежонка, о котором заботились, как о ребенке, и называли дочкой или сыном, держали в чуме, водили в гости, угощали лакомствами, надевали на него ожерелье-ошейник, серьги и браслеты из меди. Когда медвежонок подрастал, его брали на охоту - чтобы предупредить о приближении дикого медведя. После трех лет медвежонок с надетыми на него украшениями отпускали в тайгу. Всех предупреждали, что отпускают “сына” или “дочь”; выращенного медведя никогда не убивали.

У камчадалов тоже существовали табу и церемонии, связанные с культом медведя. Запрещалось, например, наступать на след медведя. После удачной охоты на медведя полагалось устраивать праздник с пляской и угощением. Хозяин обносил всех присутствующих куском мяса, отрезая от него кусочки острым ножом у самого рта гостя. Медвежий череп обвивали сладкой травой, приносили ему подарки, извинялись за убийство (“русский убил”), уговаривали медведя не сердиться и сообщить родичам, что его хорошо принимали.

Коряки по случаю добычи медведя также устраивали праздник. Шкуру снимали вместе с головой и торжественно несли в дом. Навстречу процессии выходили женщины с факелами. Одна из женщин, нарядившись в медвежью шкуру, танцевала и уговаривала медведя не сердиться, быть милостивым. На особую дощечку клали мясо и “угощали” медведя: “Ешь, приятель” [Крашенинников, 1949; Jochelson, 1908].

Медведь у обских угров

Медвежий праздник у обских угров (ханты и манси) - наиболее яркий комплекс празднично-ритуальных церемоний [Авдеев И.И., 1936; Авдеев А.Д., 1959; Харузин, 1899; Sokolova, 1982; Соколова, 1971, 1976, 1982; Кулемзин, 1984; Лукина, Кулемзин, Титаренко, 1975; Геммев, 1985]. Его своеобразие заключается в том, что он сопровождается театрально-драматическими представлениями. Кроме того, как уже отмечалось, в прошлом это был периодический праздник членов фратрии Пор. Его справляли в течение семи лет, затем наступал семилетний перерыв. Ранее праздник бытовал лишь у членов фратрии, и это свидетельствует о его древности. В ряде мифов говорится о превращении медведя в человека и человека в медведя. Считалось,

что из человека в медведя превратился сын женщины Мось. В традиционных песнях вина за убийство зверя отводилась на людей фратрии Мось, у которых не было запрета убивать медведя и есть его мясо. Лишь позднее, с утратой некоторых древних черт праздника, вина стала переноситься на русских, принесших огнестрельное оружие (“не я тебя убил - русское ружье тебя убило”). Первоначально на медвежью пляску (так называется медвежий праздник у обских угров) допускались лишь члены фратрии Пор, со временем было позволено присутствовать всем, даже русским.

Спорадические праздники по случаю удачной охоты на медведя развились позже, с отмиранием фратриальных обрядовых функций или тотемического запрета убивать медведя-предка. У всех групп обских угров эти праздники распространялись по мере трансформации медвежьего культа в общеплеменной. Известно, что уже в XIX в. все манси считали медведя сыном или дочерью главного бога Нуми-Торума, который представлялся им в виде человекообразного медведя (“зубастый”, “с когтями на руках”).

Церемонии с телом медведя, праздник

Люди, приходившие в дом, где находилась медвежья шкура, должны были пройти обряд очищения. Он заключался в том, что летом всех участников праздника обрызгивали водой, а зимой обсыпали снегом. Спорадические праздники проводились в полнолуние в течение нескольких ночей: по поводу убийства медвежонка трех, медведя - пяти, медведицы - четырех. Периодические праздники начинались во время зимнего солнцестояния в декабре и после перерыва заканчивались в марте, в период весеннего равноденствия.

В лесу с убитого медведя снимали шкуру, но оставляли нетронутыми голову и лапы. Шкуру свертывали на столе в переднем углу дома охотника и на нее укладывали лапы и голову медведя. Периодические праздники справлялись в особом общественном доме, сооруженном в пос. Вежакары на Оби - в центре фратрии Пор. Голову медведя украшали платками, лапы - кольцами, на нос надевали берестяной кружок. Женщины не должны были смотреть на медведя и целовать его в губы и нос. В отличие от мужчин они целовали медведя через платок. Кроме того, от убитого медведя, как и от определенной группы родственников мужа, женщины закрывали лицо платком. Мужчины располагались в одной части дома, женщины - в другой, ближе к двери. Старшая в доме женщина зажигала перед медведем чагу (наrost на березе) и ставила ему угощение (рюмку водки, рыбу, сушки и т. п.). Около шкуры сидели убивший медведя охотник и старик, руководивший праздником*. Каждый приходящий на праздник приносил медведю подарок - ленточку, лоскуток, монету. В жертву медведю убивали оленя или коня. Перед

медведем ставили также выпеченные или слепленные из теста фигурки оленей, лосей, птиц и т.п.

Праздник начинался с песен, восхваляющих медведя. Затем исполнялись танцы предков, зверей, сцены охоты на них, женские, мужские, коллективные танцы, драматические сценки. Ритуал плясок по случаю удачной охоты на медведя напоминает фратриальный праздник, но является как бы его сокращенным вариантом. В конце праздника вдали от поселка, в “чистом” месте, днем начинали варить мясо медведя. Занимались этим мужчины. Они же приносили готовое мясо в дом и раздавали его гостям. Медвежье мясо ели специальными палочками. Голову, а также лапы и сердце мужчины варили отдельно в лесу и там же ели. Женщины не могли есть мясо с головы и передней части медвежьей туши. После коллективной трапезы гасили свет, и все присутствующие “засыпали”. В это время раздавался голос: “К Верхнему духу поднимается (медведь. - З.С.)”.

Кости медведя нельзя было ломать, разрубать. Во время трапезы их собирали в мешок и вместе с черепом относили на священное место, в специальный амбар, где хранились маски, посуда и другие атрибуты праздника. Иногда череп медведя вешали на дерево. На Казыме его хранили надетым на высокий пенек.

Особо относились и к шкуре медведя. Ее нельзя было выделывать, продавать. Охотник хранил ее в специальном ящике в переднем углу дома. Во время “медвежьей присяги” клялись на шкуре или лапах медведя. Считалось, что за нарушение клятвы человека ждало наказание от самого медведя. Ленты, лоскутки, кольца и прочие приношения медведю после окончания праздника вешали на специальное дерево.

Драматические представления

Проведением праздника руководили один или несколько стариков, знающих “медвежий фольклор”. Количество пропетых песен отмечали зарубками на палочке. Каждой ночью сначала исполнялись песни. В них восхвалялся медведь, рассказывалось также о происхождении фратрии Пор и установлении медвежьих обрядов, о происхождении и жизни медведя, о том, как он сделал берлогу, как его выследил охотник, как он погиб и т.п. Песни сопровождалась пляской. Исполнители в выразительных пантомимах подражали повадкам зверей, изображали охотников. Пение

* Нередко такого человека называют шаманом. В действительности медвежий культ не был связан с шаманством. У нивхов, а также ненцев, якутов, хантов, манси и других народов, например, шаман не мог устраивать камлания во время медвежьего праздника, это считалось оскорбительным по отношению к медведю. Шаман участвовал на медвежьем празднике наравне с прочими его участниками.

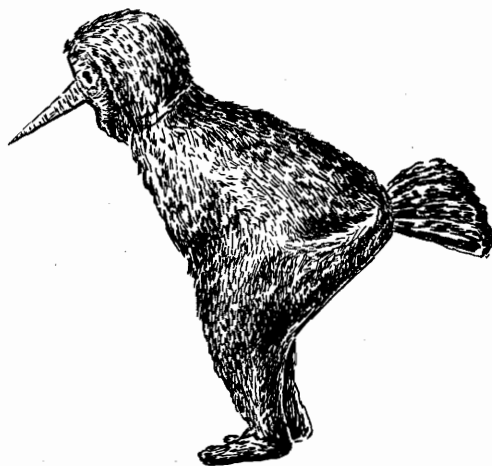

Рис. 1. Исполнитель роли петуха на медвежьем празднике у манси (рисунок В.Н. Чернецова).

и пляски проходили под аккомпанемент национальных струнных инструментов.

Во второй половине ночи начинались драматические представления. В течение праздника можно было наблюдать более 100 разнообразных сцен, которые никогда не повторялись. По содержанию их можно разделить на несколько групп: 1) сцены, характеризующие жизнь медведя; 2) эпизоды охоты и рыбной ловли; 3) песни и пляски зверей и птиц; 4) сцены встречи охотников с духами гор, леса, воды; 5) бытовые зарисовки. «Актёрами» были только мужчины, они же, переодевшись в женскую одежду, исполняли женские роли. Все были в берестяных или деревянных масках. Между интермедиями плясали женщины.

Звери и птицы - персонажи плясок - изображались очень реалистично. Такой эффект достигался благодаря искусной имитации их повадок и костюмам. Так, исполнитель роли филина выступал в одежде из оленьих шкур мехом наружу (*гусь*) с птичьими крыльями в руках.

Во время плясок предков, антропоморфных животных (например, женщины-лягушки с Северной Сосьвы, старика-ястреба с Малой Оби и др.), как и при изображении драматических сценок, использовалась обычная одежда для ряжения, а также деревянные и берестяные маски. Антропоморфную маску, к которой пришивали длинный нос, раскрашивали сажей. Для создания образа, например петуха, подол малицы завязывали в виде хвоста (рис. 1). Для изображения ружья, топора, копыта или весла использовали специально вырезанные посохи.

Бытовые сцены носили комический и сатирический характер. В них высмеивались лень, трусость, глупость, нерадивость, неряшливость и другие пороки людей. Нередко критика была направлена в адрес конкретных лиц, причем сходство с ними передавалось

талантливыми импровизаторами путем подражания их привычкам, передачей каких-то особенностей. При этом никто не должен был обижаться на исполнителей. К ним относились как к посторонним людям, пришедшим на праздник из других мест. Когда «актеры», сняв маски, возвращались после представления в дом (в помещении, где шло представление, сцены и занавеса не было, поэтому участники драматических представлений переодевались в близлежащем сарае или амбаре), хозяин обязательно спрашивал их: «Люди здесь веселились, где вы были весь вечер?». На это они отвечали: «Да? Нам ничего неизвестно, мы все время крепко спали».

К наиболее древним элементам медвежьего праздника относятся песни, пляски и сцены, в которых изображались медведь и другие животные и птицы. В прошлом эти танцы-пантомимы были, вероятно, ритуальными тотемическими плясками. Позже сложилась традиция изображать зооантропоморфных предков. А со временем ритуал праздника дополнился бытовыми и сатирическими сценками.

Култ медведя у народов Амура и Сахалина

Медвежий праздник у народов Амура и Сахалина отмечается очень своеобразно [Штернберг, 1936; Васильев, 1948; Смоляк, 1961; Цинциус, 1971]. Согласно бытующему у них медвежьему мифу, женщина и медведь, запечатленный в образе горного человека, стали родителями медвежонка. Горный человек похитил женщину и в лесу около раздвоенного дерева («где береза с елью срослись») овладел ею. Женщина превратилась в медведицу и родила медвежонка, которого с тех пор люди стали ловить для медвежьего праздника. В обрядах медвежьего праздника нередко встречается эта деталь мифа - раздвоенное дерево.

Содержание медведя в неволе

Одна из особенностей медвежьего культа у нивхов, ульчей, ороков, орочей, айнов - содержание медвежонка в неволе - в специальной клетке в форме сруба недалеко от дома*. Медведя кормили через особое окошко в срубе с помощью ложки с длинной ручкой,

* Содержание различных животных в клетках широко практиковалось в странах Америки, Азии, Африки. Например, на Формозе каждый род или деревня считали своим покровителем животное, которое они выкармливали в клетке. В Австралии содержали змей, в Америке и на Сахалине - орлов. Айны выращивали в клетках при домах лисиц, енотов, филинов, орлов, ястребов. Воспитание зверей в неволе было известно и в Сибири, например, у обских угров, хотя здесь связь этого обычая с культом животных-покровителей не установлена. Мотив выкармливания животных, птиц отмечен и в сказках, что свидетельствует о древности традиции.

на цепи выводили на прогулку. Если медвежонок был совсем маленький, его выкармливала грудью женщина. Нанайцы (гольды) называли медвежонка своим братом и сыном и ласково обращались с ним.

Праздник медведя

Праздник устраивали обычно в сентябре - октябре. Накануне айны извинялись перед богами за то, что не могут больше содержать медведя и должны его убить, а также сообщали о хорошем обращении с ним "все время". Праздник проводил хозяин медведя, но участвовали в нем все жители поселка. Хозяин, а за ним и гости "угощали" вином очаг и изображение домашнего духа, хранившееся в священном углу дома. В это время женщина, вырастившая медведя, плачем выражала свою печаль по поводу его предстоящего убийства.

Перед убийством айны, орочи, ульчи, нивхи водили медведя по всем домам селения. "Шествие с медведем" - драматическое воплощение сюжета медвежьего мифа. Во время него медведь и его спутники изображали отдельные эпизоды мифа, в которых отображался тот путь, который должен пройти зверь, отправляясь к своим прародителям. Медведя встречали в каждом доме как дорогого гостя и угощали специально приготовленной едой (студень из рыбьей кожи), подавая ее на особой ложке с длинной ручкой. Посещение священным зверем каждой семьи должно было принести ей благополучие.

У айнов все участники медвежьего праздника отправлялись к клетке с медведем, совершали перед ним возлияние вином и давали несколько капель вина и зверю. Женщины и девушки плясали перед клеткой. Женщина, вскормившая медведя, вместе с другими пожилыми женщинами, которые раньше тоже вскармливали медведей, со слезами на глазах протягивали к нему руки и исполняли особую пляску. После целого ряда ритуальных действий животное выпускали из клетки, накидывали ему на шею веревку и, всунув в пасть палку, душили его. У народов Амура перед тем как убить, на медведя надевали два специально сплетенных из травы пояса, к которым привязывали мешочки с листовым табаком, съедобными кореньями и клубнями сараны, брусничкой. На уши медведю надевали сделанные из стружек наушники. Этот обряд напоминает бытовавшие у амурских народов погребальные обряды: покойника собирали в загробный мир так же, как охотник снаряжался на промысел.

Ритуальное убийство медведя могло происходить и на "стрельбище" недалеко от селения, в "чистом" месте. Оно представляло собой прямоугольную площадку, ограниченную с трех сторон молодыми елочками, у которых несрезанными оставались лишь верхушки. С четвертой стороны прямоугольник был

огражден плетнем или циновками. У айнов здесь находился раздвоенный столб - "столб для отсылания медведя". В мифе говорилось, что с этого места начинается путь медведя к "хозяину гор". По одной половине раздваивающегося столба медведь "отсылался", по другой - "возвращался" к людям в новом году. Около ограды медведя привязывали к двум столбам и убивали из лука; при этом было важно, чтобы зверь сам подставил под выстрел "удобное" место (считалось хорошим признаком, если животное умирало сразу). Затем происходили церемонии снятия шкуры, встречи ее и празднество. Голову и шкуру медведя выставляли в маленьком амбарчике на стрельбище. Тут же убивали (душили) собаку, ее голову, шкуру и кости клали около амбарчика. Считалось, что она провожает душу медведя в загробный мир.

Особые почести воздавались голове медведя; ни одна капля медвежьей крови не должна была быть затоптана. Нивхи и айны тело медведя, его голову или шкуру вместе с головой выставляли в доме на специальном помосте-навесе (рис. 2) либо на циновке, перед ним ставили еду и питье, медведицу украшали ожерельями и серьгами. Начиналось веселье, пиршество с танцами, в которых танцующие подражали движениям медведя.

У нивхов для приготовления мяса медведя разводили огонь, который зажигали родовым огнивом, имеющим священное значение. Затем происходило ритуальное приготовление и поедание мяса. В последнюю очередь ели мозг и внутренности.

Айны после ритуального убийства медведя кровь собирали в чашки, но пить ее могли только мужчины. Сырую печень делили на мелкие кусочки между всеми и ели с солью. На следующий день готовили медвежье мясо и также делили его между участниками праздника. Считалось, что после ритуальной трапезы люди становились более храбрыми. Женщины не могли есть голову, сердце, лапы медведя.

Расстреливали животное из луков, ели его мясо, получали шкуру не "сородичи" медведя, а представители другого рода, они были связаны с организаторами праздника браками. "Сородичи" медведя не могли убивать его, есть его мясо, дотрагиваться до его шкуры. По обычаю в медведя стрелял зять членов рода, устраивавших праздник, и если он не убивал медведя тремя стрелами, то платил хозяину праздника штраф за мучения его "родственника".

Во время хождения с медведем по селению, его убийства, при встрече головы и шкуры играли на барабане - специальном ритуальном инструменте в виде длинного бревна ("музыкальное бревно"), на одном конце которого была вырезана голова медведя. Бревно подвешивали к особым наклонно установленным жердям. Жерди, как и само бревно, а также раздвоенный столб и столбы, к которым привязывали зверя на

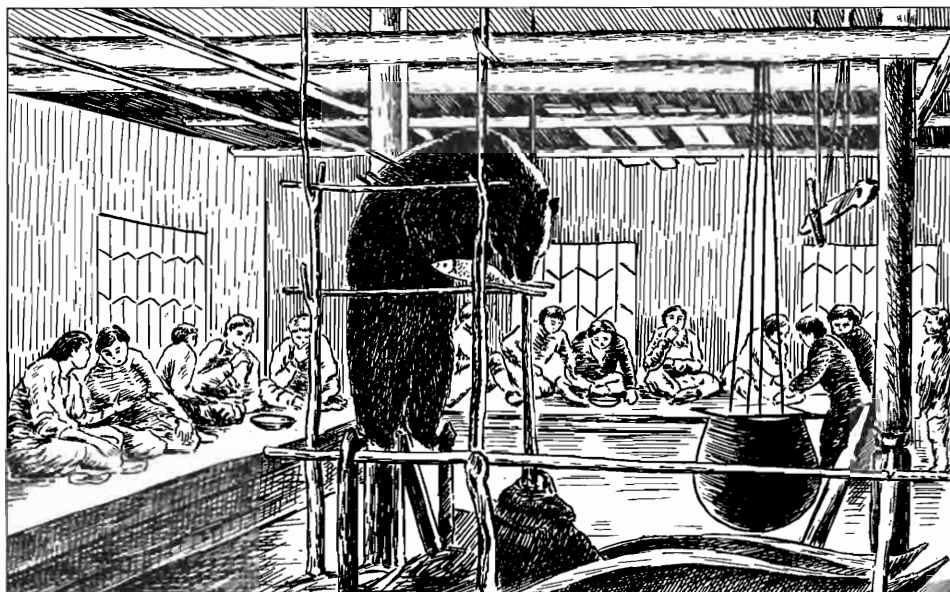

Рис. 2. Медведь в доме у нивхов (по [Атлас по истории..., 1930]).

“стрельбище”, череп медведя обвязывали особыми длинными стружками *инау*, имевшими важное значение в ритуале.

По окончании праздника череп и кости медведя хоронили на “медвежьем кладбище” - устанавливали на особых помостах или пнях в тайге. Медвежья могила считалась священной. Череп и уши медведя вешали на дерево, это будто бы помогало защититься от злых духов. Орочи, нивхи и айны говорили медведю прощальные речи на “стрельбище” перед его убиением, а также обращались к черепу по окончании праздника и при установлении его на “кладбище”. Кроме того, они “кормили” его, ставили около черепа водку, табак, ягоды, корнеплоды и т.п. Слова молитвы были обращены, однако, не к самому медведю, а к лесному духу, который посылал человеку добычу, в том числе и медведей. Нивхи верили, что через несколько дней, по окончании медвежьего праздника, когда мясо будет съедено, а кости положены в могилу или в священный амбар, медведь, живой и невредимый, в сопровождении нескольких собак, которых убивали для него, с подарками и украшениями побежит к “хозяину” самой высокой горы. Убивая медведя, нивхи говорили: “Через год приди, смени свою шерсть, чтобы на тебя снова посмотреть”.

Особенности амуро-сахалинского культа медведя

У амуро-сахалинских народов медвежий праздник был приурочен к поминкам умершего родственника. Большое влияние на него оказали погребальные обряды, культ предков, промысловый культ, южные земледельческие культы. В медвежьем празднике этого типа

можно различить два пласта - древний, имеющий сходные черты с медвежьим культом северных народов, и более поздний, местный. К древнему пласту можно отнести обычаи, связанные с охотой на медведя, например табуирование имени, соблюдение правил сборов на охоту и др. Местному пласту принадлежат обычаи содержания медведя в клетке, подпиливания и чернения ему зубов, использования стружек *инау*, сооружения специального “стрельбища” для умерщвления зверя, приурочивания медвежьего праздника к поминкам сородичей.

У амуро-сахалинских народов медвежий праздник, став со временем общенародным и несколько видоизменив свой первоначальный характер, проявляет целый ряд черт, которые связывают его с родовым тотемическим праздником. В этой связи привлекают внимание такие его особенности, как выкармливание медвежонка грудью, отношение к медведю как к сородичу (брату, сыну и т.д.), важная роль рода жены на празднике (убиение животного, поедание его мяса), разведение очага для приготовления мяса родовым священным огнем, подражание во время пляски движениям медведя, ритуальное вкушение его крови, мозга, печени, иных внутренностей, а затем и мяса, в прошлом, вероятно, запретного в обычное время, особое отношение к черепу, шкуре, похороны костей.

Култ медведя у других народов мира

Нельзя не отметить, что возникновение и развитие культа медведя было обусловлено боязнью этого грозного хищника. Суеверный страх перед этим хозяином тайги порождал особое к нему отношение и многие обряды, направленные на умиротворение зверя.

Среди народов, проживающих от Каспийского моря до Тянь-Шаня, в Сибири и на европейской части России, существовали поверья о том, что медведь раньше был человеком. Его мясо в Средней Азии ели лишь в лечебных целях. Осетины считали медведя своим родственником; они не убивали его и никогда не использовали его шкуру.

В прошлом культ медведя был распространен, очевидно, еще шире. Русский обычай вождения медведя восходит, по всей видимости, также к древнему культу медведя. В русских народных сказках сохранилось уважительное отношение к медведю. Его называли “царь-медведь”. Считалось, что раньше медведь был человеком, он покровительствует людям, помогает им в борьбе с чертями. Для защиты от нечистой силы крестьяне вешали в конюшню медвежью голову, окуривали дом и надворные постройки дымом паленой медвежьей шерсти, зазывали в дом вожака с медведем и просили его обвести зверя вокруг двора. На основе этого культа развились, очевидно, обрядовое вождение медведя, а также традиция наряжаться в его шкуру, получившая широкое распространение на Руси. Церковь преследовала подобные церемонии; сохранились проповеди, изобличавшие “бесовские” обряды, участники которых рядились в звериные шкуры, плясали и пели песни.

Западные чехи наряжали медведем парня, окутанного гороховой соломой. В каждом доме он плясал с девушками и женщинами; считалось, что его появление содействовало плодородию. В Польше на святках на тележке возили человека в козьей шкуре, изображавшего медведя, и двух человек, обвитых гороховой соломой. Перед каждым домом ряженный рычал. Считалось, что девушка, услышавшая его первой, в скором времени должна выйти замуж. Эти обряды - не что иное, как переживание древнего культа животных. Вождение медведя (а в некоторых местностях козы или козла) не было простой забавой, оно имело цель содействовать хорошему урожаю, а также плодovitости женщин.

При анализе древней мифологии выявляется зооморфный характер многих богов и богинь. Например, древнегреческая богиня Артемида имеет прямое отношение к культу медведя. В ее честь устраивали празднества, на которых в жертву приносили медведей. Имя богини происходит от греческого слова, означающего “медведь”. В древней Греции девочек в возрасте 5 - 10 лет называли медвежатами, они должны были подражать повадкам медведей, участвовать в ритуальных плясках с медведями на празднике в честь Артемиды (прирученный медведь постоянно содержался при храме богини). Таким же характером обладала богиня Артио, покровительница жителей Берна в Швейцарии. В этом городе медведей содержали в клетке на центральной площади.

Наблюдаемое у всех народов на огромных территориях Северной Европы и Северной Америки сходство обрядов - признак большой древности церемоний, связанных с почитанием медведей и восходящих к периоду верхнего палеолита. Табуирование имени медведя, отношение к нему как к “священному зверю”, запрет убивать его и есть его мясо, мифологическая часть праздника свидетельствуют о почитании медведя как родственника, об отождествлении его с человеком (вера в превращение людей в медведей и наоборот, в возможность сексуальных отношений между людьми и медведями). Коллективное поедание мяса медведя - причастная трапеза, аналогичная вкушению мяса тотема. Считается, что медведь после своего возрождения покровительствует членам рода или фратрии. Вместе с тем в почитании медведя много черт промыслового культа: обычай давать подставные имена, отведение вины за его убийство, особое отношение к шкуре, костям и черепу и др. В ряде случаев медведь превращается в культурного героя.

Таким образом, почитание медведя и связанные с ним церемонии - сложный зоолатрический культ, сложившийся в течение длительного времени. В нем переплелись элементы разного свойства и происхождения: суеверный страх перед хищником, представления и обряды родового и фратриального тотемизма, промыслового культа, а также культа предков (у народов Амура и Сахалина). При всех общих чертах культа медведя у разных народов формировались и специфические, этнические его черты, особенно ярко представленные у обских угров и амуро-сахалинских народов.

Список литературы

- Авдеев А.Д.** Происхождение театра. - Л.; М.: Искусство, 1959. - 266 с.
- Авдеев И.И.** Песни народа манси. - Омск: Огиз, 1936. - 127 с.
- Аверкиева Ю.П.** К вопросу о тотемизме у индейцев северо-западного побережья Северной Америки // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований // ТИЭ. Нов. сер. - М., 1959. - Т. 51. - С. 250 - 265.
- Алексеев Е.А.** Культ медведя у кетов // СЭ. - 1960. - № 4. - С. 90 - 104.
- Алексеев Е.А.** Кеты: Ист.-этногр. очерки. - Л.: Наука, 1967. - 262 с.
- Анисимов А.Ф.** Культ медведя у эвенков в проблеме эволюции тотемистических верований // Вопросы истории религии и атеизма. - М.: Изд-во АН СССР, 1950. - С. 303 - 323.
- Василевич Г.М.** Эвенки. - Л.: Наука, 1969. - 304 с.
- Василевич Г.М.** О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды у народов Сибири в XIX - начале XX века. - Л.: Наука, 1971. - С. 150 - 169.
- Васильев Б.А.** Медвежий праздник // СЭ. - 1948. - № 4. - С. 78 - 104.
- Гемуев И.Н.** Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-Алтаистика: Ар-

хеология. Этнография. Язык. - Новосибирск: Наука, 1985. - С. 137 - 144.

Гурвич И.С. Охотничьи обычаи и обряды у населения Оленекского района // Сб. материалов по этнографии якутов. - Якутск: Б.и., 1948. - С. 74 - 94.

Енисейский округ и его жизнь. - СПб.: Б.и., 1865.

Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. - Л.: Изд-во АН СССР, 1929. - 151 с.

Золотарев А.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. - Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. - 52 с.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. - М.: Географиз, 1948. - Т. 2. - 296 с.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. - Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1984. - 191 с.

Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Титаренко Е.М. Ханты р. Аган // Из истории Сибири. - Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1975. - Вып. 16. - С. 130 - 177.

Максимов А.Н. К вопросу о тотемизме народов Сибири // Учен. зап. / Ин-т истории. - М., 1928. - Т. 7. - С. 3 - 14.

Потапов Л.П. Охотничьи обряды и поверья у алтайских турков // Культура и письменность Востока. - Баку: Б.и., 1929. - Кн. 5. - С. 123 - 149.

Потапов Л.П. Следы тотемических представлений у алтайцев // СЭ. - 1935. - № 4/5. - С. 134 - 152.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. - М.: [Тип. Г. Лисснера и Д. Собко], 1910 - 1914. - Т. 1. - 674 с.; т. 2. - 416 с.

Религии наименее культурных племен: Сб. этногр. материалов. - М.; Л.: Моск. рабочий, 1931. - 327 с.

Религиозные верования народов СССР: Сб. этногр. материалов. - М.; Л.: Моск. рабочий, 1931.

Серовский В.Л. Якуты. - СПб.: Изд-во ИРГО, 1896. - Т. 1. - 719 с.

Смоляк А.В. Некоторые вопросы происхождения народов Нижнего Амура (о так называемом айнском компоненте в медвежьем празднике амурского типа) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. - С. 337 - 344.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX века. - Л.: Наука, 1971. - С. 211 - 238.

Соколова З.П. Культ животных в религиях. - М.: Наука, 1972. - 213 с.

Соколова З.П. Страна Югория. - М.: Мысль, 1976. - 119 с.

Соколова З.П. Путешествие в Югору. - М.: Мысль, 1982. - 173 с.

Хайтун Д.Е. Пережитки тотемизма у народов Сибири и Дальнего Востока // Учен. зап. / Таджик. гос. ун-т. - Сталинабад, 1956. - Т. 14. - С. 111 - 142.

Харузин Н.Н. Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов. - М.: Б.и., 1899. - 72 с.

Цинциус В.И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX века. - Л.: Наука, 1971. - С. 170 - 200.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. - Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936. - Т. 4. - 572 с.

Jochelson W. The Korjak // Jesup North Pacific Expedition. - Leiden; N.-Y.: 1908. - Vol. 6, pt II.

Sokolowa S. Das Land Jugorien. - Moskau; Leipzig, 1982.

Материал поступил в редколлегию 15.11.99 г.

Т.А. Чикишева

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: antr@bronze.archaeology.nsc.ru*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе)

Введение

Могильник Старый Сад, расположенный в центральной части Барабинской лесостепи, раскопан А.В. Нескоровым в полевые сезоны 1983 и 1984 гг. По атрибутике культурного комплекса погребений могильник имеет сходство с памятниками бегазы-дандыбаевской культуры Казахстана [Нескоров, 1985, 1986]. Аналогичные погребения встречены в Центральной Барабе также на могильниках Преображенка-3, Абрамово-4 [Молодин, 1981, 1985].

Культуру, представленную на памятниках Центральной Барабы, условно именуют культурой эпохи поздней бронзы. Такое название в какой-то степени отражает ее дистанцирование от синхронной ирменской культуры, происхождение которой связывается с частью Барабинской лесостепи. В последнее десятилетие сделаны попытки соотнести “культуру эпохи бронзы” с бегазы-дандыбаевской культурой [Молодин, Нескоров, 1992], эпицентром распространения которой является Центральный Казахстан [Маргулан, 1979].

Сопоставив все (помимо обнаруженных в Центральном Казахстане) свидетельства пребывания носителей бегазы-дандыбаевских культурных традиций, В.И. Молодин высказал предположение о миграции каких-то групп бегазы-дандыбаевского населения на юго-восток и восток, где они могли существенно повлиять на этническую и культурную историю племен раннего железного века [1998]*.

* Бегазы-дандыбаевская керамика и изделия из бронзы зафиксированы на территории Восточного Казахстана и Синьцзяна, в Барабинской и Кулундинской лесостепи, а также в Приобье.

Палеоантропологические материалы из могильника Старый Сад, будучи не опубликованными мною, неоднократно использовались в сравнительном статистическом анализе антропологических данных, характеризующих носителей некоторых культур южных районов Сибири. Его неизменным результатом становилось проявление высокой степени сходства по комплексу признаков краниологической серии из Старого Сада с материалами окуневской и карасукской культур эпохи бронзы, а также пазырыкской культуры Горного Алтая и ряда групп сако-усуньской этно-культурной общности эпохи раннего железа. Это может свидетельствовать, с одной стороны, о большой расогенетической роли бегазы-дандыбаевского населения в формировании ранних скотоводов и кочевников Азии, с другой стороны, о том, что сако-усуньские племена и пазырыкцы имеют общий антропологический субстрат, распространенный в Южной Евразии наряду с другими протоевропейскими типами (андроновским, протосредиземноморским) и доминировавший в среде представителей окуневской, карасукской и бегазы-дандыбаевской культур.

Группы бегазы-дандыбаевского населения, как предполагают, мигрировали из центра его формирования не только в горно-степные районы Центральной Азии и Южной Сибири, но и на север, в лесостепную полосу Западной и Средней Сибири, занятую носителями культур карасукского круга северной и южной разновидности (“классической” карасукской, ирменской, еловской, черкаскульской, сузгунской). Поэтому нельзя не поставить вопрос о том, как отразились подобные передвижения на морфологии представителей племен ирменско-карасукского круга и

Таблица 1. Показатели смертности среди мужчин, погребенных в могильнике Старый Сад

Возрастной интервал, годы	Численность умерших в интервале (x, x+n), чел.	Доля умерших в интервале (x, x+n), %	Доля доживающих до возраста x, %	Вероятность смерти в интервале (x, x+n)	Общее кол-во прожитых лет в интервале (x, x+n)	Общее кол-во оставшихся лет жизни после возраста x	Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте x
(x, x+n)	D _x	d _x	l _x	q _x	L _x	T _x	e _x
15 - 19	2	10,00	100,00	0,1000	475,00	2425,00	24,25
20 - 24	1	5,00	90,00	0,0556	437,50	1950,00	21,67
25 - 29	3	15,00	85,00	0,1765	412,50	1512,50	17,79
30 - 34	1	5,00	80,00	0,0625	387,50	1100,00	13,75
35 - 39	8	40,00	75,00	0,5333	275,00	712,50	9,50
40 - 44	1	5,00	35,00	0,1429	162,50	437,50	12,50
45 - 49	1	5,00	30,00	0,1667	137,50	275,00	9,17
50 - 60	3	15,00	25,00	0,6000	100,00	137,50	5,50
60 - 64	0	0,00	15,00	0,0000	37,50	37,50	2,50
Всего	20	100,00					

M=41,24 Численность индивидуумов (на 1 тыс. чел.), умирающих за год

самых мигрантов. Чтобы ответить на него, необходимо прежде всего получить представление об антропологических особенностях, по-видимому, целого слоя западно-сибирского населения, которое по археологическим данным предстает как результат взаимодействия и трансформации нескольких этнокультурных элементов.

При анализе палеоантропологической серии из Старого Сада мы, к сожалению, не имеем возможности сопоставить ее морфологические особенности с предполагаемым для нее основным компонентом, связанным с антропологической средой племен скотоводов эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. Палеоантропологические материалы из погребений бегазы-дандыбаевской культуры, возможно, и существуют, но мне не удалось встретить даже упоминания об этом или ссылку на какую-либо их интерпретацию.

Происхождение популяции

Не весь материал, полученный из погребений могильника, мог быть подвергнут краниометрическому и остеометрическому анализам, поскольку часть его представлена посмертно деформированными и разрушенными костными фрагментами. Однако эти фрагменты были учтены при характеристике половозрастной структуры памятника.

В погребениях эпохи поздней бронзы могильника Старый Сад найдены останки 48 взрослых и детей, из них 20 мужчин (41,7%), 15 женщин (31,2%) и 13 детей (27,1%). Шесть погребенных, или 38,5% от численности захороненных детей, - новорожденные и дети

до года. Они обнаружены в основном в одном погребении со взрослыми - в трех случаях с женщинами и в одном с мужчиной. Два погребения в кург. 81 являются захоронениями новорожденных. На основании имеющегося в моем распоряжении палеоантропологического материала я не могу утверждать с абсолютной уверенностью, что на могильнике Старый Сад детей могли хоронить в отдельных курганах на одном могильном поле со взрослыми. Хотя на это могут указывать два кургана, содержащие по несколько детских погребений: кург. 76 с двумя погребениями подростков 13 - 15 лет и кург. 81 с тремя погребениями детей в возрасте от 0 до 2 - 2,5 лет.

Средняя продолжительность жизни*, рассчитанная для всей группы погребенных (включая детей), составляет 28,2 года, только для взрослых - 36,9 лет, для мужчин - 36,1 года и для женщин - 38,0 лет. Среди взрослых погребенных нет людей пожилого возраста (*Senilis* - старше 60 лет). Близкие результаты получены в ходе палеодемографического анализа материалов могильника ирменской культуры Журавлево-4 в Кузнецкой котловине [Чикишева, 1993], могильника карасукской культуры Карасук-3 [Алексеев, 1972] и при расчете среднего возраста взрослых погребенных из серии карасукских памятников Минусинской котловины [Там же]. Любопытно, что средняя продолжительность жизни в группе, оставившей мо-

* Средняя продолжительность жизни вычислена по серединам возрастных категорий, к которым относятся индивидуумы. Каждая возрастная категория соответствует пятилетнему периоду, достаточному для того, чтобы учесть возможную при определении возраста ошибку. Структура разбивки материала на возрастные категории отражена в таблицах смертности (табл. 1 - 3).

Таблица 2. Показатели смертности среди женщин, погребенных в могильнике Старый Сад

Возрастной интервал, годы	Численность умерших в интервале (x, x+n), чел.	Доля умерших в интервале (x, x+n), %	Доля доживающих до возраста x, %	Вероятность смерти в интервале (x, x+n)	Общее кол-во прожитых лет в интервале (x, x+n)	Общее кол-во оставшихся лет жизни после возраста x	Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте x
(x, x+n)	D_x	d_x	l_x	q_x	L_x	T_x	e_x
15 - 19	1	6,67	100,00	0,0667	483,32	2316,38	23,16
20 - 24	1	6,67	93,33	0,0715	449,97	1833,06	19,64
25 - 29	0	0,00	86,66	0,0000	433,30	1382,09	15,96
30 - 34	1	6,67	86,66	0,0770	416,62	949,79	10,96
35 - 39	4	26,67	79,99	0,3334	333,27	533,17	6,66
40 - 44	6	40,00	53,32	0,7502	166,60	199,90	3,75
45 - 49	2	13,33	13,32	1,0000	33,30	33,30	2,50
50 - 60	0	0,00	0,00				
Всего	15	100,00					

M=43,18 Численность индивидуумов (на 1 тыс. чел.), умирающих за год

Таблица 3. Показатели смертности лиц обоего пола, погребенных в могильнике Старый Сад

Возрастной интервал, годы	Численность умерших в интервале (x, x+n), чел.	Доля умерших в интервале (x, x+n), %	Доля доживающих до возраста x, %	Вероятность смерти в интервале (x, x+n)	Общее кол-во прожитых лет в интервале (x, x+n)	Общее кол-во оставшихся лет жизни после возраста x	Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте x
(x, x+n)	D_x	d_x	l_x	q_x	L_x	T_x	e_x
0 - 4	8	16,67	100,00	0,1667	458,325	2858,900	28,59
5 - 9	2	4,17	83,33	0,0500	406,225	2400,575	28,81
10 - 14	3	6,25	79,16	0,0790	380,175	1994,350	25,19
15 - 19	3	6,25	72,91	0,0857	348,925	1614,175	22,14
20 - 24	2	4,17	66,66	0,0626	322,875	1265,250	18,98
25 - 29	3	6,25	62,49	0,0993	296,825	942,375	15,08
30 - 34	2	4,17	56,24	0,0741	270,775	645,550	11,48
35 - 39	12	25,00	52,07	0,4801	197,850	374,775	7,20
40 - 44	7	14,58	27,07	0,5386	98,900	176,925	6,53
45 - 49	3	6,25	12,49	0,5004	46,825	78,025	6,25
50 - 60	3	6,25	6,24	1,0000	31,200	31,200	5,00
Всего	20	100,00					

M=34,98 Численность индивидуумов (на 1 тыс. чел.), умирающих за год

гильник Старый Сад, несколько выше, чем в группах синхронного населения:

Журавлево-4 (мужчины) - 36,8

Журавлево-4 (женщины) - 33,0

Карасук III (взрослые суммарно) - 37,8

Карасук III (мужчины) - 36,2

Карасук III (женщины) - 39,4

Носители карасукской культуры (взрослые суммарно) - 34,7

Носители карасукской культуры (мужчины) - 33,9

Носители карасукской культуры (женщины) - 35,6

Наблюдаемое распределение показателя свидетельствует о том, что популяция, представленная на могильнике Старый Сад, отражает те же тенденции жизнеспособности населения, которые были свойственны в целом эпохе, образу и уровню жизни представителей круга скотоводческих культур южных районов Сибири. Вряд ли такого соответствия могла достичь группа мигрантов, вынужденная по каким-то причинам сменить места традиционных кочевий и приспособляться к новой социальной и природно-климатической среде.

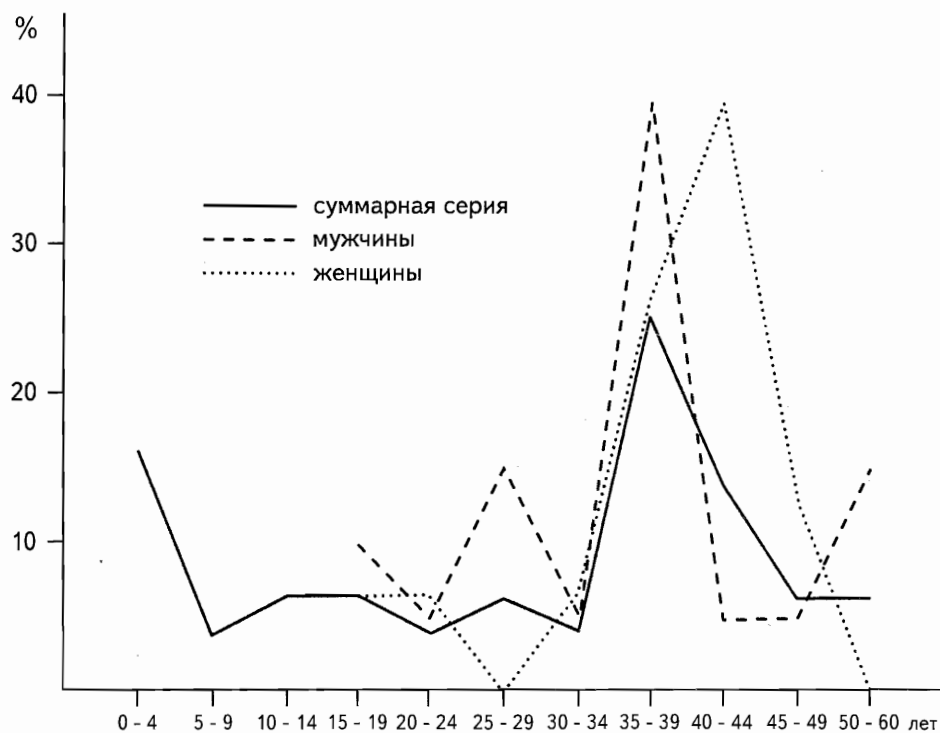

Рис. 1. Кривые смертности популяции из могильника Старый Сад.

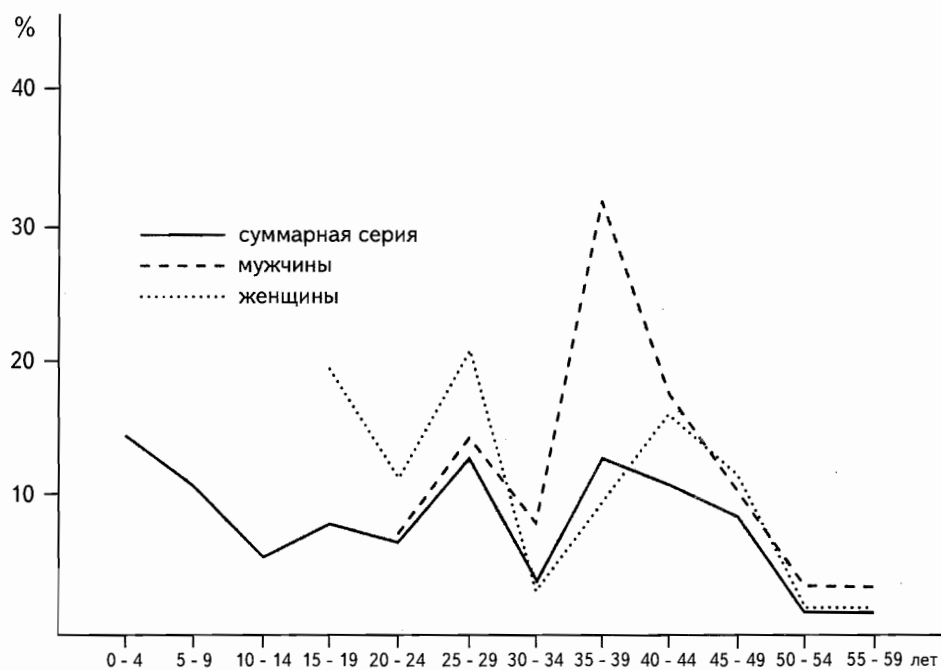

Рис. 2. Кривые смертности популяции из могильника Журавлево-4.

Таблицы распределения погребенных по возрасту для популяции из Старого Сада (методику см. [Uberlaker, 1978, p. 92 - 97]) (см. табл. 1 - 3) и для представителей ирменской культуры из могильника Журавлево-4 [Чикишева, 1993] по структуре принципиально

не различаются. Сходство по половозрастному составу обоих некрополей наглядно может быть продемонстрировано на графиках соотношения численности умерших в каждом пятилетнем интервале к общей численности погребенных (d_x в табл. 1 - 3) (рис. 1, 2).

Таблица 4. Средние характеристики краниологической серии культуры эпохи поздней бронзы из могильника Старый Сад

Признак	Мужчины			Женщины		
	n	x	s	n	x	s
1	2	3	4	5	6	7
1. Продольный диаметр	11	182,8	7,22	8	172,2	4,16
8. Поперечный диаметр	12	149,3	6,27	8	141,4	2,67
17. Высотный диаметр от базиса	5	135,8	5,67	7	128,1	5,43
20. Высотный диаметр от пориона	10	117,3	5,52	7	109,6	5,46
5. Длина основания черепа	5	104	5,66	8	100,6	3,89
9. Наименьшая ширина лба	13	99,8	4,78	9	92,1	3,03
10. Наибольшая ширина лба	13	124,4	4,35	8	115,5	4,72
11. Ширина основания черепа	10	133,7	6,29	8	125,1	3,44
12. Ширина затылка	8	117	3,54	9	109,3	2,96
29. Лобная хорда	15	111,6	4,14	10	108,3	6,38
30. Теменная хорда	10	110,4	5,83	8	105,2	7,21
31. Затылочная хорда	8	96,7	4,23	9	92,6	4,22
25. Сагиттальная дуга	6	367,2	13,3	8	345	10,66
26. Лобная дуга	12	127,2	6,15	9	122,7	6,91
27. Теменная дуга	9	122	6,46	8	116,6	10,4
28. Затылочная дуга	7	117,4	8,96	9	113	7,36
Sub.NB. Высота продольного изгиба лба	14	23,4	2,91	10	23,9	2,59
8:1. Черепной указатель	10	82,2	5,48	8	82,1	2,48
17:1. Высотно-продольный указатель от базиса	5	74,8	2,36	7	74,4	2,25
17:8. Высотно-поперечный указатель от базиса	5	90,3	4,85	7	90,7	3,49
20:1. Высотно-продольный указатель от пориона	8	65,2	1,72	7	63,6	2,72
20:8. Высотно-поперечный указатель от пориона	8	78,7	4,33	7	77,5	3,34
9:8. Лобно-поперечный указатель	10	66,4	2,93	7	64,9	1,21
10:8. Широтный лобный указатель	11	82,9	2,24	7	81,7	3,31
9:10. Лобный указатель	11	80,6	3,76	8	79,9	1,77
29:26. Указатель изгиба лба	12	88,3	3,43	9	88,9	1,3
30:27. Указатель изгиба темени	9	90,1	1,45	8	88,9	1,93
31:28. Указатель изгиба затылка	7	82,7	3,58	8	83,7	2,58
26:25. Лобно-сагиттальный указатель	6	34,7	1,16	7	34,4	0,46
27:25. Теменно-сагиттальный указатель	6	33,2	1,57	7	33,7	2,31
28:25. Затылочно-теменной указатель	7	97,6	8,91	7	95,1	14,21
Sub.NB.:29. Указатель выпуклости лба	14	20,9	2,68	10	22	1,77
Угол поперечного изгиба лба	13	138,5	3,77	9	135,2	3,89
32. Угол профиля лба от назиона	9	85,2	5,12	8	82,5	3,46
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	9	77,5	5,77	8	77,7	4,06
45. Скуловой диаметр	8	143	6,65	6	131	5,37
40. Длина основания лица	4	100	5,35	7	94	2,94
48. Верхняя высота лица	10	70,7	3,3	8	64,9	5,3
47. Полная высота лица	7	116,8	6,89	6	107	6,75
43. Верхняя ширина лица	13	112,6	3,57	8	102,7	2,31
46. Средняя ширина лица	6	100,3	5,24	6	92,7	5,39
60. Длина альвеолярной дуги	6	54,2	1,96	10	51,8	2,62
61. Ширина альвеолярной дуги	7	65,3	3,04	8	61	3,12
62. Длина неба	6	46	2,5	6	43,8	2,93
63. Ширина неба	7	38,9	2,48	10	35,2	1,98
55. Высота носа	10	52,8	2,4	8	49,8	2,8
54. Ширина носа	10	25,8	1,68	8	25,8	1,88
51. Ширина орбиты от maxillofrontale	7	45,6	1,53	7	41,8	1,85
51a. Ширина орбиты от dacrion	5	43,7	1,43	7	39,9	1,21
52. Высота орбиты	7	33,2	1,96	7	31,9	1,59
SS. Симотическая высота	8	3,97	1,12	8	4	0,88
SC. Симотическая ширина	8	8,19	1,75	8	9,15	1,44
DS. Дакриальная высота	6	12,55	1,26	7	11,33	0,99
DC. Дакриальная ширина	6	23,47	1,81	7	21,13	1,7

1	2	3	4	5	6	7
MS. Максиллофронтальная высота	8	8,69	1,26	7	7,94	0,68
MC. Максиллофронтальная ширина	9	22,62	3,27	7	19,06	1,72
SS:SC. Симотический указатель	8	48,3	8,52	8	44,5	9,63
DS:DC. Дакриальный указатель	6	54	8,61	7	53,9	7
MS:MC. Максиллофронтальный указатель	8	40,4	7,7	7	41,9	5,11
40:5. Указатель выступания лица	4	95	1,54	7	94,1	4,96
48:17. Вертикальный кранио-фациальный указатель	4	51,3	1,99	7	49,8	2,13
45:8. Горизонтальный кранио-фациальный указатель	7	95,4	3,84	6	93,2	4,35
9:45. Лобно-скуловой указатель	7	69,8	3,12	5	69,8	4,43
48:45. Верхний лицевой указатель	6	49,2	3,59	5	47,8	4,25
61:60. Челюстно-альвеолярный указатель	5	122,2	4,52	8	116,9	7,69
63:62. Небный указатель	5	84,7	8,93	6	81,9	3,97
54:55. Носовой указатель	10	48,8	3,14	7	53,07	4,3
52:51. Орбитный указатель от maxillofrontale	7	72,8	5,52	7	76,3	3,97
52:51a. Орбитный указатель от dacrion	5	75,6	6,61	7	79,9	3,71
Высота изгиба скуловой кости (по By)	6	12,4	1,48	5	11	1,9
Ширина скуловой кости (по By)	6	58,3	2,57	5	55,6	3,4
Указатель изгиба скуловой кости	6	21,3	2,85	5	19,7	2,5
FC. Глубина клыковой ямки (мм)	7	4,33	1,82	7	3,4	0,73
72. Общий угол профиля лица	9	88,4	4,27	7	89,3	4,96
73. Угол профиля средней части лица	9	90,4	4	7	91,3	5,22
74. Угол профиля альвеолярной части лица	9	83,3	7,38	7	82,6	5,5
75. Угол наклона носовых костей	7	65,4	6,65	6	67	6,63
75(1). Угол выступания носа	8	24,4	6,1	7	22,3	5,71
77. Назомаллярный угол	13	142,1	5,52	8	139,1	3,22
zm'. Зигомаксиллярный угол	6	132	6,52	6	133,4	6,5
Форма черепа в вертикальной норме (%):						
ovoid	3	21,4	-	1	11,1	-
sphaenoid	8	57,1	-	5	55,5	-
sphaeroid	2	14,3	-	2	22,2	-
pentagonoid	1	7,1	-	-	-	-
romboid	-	-	-	1	11,1	-
Надпереносье (по Мартину 1 - 6)	15	3,8	0,94	11	2,36	0,67
Надбровные дуги (1 - 3)	16	1,87	0,34	11	1,45	0,69
Наружный затылочный бугор (по Брока 0 - 5)	13	3	1,53	10	0,5	0,71
Сосцевидный отросток (1 - 3)	13	2,54	0,52	12	1,92	0,67
Передне-носовая ось (по Брока 1 - 5)	10	3,3	1,16	8	3,25	0,46
Форма нижнего края грушевидного отверстия (%):						
anthropina	10	83,3	-	7	70	-
fossa praenosalis	1	8,33	-	2	20	-
infantilis	1	8,33	-	1	10	-
Нижняя челюсть:						
68(1). Длина от мыщелок	7	105,7	5,09	7	105,1	3,39
68. Длина от углов	9	82,7	6,54	7	79,6	3,21
79. Угол ветви	9	116,7	8,73	7	120,1	5,98
70. Высота ветви	10	64,2	10,21	8	56,4	4,9
71a. Наименьшая ширина ветви	10	36,6	3,72	7	33,7	1,6
65. Мыщелковая ширина	5	128,6	6,62	6	117,8	7,98
66. Угловая ширина	8	105,7	6,25	7	97,6	4,12
67. Передняя ширина	9	45,4	2,6	8	45,4	2,61
69. Высота симфиза	10	33,9	2,81	7	30	3
69(1). Высота тела	10	32,6	4,32	7	29,6	2,57
69(3). Толщина тела	10	12,3	3,5	8	12	1,51
C'. Угол выступания подбородка	9	71,2	4,12	8	68,1	6,94

Таблица 5. Индивидуальные измерения мужских черепов IX - VIII вв. до н. э. из могильника Старый Сад

Признак	Курган 1, погр. 1, 50 - 60 лет	Курган 6, погр. 1, 35 - 40 лет	Курган 9, погр. 1, 35 - 40 лет	Курган 10, погр. 1, 35 - 40 лет	Курган 27, погр. 1, 20 - 25 лет	Курган 43, погр. 1, 15 - 16 лет	Курган 48, погр. 1, 35 - 40 лет	Курган 52, погр. 1, 18 лет	Курган 59, погр. 1, 35 - 40 лет	Курган 62, погр. 1, 50 - 55 лет	Курган 64, погр. 1, 55 - 60 лет	Курган 65, погр. 1, 45 - 50 лет	Курган 67, погр. 1, 40 - 45 лет	Курган 69, погр. 1, 40 - 45 лет	Курган 72, погр. 1, 35 - 40 лет	Курган 82, погр. 1, 25 - 30 лет	Курган 83, погр. 1, 20 - 25 лет
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1. Продольный диаметр	189	-	181	177	180	-	180	-	179	194	-	170	-	194	183	-	184
8. Поперечный диаметр	139	144	151	157	155	149	152	-	142	156	-	149	-	142	156	-	-
17. Высотный диаметр от базиса	-	-	140	-	136	-	-	-	-	-	-	126	-	138	139	-	-
20. Высотный диаметр от порионов	-	-	119	119	118,5	121	121	109,1(?)	114	-	-	106,7	-	122,5	-	-	122
5. Длина основания черепа	-	-	106	-	97	-	-	-	-	-	-	99	-	109	109	-	-
9. Наименьшая ширина лба	-	95,8	101,8	94	104,3	100,8	97,8	93,8	91,8	-	-	103	102	100	105	-	107,1
10. Наибольшая ширина лба	120	124	130	129	126	-	121	-	118	128	-	122	127	117	127	-	128
11. Ширина основания черепа	120	-	139	141	139	131	-	128	-	-	-	136	-	134	137	-	132
12. Ширина затылка	117	-	118	115	121	-	118	-	-	-	-	116	-	110	121	-	-
29. Лобная хорда	113	117,7	117,8	111,8	105	110	115,1	105,8	108	114,1	110	-	114	116,1	108,1	-	108,3
30. Теменная хорда	107	115	110	-	-	-	105	113	107	-	115	99	-	116	117	-	-
31. Затылочная хорда	96,8	-	92	-	95,5	-	105,4	-	92	-	-	96,5	-	98,7	97	-	-
25. Сагиттальная дуга	363	-	374	-	-	-	373	-	346	-	-	-	-	385	362	-	-
26. Лобная дуга	128	133	135	-	-	-	132	117	122	122	125	-	127	128	121	-	137
27. Теменная дуга	120	-	126	-	-	-	115	125	117	-	129	111	-	127	128	-	-
28. Затылочная дуга	115	-	113	-	-	-	130	-	107	-	-	114	-	130	113	-	-
Sub.NB. Высота продольного изгиба лба	-	25,5	26	24,8	26,5	-	25,6	19,5	21,1	17,3	25	-	23	21	21,5	-	27
Высота поперечного изгиба лба	-	16,6	18	18	18	20,8	17	17,9	18,1	-	-	16,5	20,4	20	20	-	25
Угол поперечного изгиба лба	-	141,8	141	138,2	142,2	135,2	141,6	138,4	137	-	-	144,5	136,4	136,4	138,4	-	130
32. Угол профиля лба от назиса	84	-	86	88	90	89	92	-	79	-	-	-	-	77	82	-	-
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	75	-	74	82	83	82	86	-	74	-	-	-	-	69	73	-	-
45. Скуловой диаметр	-	-	149	147	147	138	-	-	129	-	-	142	-	145	-	-	147
40. Длина основания лица	-	-	103	-	92	-	-	-	-	-	-	-	-	102	103	-	-
48. Верхняя высота лица	67	-	70	72	67	66	70	-	72	-	-	-	76	73	74	-	-
47. Полная высота лица	113	-	119	127	111	107	122	-	119	-	-	-	-	-	-	-	-
43. Верхняя ширина лица	109	115	116	108	114	-	111	110(?)	106	-	-	112	-	114	115	-	117
46. Средняя ширина лица	-	-	108	97	100	-	104	-	93	-	-	-	117	100	-	-	-
60. Длина альвеолярной дуги	-	-	53	56	52	-	57	-	-	-	-	-	-	53	54	-	-
61. Ширина альвеолярной дуги	-	-	63	70	67	-	68	-	62	-	-	64	-	63	-	-	-
62. Длина неба	-	-	46	44,2	45	-	-	-	49	-	-	-	-	43	49	-	-
63. Ширина неба	-	-	37,1	40,5	42	-	39,8	-	35	-	-	40,6	-	37,3	-	-	-
55. Высота носа	53,6	-	52,5	54,7	51,1	49,3	49,2	-	54,6	-	-	-	56,8	53,3	53,1	-	-
54. Ширина носа	27,3	-	25	28,4	24,7	23,1	26,6	-	26,5	-	-	-	25	27,3	24	-	-
51. Ширина орбиты от m'	46,7 пр.	-	47	43,8	47,3	-	44,8 пр.	-	43,3	-	-	-	45,7	46,2	45,2	-	-
51a. Ширина орбиты от d	43,6 пр.	-	44,3	41,6	45,3	-	-	-	-	-	-	-	42,9	44,2	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
52. Высота орбиты	31 пр.	-	32	36	34,8	-	31,7 пр.	-	33	-	-	-	31,2	30,8	34,4	-	-
SS. Симметрическая высота	4	-	3	5	2,8	-	-	-	5,7	-	-	-	3	5	3,3	-	-
SC. Симметрическая ширина	7,4	-	7	8,5	7	-	-	-	9,3	-	-	-	7,3	12	7	-	-
DS. Дакриальная высота	12,8	-	11,8	13	10,4	-	-	-	-	-	-	-	13,8	13,5	-	-	-
DC. Дакриальная ширина	21,9	-	25,5	21,8	25,6	-	-	-	-	-	-	-	22	24	-	-	-
MS. Максиллофронтальная высота	8,6	-	7,2	9,2	7,2	-	-	-	11,1	-	-	-	8,2	8,7	9,3	-	-
MC. Максиллофронтальная ширина	21,1	-	24,7	19,6	22,8	-	-	-	21,4	-	-	-	19,6	23,7	20,7	-	30
Высота изгиба скуловой кости (по Bu)	11 пр.	-	13	10,5	12,1	-	-	-	-	-	-	-	-	13	-	-	11,3
Ширина скуловой кости (по Bu)	59 пр.	-	55,9	59,5	54,8	-	13,6 пр.	-	-	-	-	14,7	-	61,4	-	-	60,3
FC. Глубина клыковой ямки (мм)	4,4 пр.	-	5	3,3	5	0,7	3,8 пр.	-	4,9 пр.	-	-	58,1	-	6	4,6	-	-
72. Общий угол профиля лица	90	-	92	88	89	86	85	-	80	-	-	-	-	93	93	-	-
73. Угол профиля средней части лица	90	-	92	89	89	89	90	-	83	-	-	-	-	97	95	-	-
74. Угол профиля альвеолярной части лица	90	-	92	86	89	83	73	-	71	-	-	-	-	80	86	-	-
75. Угол наклона носовых костей	63	-	62	57	66	-	-	-	63	-	-	-	-	78	69	-	-
75(1). Угол выступания носа	27	-	30	33	23	-	-	-	17	-	-	-	26	15	24	-	-
77. Назомаллярный угол	131,9	146	143,7	140,8	141,6	141	149,1	-	136,4	-	-	153	140,6	136,4	144,5	-	142,2
zm. Зигомаксиллярный угол	-	-	133,9	126,7	138,4	-	133,5	-	121,7	-	-	-	-	137,6	-	-	-
Форма черепа в вертикальной норме	Ovoid.	Sphaenoid.	Sphaenoid.	Pentagonoid.	Sphaenoid.	Sphaenoid.	Sphaenoid.	Sphaenoid.	Sphaenoid.	Ovoid.	-	Sphaenoid.	-	Ovoid.	Sphaenoid.	-	Sphaenoid.
Форма черепа ватылочной норме	Крышевид.	Крышевид.	Средний	Плоский	Переход.	Средний	Средний	-	-	Плоский	-	Крышевид.	-	Крышевид.	Средний	-	-
Форма черепа в латеральной норме	Эллипсоид.	-	Эллипсоид.	Эллипсоид.	Переход.	Переход.	Переход.	-	-	Высокий	-	Высокий	-	Эллипсоид.	Эллипсоид.	-	-
Надпереносье (по Мартину 1 - 6)	4	5	5	4	3	4	4	2	3	5	3	-	3	5	4	-	4
Надбровные дуги (1 - 3)	2	2	2	2	1	2	2	1	2	2	2	2	2	2	2	-	2
Наружный затылочный бугор (по Брока 0 - 5)	5	4	3	5	2	2	2	-	3	1	-	3	-	5	1	-	4
Соцевидный отросток (1 - 3)	3	2	3	3	3	3	3	2	2	-	-	2	-	3	3	-	2
Форма нижнего края грушевидного отверстия	Anthr.	F. pr.	Infant.	Anthr.	Anthr.	Anthr.	Anthr.	-	Anthr.	-	-	-	Anthr.	Anthr.	Anthr.	-	Anthr.
Передне-носовая ось (по Брока 1 - 5)	3	3	5	5	-	4	1	-	3	-	-	-	3	3	-	-	3
Нижняя челюсть:																	
68(1). Длина от мыщелок	109	-	107	-	98	103	114	-	-	-	-	106	-	-	-	103	-
68. Длина от углов	98	-	81	-	75	78	79	-	85	-	-	84	83	-	-	81	-
79. Угол ветви	101	-	112	-	115	124	131	-	124	-	-	113	117	-	-	113	-
70. Высота ветви	75	70	75	-	66	44	52	-	60	-	-	60	72	-	-	68	-
71(a). Наименьшая ширина ветви	42	37	37	37 пр.	29	35	34	-	37	-	-	41	35	-	-	39	-
65. Мыщелковая ширина	-	-	140	-	126	-	123	-	-	-	-	128	-	-	-	126	-
66. Угловая ширина	-	-	119	-	100	103	102	-	103	-	-	103	111	-	-	105	-
67. Передняя ширина	-	50	44	-	41	48	45	-	45	-	-	44	47	-	-	45	-
69. Высота симфиза	31	40	32	32	32	36	-	-	35	-	-	33	36	-	-	32	-
69(1). Высота тела	30	39	33	36 пр.	32	26	34	-	34	-	-	32	39	-	-	27	-
69(3). Толщина тела	12	16	13	12 пр.	12	13	13	-	13	-	-	13	15	-	-	13	-
C'. Угол выступания подбородка	74	77	72	-	69	65	-	-	65	-	-	73	72	-	-	74	-

Таблица 6. Индивидуальные измерения женских черепов IX - VIII вв. до н. э. из могильника Старый Сад

Признак	Курган 6, погр. 1, скелет 2, 40 - 45 лет	Курган 17, погр. 1, 35 - 40 лет	Курган 30, погр. 1, 16 - 18 лет	Курган 58, погр. 1, 20 лет	Курган 60, погр. 1, 40 - 45 лет	Курган 61, погр. 1, 35 - 40 лет	Курган 62, погр. 1, скелет 2, 40 - 45 лет	Курган 67, погр. 2, 40 - 45 лет	Курган 72, погр. 2, 35 - 40 лет	Курган 72, погр. 3, 40 - 45 лет	Курган 81, погр. 4, 40 - 45 лет	Курган 82, погр. 2, 40 - 45 лет	Курган 85, погр. 1, 30 - 35 лет
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1. Продольный диаметр	172	-	-	166	172	181	-	-	170	173	-	172	172
8. Поперечный диаметр	139	-	-	141	142	141	-	-	141	142	-	138	147
17. Высотный диаметр от базиса	126	-	-	126	-	138	-	-	128	129(?)	-	120	130
20. Высотный диаметр от порионов	108,5	-	-	108	-	115	-	-	101	115	-	105	114,5
5. Длина основания черепа	99	-	-	95	105	107	-	-	100	102	-	98	99
9. Наименьшая ширина лба	88	-	-	93	-	93,5	90,4	96	92,8	90,8	-	88	96,2
10. Наибольшая ширина лба	107	-	-	117	-	117	-	116	116	117	-	111	123
11. Ширина основания черепа	121	-	-	120	123	128	-	-	128	125	-	129	127
12. Ширина затылка	115	-	-	108	-	111	107	109	105	112(?)	-	109	108
29. Лобная хорда	106,8	-	107	100	-	109,7	107	124	105,4	107,4(?)	-	103,8	112
30. Теменная хорда	91	-	113	106	-	112	-	-	103	109(?)	-	100	108
31. Затылочная хорда	99,7	-	-	91,2	90,3	88,8	-	99,8	91,9	90,5(?)	-	88,9	92,2
25. Сагиттальная дуга	341	-	-	343	332	357	-	-	338	347(?)	-	338	364
26. Лобная дуга	118	-	123	121	-	122	-	139	117	120(?)	-	117	127
27. Теменная дуга	99	-	127	107	-	125	-	-	114	124(?)	-	111	126
28. Затылочная дуга	124	-	-	124	110	110	-	118	107	103(?)	-	110	111
Sub. NB. Высота продольного изгиба лба	22,1	-	25,7	-	-	23,3	26,5	28,5	20,6	21,8	-	21,4	25,8
Высота поперечного изгиба лба	20,6	-	-	19,6	-	18,5	18,7	22,6	19,3	18,2	-	15	18,8
Угол поперечного изгиба лба	129,1	-	-	134,2	-	136,8	135	129,7	134,8	136,4	-	142,4	137,4
32. Угол профиля лба от назиса	80	-	-	85	-	85	-	83	83	81	-	76	87
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	76	-	-	81	-	80	-	78	79	77	-	69	82
45. Скуловой диаметр	130	-	-	123	136	-	-	-	129	130	-	138	-
40. Длина основания лица	92	-	-	93,5	-	90,3	-	-	99	95	-	92	96
48. Верхняя высота лица	58	-	-	62	-	71	-	72	67	65	-	58	66
47. Полная высота лица	96	-	-	107	-	111	-	116	108	-	-	104	-
43. Верхняя ширина лица	100	-	-	101	-	102	-	104	102	101	-	106	106
46. Средняя ширина лица	89	-	-	89	98	-	-	-	-	89	-	101	90
60. Длина альвеолярной дуги	49	53	-	56	56	51	-	51	55	48	-	50	51
61. Ширина альвеолярной дуги	-	65	-	60	60	59	-	59	62	57	-	66	-
62. Длина неба	-	45	-	46	-	39	-	42	-	44	-	47	-
63. Ширина неба	35,6	37,2	-	35,3	32,2	34,5	-	35	37,2	35,5	-	37,5	31,7
55. Высота носа	46,1	-	-	49,5	-	55,2	-	51	47,4	51,2	-	48,6	49
54. Ширина носа	26,3	-	-	22,5	24,4	-	-	27	24,8	26,7	-	28,7	26
51. Ширина орбиты от mf	43,8	-	-	41	-	42	-	42,1 пр.	44,8	41	-	40,1	40

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
51а. Ширина орбиты от d	40,5	-	-	39,3	-	39,8	-	40,3 пр.	42,2	40,2	-	38,6	38,9
52. Высота орбиты	31,3	-	-	32,1	-	33,8	-	32,7 пр.	33,2	31,2	-	29	32,7
SS. Симметрическая высота	4,2	-	-	5	-	5	-	3	4	4,1	-	4	2,7
SC. Симметрическая ширина	9,2	-	-	8,8	-	10,1	-	6,7	8,7	9,2	-	8,7	11,8
DS. Дакриальная высота	10	-	-	12,7	-	-	-	11,2	11,5	12,1	-	10,1	11,7
DC. Дакриальная ширина	19,2	-	-	19,6	-	-	-	22,7	22,2	19,3	-	21,8	23,1
MS. Максиллофронтальная высота	6,8	-	-	8,7	-	-	-	8,2	8,6	7,9	-	8,1	7,3
MC. Максиллофронтальная ширина	17,1	-	-	17	-	-	-	21,6	19	18,3	-	20,3	20,1
Высота изгиба скуловой кости (по Bu)	-	-	-	8,5	-	-	-	9,8 пр.	-	12,8	-	12,9	11,2
Ширина скуловой кости (по Bu)	-	9,7	-	53	-	-	-	51,8 пр.	-	59,6	-	59,1	53
FS. Глубина клыковой ямки (мм)	3,2	53,5	-	3	4,2	-	-	4	2,8	6,4 пр.	-	2,4	4,2
72. Общий угол профиля лица	88	-	-	81	-	94	-	-	87	96	-	88	91
73. Угол профиля средней части лица	90	-	-	84	-	99	-	-	89	97	-	88	92
74. Угол профиля альвеолярной части лица	79	-	-	75	-	80	-	-	81	91	-	88	84
75. Угол наклона носовых костей	64	-	-	66	-	-	-	-	58	72	-	65	77
75(1). Угол выступания носа	24	-	-	15	-	-	-	27	29	24	-	23	14
77. Назомаллярный угол	140,2	-	-	142	-	136,8	-	135	135	138,6	-	143,5	142,6
zm. Зигмаксиллярный угол	132,1	-	-	121,2	136,8	-	-	-	-	133,7	-	139	137,6
Форма черепа в вертикальной норме	Sphaenoid.	-	-	Sphaenoid.	Sphaenoid.	Sphaenoid.	-	Ovoid.	Romboid.	Sphaenoid.	-	Sphaenoid.	Sphaenoid.
Форма черепа в затылочной норме	Сводчатый	-	-	Плоский	Плоский	Сводчатый	-	Сводчатый	Крышевид.	Переход.	-	Переход.	Переход.
Форма черепа в латеральной норме	Эллипсоид.	-	-	Эллипсоид.	Эллипсоид.	Эллипсоид.	-	-	Эллипсоид.	Высокий	-	Эллипсоид.	Эллипсоид.
Надпереносье (по Мартину 1 - 6)	2	-	2	2	2	2	3	2	2	2	-	4	3
Надбровные дуги (1 - 3)	1	-	1	1	1	2	2	1	1	1	-	3	2
Наружный затылочный бугор (по Брока 0 - 5)	1	-	-	0	0	0	2	0	0	1	-	0	1
Сосцевидный отросток (1 - 3)	2	1	2	2	2	2	2	2	3	1	-	3	1
Форма нижнего края грушевидного отверстия	Anthr.	F. pr.	-	Infant.	F. pr.	Anthr.	-	Anthr.	Anthr.	Anthr.	-	Anthr.	Anthr.
Передне-носовая ось (по Брока 1 - 5)	4	-	-	3	-	3	-	3	4	3	-	3	3
Нижняя челюсть:													
68(1). Длина от мыщелок	10,3	107	-	105	-	-	-	105	111	-	100	105	-
68. Длина от углов	84	81	-	79	-	-	-	74	79	-	78	82	-
79. Угол ветви	115	121	-	117	-	-	-	131	125	-	115	117	-
70. Высота ветви	53	61	-	53	-	59	-	48	56	-	58	63	-
71(a). Наименьшая ширина ветви	34	-	-	35	-	34	-	31	35	-	32	35	-
65. Мыщелковая ширина	109	-	-	107	-	-	-	126	119	-	124	122	-
66. Угловая ширина	93	98	-	92	-	-	-	98	97	-	102	103	-
67. Передняя ширина	44	46	-	41	-	47	-	48	44	-	49	44	-
69. Высота симфиза	25	-	-	29	-	29	-	34	33	-	29	31	-
69(1). Высота тела	-	30	-	28	-	30	-	34	31	-	26	28	-
69(3). Толщина тела	11	14	-	11	-	12	-	11	13	-	10	14	-
C'. Угол выступания подбородка	52	68	-	74	-	72	-	73	70	-	68	68	-

В обеих популяциях высокая смертность среди детей наблюдается в возрастном интервале 0 - 5 лет (пик ее, не отраженный на графиках, приходится на возраст до года: 4 случая из 13 наблюдений в популяции из Старого Сада и 11 случаев из 32 наблюдений в популяции из Журавлево-4, что составляет соответственно 30,77 и 34,38%). Следующий скачок в динамике смертности соответствует в основном двум возрастным интервалам взрослого населения - 25 - 29 и 35 - 39 лет для мужчин обеих популяций. В женской группе из Журавлево-4 первый пик резкого повышения смертности связан с периодом возмужания - 15 - 19 лет, второй, как и у мужчин, - 25 - 29 лет, третий - 40 - 44 года. Резкое повышение смертности женщин из Старого Сада приходится на возрастной интервал 35 - 39 лет и достигает своего максимального значения в 40 - 44 года.

Итак, мужская часть обеих популяций оказывается наиболее уязвимой в интервале между 35 и 40 годами, т. е. в период наивысшей физической и социальной активности человека. Высокая смертность в женской части журавлевской популяции приходится на первую половину детородного периода, а затем на время наиболее интенсивных гормональных перестроек в организме, обусловленных инволютивными процессами. В популяции из Старого Сада высокий риск смертности, связанный со второй половиной и даже концом фертильного периода, усиливается на этапе основных гормональных изменений (возрастные интервалы 35 - 39 лет и 40 - 44 года).

Относительное уменьшение в составе популяции из Старого Сада женщин, находившихся в первой половине фертильного периода, может свидетельствовать об ограничении по каким-либо причинам притока женщин этой возрастной категории из других популяций. В этом случае сохранение численности популяции осуществлялось, возможно, за счет ее внутренних ресурсов - детей рожали женщины зрелого возраста. Такой ситуацией могло сопровождаться переселение популяции на другую территорию, где она еще не вошла в сложившуюся систему брачных отношений. Не исключено также, что полученные мною данные отражают случайность или являются ошибкой, обусловленной малой численностью выборки.

Рассмотрим антропологический состав погребенных в могильнике Старый Сад и сопоставим его особенности с другими группами скотоводов южных районов Сибири и Казахстана.

Краниологический материал из Старого Сада (средние характеристики серии представлены в табл. 4, индивидуальные данные - в табл. 5, 6) может быть разделен на две однородные группы - мужскую и женскую, которые, безусловно, относятся к одному антропологическому типу, но проявляют свою специфику.

Серия в целом брахикранная, сочетающая среднюю длину и высоту черепной коробки с большой ее шириной. Два мужских черепа, отличающиеся очень большим продольным диаметром и низким, долихокранным поперечно-продольным указателем по остальным признакам не выходят за пределы варьирования их значений в группе. Женская часть серии по основным параметрам мозговой коробки более однородна. Типологическими особенностями серии можно считать несколько укороченный затылочный отрезок сагиттальной дуги черепного свода, длинное и широкое основание черепа, большую ширину затылочной кости, слабоизогнутую в сагиттальном сечении лобную кость, очень большой скуловой диаметр средневысокого ортогнатного среднеуплощенного лица, среднеширокое небо, широкие и низкие хамеконовые по указателю орбиты, неширокое грушевидное отверстие с преобладанием острых форм его нижнего края, хорошо профилированное переносье при очень умеренном выступании носовых косточек над общей линией профиля лица, высокое надпереносье, массивные сосцевидные отростки.

Мужская и женская части серии, демонстрируя сходство по большому комплексу антропологических признаков, имеют различия, которые не могут быть объяснены закономерностями полового диморфизма. Так, широтные размеры лобной кости женщин попадают в основном в категорию малых и средних величин, тогда как у мужчин эти параметры варьируют в пределах средних и больших значений признака. По углам вертикального профиля лоб у женщин характеризуется как наклонный, у мужчин он прямой. Угол поперечного изгиба лба у женщин более острый. По указателю носового отверстия женская часть серии платиринная (широконосая), а мужская мезоринная (среднешироконосая). Процент встречаемости острой формы нижнего края носового отверстия у женщин ниже, чем у мужчин, за счет увеличения числа предносовых ямок. Переносье у женщин чуть более профилировано, чем у мужчин.

На основании наблюдаемых различий можно предполагать, что происхождение мужской и женской составляющих популяции из Старого Сада шло из антропологически близкой, но не абсолютно идентичной среды.

Сочетание наиболее важных краниометрических признаков в серии из Старого Сада характеризует комплекс, который трудно однозначно соотнести с каким-либо антропологическим типом современного населения Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана. Кстати, это заключение справедливо для многих групп, представляющих культуры южных районов Евразии в эпохи бронзы и железа. В разработанных классификациях расового состава человечества (учитывающих не только современный

антропологический покров, но и генетическую ретроспективу выделяемых таксонов*) не рассматривается систематическое положение целого пласта древнего евразийского населения, в морфологическом комплексе которого сочетаются брахикранная или мезобрахикранная, относительно высокая черепная коробка, широкое средневысокое лицо, слабоуплощенное в горизонтальном плане, и высокое переносье при умеренном выступании носовых костей над общей линией вертикального профиля лица.

Ареал данного комплекса признаков, очерчиваемый по хорошо датированным и репрезентативным палеоантропологическим материалам, имеет устойчивые географические границы на протяжении нескольких археологических эпох, что в абсолютном исчислении составляет около 1,5 тыс. лет (как минимум со второй половины II тыс. до н. э. до первых веков нашей эры). Он очень широк и охватывает историко-культурные общности Тянь-Шаньского горного массива, Алтае-Саянского нагорья, плоскогорий и среднегорий Казахстана.

Таким образом, целый спектр этнокультурных групп южных районов Евразии занимает промежуточное положение по антропологическим признакам, дифференцирующим расы первого порядка - монголоидную и европеоидную (уплощенность лицевого скелета в целом и его отдельных структурных элементов). Традиционное объяснение этого феномена на основании общих тенденций миграции антропологических комплексов (физические черты, маркирующие монголоидность, могли проникать в среду европеоидного населения только с востока) не является универсальным для всех культурно-хронологических этапов и для всех этнокультурных групп населения этого региона. Оно абсолютно справедливо для позднего периода эпохи железа и раннего средневековья, когда в результате интенсивной экспансии монголоидных гуннских и тюркских племен на просторах Великой степи сформировались два расовых типа - южно-сибирский и центрально-азиатский [Гохман, 1973, 1981]. Но без свидетельств о конкретных исторических событиях очень трудно представить некий перманентный процесс инфильтрации монголоидного компонента в среду европеоидных племен обширнейшего региона, в результате которого сформировался довольно однородный морфологический вариант с легким "налетом" монголоидности, не достигающей той степени выраженности, которая характерна для южно-сибирского расового типа. И это при условии, что по меньшей мере

один из исходных компонентов - европеоидный - был типологически разнороден (антропологический состав древнего населения южных степных и горно-степных районов Евразии включает андроновский вариант палеоевропейской расы, варианты расы среднеазиатского междуречья и восточно-средиземноморского расового типа). Наконец, в противоречие с представлениями о происходивших до рубежа эр миграциях групп монголоидного населения из восточных районов Центральной Азии на запад и юго-запад вплоть до юго-восточного Приаралья вступают палеоантропологические материалы предскифского и скифского времени из Тывы и Монголии. Погребения Тывы и Западной Монголии, датируемые эпохой бронзы, а также могильники эпохи железа демонстрируют преобладание европеоидных черт в антропологическом типе погребенных и ничуть не большую, чем у представителей других культур Южной Евразии, долю монголоидного компонента.

Эта совокупность фактов подводит к необходимости поставить вопрос о происхождении рассматриваемой комбинации признаков, не соответствующей тенденциям исторических корреляций в системе антропологических маркеров (легкая уплощенность лицевого скелета на популяционном уровне не сопровождается сдвигом в монголоидном направлении основных пропорций лицевого отдела и соотношений структурных элементов мозговой коробки), без привлечения монголоидов Восточной Сибири. Можно предположить, что в Южной Евразии эта комбинация существовала и до эпохи бронзы. Во всяком случае в Алтае-Саянском регионе она известна с эпохи неолита [Чикишева, 2000].

В антропологической литературе рассматриваемый регион Евразии часто определяют как переходную зону, подразумеваемую под переходностью географически детерминированную и на отдельных этапах истории реализованную возможность контактов и перемещений разных расовых типов. Интенсивность этих процессов на рубеже эр, экстраполированная и на предшествующие хронологические этапы, стала главным аргументом при построении метисационной концепции формирования антропологического состава обитателей северных районов Средней Азии и Южной Сибири.

Безусловно, смешение европеоидных и монголоидных генных потоков играло важную роль в формировании антропологического состава населения в регионе. Но оно не было определяющим для всех этапов истории. Палеоантропологические данные свидетельствуют, что к рубежу неолита - энеолита на основе метисации древних групп европеоидного и монголоидного населения сформировалась единая расовая общность, имевшая очень широкий ареал и

* Имеются в виду классификации, предложенные отечественными исследователями - Н.Н. Чебоксаровым [1951], В.В. Бунаком [1956, 1980], Г.Ф. Дебецом [1958], В.П. Алексеевым [1974], В.П. Алексеевым и О.Б. Трубниковой [1984].

просуществовавшая без резких трансформаций своей морфологической специфики до начала новой эры. Антропологический состав этой общности пока не может быть выявлен во всех деталях с полной определенностью. С этой общностью связано происхождение антропологического субстрата культур ранней фазы эпохи бронзы - окуневской и каракольской, основного антропологического компонента карасукского круга культур и культуры безвещевых погребений Тывы и Монголии эпохи поздней бронзы, а также ряда групп представителей скифо-сакской этнокультурной общности.

Морфологические варианты этой расовой общности не могут быть идентифицированы ни с памиро-ферганской расой с примесью монголоидного компонента, ни с южно-сибирской расой. По аналогии с северной переходной зоной Евразии, где с рубежа мезолита - неолита выявляется расовая общность с несбалансированным комплексом важнейших расоводиагностических признаков, названная В.В. Бунаком "северной евразийской антропологической формацией" [1956, с. 101], для древнего морфологического пласта южной переходной зоны Евразии может быть предложен статус южной евразийской расовой общности. С этой позиции я буду оценивать морфологические особенности группы из могильника Старый Сад и интерпретировать ее место в антропологической структуре населения Западной Сибири.

Краниологическая серия из Старого Сада была сопоставлена по комплексу признаков с широким кругом групп эпох развитой - поздней бронзы Западной и Южной Сибири и Казахстана. В комплекс были включены 21 линейный и угловой размеры мозгового и лицевого отделов черепа: продольный, поперечный и высотный диаметры мозговой коробки, длина основания черепа, наименьшая ширина лба, угол профиля лба от назиона, длина основания лица, скуловой диаметр, верхняя высота лица, ширина орбиты и ее высота, ширина носа и его высота, четыре основных размера переноса, назомаллярный и зигомаксиллярный углы горизонтального профиля лица, общий угол вертикального профиля лица и угол выступания носа.

Для сравнительного анализа привлекались группы эпохи поздней бронзы - краниологические серии ирменской культуры из Центральной Барабы [Молодин, Чикишева, 1988], Кузнецкой котловины [Чикишева, 1993], Верхнего Приобья [Дремов, 1997], Томского

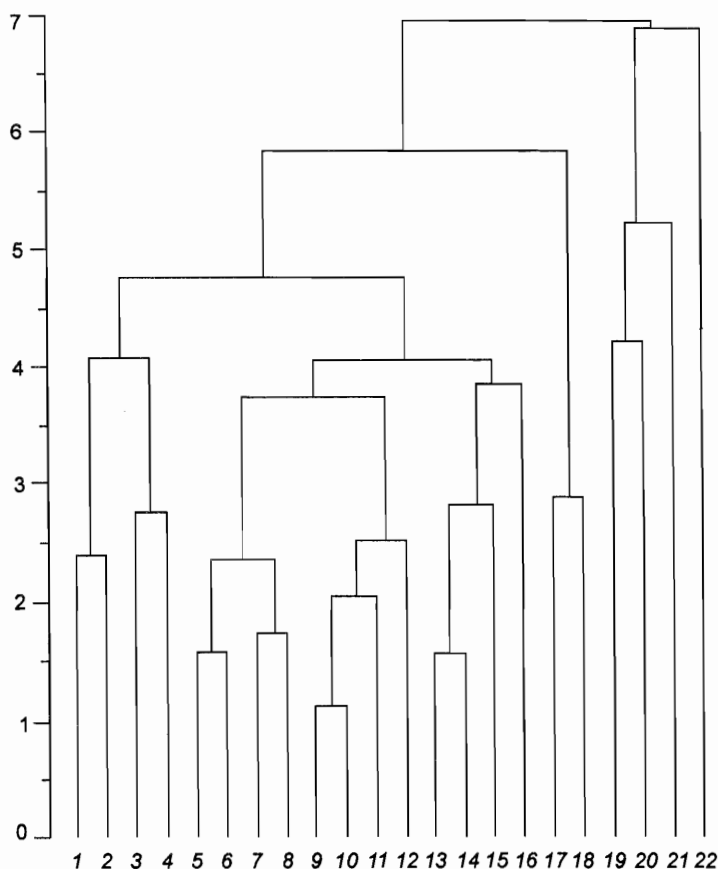

Рис. 3. Дендрограмма кластеризации первых четырех главных компонент, выделенных для групп эпохи бронзы южных районов Сибири и Казахстана. Мужчины.

- 1 - популяция Старого Сада, 2 - носители окуневской культуры,
- 3 - популяция Черноозерья-1, 4 - носители кротовской культуры,
- 5 - ирменцы Барабы, 6 - андроновцы Кузнецкой котловины,
- 7 - ирменцы Верхнего Приобья, 8 - андроновцы Верхнего Приобья,
- 9 - ирменцы Кузнецкой котловины, 10 - ирменцы Томского Приобья,
- 11 - носители еловской культуры, 12 - андроновцы Томского Приобья,
- 13 - носители черкаскульской культуры, 14 - носители карасукской культуры,
- 15 - носители лугавской культуры, 16 - андроновцы Барабы,
- 17 - андроновцы Минусинской котловины, 18 - андроновцы Казахстана,
- 19 - андроновцы Западного Казахстана, 20 - носители елуинской культуры,
- 21 - носители тазабагыбской культуры, 22 - андроновцы Омского Прииртышья.

Приобья [Там же], еловской культуры Томского Приобья [Там же], карасукской и лугавской культур Минусинской котловины [Рыкушина, 1980]; андроновской историко-культурной общности - сборные серии из Центральной Барабы [Молодин, Чикишева, 1988] (Т.А. Чикишева, неопубликованные данные), Кузнецкой котловины [Дремов, 1997] (Т.А. Чикишева, Д.В. Поздняков, неопубликованные данные), Верхнего Приобья [Алексеев, 1961; Дремов, 1997], Томского Приобья [Дремов, 1997], Минусинской котловины [Алексеев, 1961], Казахстана (суммарно из Северных, Центральных и Восточных районов) [Дебец, 1948; Гинзбург, 1956; Гинзбург, 1963; Исмагулов, 1963], Западного Казахстана [Алексеев, 1964; Гинзбург, 1962; Комарова, 1927], две серии из Омского

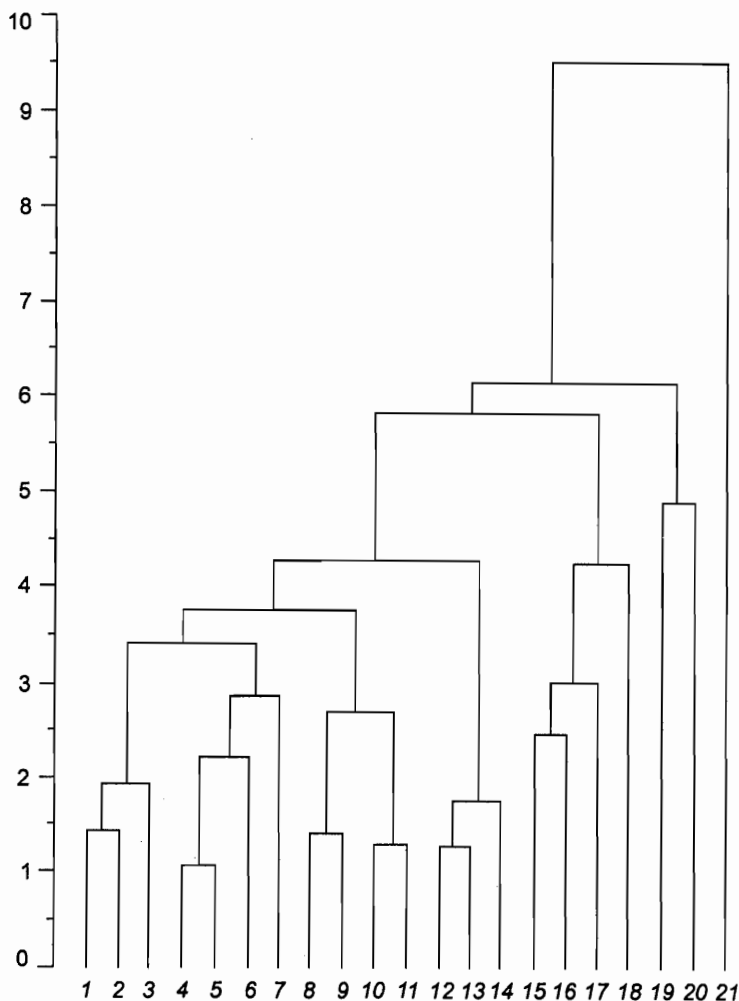

Рис. 4. Дендрограмма кластеризации первых четырех главных компонент, выделенных для групп эпохи бронзы южных районов Сибири и Казахстана. Женщины.

- 1 - популяция Старого Сада, 2 - носители черкаскульской культуры, 3 - андроновцы Казахстана, 4 - ирменцы Барабы, 5 - ирменцы Верхнего Приобья, 6 - андроновцы Барабы, 7 - андроновцы Кузнецкой котловины, 8 - ирменцы Кузнецкой котловины, 9 - андроновцы Минусинской котловины, 10 - носители карасукской культуры, 11 - носители лугавской культуры, 12 - андроновцы Верхнего Приобья, 13 - носители тазабагыбской культуры, 14 - андроновцы Западного Казахстана, 15 - носители елунинской культуры, 16 - носители кротовской культуры, 17 - андроновцы Томского Приобья, 18 - носители еловской культуры, 19 - популяция Черноозерья-1, 20 - носители окуневской культуры, 21 - андроновцы Омского Прииртышья.

Прииртышья - алакульского из могильника Степановка [Дремов, 1997] и черноозерско-томского вариантов из могильника Черноозерье-1 [1997], сборная серия черкаскульской культуры из Приуралья [Акимов, 1961; Шевченко, 1980], серия тазабагыбской культуры из могильника Кокча-3 в Южном Прииртышье [Гинзбург, Трофимова, 1972]; эпохи ранней бронзы - серия кротовской культуры из могильника Сопка-2 в Центральной Барабе (Т.А. Чикишева, неопубликованные данные), окуневская серия из Минусинской кот-

ловины [Громов, 1997] и небольшая сборная серия елунинской культуры [Дремов, 1997] из Верхнего Приобья.

Выделенные четыре главных компонента, описывающие более 65% изменчивости в анализируемых совокупностях групп (68,0% у мужчин и 65,5% у женщин), были кластеризованы (рис. 3, 4). Построенные дендрограммы выявили их двухполюсность и расположение между полюсами (как для мужчин, так и для женщин) совокупностей примерно одинаковых по составу групп, сформированных из представителей северных вариантов культур андроновской историко-культурной общности (или андронидных культур), а также носителей ирменской, карасукской и лугавской культур. Следует, однако, отметить, что в этот промежуточный кластер на женской дендрограмме вошли также "классические" андроновцы из Минусинской котловины, андроновцы-алакульцы из Западного Казахстана и тазабагыбцы.

Принципиальная разница между дендрограммами, являющаяся, по-видимому, ключом к пониманию генезиса группы из Старого Сада, проявляется в том, что мужская и женская составляющие популяции расположены на разных полюсах. Мужчины ближе всего расположены к серии окуневской, кротовской и одного из северных вариантов андроновской культуры - черноозерско-томского (могильник Черноозерье-1). На другом полюсе мужской дендрограммы располагаются федоровские и алакульские андроновские серии из Казахстана, Минусинской котловины, Омского Прииртышья, а также серия тазабагыбской культуры. Черепа носителей елунинской культуры Барнаульско-Бийского Приобья расположились в этом же кластере, но очень обособленно от остальных групп. Женская часть популяции из Старого Сада располагается на

одном полюсе с андроновцами Казахстана (федоровцами) и черкаскульцами Приуралья, тогда как из серий окуневской, кротовской, черноозерско-томского варианта андроновской культур, а также еловской культуры Томского Приобья сформировался кластер на другом полюсе дендрограммы. Андроновцы Омского Прииртышья опять-таки занимают обособленное положение, но в совокупности женских серий они ближе к группам Западной Сибири, а не Казахстана.

Выводы

На основе вышеизложенной характеристики антропологических особенностей популяции из Старого Сада и сопоставления ее комплекса основных краниометрических признаков с широким спектром аналогичных по составу комплексов носителей разных культурных традиций эпохи бронзы Западной Сибири, Южной Сибири и Казахстана могут быть сделаны следующие выводы.

1. Предположение о существовании на юге Сибири, севере Средней Азии и в сопредельных районах Центральной Азии своеобразной расовой общности промежуточного европеоидно-монголоидного облика, ставшей антропологическим субстратом для населения целого ряда культур этого региона, дает возможность интерпретировать сходство популяции из Старого Сада с удаленными в пространственно-временном отношении группами как свидетельство общих этапов их расогенетической истории. С этой точки зрения наименьшее статистическое расстояние между мужской краниологической серией из Старого Сада и окуневцами не может быть доказательством в пользу предположения о переселении племен носителей окуневской культуры в Барабинскую степь. Причина сходства - в принадлежности этих двух групп населения к единой расовой общности.

2. Результаты статистического анализа выявили антропологическое сходство между окуневцами и кротовцами. Благодаря этому появились новые основания для разработки проблемы соотношения кротовской культуры с культурами окуневского круга. По мнению В.В. Боброва, они (самусьская и кротовская культуры в Обь-Иртыше, каракольская в Горном Алтае, чаахольская в Тыве и окуневская в Хакаско-Минусинской котловине) сформировались в аридной зоне Сибири на местной субстратной основе под влиянием миграции населения из переднеазиатского очага культур [Бобров, 1987, 1992, 1994]. В.И. Молодин считает генетически близкими каракольскую и окуневскую культуры, а сходство между ними, с одной стороны, и самусьской и кротовской - с другой, объясняет эпохальными тенденциями [1987, 1988]. Ряд исследователей самусьско-окуневские параллели рассматривает как свидетельство генетических связей (или культурного взаимовлияния) населения Западной и Южной Сибири [Максименков, 1968; Вадецкая, 1969; Посредников, 1970].

3. Данные статистического анализа свидетельствуют, что мужская часть популяции из Старого Сада могла сформироваться на основе автохтонного антропологического компонента носителей западно-сибирских культур предшествующих этапов эпохи бронзы.

4. По результатам нашего анализа краниологические комплексы мужских групп представителей карасукского круга культур в широком смысле (по классификации Н.Л. Членовой, ирменская культура относится к северным разновидностям культур карасукского круга, а собственно карасукская культура Минусинской котловины - к его южной разновидности [1981]) и северных вариантов культур андроновской историко-культурной общности (андроноидных культур) восходят к антропологическим вариантам местного населения. Они теснее связаны между собой и обособлены от краниологических комплексов представителей "классических" андроновских культур. Вместе с тем улавливается присутствие андроновского морфологического компонента в антропологическом облике женских групп серий культур эпохи поздней бронзы Западной и Южной Сибири.

5. Тесная статистическая связь женской части популяции Старого Сада с черкаскульцами Приуралья и "классическими" андроновцами Казахстана указывает на определяющую роль в генезисе краниологического комплекса женщин этой группы морфологического компонента андроновского антропологического типа. Иными словами, женская часть популяции Старого Сада формировалась, по видимому, за счет значительного притока индивидов, связанных генетическими корнями с антропологическим субстратом племен андроновской историко-культурной общности и их потомков. Одним из вариантов объяснения конкретного пути появления в популяции женщин иного антропологического облика может быть своеобразная структура брачных связей у ряда племен, допускавшая обмен женщинами. Поскольку основным маркером предполагаемой этнокультурной связи популяции Старого Сада с бегазы-дандыбаевским населением является доходящее в ряде случаев до идентичности сходство керамических изделий, изготовлением которых занимались женщины, можно предполагать, что мужчины группы населения Барабинской лесостепи, оставившей могильник Старый Сад, предпочитали брать жен из среды бегазы-дандыбаевских племен. Возможно, этим обстоятельством следует объяснять наблюдаемую деформацию представленной в палеодемографическом анализе популяции кривой смертности женщин - уменьшение в составе популяции женщин первой половины детородного периода.

6. Можно предположить, что бегазы-дандыбаевские черты на археологическом памятнике Старый Сад обусловлены женской частью оставившей его группы, поэтому допустимо также экстраполировать морфологическую специфику женщин этой популяции на ту антропологическую среду, с которой

они связаны генетически. Отсюда следует, что в антропологическом составе носителей бегазы-дандыбаевской культуры должно быть ощутимо присутствие андроновского морфологического компонента.

Список литературы

- Акимов М.С.** Антропология древнего населения Приуралья. - М.: Наука, 1968. - 119 с.
- Алексеев В.П.** Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник 3. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - С. 107 - 206. - (ТИЭ; Т. 71).
- Алексеев В.П.** Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Научн. тр. Ташкент. гос. ун-та. - Ташкент: Изд-во Ташкент. ун-та, 1964. - С. 20 - 28.
- Алексеев В.П.** Палеодемография СССР // СА. - 1972. - № 1. - С. 3 - 21.
- Алексеев В.П.** География человеческих рас. - М.: Наука, 1974. - 351 с.
- Алексеев В.П., Трубникова О.Б.** Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов: (Краниометрия). - Новосибирск: Наука, 1984. - 128 с.
- Бобров В.В.** Некоторые аспекты смены археологических культур // Смены культур и миграции в Западной Сибири. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. - С. 80 - 83.
- Бобров В.В.** Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: Дис. ... д-ра ист. наук. - Новосибирск, 1992. - 41 с.
- Бобров В.В.** К проблеме миграции европеоидного населения на территории Южной Сибири в сейминскую эпоху // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. - Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. - С. 53 - 58.
- Бунак В.В.** Человеческие расы и пути их образования // СЭ. - 1956. - № 1. - С. 86 - 105.
- Бунак В.В.** Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. - М.: Наука, 1980. - 228 с.
- Вадецкая Э.Б.** О сходстве самусьских и окуневских антропоморфных изображений // СЭ. - 1969. - № 1. - С. 270 - 274.
- Гинзбург В.В.** Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. - Т. 1. - С. 159 - 171.
- Гинзбург В.В.** Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы. Захоронения могильника Тасты-Бутак в Актюбинской области // МИА. - 1962. - № 120. - С. 186 - 198.
- Гинзбург В.В.** Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // Сб. МАЭ. - 1963. - Т. 21. - С. 297 - 337.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.** Палеоантропология Средней Азии. - М.: Наука, 1972. - 371 с.
- Гохман И.И.** Роль андроновского компонента в формировании южносибирской расы // СА. - 1973. - № 2. - С. 96 - 106.
- Гохман И.И.** Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. - Л.: Наука, 1981. - С. 5 - 34.
- Громов А.В.** Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник. - СПб.: Изд-во Петро-РИФ, 1997. - С. 301 - 345.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология СССР. - М.; Л.: Изд-во АН, 1948. - 392 с. - (ТИЭ; Т. 4).
- Дебец Г.Ф.** Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас // СА. - 1958. - № 4. - С. 74 - 94.
- Дремов В.А.** Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). - Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1997. - 260 с.
- Исмагулов О.** Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. - Т. 18. - С. 153 - 173.
- Комарова М.Н.** Черепа бронзовой эпохи по левым притокам р. Урал // Казаки. - Л.: Изд-во АН СССР, 1927. - С. 222 - 237.
- Максименков Г.А.** Окуневская культура и ее соседи на Оби // История Сибири. - Л.: Наука, 1968. - Т. 1. - С. 165 - 172.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1979. - 334 с.
- Молодин В.И.** О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. - Новосибирск: Наука, 1981. - С. 15 - 17.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск: Наука, 1985. - 200 с.
- Молодин В.И.** К вопросу о культурно-хронологическом соотношении кротовской и окуневской культур // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: (Тез. докл. обл. научн. конф.). - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1987. - С. 136 - 138.
- Молодин В.И.** О соотношении кротовской и окуневской культур // Некоторые проблемы сибирской археологии. - М.: Наука, 1988. - С. 6 - 15.
- Молодин В.И.** Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - С. 286 - 289.
- Молодин В.И., Нескоров А.В.** О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения 1990 года. - М.: Б. и., 1992. - С. 93 - 97.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А.** Курганный могильник Преображенка-3 - памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1988. - С. 125 - 206.
- Нескоров А.В.** Раскопки могильника Старый Сад // АО 1983 года. - М.: Наука, 1985. - С. 232.
- Нескоров А.В.** Могильник Старый Сад // АО 1984 года. - М.: Наука, 1986. - С. 196 - 197.
- Посредников В.А.** О Самусь IV и его времени // Про-

блемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970. - С. 80 - 81.

Рыкушина Г.В. Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху: (Краниологический очерк) // Палеоантропология Сибири. - М.: Наука, 1980. - С. 47 - 63.

Чебоксаров Н.Н. Основные принципы антропологических классификаций // Происхождение человека и древнее расселение человечества. - М.: АН СССР, 1951. - С. 291 - 322. - (ТИЭ; Т. 16).

Чикишева Т.А. Антропологический анализ ирменского населения Кузнецкой котловины // Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. - Новосибирск: Наука, 1993. - С. 93 - 143.

Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита - бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2000. - № 1. - С. 139 - 147.

Членова Н.Л. Карасукские культуры Сибири и Казахстана и их роль в киммерийско-карасукском мире // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. - Новосибирск: Наука, 1977. - Вып. 3. - С. 17 - 21.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика черкаскульской культуры и вопросы ее расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. - Л.: Наука, 1980. - С. 163 - 183.

Uerlaker D.H. Human skeletal remains. - Chicago: Aldine Publishing Company, 1978. - 116 p.

РАУФ МАГОМЕДОВИЧ МУНЧАЕВ

23 сентября 1998 г. известному российскому археологу, директору Института археологии РАН доктору исторических наук профессору Рауфу Магомедовичу Мунчаеву исполнилось 70 лет.

Он родился в г. Закаталы Азербайджанской ССР в большой и дружной семье дагестанцев - лакцев по национальности. В 1949 г. он с отличием заканчивает исторический факультет Дагестанского педагогического института в г. Махачкале и его сразу принимают в аспирантуру Дагестанского филиала Академии наук СССР по специальности "археология". Однако в тот период собственных кадров профессиональных археологов Дагестан не имел, поэтому одаренного юношу направили в Москву, в Институт археологии АН СССР (до 1956 г. - Институт истории материальной культуры). Здесь произошли два события, которые на долгие годы определили жизненный путь молодого аспиранта. Во-первых, в качестве своей основной темы он выбрал археологию Кавказа эпохи энеолита и бронзы, во-вторых, его научным руководителем стал известный российский археолог-кавказовед Евгений Игнатьевич Крупнов, оказавший огромное влияние на становление и развитие Р.М. Мунчаева как ученого. Аспирант Р.М. Мунчаев много занимается в библиотеках и архиве ИИМК АН СССР, получает прекрасную полевую подготовку в ряде институтских экспедиций: в Дагестане (под руководством К.Ф. Смирнова), Поволжье (Куйбышевская экспедиция А.П. Смирнова), на Северном Кавказе (Северокавказская экспедиция Е.И. Крупнова) и др. Итогом этой напряженной работы явилась кандидатская диссертация "Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III - II тыс. до н. э.)", которую Р.М. Мунчаев успешно защитил в 1953 г. Кавказская тема оставалась ведущей в его исследованиях и в последующий период.

В 1954 - 1955 гг. Р.М. Мунчаев работает научным сотрудником Дагестанского филиала АН СССР. В июне 1955 г. он переезжает в Москву, где его принимают в сектор неолита и бронзы ИИМК АН СССР. С тех пор этот институт - родной дом Рауфа Магомедовича.

В 1971 г. 43-летний ученый становится доктором исторических наук. Тема диссертации - "Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы". В 1975 г. выходит в свет обобщающая монография Р.М. Мунчаева "Кавказ на заре бронзового века", получившая признание многих исследователей как в нашей стране, так и за рубе-

жом. Говоря о роли кавказской тематики в научной деятельности Р.М. Мунчаева, нельзя не отметить, что им были написаны большие разделы (по сути, отдельные оригинальные монографии) по энеолиту Кавказа, куро-аракской и майкопской культурам для томов "Энеолит СССР" (М., 1982) и "Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа" (М., 1994), входящих в серию "Археология СССР".

В 1969 г. начинается новая яркая страница в археологической карьере Р.М. Мунчаева. По соглашению Президиума АН СССР и Генерального директора Ассоциации древностей Ирака была организована советская археологическая экспедиция, призванная работать на территории Ирака. Возглавить ее поручили Рауфу Магомедовичу. Нашим археологам, не имевшим никакого практического опыта раскопок на древней земле Ирака, нужно было получить не менее впечатляющие результаты, чем экспедициям других стран, многие из которых имели за плечами почти полуторавековые традиции исследований в Месопотамии. Благодаря организаторскому таланту начальника и самоотверженному труду всех участников экспедиции ИА АН СССР очень скоро исследования российских ученых получили широкое признание среди зарубежных коллег. Работы велись на протяжении 12 лет (1969 - 1980 гг.) в Синджарской долине, на северо-западе

Ирака. Объектами для широкомасштабных раскопок было выбрано несколько раннеземледельческих поселений VIII - IV тыс. до н. э. Телль Магзалия, Телль Сотто, Ярм Тепе I, II и III вскоре стали эталонными памятниками месопотамской археологии и, по сути, закрыли ту огромную лауну в наших знаниях о периоде между каменным веком и эпохой первых цивилизаций Ближнего Востока. Первые итоги исследований российской экспедиции в Ираке были опубликованы в 1981 г. в монографии Р.М. Мунчаева (совместно с Н.Я. Мерпертом) "Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии".

Ирано-иракская война надолго прервала археологические работы в регионе. В 1988 г. Р.М. Мунчаев организует Сирийскую археологическую экспедицию ИА АН СССР, которая уже 12 лет ведет успешные раскопки уникального памятника Телль Хазна I близ г. Хассеке. В основании телля обнаружены остатки гигантского культового комплекса раннединастической эпохи (III тыс. до н. э.), в нижних слоях - материалы и архитектура убейдского (V - IV тыс. до н. э.) и урукского (IV тыс. до н. э.) периодов, предшествовавших появлению шумерской цивилизации. И весьма символично, что даже свое 70-летие Рауф Магомедович встретил не дома, с родными и близкими, а в далекой Сирии, на раскопках, в кругу своих коллег-археологов.

Велики заслуги Р.М. Мунчаева как организатора науки. В 1960 - 1964 гг. он был ответственным секретарем журнала "Советская археология". В 1968 г. его назначили заместителем директора ИА РАН, и на этом посту он проработал до 1991 г. После скоропостижной

смерти директора института академика В.П. Алексеева Р.М. Мунчаев стал исполняющим обязанности директора, а в 1994 г. сотрудники ИА РАН избрали его своим директором.

На протяжении многих лет Р.М. Мунчаев активно участвует в работе международных форумов, где его доклады неизменно получают высокую оценку. В знак признания больших заслуг перед мировым сообществом археологов его избрали членом Исполкома и Постоянного Совета Международного союза до- и протоисториков, членом-корреспондентом Германского археологического института и Итальянского института Африки и Востока. Р.М. Мунчаев - член редколлегии престижного журнала "Мировая археология" (World Archaeology), издаваемого в Англии, а также председатель редакционного совета журнала "Российская археология". Он известен как автор более 200 научных трудов, в том числе девяти монографий. Девять его учеников защитили кандидатские диссертации, а четыре - докторские. Профессору Р.М. Мунчаеву были присвоены звания "Заслуженного деятеля науки России", "Заслуженного деятеля Дагестана". Он награжден орденом "Дружбы". В 1999 г. за серию трудов по археологии Месопотамии Р.М. Мунчаеву (совместно с Н.Я. Мерпертом и Н.О. Бадером) была присуждена Государственная премия Российской Федерации.

К.А. Смирнов

*Институт археологии РАН,
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва В-36, 117036, Россия
E-mail: Gafanasev@mail.ru*

НАТАЛИЯ ЛЬВОВНА ЧЛЕНОВА

15 октября 1999 г. у Н.Л. Членовой был юбилей.

Наталия Львовна родилась в Москве. Ее отец, доктор наук, профессор, заведовал отделением в Институте неврологии АМН СССР, мать была также врачом. Будучи равнодушной к медицине и не желая идти дорогой, проторенной отцом, Н.Л. Членова в 1948 г. поступила и в 1953 г. закончила исторический факультет МГУ по специальности "археология". Профессорско-преподавательский состав на истфаке в то время был великолепным. Здесь преподавали члены-корреспонденты АН СССР А.В. Арциховский и С.В. Киселев, профессора С.Б. Бахрушин, Б.Н. Граков, В.И. Громов, М.О. Косвен, А.П. Смирнов, С.П. Толстой. Это была прекрасная, одна из лучших в мире школа подготовки молодых ученых. В студенчестве Наталия Львовна работала в археологических экспедициях, которые возглавляли академик Б.А. Рыбаков, профессора Д.А. Авдусин, М.Е. Фосс, Л.Р. Кызласов. Участие в последней в этот период экспедиции и последующие поездки в Минусинский музей окончательно определили предмет профессионального интереса Н.Л. Членовой-археолога - тагарская культура. И это не случайно, поскольку Сибирь всегда находилась в зоне ее пристального внимания. Дело в том, что мать Наталии Львовны, ее бабушка, дед, прадеды (Поповы и Громы) были уроженцами Иркутской губ. Среди ее сибирских родственников - люди романтических профессий: этнограф Н.П. Попов, геолог и палеонтолог В.И. Громов, антрополог Г.Ф. Дебец, который всегда консультировал молодого ученого по палеоантропологии, обсуждал археологические проблемы и был добрым советчиком по житейским вопросам.

В 1952 г. Н.Л. Членова, решив связать свою археологическую судьбу с Сибирью, поехала в экспедицию профессора М.П. Грязнова в Новосибирскую обл., чтобы научиться у лучшего, как считалось, полевого археолога всему, но особенно раскопкам слоев поселений, землянок и грунтовых могильников. В этой экспедиции Н.Л. Членовой сопутствовала удача: в ходе разведок по р. Ирмень ею и участником экспедиции М.Н. Комаровой было открыто прекрасно сохранившееся поселение Ирмень-1. В следующем году Наталия Львовна, привлекая материалы этого поселения и сведения о 12 других памятниках такого же типа, известные по публикациям и музейным коллекциям, написала свою первую статью, в которой оха-

актеризовала выделенную ею культуру, назвав ее ирменской. Археологи, в том числе и М.П. Грязнов, не сразу восприняли эту идею, но после нескольких лет дискуссий она прочно вошла в науку.

После окончания МГУ Н.Л. Членова была принята на работу в Государственный Исторический музей на должность научного сотрудника. В это время ею было написано еще несколько статей и на юге Красноярского края проведена первая самостоятельная экспедиция.

В 1956 г. Н.Л. Членова поступила в аспирантуру Института археологии РАН (в то время ИИМК). Ее научным руководителем, как и при подготовке диплома, был С.В. Киселев, который по-прежнему предоставлял аспирантке полную творческую свободу. Часто бывая в музеях страны, изучая их фонды, Наталия Львовна пришла к выводу, что в хранилищах накоплен богатейший материал, позволяющий раскрыть избранную тему "Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры" практически без проведения новых раскопок. Именно такой подход на всю жизнь определил принцип работы Н.Л. Членовой как археолога - не столько полевые исследования - сколько работа с коллекциями в музеях и чтение специальной литературы.

В 1960 г. Н.Л. Членова стала сотрудником Института археологии АН СССР, где она трудится по сей день. В 1965 г. Наталия Львовна защитила кандидатскую диссертацию, часть которой была опубликована как монография, а в 1990 г. - докторскую диссертацию по теме "Степь и лесостепь Западной и Средней Сибири в эпоху поздней бронзы (хронология памятников)".

В центре научных интересов Наталии Львовны всегда были бронзовый и ранний железный века на

территории Евразии. Ее всегда привлекали проблемы культур раннескифского типа, их хронология, происхождение, культурные связи, звериный стиль. Наиболее глубокие корни этих культур Н.Л. Членова вслед за М.И. Ростовцевым, которого она, как и В.А. Городцова, считает своим учителем, видит в странах Древнего Востока, особенно в Иране. К этой же тематике примыкают оленные камни общевразийского типа в Европе, впервые выделенные Д.Г. Савиновым, проблема прародины иранцев в свете их связей с финно-уграми.

Н.Л. Членовой написано около 200 научных работ, в том числе шесть монографий. Ее труды всегда востребованы научным сообществом. К числу наиболее известных относятся такие книги Н.Л. Членовой, как "Происхождение и ранняя история тагарской культуры" (М., 1967), "Хронология памятников карасукской

эпохи" (М., 1972), "Оленные камни как исторический источник" (Новосибирск, 1984) и др.

Жизненное кредо, сформулированное Н.Л. Членовой как "нежелание идти проторенной дорогой", несомненно проявилось в ее научном творчестве. Гипотезы Наталии Львовны чаще всего нестандартны, но они никогда не бывают легковесными, поскольку за ними стоит глубокое понимание предмета и блестящее знание материала.

Остается пожелать Наталии Львовне новых творческих успехов, которыми она еще не раз нас порадует.

В.И. Молодин

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск,
630090, Россия
E-mail: bronz@nus.nsc.ru*

КОНФЕРЕНЦИЯ “ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ”

(Санкт-Петербург, 1999)

На протяжении всего пути развития науки о древнем человеке материалы Костенок, этой, по выражению А.А. Спицына, “жемчужины русского палеолита”, служили отправной точкой для разработки различных схем культурно-исторического подразделения верхнего палеолита Восточной Европы. В Костенках закладывались основы современной методики исследования стоянок открытого типа, здесь в течение десятилетий функционировала уникальная школа полевой археологии, которую прошли многие ученые, активно работающие сегодня в нашей стране и за рубежом. После некоторого перерыва в начале 1990-х гг. Костенковская экспедиция возобновила свою деятельность.

Конференция, состоявшаяся в ИИМК РАН в ноябре 1999 г., была посвящена 120-летию открытия Костенок. В ее работе приняли участие отечественные исследователи, а также археологи из Украины, Литвы, Латвии, США, Франции, Бельгии, Польши, Израиля. Тематика конференции вышла далеко за рамки позднего палеолита Русской равнины.

Центральное место в программе форума занимали сообщения по костенковской тематике. Открывая совещание, А.А. Сеницын (ИИМК РАН) провел сопоставление различных моделей костенковского палеолита, предложенных П.П. Ефименко, П.И. Борисовским и А.Н. Рогачевым, и наметил основные задачи, стоящие перед Костенковской экспедицией на современном этапе. Н.Д. Праслов (ИИМК РАН) нарисовал обобщенную картину развития палеолитических культур Костенок, характер которого определялся миграциями населения. М.В. Аникович (ИИМК РАН) представил модифицированную хронологическую схему палеолита Костенок и сопоставил ее со схемами развития культур в соседних регионах Восточной Европы. В другом своем выступлении он остановился на древнейшем пласте костенковских памятников, связанных с нижними гумусовыми толщами. По мнению М.В. Аниковича, эти комплексы могут быть отнесены к интервалу 38 - 36 тыс. лет и принадлежат к двум различным археологическим культурам (селетоидного и ориньякоидного типов).

Материалы Костенок IV - один из важных объектов внимания исследователей. Н.К. Анисюткин

(ИИМК РАН) рассказал о раскопанном в 1959 г. мало известном северном пункте стоянки, который имеет сходство с нижним слоем основной части памятника. М.Н. Желтова (ИИМК РАН) отметила роль каменных выкладок в конструкции северного длинного жилища стоянки.

Е.Ю. Гиря (ИИМК РАН) представил итоги технологического анализа индустрий Костенок I и Зарайской стоянки. Вопросам воссоздания облика жилищ аносовско-мезинского типа был посвящен доклад В.В. Попова (Воронежский краеведческий музей). Докладчик сделал вывод, что основу сооружения составляла земляная насыпь, а кости мамонта использовались в качестве кладки.

Интересные результаты принесли изыскания, проводившиеся в Костенках в последние годы. Среди них наибольшее внимание привлекают материалы из нижнего (IVб) горизонта Маркиной Горы, датированного временем 37 тыс. лет. Это, по мнению А.А. Сеницына, самый древний комплекс верхнего палеолита на территории Восточной Европы. На памятнике сохранились великолепные изделия из кости и рога. С.Н. Лисицын (ИИМК РАН) сообщил о разведочных работах на новой стоянке Боршево V. Итогам раскопок на Костенках XIV была посвящена небольшая экспозиция, развернутая А.А. Сеницыным. М.В. Аникович и В.В. Попов подготовили стендовый доклад по результатам исследований Костенок XII, также сопровождавшийся демонстрацией коллекции.

Эволюции богатейшего палеолитического искусства, представленного в костенковских памятниках, посвятила свое выступление З.А. Абрамова (ИИМК РАН). Она особо остановилась на использовании древним человеком природных раритетов в качестве украшений. С.А. Демещенко (Гос. Эрмитаж) рассмотрела особенности зооморфной пластики Костенок I и Авдеева. Н.Д. Праслов в докладе, подготовленном совместно с Д. Дюпюи (Франция), отметил практику намеренной фрагментации известняковых статуэток из Костенок I, указывающую на существование особых ритуалов.

Последние годы ознаменовались новыми открытиями верхнепалеолитических памятников на Русской равнине. Центральное место среди них по праву занимает Зарайская стоянка. Х.А. Амирханов (ИА РАН) выделил на памятнике несколько генераций мерзлотных трещин, причем некоторые естественные структуры такого рода использовались древним человеком в качестве хранилищ и мест свалки мусора. А.Н. Селезнев (ИА РАН) дал характеристику

верхнего культурного слоя стоянки, в котором вскрыты ряд кострищ, очагов и скоплений расщепленного камня. Сомнения в правомерности выделения верхнего горизонта находок в качестве самостоятельного культурного слоя были сформулированы в выступлении А.В. Трусова (Музей истории Москвы). Его тезисы, основанные на выборочном использовании материалов раскопок, вызвали критическую реакцию со стороны основных исследователей памятника. С.Ю. Лев (ИА РАН) представил классификацию резцов стоянки, сопоставив их с аналогичными орудиями костенковско-авдеевской культуры.

Как и на Зарайской стоянке, в Авдееве крупные естественные деформации типа “канав” использовались древним человеком при устройстве поселения (доклад Е.В. Булочниковой, ИА РАН). Ю.Н. Грибченко (ИГ РАН) остановился на общей характеристике культурного слоя поселений поздней поры верхнего палеолита на Русской равнине. Для этих памятников характерны ямы со сложным заполнением, трактующиеся как места хранения запасов мяса на зиму.

А.А. Чубур (Краеведческий музей, г. Курчатова) сообщил об открытии в бассейне р. Сеймы стоянки Быки I. Здесь вскрыты остатки углубленной структуры, интерпретируемой автором в качестве аналога землянки Тельманской стоянки. Н.Б. Ахметгалеева (Краеведческий музей, г. Курчатова) рассказала о серии костяных проколов из этого комплекса.

В.И. Беляева (Санкт-Петербургский гос. университет) с соавторами представила новые приемы изучения пушкаревских стоянок, включающие построение компьютерных моделей поверхностей обитания и анализ распределения каменного инвентаря при помощи многомерной статистики. Хронологическая позиция Хотылева II, Пушкарей, Авдеева и Бердыжа стала темой сообщения К.Н. Гаврилова (ИА РАН). Н.Д. Бурова (ИИМК РАН) в интересном с методической точки зрения сообщении познакомила с результатами археозоологического исследования фауны стоянки Юдиново, в ходе которого было зафиксировано распределение следов выветривания, фрагментации, цветовых изменений и нарезок на костях.

А.Е. Матюхин (ИИМК РАН) подвел итоги исследований на стоянке в Бирючей Балке на Северском Донце и отметил неоднородность индустрий ранней поры верхнего палеолита (комплексы с треугольными и листовидными острьями). К этому выступлению непосредственно примыкает доклад А.А. Кротовой (ИА НАН Украины), в котором рассмотрены связи позднепалеолитического населения бассейна Северского Донца с Костенками (по материалам стоянок Ямы, Говоруха, мастерских на р. Уразовой).

Д.Ю. Нужный (ИА НАН Украины) доложил об открытиях на среднем Днестре, где раскопан ряд эпиграветтских памятников с остатками мамонта (Семе-

новка I - III), Л.В. Кулаковская (ИА НАН Украины) - о продолжении изучения позднепалеолитической стоянки Межигорцы I в мало изученной пока долине верхнего Днестра.

Г.В. Григорьева (ИИМК РАН) рассмотрела богатую серию костяного инвентаря, украшений и произведений искусства с памятников Днестра, Десны и Дона. По ее мнению, различия в форме изделий из кости, стилистике искусства и типах орнамента являются проявлениями специфики культурного развития в Среднеднепровском регионе, отличного от “эпиграветта” Европы. Л.А. Яковлева (ИА НАН Украины) представила сравнительную характеристику искусства среднего мадлена Франции, Мезина и Межиричей.

Древний каменный век Крыма стал темой доклада Ю.Э. Демиденко (Крымский филиал ИА НАН Украины), который на материалах Сюрени I рассмотрел несколько гипотез, объясняющих характер перехода от среднего к верхнему палеолиту. Л.М. Тарасов (ИИМК РАН) сообщил о результатах разведок в долине р. Бельбек, где выявлено несколько пунктов с мустьерскими и позднепалеолитическими находками.

Два доклада касались финального палеолита Прибалтики. Т. Остраускас (Институт истории Литвы) рассказал о древнейших памятниках Литвы, относимых в основном к молодому дриасу. Они принадлежат к свидерской культуре, хотя открытия последних лет указывают на наличие здесь влияния аренсбургской и гренаской культур и культуры бромме. Сходная картина прослеживается в Латвии, где, по данным И. Загорской (Латвийский университет), открыты стратифицированные палеолитические остатки на пунктах Саласпилс Лаускала и Вецвирслаускас Авотини.

П.Ю. Павлов (Коми научный центр УрО РАН) обрисовал основные этапы заселения древним человеком северо-востока Европы: мустьерскую эпоху, ранний и поздний верхний палеолит с перерывом в обитании во время климатического минимума позднего валдая. Отмечены культурные связи комплексов Северо-Востока последовательно с крымским мустьем, селетоидными индустриями Костенок и сибирским палеолитом на позднейшем этапе.

Отдельные выступления были посвящены общим проблемам культурно-хронологического членения древнего каменного века Восточной Европы. Г.П. Григорьев (ИИМК РАН) остановился на разноуровневом характере понятия локальности развития в палеолите. Д. Хоффекер (Университет Колорадо) обрисовал различия форм приспособления к перигляциальным условиям в среднем и на начальной фазе верхнего палеолита. Ф. Джинджян (Университет Париж-1) подверг критическому анализу применение термина “эпиграветт” для территории Восточной Европы и указал на крайнюю степень неоднородности индустрий. В.Н. Степанчук (ИА НАН Украины) в развернутом

докладе охарактеризовал основные этапы среднего и раннего верхнего палеолита на территории Украины. Выделены индустриальные традиции микока, пара-микока, мустье типичного, шарантьена, мустье зубчатого. Отмечено, что на поздней стадии средний палеолит в Крыму сосуществует с ранним ориньяком.

Естественным продолжением обсуждения тем, связанных с восточно-европейским палеолитом, стали материалы из Средней Европы. Т. Калицкий (Краковский университет) дал характеристику геологического строения долины Вислы близ Кракова и позиции стоянки Краков - Спадзиста. Этот примечательный памятник восточного граветта трактуется ныне как следы ряда сезонных обитаний древнего человека, сочетавшего охоту на мамонта со сбором костей этого животного на месте естественного захоронения. Наличие здесь искусственных сооружений подвергается сомнению (доклад К. Собчика из Краковского университета). В. Ситливый (Королевский Музей искусства и истории в Брюсселе) с соавторами представил итоги технологического анализа инвентаря стоянки.

Единственный доклад, посвященный сибирской проблематике, был сделан А.Г. Генераловым (Иркутский гос. университет). Он обрисовал этапы генезиса пластинчатой и микропластинчатой техники в Северной Азии и остановился на памятниках так называемого макаровского пласта.

Характер перехода от среднего к верхнему палеолиту на Ближнем Востоке стал сюжетом сообщения Ж. Сарел и А. Ронена (Университет Хайфы). Авторы рассмотрели технологию обработки камня на серии стоянок "переходного периода" и сопоставили ее с комплексами ахмара и левантинского ориньяка.

Была затронута тема истории исследования палеолита в нашей стране. О том, как проблема археологических культур рассматривалась в отечественной археологии в разные периоды ее развития, говорил С.А. Васильев (ИИМК РАН). М.В. Александрова (ИА РАН) в выступлении, вызвавшем оживленную дискуссию, дала резко критическую оценку так называемой новой методики раскопок, предложенной П.П. Ефименко в 1930-е гг.

В поле зрения конференции попали также общие вопросы применения методов естественных наук. Г.М. Левковская (ИИМК РАН) сообщила о работе над созданием банка палинологических данных, относящихся к палеолиту Восточной Европы и Сибири. Ю.С. Свеженцев (ИИМК РАН) остановился на методических проблемах радиоуглеродного датирования.

Не обошлось без представителей и так называемой пара-науки. Некто А.Г. Кифишин (Москва) поведал миру о своих феноменальных успехах в деле расшифровки палеолитической "прото-письменности" с использованием шумерских аналогий.

В целом конференция наглядно продемонстрировала, что изучение палеолита Восточной Европы после некоторого спада вновь переживает период активизации полевых исследований и восстановления традиционных связей между исследовательскими центрами, многие из которых ныне разделены политическими границами.

С.А. Васильев

*Институт истории материальной культуры РАН,
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург,
191181, Россия
E-mail: anna@neuro.pri.pu.ru*

Лamina Е.В., Лотова Э.В., Добрецов Н.Н. Минералогия древней керамики Барабы. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. - 127 с. + 66 ил., 18 табл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 30 руб., II - 45 руб., III - 55 руб.; наложенным платежом: I - 45 руб. (только для РФ).

Монография обобщает результаты мультидисциплинарного исследования древней керамики эпохи энеолита - раннего железа междуречья Оби и Иртыша. Приводятся вещественные характеристики образцов, составленные по данным петрографических исследований, рентгено-фазового и термического анализов, изучения химического состава и источников вещества. Описано поведение глинистых масс при различных температурах и длительности термообработки. С учетом их вещественных характеристик реконструируются тип использованной глины, состав формовочных масс, температурный и газовый режимы. В работе впервые дается описание методики определения параметров обжига слабопрокаленной керамики. Публикуемые материалы могут служить базой для проведения глобальных сопоставлений в области древнего керамического производства.

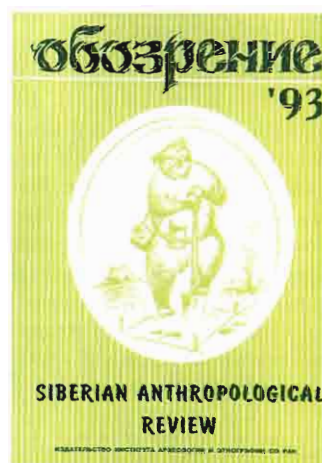

Обозрение 1993 года. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. - 304 с. + 125 ил. Аннотации на англ. яз.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 60 руб., II - 75 руб., III - 110 руб.; наложенным платежом: I - 75 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7623-1091-4

Сборник - полное собрание материалов проводившихся в 1993 г. полевых и лабораторных исследований культур древних и современных народов Северной Азии и Дальнего Востока. В него включены результаты работ археологов, этнографов и антропологов обширного региона Азии - от Урала до Тихого океана, от Крайнего Севера до Алтая и Монголии. Материал сборника организован по географическому признаку и группируется по разделам: Западная Сибирь (Томский, Новосибирский, Омский, Тюменский, Курганский регионы, Кузнецкая котловина, Горный Алтай), Средняя Сибирь (Красноярский край, Хакасия и Тыва), Восточная Сибирь (Прибайкалье, Забайкалье, Якутия), Дальний Восток, зарубежная археология. Освещаются методика и результаты раскопок многослойных памятников, поселенческих комплексов и могильников разных эпох, комплексные исследования пещерных памятников, проблема раннего бронзолитейного производства, древнейшие петроглифы Алтая и Якутии, экспериментально-археологические работы, древнее искусство и палеоастрономия, новые данные по средневековой археологии Дальнего Востока, этноархеология; дается реконструкция мировоззренческих представлений сибирских этносов и др. Авторами прослежены тенденции и конкретные детали развития культур аборигенов и русского населения. Материалы сборника значительно расширяют источниковую базу археологии и этнографии Азии в широком временном диапазоне. Особое внимание уделено проблемам археологии зарубежной Азии. Представлены новые археологические данные, относящиеся к палеолиту оз. Убсу-нур (Монголия), каменному веку Казахстана, раннему неолиту Северо-Восточного Китая, изучению открытых святилищ эпохи палеолита во Франции. Публикуются схемы, планы, даются изображения археологических находок.

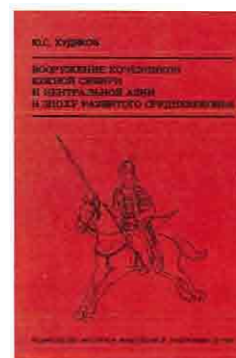

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. - 160 с. + 84 рис.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 35 руб., II - 50 руб., III - 60 руб.; наложенным платежом: I - 50 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7803-0006-2

Небывалые масштабы войн номадов с оседло-земледельческими народами, появление новых форм оружия - черты, характерные для XI - XIV вв. н. э. Анализ этой эпохи как важного этапа в военной истории кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии посвящена предлагаемая монография. В ней впервые систематизированы материалы по вооружению, структуре военной организации и военному искусству кочевников этого периода. Прослеживается влияние военного дела монголов, достигших в этой области наибольших успехов, на вооружение разных кочевых этносов и культур изучаемых регионов. Опираясь на широкий массив источников, многие из которых публикуются впервые, автор рассматривает комплексы боевых средств, особенности

военной организации и военного искусства енисейских кыргызов XIII - XIV вв., дает характеристику военного дела кыргызов, центрально-азиатских уйгуров, восточных кыпчаков, кочевников Алтая, Тывы, Восточного Забайкалья. Показаны основные закономерности эволюции вооружения и военного искусства в центрально-азиатском историко-культурном регионе в средние века. Большое внимание уделено изучению изменений в военном деле, комплексе вооружения дистанционного боя. В эпоху развитого средневековья отмечен переход к новым формам луков и стрел, приспособленным для скорострельной массированной стрельбы, выделены новации в тактике ведения конного боя в рассыпном строю, в искусстве взятия крепостей. Книга включает большой массив изображений вещественных находок. Воссоздан внешний облик средневековых воинов-кочевников. Публикуется обширная библиография по оружию кочевников Центральной Азии.

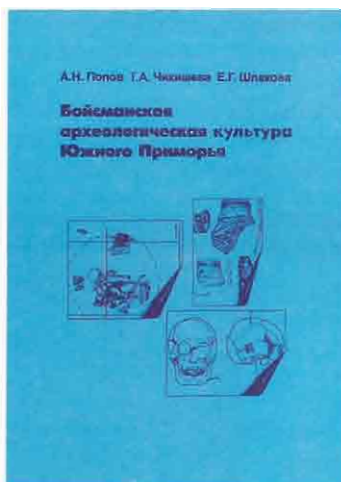

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. - первая половина II тыс. н. э.). - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. - 224 с. + 76 ил. Пер. на англ. яз. - 17 тыс. знаков.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 40 руб., II - 55 руб., III - 70 руб.; наложенным платежом: I - 55 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7803-0009-7

Монография освещает результаты многолетних работ с обширными коллекциями эталонных археологических комплексов западно-сибирской лесостепи эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. В ней обобщены и систематизированы все известные сегодня сведения, касающиеся технологии производства массовой продукции косторезного дела. Разнообразие и сочетание исследовательских приемов позволило впервые осуществить изучение косторезного дела древнего населения юга Западной Сибири как самостоятельной темы. Для каждой из категорий предметов (вооружение, снаряжение верхового коня, орудия труда и украшения) выделены наиболее типичные приемы и способы обработки, инструментарий, восстановлены процесс раскроя, расщепления сырья, основные типы заготовок и отходов. На основе целого ряда методов, включая экспериментальную археологию, трасологию, бинокулярную микрофотографию, структурно-сравнительный анализ и ремонт подлинных технологических серий различных предметов, реконструируются древние технологии косторезного производства. Большое внимание уделено изучению эпохальных особенностей обработки кости, рога, мамонтового бивня в период палеометалла в целом. Приведен ряд новых технологических и трасологических данных, позволяющих уверенно различать продукцию косторезного производства эпохи камня, бронзы и железа. С учетом глубокой преемственности традиций косторезной обработки в Западной Сибири дана оценка уровня развития этой отрасли древней экономики на разных культурно-исторических этапах, определен характер взаимосвязей с единым хозяйственным комплексом изучаемого времени. В работе отражена общая история исследований косторезного производства в отечественной и зарубежной науке на протяжении XIX - XX столетий. Публикуются обширная библиография, а также большой массив иллюстративного материала.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. - 96 с. + 49 ил., 15 табл. Пер. на англ. яз. - 10 880 знаков.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 35 руб., II - 50 руб., III - 60 руб.; наложенным платежом: I - 50 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7803-0010-0

Многослойное поселение Бойсмана-2 - уникальный по информационной насыщенности памятник на территории Приморского края. Здесь в 1991 - 1993 гг. в ходе стационарных исследований в неолитическом горизонте обнаружены представительные материалы и некрополь. В монографии рассматриваются археологические находки и выделяется новая неолитическая культура - бойсманская. Сравнение с другими культурами Приморья и соседних регионов позволило предполагать ее распространение вдоль побережья Японского моря от севера Корейского п-ова до самой верхней точки залива Петра Великого. Особое внимание уделяется исследованию относительно хорошо сохранившихся материалов группы погребений. По результатам их развернутого антропологического анализа сформулированы новые гипотезы по ключевым моментам расогенетической истории народов Тихоокеанского побережья Азии, внесены уточнения в ответ на вопрос о центре формирования морфологического комплекса, лежащего в основе отдельных вариантов арктической расы. Работа вводит в научный оборот новые источники, ставит новые проблемы перед исследователями одного из наименее изученных периодов в истории народов Азии.

Медведев В.Е. Курганы Приамурья. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - 144 с. + 59 ил., 4 табл. Пер. на англ. яз. - 8 818 знаков.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 45 руб., II - 60 руб., III - 80 руб.; наложенным платежом: I - 60 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7803-0026-7

Монография впервые в отечественной историографии представляет в полном объеме средневековые курганные могильники Среднего и Нижнего Приамурья, большая часть которых была раскопана автором. В научный оборот вводится много новых источников, публикуются планы могильников, планы и профили курганов, изображения вещественных находок, реализован комплексный подход к их изучению. На широком фактическом материале всесторонне освещаются формы погребального обряда: труположение, вторичное, смешанное, а также кенотафы. Большое внимание уделяется анализу сопроводительного инвентаря, включающего 30 категорий изделий из разных материалов. Отдельная глава книги посвящена изучению хронологии амурских курганов, а также обстоятельств, приведших к появлению памятников данного типа в регионе. Обосновывается вывод о том, что наиболее ранние курганные некрополи Приамурья появились в чжурчжэньской культуре в конце VIII - IX в. под влиянием тюркоязычного населения, проникшего сюда из Южной Сибири и Центральной Азии. Затрагиваются также проблемы, связанные с интерпретацией раннего этапа эпохи средневековья на юге Дальнего Востока, с определением территории расселения здесь тунгусо-язычных племен. Работа позволяет выявить культурно-этнические связи обитателей Приамурья в чжурчжэньское время.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - 150 с. + 39 ил., 15 табл. Пер. на англ. яз. - 15 тыс. знаков.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 50 руб., II - 70 руб., III - 105 руб.; наложенным платежом: I - 70 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7803-0023-2

В центре внимания монографии - историко-культурные процессы во второй половине I тыс. н. э. на территории Западной Сибири. В это время здесь продолжали развиваться аборигенные культуры угорских и самодийских народов, сложившиеся в конце раннего железного века, формировались государственные образования тюркоязычных народов Южной Сибири, постепенно начинало втягиваться в орбиту их влияния местное население. В книге даются природно-климатическая характеристика региона, описания всех известных памятников верхнеобской культуры (59 объектов) и случайных находок, проводится обобщенный анализ погребального обряда, подробно исследуется инвентарь, обнаруженный в ходе раскопок поселений и могильников. Получили освещение вопросы реконструкции экономики и социальных отношений, этнокультурной принадлежности носителей верхнеобских культурных традиций. Авторами составлены схема расположения памятников верхнеобской культуры и планы памятников. Впервые в полном объеме и систематизированном виде публикуются археологические материалы рассматриваемого периода, полученные в ходе более чем 30-летних изысканий в лесостепном Приобье. В приложениях приведены результаты спектрального количественного анализа бронзовых предметов, а также сводная таблица материалов верхнеобской культуры. Имеется обширный список публикаций по теме.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - 184 с. + 99 ил., 6 табл. Пер. на англ. яз. - 22 320 знаков.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 50 руб., II - 65 руб., III - 105 руб.; наложенным платежом: I - 85 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7803-0025-9

Монография посвящена проблемам динамики раннесредневекового населения Приамурья, Приморья и Маньчжурии в I тыс. н. э. Впервые этнокультурная история Приамурья в эпоху раннего средневековья рассматривается в рамках двух археологических культур - михайловской (Западное Приамурье) и мохэской (Восточное Приамурье). Рассмотрена концепция преемственности между михайловской и предшествующей талаканской культурами. Тунгусоизация населения Западного Приамурья связывается с начавшейся в VIII в. миграцией в этот район хэйшуй мохэ, а затем и бохайских мохэ, приведшей

к исчезновению михайловской культуры (к X в.) и распространению в регионе мохэской культуры (найфельдского и троичского типов). В ходе анализа привлекаются материалы раскопок автора в Амурской области: из могильника Шапка, памятников Усть-Талакан, Сухие Протоки-2, Букинский Ключ-2, Большие Симики, Малые Симики, а также серия радиоуглеродных дат, полученных в последнее десятилетие. По письменным источникам реконструируется географическая и этническая карты Амурского бассейна. Сравнением современной и раннесредневековой гидрографии, получившей отражение в китайских летописях, устанавливается, что река, известная сегодня как Амур, в середине I тыс. н. э. представлялась системой из трех рек. Исследованы также миграционные процессы у мохэ в VIII - X вв. н. э., время появления амурских чжурчжэней в Приамурье, локализация племен уго, механизм тюркского (в широком смысле) и киданьского влияния на культуры Приамурья. Публикуются современные и средневековые географические карты бассейна Амура, планы раскопанных памятников и отдельных археологических объектов, изображения вещественных находок.

История Золотой империи. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - 288 с. + 22 ил. Предисловие ред. на англ., кит. и кор. языках.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 81 руб., II - 96 руб., III - 126 руб.; наложенным платежом: I - 96 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7803-0037-2

Книга знакомит с первым русским переводом с маньчжурского фундаментального источника по средневековой истории народов Российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая - летописной хроники "Аньчунь-Гурунь", маньчжурской версии китайской летописи "Цзинь ши", "Истории Золотой империи" (1115 - 1234 гг.). В эту версию включена большая часть "Основных записок" - раздела "Цзинь ши", в котором детально представлены обстоятельства образования государства чжурчжэней (борьба с Бохаем, государством Ляо киданей, а также с Кореей и Китаем), деяния всех императоров "Золотой империи"; описывается история гибели государства в борьбе с монголами. Переводчик во многих случаях дополнил тексты "Цзинь ши" извлечениями из других китайских хроник, в которых содержались сведения о тех же событиях, но в ином (часто уточняющем) изложении. Особый раздел книги составляют обширные комментарии и толкования текстов, позволяющие лучше ориентироваться в событиях. Имеется также обширный очерк по истории чжурчжэней, предшествующей образованию государства.

Публикуется составленное на материалах, обнаруженных в архивах Министерства иностранных дел России, жизнеописание переводчика маньчжурской версии "Цзинь ши" выдающегося русского востоковеда Г.М. Розова. В предисловии редактора изложена история создания маньчжурской версии "Цзинь ши" и приведен обширный список русских изданий, посвященных истории и археологии чжурчжэней.

Мыльников Л.Н. Гончарство неолитических племен нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта). - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. - 160 с. + 51 ил., 8 табл. Пер. на англ. яз. - 24 684 знака.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 35 руб., II - 50 руб., III - 60 руб.; наложенным платежом: I - 50 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7803-0036-4

Монография посвящена вопросам керамического производства одного из интереснейших неолитических памятников Дальнего Востока, расположенных на своеобразном перекрестке путей носителей разных культурных традиций. Исследования построены на великолепных материалах, накопленных благодаря многолетним изысканиям А.П. Окладникова и ставших известными во всем мире. Впервые керамические комплексы изучаются с позиций техники и технологии гончарства. В полном объеме использованы методы естественных наук: бинокулярная микроскопия, атомно-абсорбционный и нейтронно-активационный, рентгено-фазовый и дифференциально-термический и др. Реконструирована технология изготовления посуды. Выделены гончарные традиции. Рассмотрены дискуссионные вопросы происхождения вознесенской культуры. Публикуются изображения уникальных сосудов, петрографические шлифы.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. - 232 с. + 173 ил., 8 табл. Пер. на англ. яз. - 10 164 знака.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 63 руб., II - 75 руб., III - 112 руб.; наложенным платежом: I - 75 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7803-0045-3

В монографии освещается один из аспектов культуры пазырыкцев Алтая - ярких представителей кочевой цивилизации на территории Евразии. С привлечением большого массива источников впервые подробно описывается процесс обработки дерева в древности - от выбора материала до заключительной стадии изготовления предмета. Восстановлен количественный и качественный состав инструментария. На основе систематизации находок по функциональному признаку определяются основные виды деревообрабатывающего производства, реконструируется технико-технологический цикл, прослеживаются традиции обработки дерева. Особое место занимает анализ художественной резьбы по дереву: рассмотрены приемы и способы изготовления резных украшений, особые навыки древних мастеров. В работу включены фотографии с изображениями уникальных деревянных изделий из курганов Пазырыка, Юстыда, Уландрыка, Укока, многие из которых публикуются впервые.

АО - Археологические открытия
БНЦ - Бурятский научный центр СО РАН
ИА - Институт археологии АН СССР
ИА НАН Украины - Институт археологии Национальной Академии наук Украины
ИАЭт - Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ - Институт геологии РАН
ИИА - Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК - Институт истории материальной культуры РАН
ИЛАИ - Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского государственного университета
КСИА - Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
Л. - Ленинград
М. - Москва
МАЭ - Музей антропологии и этнографии
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
ОГУ - Омский государственный университет
РА - Российская археология
РАН - Российская Академия наук
СА - Советская археология
САИ - Свод археологических источников
СВКНИИ ДВНЦ - Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного
научного центра
СПб. - Санкт-Петербург
СЭ - Советская этнография
ТИЭ - Труды Института этнографии АН СССР
ЭО - Этнографическое обозрение